Сочиненія
Ф.М. Достоевскаго

UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00008792 4

Ѳ. М. Достоевскій и Чоканъ Валихановъ.

(Съ фотографіи, снятой въ Семипалатинскѣ въ 1858 году.)

Ѳ. М. Достоевскій

Собраніе сочиненій

Всемірная библіотека.

Собранія сочиненій знаменитыхъ русскихъ и иностранныхъ писателей.

Въ эту серію входятъ слѣдующія собранія сочиненій:

I серія.

А. В. Амфитеатрова, подъ наблюденіемъ *автора;*
Л. Н. Андреева, съ вступительной статьей проф. *А. М. Рейснера;*
Ѳ. М. Достоевскаго, съ многочисл. приложеніями;
В. Г. Тана, подъ наблюденіемъ *автора;*
Г. А. Мачтета, подъ редакціей *Д. П. Сильчевскаго;*
В. В. Муйжеля, подъ наблюденіемъ *автора;*
Б. А. Лазаревскаго, подъ наблюденіемъ *автора;*
Ольги Шапиръ, подъ наблюденіемъ *автора.*

II серія.

С. Т. Аксакова, подъ редакціей *А. Г. Горнфельда;*
Н. В. Гоголя, подъ редакціей *В. В. Каллаша;*
Н. А. Добролюбова, подъ редакціей *В. П. Кранихфельда;*
А. В. Кольцова, подъ редакціей *Арс. Пв. Введенскаго;*
И. А. Крылова, подъ редакціей *В. В. Каллаша;*
А. И. Левитова, со вступ. статьей *А. А. Измайлова;*
М. Ю. Лермонтова, подъ ред. *Арс. П. Введенскаго;*
С. В. Максимова, со вступ. статьей *П. В. Быкова;*
П. М. Невѣжина, подъ наблюденіемъ *автора;*
И. С. Никитина, подъ ред. *А. Г. Ѳомина* и *Ю. И. Эйхенвальда;*
А. Н. Островскаго, подъ ред. *М. П. Писарева;*
Н. Г. Помяловскаго, съ біограф. очерк. *И. А. Благовѣщенскаго;*
А. А. Потѣхина, подъ наблюденіемъ *автора;*
А. С. Пушкина, подъ редакціей *П. О. Морозова* и *В. В. Каллаша;*
Н. Я. Соловьева, съ портретомъ *автора.*

III серія.

Чарльза Диккенса, со вступ. статьей *Д. П. Сильчевскаго;*
Элизы Оржешко, подъ ред. *С. С. Зелинскаго;*
Георга Брандеса, съ предисловіемъ *М. В. Лучицкой;*
Гюи де Мопасана, съ критико-біографич. очерк. *З. А. Венгеровой;*
Эдгара По, съ критико-биографич. очеркомъ *М. А. Энгельгардта;*
Эмиля Зола, подъ редакц. и со вступ. статьями *Ѳ. Д. Батюшкова* и *Е. В. Аничкова.*

С.-Петербургъ.
Книгоиздательское Товарищество „Просвѣщеніе“,
Забалканскій просп., соб. д. № 75.

Полное собраніе сочиненій

Ѳ. М. ДОСТОЕВСКАГО

Съ многочисленными приложеніями

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ

Село Степанчиково и его обитатели. — Скверный анекдотъ. — Зимнія замѣтки о лѣтнихъ впечатлѣніяхъ.

С.-Петербургъ
Типо-литографія Товарищества „Просвѣщеніе“,
Забалканскій проспектъ, с. д. № 75
1911

Бумага безъ примѣси древесной массы

PG
3325
A1
1911
t.4

DEC 8 1965

1028793

Оглавленіе.

Село Степанчиково и его обитатели. Изъ записокъ неизвѣстнаго.

Часть первая.

	Стр.
I. Вступленіе	3
II. Господинъ Бахчеевъ	31
III. Дядя	53
IV. За чаемъ	74
V. Ежевикинъ	90
VI. Про бѣлаго быка и про камаринскаго мужика	109
VII. Ѳома Ѳомичъ	120
VIII. Объясненіе въ любви	142
IX. Ваше Превосходительство	150
X. Мизинчиковъ	172
XI. Крайнее недоумѣніе	192
XII. Катастрофа	210

Часть вторая и послѣдняя.

I. Погоня	221
II. Новости	242
III. Илюша именинникъ	248
IV. Изгнаніе	261
V. Ѳома Ѳомичъ созидаетъ всеобщее счастье	277
VI. Заключеніе	302
Скверный анекдотъ. Разсказъ	323

Зимнія замѣтки о лѣтнихъ впечатлѣніяхъ.

		Стр.
Глава	I. Вмѣсто предисловія	403
„	II. Въ вагонѣ	410
„	III и совершенно лишняя	416
„	IV и не лишняя для путешественниковъ . .	436
„	V. Ваалъ	443
„	VI. Опытъ о буржуа	455
„	VII. Продолженіе предыдущаго	470
„	VIII. Брибри и Мабинь	485

Приложеніе.

Ѳ. М. Достоевскій и Чоканъ Валихановъ (съ фотографіи, снятой въ Семипалатинскѣ въ 1858 г.) . I

Село Степанчиково и его обитатели.

Часть первая.

I.

Вступленіе.

Дядя мой, полковникъ Егоръ Ильичъ Ростаневъ, выйдя въ отставку, переселился въ перешедшее къ нему по наслѣдству село Степанчиково и зажилъ въ немъ такъ, какъ будто всю жизнь свою былъ коренным, невыѣзжавшимъ изъ своихъ владѣній помѣщикомъ. Есть натуры рѣшительно всѣмъ довольныя и ко всему привыкающія; такова была именно натура отставного полковника. Трудно себѣ представить человѣка смирнѣе и на все согласнѣе. Если бъ его вздумали попросить посерьезнѣе довезти кого-нибудь версты двѣ на своихъ плечахъ, то онъ бы, можетъ быть, и довезъ: онъ былъ такъ добръ, что въ иной разъ готовъ былъ рѣшительно все отдать по первому спросу и подѣлиться чуть не послѣдней рубашкой съ первымъ желающимъ. Наружности онъ былъ богатырской: высокій и стройный, съ румяными щеками, съ бѣлыми, какъ слоновая кость, зубами, съ длиннымъ темно-русымъ усомъ, съ голосомъ громкимъ, звонкимъ и откровеннымъ, раскатистымъ смѣхомъ; говорилъ отрывисто и скороговоркою. Отроду ему было въ то время лѣтъ сорокъ, и всю жизнь свою, чуть не съ шестнадцати лѣтъ, онъ пробылъ въ гусарахъ. Же-

нился въ очень молодыхъ годахъ, любилъ свою жену безъ памяти; но она умерла, оставивъ въ его сердцѣ неизгладимое, благородное воспоминаніе. Наконецъ, получивъ въ наслѣдство село Степанчиково, что увеличивало его состояніе до шестисотъ душъ, онъ оставилъ службу и, какъ уже сказано было, поселился въ деревнѣ, вмѣстѣ съ своими дѣтьми: восьмилѣтнимъ Илюшей (рожденіе котораго стоило жизни его матери) и старшей дочерью, Сашенькой, дѣвочкой лѣтъ пятнадцати, воспитывавшейся, по смерти матери, въ одномъ пансіонѣ въ Москвѣ. Но вскорѣ домъ дяди сталъ похожъ на Ноевъ ковчегъ. Вотъ какъ это случилось:

Въ то время, когда онъ получилъ свое наслѣдство и вышелъ въ отставку, овдовѣла его маменька, генеральша Крахоткина, вышедшая въ другой разъ замужъ за генерала, назадъ лѣтъ шестнадцать, когда дядя былъ еще корнетомъ, но, впрочемъ, уже самъ задумывалъ жениться. Маменька долго не благословляла его на женитьбу, проливала горькія слезы, укоряла его въ эгоизмѣ, въ неблагодарности, въ непочтительности; доказывала, что имѣнія его, двухсотъ-пятидесяти душъ, и безъ того едва достаточно на содержаніе его семейства (то есть, на содержаніе его маменьки, со всѣмъ ея штабомъ приживалокъ, мосекъ, шпицевъ, китайскихъ кошекъ и проч.), и среди этихъ укоровъ, попрековъ и взвизгиваній, вдругъ, совершенно неожиданно, вышла замужъ сама, прежде женитьбы сына, будучи уже сорока двухъ лѣтъ отроду. Впрочемъ, и тутъ она нашла предлогъ обвинить моего бѣднаго дядю, увѣряя, что идетъ замужъ единственно, чтобы имѣть убѣжище на старости лѣтъ, въ чемъ отказываетъ ей непочтительный эгоистъ, ея сынъ, заду-

мавъ непростительную дерзость: завестись своимъ домомъ.

Я никогда не могъ узнать настоящую причину, побудившую такого, повидимому, разсудительнаго человѣка, какъ покойный генералъ Крахоткинъ, къ этому браку съ сорокадвухлѣтней вдовой. Надо полагать, что онъ подозрѣвалъ у ней деньги. Другіе думали, что ему, просто, нужна была нянька, такъ какъ онъ тогда уже предчувствовалъ весь этотъ рой болѣзней, который осадилъ его потомъ на старости лѣтъ. Извѣстно одно, что генералъ глубоко не уважалъ свою жену во все время своего съ ней сожительства и язвительно смѣялся надъ ней при всякомъ удобномъ случаѣ. Это былъ странный человѣкъ. Полуобразованный, очень неглупый, онъ рѣшительно презиралъ всѣхъ и каждаго, не имѣлъ никакихъ правилъ, смѣялся надъ всѣмъ и надъ всѣми, и къ старости, отъ болѣзней, бывшихъ слѣдствіемъ не совсѣмъ правильной и праведной жизни, сдѣлался золъ, раздражителенъ и безжалостенъ. Служилъ онъ удачно; однако, принужденъ былъ по какому-то «непріятному случаю» очень неладно выйти въ отставку, едва избѣгнувъ суда и лишившись своего пенсіона. Это озлобило его окончательно. Почти безъ всякихъ средствъ, владѣя сотней разоренныхъ душъ, онъ сложилъ руки и во всю остальную жизнь, цѣлыя двѣнадцать лѣтъ, никогда не справлялся, чѣмъ онъ живетъ, кто содержитъ его; а между тѣмъ требовалъ жизненныхъ удобствъ, не ограничивалъ расходовъ, держалъ карету. Скоро онъ лишился употребленія ногъ и послѣднія десять лѣтъ просидѣлъ въ покойныхъ креслахъ, подкачиваемыхъ, когда было нужно, двумя саженными лакеями, которые никогда ничего

отъ него не слыхали, кромѣ самыхъ разнообразныхъ ругательствъ. Карету, лакеевъ и кресла содержалъ непочтительный сынъ, посылая матери послѣднее, закладывая и перезакладывая свое имѣніе, отказывая себѣ въ необходимѣйшемъ, войдя въ долги, почти неоплатные по тогдашнему его состоянію, и все-таки названіе эгоиста и неблагодарнаго сына осталось при немъ неотъемлемо. Но дядя былъ такого характера, что, наконецъ, и самъ повѣрилъ, что онъ эгоистъ, а потому, въ наказаніе себѣ и чтобъ не быть эгоистомъ, все болѣе и болѣе присылалъ денегъ. Генеральша благоговѣла передъ своимъ мужемъ. Впрочемъ, ей всего болѣе нравилось то, что онъ генералъ, а она по немъ — генеральша.

Въ домѣ у ней была своя половина, гдѣ все время полусуществованія своего мужа она процвѣтала въ обществѣ приживалокъ, городскихъ вѣстовщицъ и фиделекъ. Въ своемъ городкѣ она была важнымъ лицомъ. Сплетни, приглашенія въ крестныя и посаженныя матери, копеечный преферансъ и вообще уваженіе за ея генеральство вполнѣ вознаграждали ее за домашнее стѣсненіе. Къ ней являлись городскія сороки съ отчетами; ей всегда и вездѣ было первое мѣсто, — словомъ, она извлекла изъ своего генеральства все, что могла извлечь. Генералъ во все это не вмѣшивался; но зато при людяхъ — онъ смѣялся надъ женою безсовѣстно, задавалъ, напримѣръ, себѣ такіе вопросы: зачѣмъ онъ женился на «такой просвирнѣ»? — и никто не смѣлъ ему противорѣчить. Мало-по-малу его оставили всѣ знакомые, а между тѣмъ общество было ему необходимо: онъ любилъ поболтать, поспорить, любилъ, чтобъ передъ нимъ всегда сидѣлъ слушатель. Онъ былъ вольнодумецъ и атеистъ стараго

покроя, а потому любилъ потрактовать и о высокихъ матеріяхъ.

Но слушатели городка N* не жаловали высокихъ матерій и становились все рѣже и рѣже. Пробовали было завести домашній вистъ-преферансъ; но игра кончалась обыкновенно для генерала такими припадками, что генеральша и ея приживалки, въ ужасѣ, ставили свѣчки, служили молебны, гадали на бобахъ и на картахъ, раздавали калачи въ острогѣ и съ трепетомъ ожидали послѣобѣденнаго часа, когда опять приходилось составлять партію для виста-преферанса и принимать за каждую ошибку крики, визги, ругательства и чуть-чуть не побои. Генералъ, когда что ему не нравилось, ни передъ кѣмъ не стѣснялся: визжалъ, какъ баба, ругался, какъ кучеръ, а иногда, разорвавъ и разбросавъ по полу карты и прогнавъ отъ себя своихъ партнеровъ, даже плакалъ съ досады и злости, и не болѣе, какъ изъ-за какого-нибудь валета, котораго сбросили вмѣсто девятки. Наконецъ, по слабости зрѣнія, ему понадобился чтецъ. Тутъ-то и явился Ѳома Ѳомичъ Опискинъ.

Признаюсь, я съ нѣкоторою торжественностью возвѣщаю объ этомъ новомъ лицѣ. Оно, безспорно, одно изъ главнѣйшихъ лицъ моего разсказа. Насколько оно имѣетъ право на вниманіе читателя — объяснять не стану: такой вопросъ приличнѣе и возможнѣе разрѣшить самому читателю.

Явился Ѳома Ѳомичъ къ генералу Крахоткину, какъ приживальщикъ изъ хлѣба — ни болѣе, ни менѣе. Откуда онъ взялся — покрыто мракомъ неизвѣстности. Я, впрочемъ, нарочно дѣлалъ справки и кое-что узналъ о прежнихъ обстоятельствахъ этого достопримѣчательнаго человѣка. Го-

ворили, во-первыхъ, что онъ когда-то и гдѣ-то служилъ, гдѣ-то пострадалъ и ужъ, разумѣется, «за правду». Говорили еще, что когда-то онъ занимался въ Москвѣ литературою. Мудренаго нѣтъ: грязное же невѣжество Ѳомы Ѳомича, конечно, не могло служить помѣхою его литературной карьерѣ. Но достовѣрно извѣстно только то, что ему ничего не удалось и что, наконецъ, онъ принужденъ былъ поступить къ генералу въ качествѣ чтеца и мудреца. Не было униженія, котораго бы онъ не перенесъ изъ-за куска генеральскаго хлѣба. Правда, впослѣдствіи, по смерти генерала, когда самъ Ѳома совершенно неожиданно сдѣлался вдругъ важнымъ и чрезвычайнымъ лицомъ, онъ не разъ увѣрялъ насъ всѣхъ, что, согласясь быть шутомъ, онъ великодушно пожертвовалъ собою дружбѣ; что генералъ былъ его благодѣтель; что это былъ человѣкъ великій, непо́нятой, и что одному ему, Ѳомѣ, довѣрялъ онъ сокровеннѣйшія тайны души своей; что, наконецъ, если онъ, Ѳома, и изображалъ собою, по генеральскому востребованію, различныхъ звѣрей и иныя живыя картины, то единственно, чтобы развлечь и развеселить удрученнаго болѣзнями страдальца и друга. Но увѣренія и толкованія Ѳомы Ѳомича въ этомъ случаѣ подвергаются большому сомнѣнію; а между тѣмъ, тотъ же Ѳома Ѳомичъ, еще будучи шутомъ, разыгрывалъ совершенно другую роль на дамской половинѣ генеральскаго дома. Какъ онъ это устроилъ — трудно представить неспеціалисту въ подобныхъ дѣлахъ. Генеральша питала къ нему какое-то мистическое уваженіе, — за что? Неизвѣстно. Мало-по-малу онъ достигъ надъ всей женской половиной генеральскаго дома удивитель-

наго вліянія, отчасти похожаго на вліянія различныхъ Иванъ Яковлевичей и тому подобныхъ мудрецовъ и прорицателей, посѣщаемыхъ въ сумасшедшихъ домахъ иными барынями, изъ любительницъ. Онъ читалъ вслухъ душеспасительныя книги, толковалъ съ краснорѣчивыми слезами о разныхъ христіанскихъ добродѣтеляхъ; разсказывалъ свою жизнь и подвиги; ходилъ къ обѣднѣ и даже къ заутрени, отчасти предсказывалъ будущее; особенно хорошо умѣлъ толковать сны и мастерски осуждалъ ближняго. Генералъ догадывался о томъ, что происходитъ въ заднихъ комнатахъ, и еще безпощаднѣе тиранилъ своего приживальщика. Но мученичество Ѳомы доставляло ему еще большее уваженіе въ глазахъ генеральши и всѣхъ ея домочадцевъ.

Наконецъ, все перемѣнилось. Генералъ умеръ. Смерть его была довольно оригинальная. Бывшій вольнодумецъ, атеистъ, струсилъ до невѣроятности. Онъ плакалъ, каялся, подымалъ образа, призывалъ священниковъ. Служили молебны, соборовали. Бѣднякъ кричалъ, что не хочетъ умирать, и даже со слезами просилъ прощенія у Ѳомы Ѳомича. Послѣднее обстоятельство придало Ѳомѣ Ѳомичу впослѣдствіи необыкновеннаго форсу. Впрочемъ, передъ самой разлукой генеральской души съ генеральскимъ тѣломъ, случилось вотъ какое происшествіе. Дочь генеральши отъ перваго брака, тетушка моя, Прасковья Ильинична, засидѣвшаяся въ дѣвкахъ и проживавшая постоянно въ генеральскомъ домѣ, — одна изъ любимѣйшихъ жертвъ генерала и необходимая ему во все время его десятилѣтняго безножія для безпрерывныхъ услугъ, умѣвшая одна угодить ему своею простоватостью и безотвѣтною

кротостью, — подошла къ его постели, проливая горькія слезы, и хотѣла было поправить подушку подъ головою страдальца; но страдалецъ успѣлъ-таки схватить ее за волосы и три раза дернуть ихъ, чуть не пѣнясь отъ злости. Минутъ черезъ десять онъ умеръ. Дали знать полковнику, хотя генеральша и объявила, что не хочетъ видѣть его, что скорѣе умретъ, чѣмъ пуститъ его къ себѣ на глаза въ такую минуту. Похороны были великолѣпныя — разумѣется, на счетъ непочтительнаго сына, котораго не хотѣли пускать на глаза.

Въ разоренномъ селѣ Князевкѣ, принадлежащемъ нѣсколькимъ помѣщикамъ и въ которомъ у генерала была своя сотня душъ, существуетъ мавзолей изъ бѣлаго мрамора, испещренный хвалебными надписями уму, талантамъ, благородству души, орденамъ и генеральству усопшаго. Ѳома Ѳомичъ сильно участвовалъ въ составленіи этихъ надписей. Долго ломалась генеральша, отказывая въ прощеніи непокорному сыну. Она говорила, рыдая и взвизгивая, окруженная толпой своихъ приживалокъ и мосекъ, что скорѣе будетъ ѣсть сухой хлѣбъ и, ужъ разумѣется, «запивать его своими слезами», что скорѣе пойдетъ съ палочкой выпрашивать себѣ подаяніе подъ окнами, чѣмъ склонится на просьбу «непокорнаго» переѣхать къ нему въ Степанчиково, и что *нога* ея никогда-никогда не будетъ въ домѣ его! Вообще, слово *нога,* употребленное въ этомъ смыслѣ, произносится съ необыкновеннымъ эффектомъ иными барынями. Генеральша мастерски, художественно произносила его... Словомъ, краснорѣчія было истрачено въ невѣроятномъ количествѣ. Надо замѣтить, что во время самыхъ этихъ взвизгиваній, уже помаленьку укладывались для переѣзда

въ Степанчиково. Полковникъ заморилъ всѣхъ своихъ лошадей, дѣлая почти каждодневно по сорока верстъ изъ Степанчикова въ городъ, и только черезъ двѣ недѣли послѣ похоронъ генерала получилъ позволеніе явиться на глаза оскорбленной родительницы. Ѳома Ѳомичъ былъ употребленъ для переговоровъ. Во всѣ эти двѣ недѣли онъ укорялъ и стыдилъ непокорнаго «безчеловѣчнымъ» его поведеніемъ, довелъ его до искреннихъ слезъ, почти до отчаянія. Съ этого-то времени и начинается все непостижимое и безчеловѣчно-деспотическое вліяніе Ѳомы Ѳомича на моего бѣднаго дядю. Ѳома догадался, какой передъ нимъ человѣкъ, и тотчасъ же почувствовалъ, что прошла его роль шута, и что на безлюдьѣ и Ѳома можетъ быть дворяниномъ. Зато и наверсталъ же онъ свое.

— Каково же будетъ вамъ, — говорилъ Ѳома, — если собственная ваша мать, такъ сказать, виновница дней вашихъ, возьметъ палочку и, опираясь на нее дрожащими и изсохшими отъ голода руками, начнетъ въ самомъ дѣлѣ испрашивать себѣ подаянія? Не чудовищно ли это, во-первыхъ, при ея генеральскомъ значеніи, а во-вторыхъ, при ея добродѣтеляхъ? Каково вамъ будетъ, если она вдругъ придетъ, разумѣется, ошибкой — но вѣдь это можетъ случиться — подъ ваши же окна и протянетъ руку свою, тогда какъ вы, родной сынъ ея, можетъ быть, въ ту самую минуту утопаете гдѣ-нибудь въ пуховой перинѣ и . . . ну, вообще въ роскоши! Ужасно-ужасно! Но всего ужаснѣе то, — позвольте это вамъ сказать откровенно, полковникъ, — всего ужаснѣе то, что вы стоите теперь предо мною, какъ безчувственный столбъ, разиня ротъ и хлопая глазами, что даже неприлично, тогда

какъ при одномъ предположеніи подобнаго случая вы бы должны были вырвать съ корнемъ волосы изъ головы своей и испустить ручьи... что я говорю! Рѣки, озера, моря, океаны слезъ...

Словомъ, Ѳома, отъ излишняго жара, зарапортовался. Но таковъ былъ всегдашній исходъ его краснорѣчія. Разумѣется, кончилось тѣмъ, что генеральша, вмѣстѣ съ своими приживалками, собаченками, съ Ѳомой Ѳомичемъ и съ дѣвицей Перепелицыной, своей главной наперсницей, осчастливила, наконецъ, своимъ прибытіемъ Степанчиково. Она говорила, что только *попробуетъ* жить у сына, покамѣстъ только испытаетъ его почтительность. Можно представить себѣ положеніе полковника, покамѣстъ испытывали его почтительность! Сначала, въ качествѣ недавней вдовы, генеральша считала своей обязанностью въ недѣлю раза два или три впадать въ отчаяніе при воспоминаніи о своемъ безвозвратномъ генералѣ; при чемъ, неизвѣстно за что, аккуратно каждый разъ доставалось полковнику. Иногда, особенно при чьихъ-нибудь посѣщеніяхъ, подозвавъ къ себѣ своего внука, маленькаго Илюшу и пятнадцатилѣтнюю Сашеньку, внучку свою, генеральша сажала ихъ подлѣ себя, долго-долго смотрѣла на нихъ грустнымъ, страдальческимъ взглядомъ, какъ на дѣтей, погибшихъ у *такого отца,* глубоко и тяжело вздыхала и, наконецъ, заливалась безмолвными таинственными слезами, по крайней мѣрѣ, на цѣлый часъ. Горе полковнику, если онъ не умѣлъ *понять* этихъ слезъ! А онъ, бѣдный, почти никогда не умѣлъ ихъ понять и почти всегда, по наивности своей, подвертывался, какъ нарочно, въ такія слезливыя минуты и, волей-неволей, попадалъ на экзаменъ. Но почтительность

его не уменьшалась и, наконецъ, дошла до послѣднихъ предѣловъ. Словомъ, оба, и генеральша и Ѳома Ѳомичъ, почувствовали вполнѣ, что прошла гроза, гремѣвшая надъ ними столько лѣтъ отъ лица генерала Крахоткина, — прошла и никогда не воротится. Бывало, генеральша вдругъ, ни съ того, ни съ сего, покатится на диванъ въ обморокъ. Подымется бѣготня, суетня. Полковникъ уничтожится и дрожитъ, какъ осиновый листъ.

— Жестокій сынъ! — кричитъ генеральша, очнувшись, — ты растерзалъ мои внутренности . . . mes entrailles, mes entrailles!

— Да чѣмъ же, маменька, я растерзалъ ваши внутренности? — робко возражаетъ полковникъ.

— Растерзалъ! Растерзалъ! Онъ еще и оправдывается! Онъ грубитъ. Жестокій сынъ! Умираю! . .

Полковникъ, разумѣется, уничтоженъ.

Но какъ-то такъ случалось, что генеральша всегда оживала. Черезъ полчаса полковникъ толкуетъ кому-нибудь, взявъ его за пуговицу.

— Ну, да вѣдь она, братецъ, grande dame, генеральша! Добрѣйшая старушка; но, знаешь, привыкла ко всему этакому утонченному . . . не чета мнѣ, вахлаку! Теперь на меня сердится. Оно, конечно, — я виноватъ. Я, братецъ, еще не знаю, чѣмъ я именно провинился, но, ужъ, конечно, я виноватъ . . .

Случалось, что дѣвица Перепелицына, перезрѣлое и шипящее на весь свѣтъ созданіе, безбровая, въ накладкѣ, съ маленькими плотоядными глазками, съ тоненькими, какъ ниточка, губами и съ руками, вымытыми въ огуречномъ разсолѣ, считала своею обязанностью прочесть наставленіе полковнику:

— Это оттого, что вы непочтительны-съ. Это оттого, что вы эгоисты-съ, оттого вы и оскорбляете маменьку-съ; они къ этому не привыкли-съ. Они генеральши-съ, а вы еще только полковники-съ.

— Это, братъ, дѣвица Перепелицына, — замѣчаетъ полковникъ своему слушателю, — превосходнѣйшая дѣвица, горой стоитъ за маменьку! Рѣдкая дѣвица! Ты не думай, что она приживалка какая-нибудь; она, братъ, сама подполковничья дочь. Вотъ оно какъ!

Но, разумѣется, это были еще только цвѣтки. Та же самая генеральша, которая умѣла выкидывать такіе разнообразные фокусы, въ свою очередь трепетала, какъ мышка, передъ прежнимъ своимъ приживальщикомъ. Ѳома Ѳомичъ заворожилъ ее окончательно. Она не надышала на него, слышала его ушами, смотрѣла его глазами. Одинъ изъ моихъ троюродныхъ братьевъ, тоже отставной гусаръ, человѣкъ еще молодой, но замотавшійся до невѣроятной степени и проживавшій одно время у дяди, прямо и просто объявилъ мнѣ, что, по его глубочайшему убѣжденію, генеральша находилась въ непозволительной связи съ Ѳомой Ѳомичемъ. Разумѣется, я тогда же съ негодованіемъ отвергъ это предположеніе, какъ ужъ слишкомъ грубое и простодушное. Нѣтъ, тутъ было другое, и это другое я никакъ не могу объяснить иначе, какъ предварительно объяснивъ читателю характеръ Ѳомы Ѳомича такъ, какъ я самъ его понялъ впослѣдствіи.

Представьте же себѣ человѣчка, самаго ничтожнаго, самаго малодушнаго, выкидыша изъ общества, никому ненужнаго, совершенно безполезнаго, совершенно гаденькаго, но необъятно самолюбиваго и,

вдобавокъ, не одареннаго рѣшительно ничѣмъ, чѣмъ бы могъ онъ, хоть сколько-нибудь, оправдать свое болѣзненно-раздраженное самолюбіе. Предупреждаю заранѣе: Ѳома Ѳомичъ есть олицетвореніе самолюбія самаго безграничнаго, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, самолюбія особеннаго, именно: случающагося при самомъ полномъ ничтожествѣ, и, какъ обыкновенно бываетъ въ такомъ случаѣ, самолюбія оскорбленнаго, подавленнаго тяжкими прежними неудачами, загноившагося давно-давно, и съ тѣхъ поръ выдавливающаго изъ себя зависть и ядъ при каждой встрѣчѣ, при каждой чужой удачѣ. Нечего и говорить, что все это приправлено самою безобразною обидчивостью, самою сумасшедшею мнительностью. Можетъ быть, спросятъ: откуда берется такое самолюбіе? Какъ зарождается оно, при такомъ полномъ ничтожествѣ, въ такихъ жалкихъ людяхъ, которые, уже по соціальному положенію своему, обязаны знать свое мѣсто? Какъ отвѣчать на этотъ вопросъ? Кто знаетъ, можетъ быть, есть и исключенія, къ которымъ и принадлежитъ мой герой. Онъ и дѣйствительно есть исключеніе изъ правила, что и объяснится впослѣдствіи. Однакожъ, позвольте спросить: увѣрены ли вы, что тѣ, которые уже совершенно смирились и считаютъ себѣ за честь и за счастье быть вашими шутами, приживальщиками и прихлебателями — увѣрены ли вы, что они уже совершенно отказались отъ всякаго самолюбія? А зависть, а сплетни, а ябедничество, а доносы, а таинственныя шипѣнія въ заднихъ углахъ у васъ же, гдѣ-нибудь подъ бокомъ, за вашимъ же столомъ? Кто знаетъ, можетъ быть, въ нѣкоторыхъ изъ этихъ униженныхъ судьбою скитальцевъ, вашихъ шутовъ и юроди-

выхъ, самолюбіе не только не проходитъ отъ униженія, отъ юродства и шутовства, отъ прихлебательства и вѣчно вынуждаемой подчиненности и безличности. Кто знаетъ, можетъ быть, это безобразно-вырастающее самолюбіе есть только ложное, первоначально-извращенное чувство собственнаго достоинства, оскорбленнаго въ первый разъ еще, можетъ быть, въ дѣтствѣ — гнетомъ, бѣдностью, грязью, оплеваннаго, можетъ быть, еще въ лицѣ родителей будущаго скитальца, на его же глазахъ? Но я сказалъ, что Ѳома Ѳомичъ есть, къ тому же, и исключеніе изъ общаго правила. Это и правда, онъ былъ когда-то литераторомъ и былъ огорченъ и не признанъ, а литература способна загубить и не одного Ѳому Ѳомича — разумѣется, непризнанная. Не знаю, но надо полагать, что Ѳомѣ Ѳомичу не удалось еще и прежде литературы; можетъ быть, и на другихъ карьерахъ онъ получилъ только одни щелчки, вмѣсто жалованья, или что-нибудь еще того хуже. Это мнѣ, впрочемъ, неизвѣстно; но я впослѣдствіи справлялся и навѣрно знаю, что Ѳома, дѣйствительно, сотворилъ когда-то въ Москвѣ романчикъ, весьма похожій на тѣ, которые стряпались тамъ въ тридцатыхъ годахъ ежегодно десятками, въ родѣ различныхъ «Освобожденій Москвы», «Атамановъ Бурь», «Сыновей любви, или русскихъ въ 1104-мъ году» и проч., и проч., романовъ, доставлявшихъ въ свое время пріятную пищу для остроумія барона Брамбеуса. Это было, конечно, давно; но змѣя литературнаго самолюбія жалитъ иногда глубоко и неизлѣчимо, особенно людей ничтожныхъ и глуповатыхъ. Ѳома Ѳомичъ былъ огорченъ съ перваго литературнаго шага и тогда же окончательно примкнулъ къ той огромной фалангѣ огорченныхъ,

изъ которой выходятъ потомъ всѣ юродивые, всѣ скитальцы и странники. Съ того же времени, я думаю, и развилась въ немъ эта уродливая хвастливость, эта жажда похвалъ и отличій, поклоненій и удивленій. Онъ и въ шутахъ составилъ себѣ кучку благоговѣвшихъ передъ нимъ идіотовъ. Только чтобъ гдѣ-нибудь, какъ-нибудь первенствовать, прорицать, поковеркаться и похвастаться — вотъ была главная потребность его! Его не хвалили — такъ онъ самъ себя началъ хвалить. Я самъ слышалъ слова Ѳомы въ домѣ дяди, въ Степанчиковѣ, когда уже онъ сталъ тамъ полнымъ владыкою и прорицателемъ: «не жилецъ я между вами», говаривалъ онъ иногда съ какою-то таинственною важностью: «Не жилецъ я здѣсь! Посмотрю, устрою васъ всѣхъ, покажу, научу и тогда прощайте: въ Москву, издавать журналъ! Тридцать тысячъ человѣкъ будутъ сбираться на мои лекціи ежемѣсячно. Грянетъ, наконецъ, мои имя, и тогда — горе врагамъ моимъ!» Но геній, покамѣстъ еще собирался прославиться, требовалъ награды немедленной. Вообще пріятно получать плату впередъ, а въ этомъ случаѣ особенно. Я знаю, онъ серьезно увѣрилъ дядю, что ему, Ѳомѣ, предстоитъ величайшій подвигъ, подвигъ, для котораго онъ и на свѣтъ призванъ и къ совершенію котораго понуждаетъ его какой-то человѣкъ съ крыльями, являющійся ему по ночамъ, или что-то въ родѣ того. Именно: написать одно глубокомысленнѣйшее сочиненіе въ душеспасительномъ родѣ, отъ котораго произойдетъ всеобщее землетрясеніе, и затрещитъ вся Россія. И когда уже затрещитъ вся Россія, то онъ, Ѳома, пренебрегая славой, пойдетъ въ монастырь и будетъ молиться день и ночь въ кіевскихъ пещерахъ о счастьѣ отечества. Все это обольстило дядю.

Теперь представьте же себѣ, что можетъ сдѣлаться изъ Ѳомы, во всю жизнь угнетеннаго и забитаго, и даже, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ битаго, изъ Ѳомы втайнѣ сластолюбиваго и самолюбиваго, изъ Ѳомы — огорченнаго литератора, изъ Ѳомы-шута изъ насущнаго хлѣба, изъ Ѳомы въ душѣ деспота, несмотря на все предыдущее ничтожество и безсиліе, изъ Ѳомы-хвастуна, а при удачѣ нахала, изъ этого Ѳомы, вдругъ попавшаго въ честь и въ славу, возлелѣяннаго и захваленнаго, благодаря идіоткѣ-покровительницѣ и обольщенному, на все согласному покровителю, въ домъ котораго онъ попалъ, наконецъ, послѣ долгихъ странствованій? О характерѣ дяди я, конечно, обязанъ объяснить подробнѣе: безъ этого непонятенъ и успѣхъ Ѳомы Ѳомича. Но покамѣстъ скажу, что съ Ѳомой именно сбылась пословица: посади за столъ, онъ и ноги на столъ. Наверсталъ-таки онъ свое прошедшее! Низкая душа, выйдя изъ-подъ гнета, сама гнететъ. Ѳому угнетали — и онъ тотчасъ же ощутилъ потребность самъ угнетать; надъ нимъ ломались — и онъ самъ сталъ надъ другими ломаться. Онъ былъ шутомъ и тотчасъ же ощутилъ потребность завести и своихъ шутовъ. Хвастался онъ до нелѣпости, ломался до невозможности, требовалъ птичьяго молока, тиранствовалъ безъ мѣры и дошло до того, что добрые люди, еще не бывъ свидѣтелями всѣхъ этихъ продѣлокъ, а слушая только розсказни, считали все это за чудо, за навожденіе, крестились и отплевывались.

Я говорилъ о дядѣ. Безъ объясненія этого замѣчательнаго характера (повторяю это), конечно, непонятно такое наглое воцареніе Ѳомы Ѳомича въ чужомъ домѣ; непонятна эта метаморфоза изъ

шута въ великаго человѣка. Мало того, что дядя былъ добръ до крайности — это былъ человѣкъ утонченной деликатности, несмотря на нѣсколько грубую наружность, высочайшаго благородства, мужества испытаннаго. Я смѣло говорю «мужества»: онъ не остановился бы передъ обязанностью, передъ долгомъ, и въ этомъ случаѣ не побоялся бы никакихъ преградъ. Душою онъ былъ чистъ, какъ ребенокъ. Это былъ, дѣйствительно, ребенокъ въ сорокъ лѣтъ, экспансивный въ высшей степени, всегда веселый, предполагавшій всѣхъ людей ангелами, обвинявшій себя въ чужихъ недостаткахъ и преувеличивавшій добрыя качества другихъ до крайности, даже предполагавшій ихъ тамъ, гдѣ ихъ и быть не могло. Это былъ одинъ изъ тѣхъ благороднѣйшихъ и цѣломудренныхъ сердцемъ людей, которые даже стыдятся предположить въ другомъ человѣкѣ дурное, торопливо наряжаютъ своихъ ближнихъ во всѣ добродѣтели, радуются чужому успѣху, живутъ такимъ образомъ постоянно въ идеальномъ мірѣ, а при неудачахъ прежде всѣхъ обвиняютъ самихъ себя. Жертвовать собою интересамъ другихъ — ихъ призваніе. Иной бы назвалъ его малодушнымъ, и безхарактернымъ, и слабымъ. Конечно, онъ былъ слабъ и даже ужъ слишкомъ мягокъ характеромъ; но не отъ недостатка твердости, а изъ боязни оскорбить, поступить жестоко, изъ излишняго уваженія къ другимъ и къ человѣку вообще. Впрочемъ, безхарактеренъ и малодушенъ онъ былъ единственно, когда дѣло шло о его собственныхъ выгодахъ, которыми онъ пренебрегалъ въ высочайшей степени, за что всю жизнь подвергался насмѣшкамъ, и даже нерѣдко отъ тѣхъ, для которыхъ жертвовалъ этими выгодами. Впрочемъ, онъ

никогда не вѣрилъ, чтобъ у него были враги: они, однакожъ, у него бывали, но онъ ихъ какъ-то не замѣчалъ. Шуму и крику въ домѣ онъ боялся, какъ огня, и тотчасъ же всѣмъ уступалъ и всему подчинялся. Уступалъ онъ изъ какого-то застѣнчиваго добродушія, изъ какой-то застѣнчивой деликатности, «чтобъ ужъ такъ», говорилъ онъ, скороговоркою, отдаляя отъ себя всѣ посторонніе упреки въ потворствѣ и слабости — «чтобъ ужъ такъ... чтобъ ужъ всѣ были довольны и счастливы!» Нечего и говорить, что онъ готовъ былъ подчиниться всякому благородному вліянію. Мало того, ловкій подлецъ могъ совершенно имъ овладѣть и даже сманить на дурное дѣло, разумѣется, замаскировавъ это дурное дѣло въ благородное. Дядя чрезвычайно легко ввѣрялся другимъ, и въ этомъ случаѣ былъ далеко не безъ ошибокъ. Когда же, послѣ многихъ страданій, онъ рѣшался, наконецъ, увѣриться, что обманувшій его человѣкъ безчестенъ, то прежде всѣхъ обвинялъ себя, а нерѣдко и одного себя. Представьте же себѣ теперь вдругъ воцарившуюся въ его тихомъ домѣ капризную, выжившую изъ ума идіотку, неразлучно съ другимъ идіотомъ — ея идоломъ, боявшуюся до сихъ поръ только своего генерала, а теперь уже ничего не боявшуюся и ощутившую даже потребность вознаградить себя за все прошлое — идіотку, передъ которой дядя считалъ своею обязанностью благоговѣть уже потому только, что она была мать его. Начали съ того, что тотчасъ же доказали дядѣ, что онъ грубъ, нетерпѣливъ, невѣжественъ и, главное, эгоистъ въ высшей степени. Замѣчательно то, что идіотка-старуха сама вѣрила тому, что она проповѣдывала. Да, я думаю, и Ѳома Ѳомичъ такъ же,

по крайней мѣрѣ, отчасти. Убѣдили дядю и въ томъ, что Ѳома ниспосланъ ему самимъ Богомъ для спасенія души его и для усмиренія его необузданныхъ страстей, что онъ гордъ, тщеславится своимъ богатствомъ и способенъ попрекнуть Ѳому Ѳомича кускомъ хлѣба. Бѣдный дядя очень скоро увѣровалъ въ глубину своего паденія, готовъ былъ рвать на себѣ волосы, просить прощенія . . .

— Я, братецъ, самъ виноватъ, — говоритъ онъ, бывало, кому-нибудь изъ своихъ собесѣдниковъ, — во всемъ виноватъ! Вдвое надо быть деликатнѣе съ человѣкомъ, котораго одолжаешь . . . то есть . . . что я! Какое одолжаешь! . . Опять совралъ! Вовсе не одолжаешь; онъ меня, напротивъ, одолжаетъ тѣмъ, что живетъ у меня, а не я его! Ну, а я попрекнулъ его кускомъ хлѣба! . . То есть я вовсе не попрекнулъ, но видно такъ, что-нибудь съ языка сорвалось, — у меня часто съ языка срывается . . . Ну, а, наконецъ, человѣкъ страдалъ, дѣлалъ подвиги; десять лѣтъ, несмотря ни на какія оскорбленія, ухаживалъ за больнымъ другомъ: все это требуетъ награды! Ну, наконецъ, и наука . . . Писатель! Образованнѣйшій человѣкъ. Благороднѣйшее лицо, — словомъ . . .

Образъ Ѳомы, образованнаго и несчастнаго, въ шутахъ у капризнаго и жестокаго барина, надрывалъ благородное сердце дяди сожалѣніемъ и негодованіемъ. Всѣ странности Ѳомы, всѣ неблагородныя его выходки дядя тотчасъ же приписывалъ его прежнимъ страданіямъ, его униженію, его озлобленію . . . Онъ тотчасъ же рѣшилъ въ нѣжной и благородной душѣ своей, что съ страдальца нельзя и спрашивать, какъ съ обыкновеннаго человѣка; что не только надо прощать ему, но сверхъ того, надо

кротостью уврачевать его раны, возстановить его, примирить съ человѣчествомъ. Задавъ себѣ эту цѣль, онъ воспламенился до крайности и уже совсѣмъ потерялъ способность, хоть какую-нибудь, замѣтить, что новый другъ его — сластолюбивая, капризная тварь, эгоистъ, лѣнтяй, лежебокъ — и больше ничего. Въ ученость же и въ геніальность Ѳомы онъ вѣрилъ беззавѣтно. Я и забылъ сказать, что передъ словомъ «наука» или «литература» дядя благоговѣлъ самымъ наивнымъ и безкорыстнѣйшимъ образомъ, хотя самъ никогда и ничему не учился.

Это была одна изъ его капитальныхъ и невиннѣйшихъ странностей.

— Сочиненіе пишетъ! — говоритъ онъ, бывало, ходя на цыпочкахъ еще за двѣ комнаты до кабинета Ѳомы Ѳомича. — Не знаю, что именно, — прибавлялъ онъ съ гордымъ и таинственнымъ видомъ, — но ужъ вѣрно, братъ, такая бурда . . . То есть въ благородномъ смыслѣ бурда. Для кого ясно, а для насъ, братъ, съ тобой такая кувыркалегія, что . . . Кажется, о производительныхъ силахъ какихъ-то пишетъ, — самъ говорилъ. Это, вѣрно, что-нибудь изъ политики. Да, грянетъ и его имя! Тогда и мы съ тобой черезъ него прославимся. Онъ, братъ, мнѣ это самъ говорилъ . . .

Мнѣ положительно извѣстно, что дядя, по приказанію Ѳомы, принужденъ былъ сбрить свои прекрасные, темнорусые бакенбарды. Тому показалось, что съ бакенбардами дядя похожъ на француза и что поэтому въ немъ мало любви къ отечеству. Мало-по-малу Ѳома сталъ вмѣшиваться въ управленіе имѣніемъ и давать мудрые совѣты. Эти мудрые совѣты были ужасны. Крестьяне скоро по-

няли, въ чемъ дѣло и кто настоящій господинъ, и сильно почесывали затылки. Я самъ впослѣдствіи слышалъ одинъ разговоръ Ѳомы Ѳомича съ крестьянами: этотъ разговоръ, признаюсь, я подслушалъ. Ѳома еще прежде объявилъ, что любитъ поговорить съ умнымъ русскимъ мужичкомъ. И вотъ, разъ, онъ зашелъ на гумно; поговоривъ съ мужичками о хозяйствѣ, хотя самъ не умѣлъ отличить овса отъ пшеницы, сладко потолковавъ о священныхъ обязанностяхъ крестьянина къ господину, коснувшись слегка электричества и раздѣленія труда, въ чемъ, разумѣется, не понималъ ни строчки, растолковавъ своимъ слушателямъ, какимъ образомъ земля ходитъ около солнца, и, наконецъ, совершенно умилившись душой отъ собственнаго краснорѣчія, онъ заговорилъ о министрахъ. Я это понялъ. Вѣдь разсказывалъ же Пушкинъ про одного папеньку, который внушалъ своему четырехлѣтному сынишкѣ, что онъ, его папенька, «такой хляблій, что папеньку любитъ государь» . . . Вѣдь нуждался же этотъ папенька въ четырехлѣтнемъ слушателѣ? Крестьяне же всегда слушали Ѳому Ѳомича съ подобострастіемъ.

— А што, батюшка, много ль ты царскаго-то жалованья получалъ? — спросилъ его вдругъ одинъ сѣденькій старичекъ, Архипъ Короткій, по прозвищу, изъ толпы другихъ мужичковъ, съ очевиднымъ намѣреніемъ подольститься; но Ѳомѣ Ѳомичу показался этотъ вопросъ фамильярнымъ, а онъ терпѣть не могъ фамильярности.

— А тебѣ какое дѣло, пехтерь? — отвѣчалъ онъ, съ презрѣніемъ поглядѣвъ на бѣднаго мужиченка. — Что ты мнѣ моську-то свою выставилъ: плюнуть мнѣ, что ли, въ нее?

Ѳома Ѳомичъ всегда разговаривалъ въ такомъ тонѣ съ «умнымъ русскимъ мужичкомъ».

— Отецъ ты нашъ... — подхватилъ другой мужичекъ, — вѣдь мы люди темные. Можетъ, ты маіоръ, аль полковникъ, аль само ваше сіятельство, — какъ и величать-то тебя не вѣдаемъ.

— Пехтерь! — повторилъ Ѳома Ѳомичъ, однакожъ, смягчился. — Жалованье жалованью рознь, посконная ты голова! Другой и въ генеральскомъ чинѣ, да ничего не получаетъ — значитъ, не за что; пользы царю не приноситъ. А я вотъ двадцать тысячъ получалъ, когда у министра служилъ, да и тѣхъ не бралъ, потому, я изъ чести служилъ, свой былъ достатокъ. Я жалованье свое на государственное просвѣщеніе да на погорѣлыхъ жителей Казани пожертвовалъ.

— Вишь ты! Такъ это ты Казань-то обстроилъ, батюшка? — продолжалъ удивленный мужикъ.

Мужики, вообще, дивились на Ѳому Ѳомича.

— Ну да, и моя тамъ есть доля, — отвѣчалъ Ѳома, какъ бы нехотя, какъ будто самъ на себя досадуя, что удостоилъ *такого* человѣка *такимъ* разговоромъ.

Съ дядей разговоры были другого рода.

— Прежде кто вы были? — говоритъ, напримѣръ, Ѳома, развалясь послѣ сытнаго обѣда въ покойномъ креслѣ, при чемъ слуга, стоя за кресломъ, долженъ былъ отмахивать отъ него свѣжей липовой вѣткой мухъ. — На кого похожи вы были до меня? А теперь я заронилъ въ васъ искру того небеснаго огня, который горитъ теперь въ душѣ вашей. Заронилъ ли я въ васъ искру небеснаго огня или нѣтъ? Отвѣчайте: заронилъ я въ васъ искру иль нѣтъ?

Ѳома Ѳомичъ, по правдѣ, и самъ не зналъ, зачѣмъ сдѣлалъ такой вопросъ. Но молчаніе и смущеніе дяди тотчасъ же его раззадорили. Онъ, прежде терпѣливый и забитый, теперь вспыхивалъ какъ порохъ при каждомъ малѣйшемъ противорѣчіи. Молчаніе дяди показалось ему обиднымъ, и онъ уже теперь настаивалъ на отвѣтѣ.

— Отвѣчайте же: горитъ въ васъ искра или нѣтъ?

Дядя мнется, жмется и не знаетъ, что предпринять.

— Позвольте вамъ замѣтить, что я жду, — замѣчаетъ Ѳома обидчивымъ голосомъ.

— Mais repondez donc, Егорушка! — подхватываетъ генеральша, пожимая плечами.

— Я спрашиваю: горитъ ли въ васъ эта искра иль нѣтъ? — снисходительно повторяетъ Ѳома, взявъ конфетку изъ бонбоньерки, которая всегда ставится передъ нимъ на столѣ. Это ужъ распоряженіе генеральши.

— Ей Богу, не знаю, Ѳома, — отвѣчаетъ, наконецъ, дядя, съ отчаяніемъ во взорахъ, — должно быть, что-нибудь въ этомъ родѣ... Право, ты ужъ лучше не спрашивай, а то я совру что-нибудь...

— Хорошо! Такъ по-вашему я такъ ничтоженъ, что даже не стою отвѣта — вы это хотѣли сказать? Ну, пусть будетъ такъ; пусть я буду ничто.

— Да нѣтъ же, Ѳома, Богъ съ тобой! Ну когда я это хотѣлъ сказать?

— Нѣтъ, вы именно это хотѣли сказать.

— Да клянусь же, что нѣтъ!

— Хорошо! Пусть буду я лгунъ! Пусть я, по

вашему обвиненію, нарочно изыскиваю предлога къ ссорѣ: пусть ко всѣмъ оскорбленіямъ присоединится и это — я все перенесу . . .

— Mais mon fils . . . — вскрикиваетъ испуганная генеральша.

— Ѳома Ѳомичъ! Маменька! — восклицаетъ дядя въ отчаяніи, — ей Богу же я не виноватъ! Такъ развѣ, нечаянно, съ языка сорвалось! . . Ты не смотри на меня, Ѳома: я вѣдь глупъ — самъ чувствую, что глупъ; самъ слышу въ себѣ, что нескладно . . . Знаю, Ѳома, все знаю! Ты ужъ и не говори! — продолжалъ онъ, махая рукой. — Сорокъ лѣтъ прожилъ и до сихъ поръ, до самой той поры, какъ тебя узналъ, все думалъ про себя, что человѣкъ . . . ну и все тамъ, какъ слѣдуетъ. А вѣдь и не замѣчалъ до сихъ поръ, что грѣшенъ, какъ козелъ, эгоистъ первой руки и надѣлалъ зла такую кучу, что диво какъ еще земля держитъ!

— Да, вы таки эгоистъ! — замѣчаетъ удостовѣренный Ѳома Ѳомичъ.

— Да ужъ я и самъ понимаю теперь, что эгоистъ! Нѣтъ, шабашъ! Исправлюсь и буду добрѣе!

— Дай-то Богъ! — заключаетъ Ѳома Ѳомичъ, благочестиво вздыхая и подымаясь съ кресла, чтобъ отойти къ послѣобѣденному сну. Ѳома Ѳомичъ всегда почивалъ послѣ обѣда.

Въ заключеніе этой главы, позвольте мнѣ сказать собственно о моихъ личныхъ отношеніяхъ къ дядѣ и объяснить, какимъ образомъ я вдругъ поставленъ былъ глазъ на глазъ съ Ѳомой Ѳомичемъ и, нежданно-негаданно, внезапно попалъ въ круговоротъ самыхъ важнѣйшихъ происшествій изъ всѣхъ случившихся когда-нибудь въ благословенномъ селѣ Степанчиковѣ. Такимъ образомъ, я на-

мѣренъ заключить мое предисловіе и прямо перейти къ разсказу.

Въ дѣтствѣ моемъ, когда я осиротѣлъ и остался одинъ на свѣтѣ, дядя замѣнилъ мнѣ собою отца, воспитывалъ меня на свой счетъ и — словомъ, сдѣлалъ для меня то, что не всегда сдѣлаетъ и родной отецъ. Съ перваго же дня, какъ онъ взялъ меня къ себѣ, я привязался къ нему всей душой. Мнѣ было тогда лѣтъ десять, и помню, что мы очень скоро сошлись и совершенно поняли другъ друга. Мы вмѣстѣ спускали кубарь и украли чепчикъ у одной перезрѣлой старой барыни, приходившейся намъ обоимъ сродни. Чепчикъ я немедленно привязалъ къ хвосту бумажнаго змѣя и запустилъ подъ облака. Много лѣтъ спустя я ненадолго свидѣлся съ дядей уже въ Петербургѣ, гдѣ я кончалъ тогда курсъ моего ученія на его счетъ. Въ этотъ разъ я привязался къ нему со всѣмъ жаромъ юности: что-то благородное, кроткое, правдивое, веселое и наивное до послѣднихъ предѣловъ поразило меня въ его характерѣ и влекло къ нему всякаго. Выйдя изъ университета, я жилъ нѣкоторое время въ Петербургѣ, покамѣстъ ничѣмъ не занятый и, какъ часто бываетъ съ молокососами, убѣжденный, что въ самомъ непродолжительномъ времени надѣлаю чрезвычайно много чего-нибудь очень замѣчательнаго и даже великаго. Петербурга мнѣ оставлять не хотѣлось. Съ дядей я переписывался довольно рѣдко, и то только когда нуждался въ деньгахъ, въ которыхъ онъ мнѣ никогда не отказывалъ. Между тѣмъ, я ужъ слышалъ отъ одного дворовaго человѣка дяди, пріѣзжавшаго, по какимъ-то дѣламъ въ Петербургъ, что у нихъ, въ Степанчиковѣ, происходятъ удивительныя вещи.

Эти первые слухи меня заинтересовали и удивили. Я сталъ писать къ дядѣ прилежнѣе. Онъ отвѣчалъ мнѣ всегда какъ-то темно и странно, и въ каждомъ письмѣ старался только заговаривать о наукахъ, ожидая отъ меня чрезвычайно много впереди по ученой части и гордясь моими будущими успѣхами. Вдругъ, послѣ довольно долгаго молчанія, я получилъ отъ него удивительное письмо, совершенно непохожее на всѣ его прежнія письма. Оно было наполнено такими странными намеками, такимъ сбродомъ противоположностей, что я сначала почти ничего не понялъ. Видно было только, что писавшій былъ въ необыкновенной тревогѣ. Одно въ этомъ письмѣ было ясно: дядя серьезно, убѣдительно, почти умоляя меня, предлагалъ мнѣ, какъ можно скорѣе, жениться на прежней его воспитанницѣ, дочери одного бѣднѣйшаго провинціальнаго чиновника, по фамиліи Ежевикина, получившей прекрасное образованіе въ одномъ учебномъ заведеніи, въ Москвѣ, на счетъ дяди, и бывшей теперь гувернанткой дѣтей его. Онъ писалъ, что она несчастна, что я могу составить ея счастье, что я даже сдѣлаю великодушный поступокъ, обращался къ благородству моего сердца и обѣщалъ дать за нею приданое. Впрочемъ, о приданомъ онъ говорилъ какъ-то таинственно, боязливо, и заключалъ письмо, умоляя меня сохранить все это въ величайшей тайнѣ. Письмо это такъ поразило меня, что, наконецъ, у меня голова закружилась. Да и на какого молодого человѣка, который, какъ я, только что соскочилъ со сковороды, не подѣйствовало бы такое предложеніе, хотя бы, напримѣръ, романтическою своею стороною? Къ тому же я слышалъ, что эта молоденькая гувернантка — прехорошенькая. Я,

однакожъ, не зналъ, на что рѣшиться, хотя тотчасъ же написалъ дядѣ, что немедленно отправляюсь въ Степанчиково. Дядя выслалъ мнѣ, при томъ же письмѣ, и денегъ на дорогу. Несмотря на то, я, въ сомнѣніяхъ и даже въ тревогѣ, промедлилъ въ Петербургѣ три недѣли. Вдругъ, случайно встрѣчаю одного прежняго сослуживца дяди, который, возвращаясь съ Кавказа въ Петербургъ, заѣзжалъ, по дорогѣ, въ Степанчиково. Это былъ уже пожилой и разсудительный человѣкъ, закоренѣлый холостякъ. Съ негодованіемъ разсказалъ онъ мнѣ про Ѳому Ѳомича и тутъ же сообщилъ мнѣ одно обстоятельство, о которомъ я до сихъ поръ еще не имѣлъ никакого понятія, именно, что Ѳома Ѳомичъ и генеральша задумали и положили женить дядю на одной престранной дѣвицѣ, перезрѣлой и почти совсѣмъ полоумной, съ какой-то необыкновенной біографіей и чуть ли не съ полумилліономъ приданаго, что генеральша уже успѣла увѣрить эту дѣвицу, что онѣ между собою родня и, вслѣдствіе того, переманить къ себѣ въ домъ; что дядя, конечно, въ отчаяніи, но, кажется, кончится тѣмъ, что непремѣнно женится на полумилліонѣ приданаго; что, наконецъ, обѣ умныя головы, генеральша и Ѳома Ѳомичъ, воздвигли страшное гоненіе на бѣдную, беззащитную гувернантку дѣтей дяди, всѣми силами выживаютъ ее изъ дома, вѣроятно, боясь, чтобъ полковникъ въ нее не влюбился, а, можетъ, и оттого, что онъ уже и успѣлъ въ нее влюбиться. Эти послѣднія слова меня поразили. Впрочемъ, на всѣ мои разспросы: ужъ не влюбленъ ли дядя въ самомъ дѣлѣ, разсказчикъ не могъ или не хотѣлъ дать мнѣ точнаго отвѣта, да и вообще разсказывалъ скупо, нехотя, и замѣтно уклонялся

отъ подробныхъ объясненій. Я задумался; извѣстіе такъ странно противорѣчило съ письмомъ дяди и съ его предложеніемъ . . . Но медлить было нечего. Я рѣшился ѣхать въ Степанчиково, желая не только вразумить и утѣшить дядю, но даже спасти его, по возможности, то есть выгнать Ѳому, разстроить ненавистную свадьбу съ перезрѣлой дѣвой, и, наконецъ, — такъ какъ, по моему окончательному рѣшенію, любовь дяди была только придирчивой выдумкой Ѳомы Ѳомича — осчастливить несчастную, но, конечно, интересную дѣвушку, предложеніемъ руки моей, и проч., и проч. Мало-по-малу, я такъ вдохновилъ и настроилъ себя, что, по молодости лѣтъ и отъ нечего дѣлать, перескочилъ изъ сомнѣній совершенно въ другую крайность: я началъ горѣть желаніемъ какъ можно скорѣе надѣлать разныхъ чудесъ и подвиговъ. Мнѣ казалось даже, что я самъ выказываю необыкновенное великодушіе, благородно жертвуя собою, чтобъ осчастливить невинное и прелестное созданіе, — словомъ, я помню, что во всю дорогу былъ очень доволенъ собой. Былъ іюль; солнце свѣтило ярко; кругомъ меня развертывался необъятный просторъ полей съ дозрѣвавшимъ хлѣбомъ . . . А я такъ долго сидѣлъ закупоренный въ Петербургѣ, что, казалось мнѣ, только теперь настоящимъ образомъ взглянулъ на свѣтъ Божій!

II.

Господинъ Бахчеевъ.

Я уже приближался къ цѣли моего путешествія. Проѣзжая маленькій городокъ Б*., отъ котораго оставалось только десять верстъ до Степанчикова, я принужденъ былъ остановиться у кузницы близъ самой заставы, по случаю лопнувшей шины на переднемъ колесѣ моего тарантаса. Закрѣпить ее кое-какъ, для десяти верстъ, можно было довольно скоро, и потому я рѣшился, никуда не заходя, подождать у кузницы, покамѣстъ кузнецы справятъ дѣло. Выйдя изъ тарантаса, я увидѣлъ одного толстаго господина, который, такъ же какъ и я, принужденъ былъ остановиться для починки своего экипажа. Онъ стоялъ уже цѣлый часъ на нестерпимомъ зноѣ, кричалъ, бранился и съ брюзгливымъ нетерпѣніемъ погонялъ мастеровыхъ, суетившихся около его прекрасной коляски. Съ перваго же взгляда этотъ сердитый баринъ показался мнѣ чрезвычайной брюзгой. Онъ былъ лѣтъ сорока пяти, средняго роста, очень толстъ и рябъ. Толстота, кадыкъ и пухлыя, отвислыя его щеки свидѣтельствовали о блаженной помѣщичьей жизни. Что-то бабье было во всей его фигурѣ и тотчасъ же бросалось въ глаза. Одѣтъ онъ былъ широко, удобно, опрятно, но отнюдь не по модѣ.

Не понимаю, почему онъ на меня разсердился, тѣмъ болѣе, что видѣлъ меня первый разъ въ жизни и еще не сказалъ со мною ни слова. Я замѣтилъ это, какъ только вылѣзъ изъ тарантаса, по необыкновенно сердитымъ его взглядамъ. Мнѣ, однакожъ, очень хотѣлось съ нимъ познакомиться. По болтовнѣ его слугъ, я догадался, что онъ ѣдетъ теперь изъ Степанчикова, отъ моего дяди, и потому былъ случай о многомъ поразспросить. Я было приподнялъ фуражку и попробовалъ со всевозможною пріятностью замѣтить, какъ непріятны иногда бываетъ задержки въ дорогѣ; но толстякъ окинулъ меня какъ-то нехотя недовольнымъ и брюзгливымъ взглядомъ съ головы до сапогъ, что-то проворчалъ себѣ подъ носъ и тяжело поворотился ко мнѣ всей поясницей. Эта сторона его особы, хотя и была предметомъ весьма любопытнымъ для наблюденій, но, ужъ, конечно, отъ нея нельзя было ожидать разговора пріятнаго.

— Гришка! Не ворчать подъ носъ! Выпорю!.. — закричалъ онъ вдругъ на своего камердинера, какъ будто совершенно не слыхавъ того, что я сказалъ о задержкахъ въ дорогѣ.

Этотъ «Гришка» былъ сѣдой, старинный слуга, одѣтый въ длиннополый сюртукъ и носившій пребольшіе сѣдые бакенбарды. Судя по нѣкоторымъ признакамъ, онъ тоже былъ очень сердитъ и угрюмо ворчалъ себѣ подъ носъ. Между барином и слугой немедленно произошло объясненіе.

— Выпорешь! Ори еще больше! — проворчалъ Гришка будто про себя, но такъ громко, что всѣ это слышали, и съ негодованіемъ отвернулся что-то приладить въ коляскѣ.

— Что? Что ты сказалъ? «Ори еще больше»?... Грубіянить вздумалъ! — закричалъ толстякъ, весь побагровѣвъ.

— Да чего вы взъѣдаться, въ самомъ дѣлѣ, изволите? Слова сказать нельзя!

— Чего взъѣдаться? Слышите? На меня же ворчитъ, а мнѣ и не взъѣдаться!

— Да за что я буду ворчать?

— За что ворчать... А то, небось, нѣтъ? Я знаю, за что ты будешь ворчать: за то, что я отъ обѣда уѣхалъ, — вотъ что.

— А мнѣ что! По мнѣ хошь совсѣмъ не обѣдайте. Я не на васъ ворчу; кузнецамъ только слово сказалъ.

— Кузнецамъ... А на кузнецовъ чего ворчать?

— А не на нихъ, такъ на экипажъ ворчу.

— А на экипажъ чего ворчать?

— А зачѣмъ изломался! Впередъ не ломайся, а въ цѣлости будь.

— На экипажъ... Нѣтъ, ты на меня ворчишь, а не на экипажъ. Самъ виноватъ, да онъ же и ругается!

— Да что вы, сударь, въ самомъ дѣлѣ, пристали? Отстаньте, пожалуйста.

— А чего ты всю дорогу сычемъ сидѣлъ, слова со мной не сказалъ, — а? Говоришь же въ другіе разы!

— Муха въ ротъ залѣзла — оттого и молчалъ и сидѣлъ сычемъ. Что я вамъ сказки, что ли, буду разсказывать? Сказочницу Маланью берите съ собой, коли сказки любите.

Толстякъ раскрылъ-было ротъ, чтобъ возразить, но, очевидно, не нашелся и замолчалъ. Слу-

га же, довольный своей діалектикой и вліяніемъ на барина, выказаннымъ при свидѣтеляхъ, съ удвоенной важностью обратился къ рабочимъ и началъ имъ что-то показывать.

Попытки мои познакомиться оставались тщетными, особенно при моей неловкости; но мнѣ помогло непредвидѣнное обстоятельство. Одна заспанная, неумытая и непричесанная физіономія внезапно выглянула изъ окна закрытаго каретнаго кузова, съ незапамятныхъ временъ стоявшаго безъ колесъ у кузницы и ежедневно, но тщетно ожидавшаго починки. Съ появленіемъ этой физіономіи раздался между мастеровыми всеобщій смѣхъ. Дѣло въ томъ, что человѣкъ, выглянувшій изъ кузова, былъ въ немъ накрѣпко запертъ и теперь не могъ выйти. Проспавшись въ немъ хмѣльной, онъ тщетно просился теперь на свободу; наконецъ, сталъ просить кого-то сбѣгать за его инструментомъ. Все это чрезвычайно веселило присутствовавшихъ.

Есть такія натуры, которымъ въ особенную радость и веселье бываютъ довольно странныя вещи. Гримасы пьянаго мужика, человѣкъ, споткнувшійся и упавшій на улицѣ, перебранка двухъ бабъ, и проч., и проч. на эту тему, производятъ иногда въ иныхъ людяхъ самый добродушный восторгъ, неизвѣстно почему. Толстякъ-помѣщикъ принадлежалъ именно къ такого рода натурамъ. Мало-помалу, его физіономія изъ грозной и угрюмой стала дѣлаться довольной и ласковой и, наконецъ, совсѣмъ прояснилась.

— Да это Васильевъ? — спросилъ онъ съ участіемъ. — Да какъ онъ туда попалъ?

— Васильевъ, сударь, Степанъ Алексѣичъ, Васильевъ! — закричали со всѣхъ сторонъ.

— Загулялъ, сударь, — прибавилъ одинъ изъ работниковъ, человѣкъ пожилой, высокій и худощавый, съ педантски-строгимъ выраженіемъ лица и съ поползновеніемъ на старшинство между своими, — загулялъ, сударь, отъ хозяина третій день какъ ушелъ, да у насъ и хоронится, навязался къ намъ! Вотъ стамеску проситъ. Ну, на что тебѣ теперь стамеска, пустая ты голова? Послѣдній струментъ закладывать хочетъ!

— Эхъ, Архипушка! Деньги — голуби: прилетятъ и опять улетятъ! Пусти, ради небеснаго Создателя, — молилъ Васильевъ тонкимъ, дребезжащимъ голосомъ, высунувъ изъ кузова голову.

— Да сиди ты, идолъ, благо попалъ! — сурово отвѣчалъ Архипъ. — Глаза-то еще съ третьяго дня успѣлъ перемѣнить; съ улицы сегодня на зарѣ притащили; моли Бога — спрятали, Матвѣю Ильичу сказали: заболѣлъ, «запасныя, дескать, колотья у насъ проявились».

Смѣхъ раздался вторично.

— Да стамеска-то гдѣ?

— Да у нашего Зуя! Наладилъ одно! Пьющій человѣкъ, какъ есть, сударь, Степанъ Алексѣичъ.

— Хе-хе-хе! Ахъ, мошенникъ! Такъ ты вотъ какъ въ городѣ работаешь: инструментъ закладываешь! — прохрипѣлъ толстякъ, захлебываясь отъ смѣха, совершенно довольный и пришедшій вдругъ въ наипріятнѣйшее расположеніе духа.

— А вѣдь столяръ такой, что и въ Москвѣ поискать! Да вотъ такъ-то онъ всегда себя аттестуетъ, мерзавецъ, — прибавилъ онъ, совершенно неожиданно обратившись ко мнѣ. — Выпусти его, Архипъ: можетъ, ему что и нужно.

Барина послушались. Гвоздь, которымъ заби-

ли каретную дверцу болѣе для того, чтобы позабавиться надъ Васильевымъ, когда тотъ проспится, былъ вынутъ, и Васильевъ показался на свѣтъ Божій испачканный, неряшливый и оборванный. Онъ замигалъ отъ солнца, чихнулъ и покачнулся; потомъ, сдѣлавъ рукой надъ глазами щитокъ, осмотрѣлся кругомъ.

— Народу-то, народу-то! — проговорилъ онъ, качая головой, — и все, чай тре . . . звые, — протянулъ онъ въ какомъ-то грустномъ раздумьѣ, какъ бы въ упрекъ самому себѣ. — Ну, съ добрымъ утромъ, братцы, съ наступающимъ днемъ.

Снова всеобщій хохотъ.

— Съ наступающимъ днемъ! Да ты смотри, сколько дня-то ушло, человѣкъ несообразный!

— Ври, Емеля — твоя недѣля!

— По-нашему, хоть на часъ, да вскачь!

— Хе-хе-хе! Ишь краснобай! — вскричалъ толстякъ, еще разъ закачавшись отъ смѣха и снова взглянувъ на меня привѣтливо. — И не стыдно тебѣ, Васильевъ?

— Съ горя, сударь, Степанъ Алексѣичъ, съ горя, — отвѣчалъ серьезно Васильевъ, махнувъ рукой и, очевидно, довольный, что представился случай еще разъ помянуть про свое горе.

— Съ какого горя, дуракъ?

— А съ такого, что досель и не видывали: Ѳомѣ Ѳомичу насъ записываютъ.

— Кого? Когда? — закричалъ толстякъ, весь встрепенувшись.

Я тоже ступилъ шагъ впередъ: дѣло совершенно неожиданно коснулось и до меня.

— Да всѣхъ капитоновскихъ. Нашъ баринъ, полковникъ — дай Богъ ему здравія — всю нашу

Капитоновку, свою вотчину, Ѳомѣ Ѳомичу пожертвовать хочетъ; цѣлыя семьдесятъ душъ ему выдѣляетъ. «На тебѣ», говоритъ, «Ѳома! Вотъ теперь у тебя, примѣрно, нѣтъ ничего; помѣщикъ ты небольшой; всего-то у тебя два снитка по оброку въ Ладожскомъ озерѣ ходятъ — только и душъ ревизскихъ тебѣ отъ покойнаго родителя твоего осталось. Потому, родитель твой», продолжалъ Васильевъ съ какимъ-то злобнымъ удовольствіемъ, посыпая перцемъ свой разсказъ во всемъ, что касалось Ѳомы Ѳомича, — «потому что родитель твой былъ столбовой дворянинъ, невѣдомо откуда, невѣдомо кто; тоже, какъ и ты, по господамъ проживалъ, при милости на кухнѣ пробавлялся. А вотъ теперь, какъ запишу тебѣ Капитоновку, будешь и ты помѣщикъ, столбовой дворянинъ, и людей своихъ собственныхъ имѣть будешь, лежи себѣ на печи, на дворянской вакансіи» . . .

Но Степанъ Алексѣевичъ ужъ не слушалъ. Эффектъ, произведенный на него полупьянымъ разсказомъ Васильева, былъ необыкновенный. Толстякъ былъ такъ раздраженъ, что даже побагровѣлъ; кадыкъ его затрясся, маленькіе глазки налились кровью. Я думалъ, что съ нимъ тотчасъ же будетъ ударъ.

— Этого недоставало! — проговорилъ онъ, задыхаясь, — ракалья, Ѳома, приживальщикъ, въ помѣщики! Тьфу! Пропадайте вы совсѣмъ! Эй вы, кончай скорѣе! Домой!

— Позвольте спросить васъ, — сказалъ я, нерѣшительно выступая впередъ, — сейчасъ вы изволили упомянуть о Ѳомѣ Ѳомичѣ; кажется, его фамилія, если только не ошибаюсь, Опискинъ. Вотъ, видите ли, я желалъ бы . . . словомъ, я имѣю осо-

бенныя причины интересоваться этимъ лицомъ и, съ своей стороны, очень бы желалъ узнать, въ какой степени можно вѣрить словамъ этого добраго человѣка, что баринъ его, Егоръ Ильичъ Ростаневъ, хочетъ подарить одну изъ своихъ деревень Ѳомѣ Ѳомичу. Меня это чрезвычайно интересуетъ, и я...

— А позвольте и васъ спросить, — прервалъ толстый господинъ, — съ какой стороны изволите интересоваться этимъ лицомъ, какъ вы изъясняетесь; а по-моему, такъ этой ракальей анаѳемской — вотъ какъ называть его надо, а не лицомъ! Какое у него лицо, у паршивика! Одинъ только срамъ, а не лицо!

Я объяснилъ, что, насчетъ лица я, покамѣстъ, нахожусь въ неизвѣстности, но что Егоръ Ильичъ Ростаневъ мнѣ приходится дядей, а самъ я — Сергѣй Александровичъ такой-то.

— Это что, ученый-то человѣкъ? Батюшка мой, да тамъ васъ ждутъ не дождутся! — вскричалъ толстякъ, нелицемѣрно обрадовавшись, — вѣдь я теперь самъ отъ нихъ изъ Степаничкова; отъ обѣда уѣхалъ, изъ-за пуддинга всталъ: съ Ѳомой усидѣть не могъ! Со всѣми тамъ переругался изъ-за Ѳомки проклятаго... Вотъ встрѣча! Вы, батюшка, меня извините. Я Степанъ Алексѣевичъ Бахчеевъ и васъ вотъ этакимъ отъ полу помню... Ну, кто бы сказалъ?.. А позвольте васъ...

И толстякъ полѣзъ лобызать меня.

Послѣ первыхъ минутъ нѣкотораго волненія, я немедленно приступилъ къ разспросамъ: случай былъ превосходный.

— Но кто же этотъ Ѳома? — спросилъ я, — какъ это онъ завоевалъ тамъ весь домъ? Какъ не выгонятъ его со двора шелепами? Признаюсь...

— Его-то выгонятъ? Да вы сдурѣли, аль нѣтъ? Да вѣдь Егоръ-то Ильичъ передъ нимъ на цыпочкахъ ходитъ! Да Ѳома велѣлъ разъ быть вмѣсто четверга середѣ, такъ они тамъ, всѣ до единаго, четвергъ середой почитали. «Не хочу, чтобъ былъ четвергъ, а будь середа!» Такъ двѣ середы на одной недѣлѣ и было. Вы думаете, я привралъ что-нибудь? Вотъ на столечко не привралъ! Просто, батюшка, штука капитана Кука выходитъ!

— Я слышалъ это, но, признаюсь . . .

— Признаюсь, да признаюсь! Вѣдь наладитъ же одно человѣкъ! Да чего признаваться-то? Нѣтъ, вы лучше меня разспросите: изъ какихъ я лѣсовъ къ вамъ явился? Матушка Егора-то Ильича, полковника-то, хоть и очень достойная дама и, къ тому же, генеральша, да, по-моему, изъ ума совсѣмъ выжила: не надышитъ на Ѳомку треклятаго. Всему она и причиной: она-то и завела его въ домѣ. Зачиталъ онъ ее, то есть, какъ есть безсловесная женщина сдѣлалась, хоть и превосходительствомъ называется — за генерала Крахоткина пятидесяти лѣтъ замужъ выпрыгнула! — Про сестрицу Егора Ильича, Прасковью Ильиничну, что въ дѣвкахъ сорокъ лѣтъ сидитъ, и говорить не желаю. Ахи, да охи, да клокчетъ, какъ курица — надоѣла мнѣ совсѣмъ — ну ее! Только развѣ и есть въ ней, что дамскій полъ! Такъ вотъ и уважай ее ни за что, ни про что, за то только, что она дамскій полъ. Тьфу! Говорить неприлично: тетушкой она вамъ приходится. Одна только Александра Егоровна, дочка полковничья, хоть и малый ребенокъ — всего-то шестнадцатый годъ, да умнѣй ихъ всѣхъ, по-моему: не уважаетъ Ѳомѣ; даже смотрѣть было весело. Милая барышня, боль-

ше ничего! Да и кому уважать-то? Вѣдь онъ, Ѳомка-то, у покойнаго генерала Крахоткина въ шутахъ проживалъ! Вѣдь онъ ему, для его генеральской потѣхи, различныхъ звѣрей изъ себя представлялъ! И выходитъ, что прежде Ваня огороды копалъ, а нынче Ваня въ воеводы попалъ. А теперь полковникъ-то, дядюшка-то, отставного шута за мѣсто отца родного почитаетъ, въ рамку вставилъ его, подлеца, въ ножки ему кланяется, своему-то приживальщику — тьфу!

— Впрочемъ, бѣдность еще не порокъ... и... признаюсь вамъ... позвольте васъ спросить, что онъ красивъ, уменъ?

— Ѳома-то? Писаный красавецъ! — отвѣчалъ Бахчеевъ съ какимъ-то необыкновеннымъ дрожаніемъ злости въ голосѣ. (Вопросы мои какъ-то раздражали его, и онъ уже началъ и на меня смотрѣть подозрительно.) — Писаный красавецъ! Слышите, добрые люди: красавца нашелъ! Да онъ на всѣхъ звѣрей похожъ, батюшка, если ужъ все хотите доподлинно знать. И вѣдь добро бы остроуміе было, хоть бы остроумiемъ, шельмецъ, обладалъ, — ну, я бы тогда согласился, пожалуй, скрѣпя сердце, для остроумія-то, а то вѣдь и остроумія нѣтъ никакого! Просто выпить имъ далъ чего-нибудь всѣмъ, физикъ какой-то! Тьфу! Языкъ усталъ. Только плюнуть надо да замолчать. Разстроили вы меня, батюшка, своимъ разговоромъ! Эй, вы! Готова иль нѣтъ?

— Воронка́ еще перековать надо, — промолвилъ мрачно Григорій.

— Воронка́. Я тебѣ такого задамъ воронка́!.. Да, сударь, я вамъ такое могу разсказать, что вы только ротъ разинете, да такъ и останетесь до вто-

рого пришествія съ разинутымъ ртомъ? Вѣдь я прежде и самъ его уважалъ. Вы что думаете? Каюсь, открыто каюсь: былъ дуракомъ! Вѣдь онъ и меня обморочилъ. Всезнай! Всю подноготную знаетъ, всѣ науки произошелъ! Капель онъ мнѣ давалъ: вѣдь я, батюшка, человѣкъ больной: сырой человѣкъ. Вы, можетъ, не вѣрите, а я больной. Ну, такъ я съ его капель-то чуть вверхъ тормашками не полетѣлъ. Вы только молчите да слушайте; сами поѣдете, всѣмъ полюбуетесь. Вѣдь онъ тамъ полковника-то до кровавыхъ слезъ доведетъ; вѣдь кровавую слезу прольетъ отъ него полковникъ-то, да ужъ поздно будетъ. Вѣдь ужъ кругомъ весь околотокъ раззнакомился съ нимъ изъ-за Ѳомки треклятаго. Вѣдь всякому, кто ни придетъ, оскорбленіе чинитъ. Чего ужъ мнѣ: значительнаго чина не пощадитъ! Всякому наставленіе читаетъ; въ мораль какую-то бросило его, шельмеца. Мудрецъ, дескать, я, всѣхъ умнѣе, одного меня и слушай. Я, дескать, ученый. Да что жъ, что ученый! Такъ изъ-за того, что ученый, ужъ такъ непремѣнно и надо заѣсть неученаго?.. И ужъ какъ начнетъ ученымъ своимъ языкомъ колотить, такъ ужъ та-та-та! Та-та-та! То есть такой, я вамъ скажу, болтливый языкъ, что отрѣзать его да выбросить на навозную кучу, такъ онъ и тамъ будетъ болтать, все будетъ болтать, пока ворона не склюетъ. Зазнался, надулся, какъ мышь на крупу! Вѣдь ужъ туда теперь лѣзетъ, куда и голова его не пролезаетъ. Да чего! Вѣдь онъ тамъ дворовыхъ людей по-французски учить вздумалъ! Хотите, не вѣрьте! Это, дескать, ему полезно! Хаму-то, слугѣто! Тьфу! Срамецъ треклятый — больше ничего! А на что холопу знать по-французски, спрошу я

васъ? Да на что и нашему-то брату знать по-французски, на что? Съ барышнями въ мазуркѣ лимонничать, съ чужими женами апельсинничать? Развратъ — больше ничего! А по-моему, графинъ водки выпилъ, — вотъ и заговорилъ на всѣхъ языкахъ. Вотъ какъ я его уважаю, французскій-то вашъ языкъ! Небось и вы по-французски: «та-та-та! Та-та-та, вышла кошка за кота!»—прибавилъ Бахчеевъ, смотря на меня съ презрительнымъ негодованіемъ. — Вы, батюшка, человѣкъ ученый — а? По ученой части пошли?

— Да... я, отчасти, интересуюсь...

— Чай тоже всѣ науки произошли?

— Такъ-съ, то есть нѣтъ... Признаюсь вамъ, я болѣе интересуюсь теперь наблюденіемъ. Я все сидѣлъ въ Петербургѣ и теперь спѣшу къ дядюшкѣ...

— А кто васъ тянулъ къ дядюшкѣ? Сидѣли бы тамъ, гдѣ-нибудь у себя, коли было гдѣ сѣсть. Нѣтъ, батюшка, тутъ я вамъ скажу, ученостью мало возьмете, да и никакой дядюшка вамъ не поможетъ; попадете въ арканъ! Да я у нихъ похудѣлъ въ одинъ сутки. Ну, вѣрите ли, что я у нихъ похудѣлъ? Нѣтъ, вы, я вижу, не вѣрите. Что жъ, пожалуй, Богъ съ вами, не вѣрьте.

— Нѣтъ-съ, помилуйте, я очень вѣрю; только я все еще не понимаю, — отвѣчалъ я, теряясь все болѣе и болѣе.

— То-то вѣрю, да я-то тебѣ не вѣрю! Всѣ вы прыгуны, съ вашей ученой-то частью. Вамъ только бы на одной ножкѣ попрыгать, да себя показать! Не люблю я, батюшка, ученую часть; вотъ она у меня гдѣ сидитъ! Приходилось съ вашими петербургскими сталкиваться — непотребный народъ!

Все фармазоны; невѣріе распространяютъ; рюмку водки выпить боится, точно она укуситъ его — тьфу! Разсердили вы меня, батюшка, и разсказывать тебѣ ничего не хочу! Вѣдь не подрядился же я, въ самомъ дѣлѣ, тебѣ сказки разсказывать, да и языкъ усталъ. Всѣхъ, батюшка, не переругаешь, да и грѣшно... А только онъ у дядюшки вашего лакея Видоплясова чуть не въ безуміе ввелъ, ученый-то твой! Ума рѣшился Видоплясовъ-то изъ-за Ѳомы Ѳомича...

— Да я бъ его, Видоплясова, — ввязался Григорій, который до сихъ поръ чинно и строго наблюдалъ разговоръ, — да я бъ его, Видоплясова, изъ-подъ розогъ не выпустилъ. Нарвись-ка онъ на меня, я бы дурь-то нѣмецкую вышибъ! Задалъ бы столько, что въ два-ста не складешь.

— Молчать! — крикнулъ баринъ, — держи языкъ за зубами; не съ тобой говорятъ!

— Видоплясовъ, — сказалъ я, совершенно сбившись и уже не зная, что̀ говорить, — Видоплясовъ... скажите, какая странная фамилія?

— А чѣмъ она странная? И вы туда же! Эхъ вы ученый, ученый!

Я потерялъ терпѣніе.

— Извините, — сказалъ я, — но за что жъ вы на меня-то сердитесь? Чѣмъ же я виноватъ? Признаюсь вамъ, я вотъ уже полчаса васъ слушаю и даже не понимаю, о чемъ идетъ дѣло...

— Да вы, батюшка, чего обижаетесь? — отвѣчалъ толстякъ, — нечего вамъ обижаться! Я вѣдь тебѣ любя говорю. Вы не глядите на меня, что я такой крикса и вотъ сейчасъ на человѣка моего закричалъ. Онъ хоть каналья естественнѣйшая, Гришка-то мой, да за это-то я его и люблю, подле-

ца. Чувствительность сердечная погубила меня — откровенно скажу; а во всемъ этомъ Ѳомка одинъ виноватъ! Погубитъ онъ меня, присягну, что погубитъ! Вотъ теперь два часа на солнцѣ по его же милости жарюсь. Хотѣлъ было къ протопопу зайти, покамѣстъ эти дураки съ починкой копаются. Хорошій человѣкъ здѣшній протопопъ. Да ужъ такъ онъ разстроилъ меня, Ѳомка-то, что ужъ и на протопопа смотрѣть не хочется! Ну ихъ всѣхъ! Здѣсь вѣдь и трактиришка порядочнаго нѣтъ. Всѣ, я вамъ скажу, подлецы, всѣ до единаго! И вѣдь добро бы чинъ на немъ былъ необыкновенный какой-нибудь, — продолжалъ Бахчеевъ, снова обращаясь къ Ѳомѣ Ѳомичу, отъ котораго онъ, видимо, не могъ отвязаться, — ну, тогда хоть по чину простительно; а то, вѣдь, и чинишка-то нѣтъ; это я доподлинно знаю, что нѣтъ. За правду, говоритъ, гдѣ-то тамъ пострадалъ, въ сорокъ не въ нашемъ году, такъ вотъ и кланяйся ему за то въ ножки! Чертъ не братъ! Чуть что не по немъ — вскочитъ, завизжитъ: «обижаютъ, дескать, меня, бѣдность мою обижаютъ, уваженіе не питаютъ ко мнѣ!» Безъ Ѳомы къ столу не смѣй сѣсть, а самъ не выходитъ: «меня, дескать, обидѣли; я убогій странникъ, я и чернаго хлѣбца поѣмъ». Чуть сядутъ, онъ тутъ и явился, опять пошла наша скрипка пилить: «зачѣмъ безъ меня сѣли за столъ? Значитъ, ни во что̀ меня почитаютъ». Словомъ, гуляй душа! Я, батюшка, долго молчалъ. Онъ думалъ, что и я передъ нимъ собаченкой на заднихъ лапкахъ буду выплясывать; нат-ка, братъ, возьми, закуси! Нѣтъ, братъ, ты только за дугу, а я ужъ въ телѣгѣ сижу! Съ Егоръ-то Ильичемъ я вѣдь въ одномъ полку служилъ. Я-то въ отставку юнкеромъ вышелъ, а

онъ въ прошломъ году въ вотчину пріѣхалъ въ отставкѣ полковникомъ. Говорю ему: «эй, себя сгубите, не потакайте Ѳомѣ! Прольете слезу!» Нѣтъ, говоритъ, превосходнѣйшій онъ человѣкъ (это про Ѳомку-то), онъ мнѣ другъ; онъ меня благонравію учитъ. Ну, думаю, противъ благонравія не пойдешь! Ужъ коли благонравію зачалъ учить — значитъ, послѣднее дѣло пришло. Что жъ бы вы думали, сегодня изъ-за чего опять поднялъ исторію? Завтра Ильи-пророка (господинъ Бахчеевъ перекрестился): Ильюша, сынокъ-то дядюшкинъ, именинникъ. Я было думалъ и день у нихъ провести, и пообѣдать тамъ, и игрушку столичную выписалъ: нѣмецъ на пружинахъ у своей невѣсты ручку цѣлуетъ, а та слезу плактомъ вытираетъ — превосходная вещь! (Теперь ужъ не подарю, моргенъ-фри! Вонъ у меня въ коляскѣ лежитъ и носъ у нѣмца отбитъ; назадъ везу.) Егоръ-то Ильичъ и самъ бы не прочь въ такой день погулять и попраздновать, да Ѳомка претитъ: «зачѣмъ, дескать, начали заниматься Илюшей? На меня, стало быть, вниманія не обращаютъ теперь!» А? Каковъ гусь? Восьмилѣтнему мальчику въ тезоименитствѣ позавидовалъ! «Такъ вотъ нѣтъ же, говоритъ, и я именинникъ!» Да вѣдь будетъ Ильинъ день, а не Ѳоминъ! «Нѣтъ, говоритъ, я тоже въ этотъ день именинникъ!» Смотрю я, терплю. Что жъ бы вы думали? Вѣдь они теперь на цыпочкахъ ходятъ, да шепчутся, какъ быть? За именинника его въ Ильинъ день почитать или нѣтъ, поздравлять или нѣтъ? Не поздравь — обидѣться можетъ, а поздравь — пожалуй, и въ насмѣшку приметъ. Тьфу ты пропасть! Сѣли мы обѣдать... Да ты, батюшка, слушаешь иль нѣтъ?

— Помилуйте, слушаю; съ особеннымъ даже удовольствіемъ слушаю; потому что черезъ васъ я теперь узналъ... и... признаюсь...

— То-то, съ особеннымъ удовольствіемъ! Знаю я твое удовольствіе... Да ужъ ты не въ пику ли мнѣ про удовольствіе-то свое говоришь?

— Помилуйте, въ какую же пику? Напротивъ. При томъ же вы такъ... оригинально выражаетесь, что я даже готовъ записать ваши слова.

— То есть какъ это, батюшка, записать? — спросилъ господинъ Бахчеевъ съ нѣкоторымъ испугомъ и смотря на меня подозрительно.

— Впрочемъ, я, можетъ быть, и не запишу... это я такъ.

— Да ты вѣрно какъ-нибудь обольстить меня хочешь?

— То есть какъ это обольстить? — спросилъ я съ удивленіемъ.

— Да такъ. Вотъ ты теперь меня обольстишь; я тебѣ все разскажу, какъ дуракъ, а ты возьмешь послѣ, да и опишешь меня гдѣ-нибудь въ сочиненіи.

Я тотчасъ же поспѣшилъ увѣрить господина Бахчеева, что я не изъ такихъ, но онъ все еще подозрительно смотрѣлъ на меня.

— То-то, не изъ такихъ! Кто тебя знаетъ! Можетъ, и лучше еще. Вонъ и Ѳома грозился меня описать да въ печать послать.

— Позвольте спросить, — прервалъ я, отчасти желая перемѣнить разговоръ, — скажите, правда ли, что дядюшка хочетъ жениться?

— Такъ что же, что хочетъ? Это бы еще ничего. Женись, коли ужъ тебя покачнуло, не это скверно, а другое скверно... — прибавилъ господинъ Бахчеевъ въ задумчивости. — Гм! Про это,

батюшка, я вамъ доподлинно не могу дать отвѣта. Много теперь туда всякаго бабья напихалось, какъ мухъ у варенья; да вѣдь не разберешь, которая замужъ хочетъ. А я вамъ, батюшка, по дружбѣ скажу: не люблю бабья! Только слава, что человѣкъ, а по правдѣ, такъ одинъ только срамъ, да и спасенію души вредитъ. А что дядюшка вашъ влюбленъ, какъ сибирскій котъ, такъ въ этомъ я васъ завѣряю. Про это, батюшка, я теперь промолчу, сами увидите; а только то скверно, что дѣло тянетъ. Коли жениться, такъ и женись; а то Ѳомкѣ боится сказать, да и старухѣ своей боится сказать: та тоже завизжитъ на все село, да брыкаться начнетъ. За Ѳомку стоитъ: дескать, Ѳома Ѳомичъ огорчится, коли супруга въ домъ войдетъ, потому что ему тогда двухъ часовъ не прожить въ домѣ-то. Супруга-то собственноручно въ шею вытолкаетъ, да еще, не будь дура, другимъ какимъ манеромъ, такого киселя задастъ, что по уѣзду мѣста потомъ не отыщетъ! Такъ вотъ онъ и куралеситъ теперь, вмѣстѣ съ маменькой и подсовываютъ ему таковскую... Да ты, батюшка, что жъ меня перебилъ? Я тебѣ самую главную статью хотѣлъ разсказать, а ты меня перебилъ! Я постарше тебя, перебивать старика не годится...

Я извинился.

— Да ты не извиняйся! Я вамъ, батюшка, какъ человѣку ученому, на судъ представить хотѣлъ, какъ онъ сегодня разобидѣлъ меня. Ну, вотъ разсуди, коли добрый ты человѣкъ. Сѣли мы обѣдать; такъ онъ меня, я тебѣ скажу, чуть не съѣлъ за обѣдомъ-то! Съ самаго начала вижу: сидитъ себѣ, злится, такъ что въ немъ вся душа скрипитъ. Въ ложкѣ воды утопить меня радъ, ехидна! Такого

самолюбія человѣкъ, что ужъ самъ въ себѣ помѣститься не можетъ! Вотъ и вздумалъ онъ ко мнѣ придираться, благонравію тоже меня вздумалъ учить. Зачѣмъ, скажите ему, я такой толстый? Ну, пристaлъ человѣкъ: зачѣмъ не тонкій, а толстый? Ну, скажите же, батюшка, что за вопросъ? Ну, видно ли тутъ остроуміе? Я съ благоразуміемъ ему отвѣчаю: «это такъ ужъ Богъ устроилъ, Ѳома Ѳомичъ: одинъ толстъ, а другой тонокъ; а противъ всеблагого Провидѣнія смертному возставать невозможно». Благоразумно вѣдь — какъ вы думаете? — «Нѣтъ, говоритъ, у тебя пятьсотъ душъ, живешь на готовомъ, а пользы отечеству не приносишь: надо служить, а ты все дома сидишь, да на гармоніи играешь». А я и взаправду, когда взгрустнется, на гармоніи люблю поиграть. Я опять съ благоразуміемъ отвѣчаю: «А въ какую я службу пойду, Ѳома Ѳомичъ? Въ какой мундиръ толстоту-то мою затяну? Надѣну мундиръ, затянусь, неравно чихну — всѣ пуговицы и отлетятъ, да еще, пожалуй, при высшемъ начальствѣ, да оборони Богъ, за пашквиль сочтутъ — что̀ тогда?» Ну, скажите же, батюшка, ну, что я тутъ смѣшного сказалъ? Такъ нѣтъ же, покатывается на мой счетъ, хаханьки да хихиньки такія пошли... то есть цѣломудрія въ немъ нѣтъ никакого, я вамъ скажу, да еще на французскомъ діалектѣ поноситъ меня вздумалъ: «кошонъ», говоритъ. Ну, кошонъто и я понимаю, что значитъ. «Эхъ ты физикъ проклятый, думаю; полагаешь, я тебѣ теплоухъ дался?» Терпѣлъ я, терпѣлъ, да и не утерпѣлъ, всталъ изъ-за стола, да при всемъ честномъ народѣ и брякъ ему: «Согрѣшилъ я, говорю, передъ тобой, Ѳома Ѳомичъ, благодѣтель, подумалъ было, что ты

благовоспитанный человѣкъ, а ты, братъ, выходишь такая же свинья, какъ и мы всѣ», — сказалъ, да и вышелъ изъ-за стола, изъ-за самаго пудина: пудинъ тогда обносили. Ну васъ и съ пудиномъ-то!..

— Извините меня, — сказалъ я, прослушавъ весь разсказъ господина Бахчеева, — я, конечно, готовъ съ вами во всемъ согласиться. Главное, я еще ничего положительнаго не знаю... Но, видите ли, на этотъ счетъ у меня явились теперь свои идеи.

— Какія же это идеи, батюшка, у тебя появились? — недовѣрчиво спросилъ господинъ Бахчеевъ.

— Видите ли,—началъ я, нѣсколько путаясь,—оно, можетъ быть, и некстати теперь, но я, пожалуй, готовъ сообщить. Вотъ какъ я думаю: можетъ быть, мы оба ошибаемся насчетъ Ѳомы Ѳомича; можетъ быть, всѣ эти странности прикрываютъ натуру особенную, даже даровитую — кто это знаетъ? Можетъ быть, это натура огорченная, разбитая страданіями, такъ сказать, мстящая всему человѣчеству. Я слышалъ, что онъ прежде былъ чѣмъ-то въ родѣ шута: можетъ быть, это его унизило, оскорбило, сразило?.. Понимаете: человѣкъ благородный... сознаніе... а тутъ роль шута!.. И вотъ онъ сталъ недовѣрчивъ ко всему человѣчеству и... и, можетъ быть, если примирить его съ человѣчествомъ... то есть съ людьми, то, можетъ быть, изъ него выйдетъ натура особенная, можетъ быть, даже очень замѣчательная и... и... и вѣдь есть же что-нибудь въ этомъ человѣкѣ? Вѣдь есть же причина, по которой ему всѣ поклоняются?

Словомъ, я самъ почувствовалъ, что зарапортовался ужасно. По молодости еще можно было про-

стить. Но господинъ Бахчеевъ не простилъ. Серьезно и строго смотрѣлъ онъ мнѣ въ глаза и, наконецъ, вдругъ побагровѣлъ, какъ индѣйскій пѣтухъ.

— Это Ѳомка-то такой особенный человѣкъ?— спросилъ онъ отрывисто.

— Послушайте: я еще самъ почти ничему не вѣрю изъ того, что я теперь говорилъ. Я это такъ только, въ видѣ догадки...

— А позвольте, батюшка, полюбопытствовать спросить: обучались вы философіи или нѣтъ?

— То есть въ какомъ смыслѣ? — спросилъ я съ недоумѣніемъ.

— Нѣтъ, не въ смыслѣ; а вы мнѣ, батюшка, прямо безъ всякаго смыслу отвѣчайте: обучались вы философіи или нѣтъ?

— Признаюсь, я намѣренъ изучить, но...

— Ну, такъ и есть! — вскричалъ господинъ Бахчеевъ, давъ полную волю своему негодованію.— Я, батюшка, еще прежде, чѣмъ вы ротъ растворили, догадался, что вы философіи обучались! Меня не надуешь! Моргенъ-фри! За три версты чутьемъ услышу философа! Поцѣлуйтесь вы съ вашимъ Ѳомой Ѳомичемъ! Особеннаго человѣка нашелъ! Тьфу! Прокисай все на свѣтѣ! Я было думалъ, что вы тоже благонамѣренный человѣкъ, а вы... Подавай! — закричалъ онъ кучеру, ужъ влѣзавшему на козла исправленнаго экипажа. — Домой!

Насилу-то я кое-какъ успокоилъ его; кое-какъ, наконецъ, онъ смягчился; но долго еще не могъ рѣшиться перемѣнить гнѣвъ на милость. Между тѣмъ онъ влѣзъ въ коляску съ помощью Григорія и Архипа, того самаго, который читалъ наставленія Васильеву.

— Позвольте спросить васъ, — сказалъ я, по-

дойдя къ коляскѣ, — вы ужъ болѣе не пріѣдете къ дядюшкѣ?

— Къ дядюшкѣ-то? А плюньте на того, кто вамъ это сказалъ! Вы думаете, я постоянный человѣкъ, выдержу? Въ томъ-то и горе мое, что я тряпка, а не человѣкъ! Недѣли не пройдетъ, а я опять туда поплетусь. А зачѣмъ? Вотъ подите: самъ не знаю зачѣмъ, а поѣду; опять буду съ Ѳомой воевать. Это ужъ, батюшка, горе мое! За грѣхи мнѣ Господь этого Ѳомку въ наказаніе послалъ. Характеръ у меня бабій, постоянства нѣтъ никакого! Трусъ я, батюшка, первой руки . . .

Мы, однакожъ, разстались по-дружески, онъ даже пригласилъ меня къ себѣ обѣдать.

— Пріѣзжай, батюшка, пріѣзжай, пообѣдаемъ. У меня водочка изъ Кіева пѣшкомъ пришла, а поваръ въ Парижѣ бывалъ. Такого фенезерфу подастъ, такую кулебяку мисаиловну сочинитъ, что только пальчики оближешь, да въ ножки поклонишься ему, подлецу. Образованный человѣкъ! Я вотъ только давно не сѣкъ его, балуется онъ у мену . . . да вотъ теперь благо напомнили . . . Пріѣзжай! Я бы васъ и сегодня съ собою пригласилъ, да вотъ какъ-то весь упалъ, раскисъ, совсѣмъ безъ заднихъ ногъ сдѣлался. Вѣдь я человѣкъ больной, сырой человѣкъ. Вы, можетъ быть, и не вѣрите . . . Ну прощайте, батюшка! Пора плыть и моему кораблю. Вонъ и вашъ тарантасикъ готовъ. А Ѳомкѣ скажите, чтобъ и не встрѣчался со мной; не то я такую чувствительную встрѣчу ему сочиню, что онъ . . .

Но послѣднихъ словъ ужъ не было слышно. Коляска, принятая дружно четверкою сильныхъ коней, исчезла въ облакахъ пыли. Подали и мой та-

рантасъ; я сѣлъ въ него, и мы тотчасъ же проѣхали городишко. «Конечно, этотъ господинъ привираетъ», подумалъ я: «онъ слишкомъ сердитъ и не можетъ быть безпристрастнымъ. Но опять-таки, все что̀ онъ говорилъ о дядѣ, очень замѣчательно. Вотъ ужъ два голоса согласны въ томъ, что дядя любитъ эту дѣвицу... Гм! Женюсь я иль нѣтъ?» Въ этотъ разъ я крѣпко задумался.

III.

Дядя.

Признаюсь, я даже немного струсилъ. Романическія мечты мои показались мнѣ вдругъ чрезвычайно странными, даже какъ будто и глупыми, какъ только я въѣхалъ въ Степанчиково. Это было часовъ около пяти пополудни. Дорога шла мимо барскаго сада. Снова, послѣ долгихъ лѣтъ разлуки, я увидѣлъ этотъ огромный садъ, въ которомъ мелькнуло нѣсколько счастливыхъ дней моего дѣтства и который много разъ потомъ снился мнѣ во снѣ, въ дортуарахъ школъ, хлопотавшихъ о моемъ образованіи. Я выскочилъ изъ повозки и пошелъ прямо черезъ садъ къ барскому дому. Мнѣ очень хотѣлось явиться втихомолку, разузнать, выспросить и прежде всего наговориться съ дядей. Такъ и случилось. Пройдя аллею столѣтнихъ липъ, я ступилъ на террасу, съ которой стеклянною дверью прямо входили во внутреннія комнаты. Эта терраса была окружена клумбами цвѣтовъ и заставлена горшками дорогихъ растеній. Здѣсь я встрѣтилъ одного изъ туземцевъ, стараго Гаврилу, бывшаго когда-то моимъ дядькой, а теперь почетнымъ камердинеромъ дядюшки. Старикъ былъ въ оч-

кахъ и держалъ въ рукѣ тетрадку, которую читалъ съ необыкновеннымъ вниманіемъ. Мы видѣлись съ нимъ, два года назадъ, въ Петербургѣ, куда онъ пріѣзжалъ вмѣстѣ съ дядей, а потому онъ тотчасъ же теперь узналъ меня. Съ радостными слезами бросился онъ цѣловать мои руки, при чемъ очки слетѣли съ его носа на полъ. Такая привязанность старика меня очень тронула. Но, взволнованный недавнимъ разговоромъ съ господиномъ Бахчеевымъ, я прежде всего обратилъ вниманіе на подозрительную тетрадку, бывшую въ рукахъ у Гаврилы.

— Что это, Гаврила, неужели и тебя начали учить по-французски? — спросилъ я старика.

— Учатъ, батюшка, на старости лѣтъ, какъ скворца, — печально отвѣчалъ Гаврила.

— Самъ Ѳома учитъ?

— Онъ батюшка. Умнѣющій, должно быть, человѣкъ.

— Нечего сказать, умникъ! По разговорамъ учитъ?

— По китрадкѣ, батюшка.

— Это чтò въ рукахъ у тебя? А! Французскія слова русскими буквами — ухитрился! Такому болвану, дураку набитому, въ руки даетесь — не стыдно ли, Гаврила? — вскричалъ я, въ одинъ мигъ забывъ всѣ великодушныя мои предположенія о Ѳомѣ Ѳомичѣ, за которыя мнѣ еще такъ недавно досталось отъ господина Бахчеева.

— Гдѣ же, батюшка, — отвѣчалъ старикъ, — гдѣ же онъ дуракъ, коли ужъ господами нашими такъ заправляетъ?

— Гм! Можетъ быть, ты и правъ, Гаврила, — пробормоталъ я, пріостановленный этимъ замѣчаніемъ. — Веди же меня къ дядюшкѣ.

— Соколъ ты мой! Да я не могу на глаза показаться, не смѣю. Я ужъ и его сталъ бояться. Вотъ здѣсь и сижу, горе мычу, да за клумбы шагаю, когда онъ проходить изволитъ.

— Да чего же ты боишься?

— Давеча уроку не зналъ: Ѳома Ѳомичъ на колѣни ставилъ, а я и не сталъ. Старъ я сталъ, батюшка, Сергѣй Александровичъ, чтобъ надо мной такія шутки шутить! Баринъ осерчать изволилъ, зачѣмъ Ѳому Ѳомича не послушался. «Онъ, говоритъ, старый ты хрычъ, о твоемъ же образованіи заботится, произношенію тебя хочетъ учить». Вотъ и хожу, твержу вокабулъ. Обѣщалъ Ѳома Ѳомичъ къ вечеру опять экзаментикъ сдѣлать.

Мнѣ показалось, что тутъ было что-то неясное. Съ этимъ французскимъ языкомъ была какая-нибудь исторія, подумалъ я, которую старикъ не можетъ мнѣ объяснить.

— Одинъ вопросъ, Гаврила: каковъ онъ собой? Видный, высокаго роста?

— Ѳома-то Ѳомичъ? Нѣтъ, батюшка, плюгавенькій такой человѣчекъ.

— Гм! Подожди, Гаврила, все это еще, можетъ быть, уладится; даже непремѣнно, обѣщаю тебѣ, уладится! Но... гдѣ же дядюшка?

— А за конюшнями мужичковъ принимаетъ. Съ Капитоновки старики съ поклономъ пришли. Прослышали, что ихъ Ѳомѣ Ѳомичу записываютъ. Отмолиться хотятъ.

— Да зачѣмъ же за конюшнями?

— Опасается, батюшка...

Дѣйствительно, я нашелъ дядю за конюшнями. Тамъ, на площадкѣ, онъ стоялъ передъ группой крестьянъ, которые кланялись и о чемъ-то усердно

просили. Дядя что-то съ жаромъ имъ толковалъ. Я подошелъ и окликнулъ его. Онъ обернулся, и мы бросились другъ другу въ объятія.

Онъ чрезвычайно мнѣ обрадовался; радость его доходила до восторга. Онъ обнималъ меня, сжималъ мои руки... Точно ему возвратили его роднаго сына, избавленнаго отъ какой-нибудь смертельной опасности. Точно какъ будто я своимъ пріѣздомъ избавилъ и его самого отъ какой-то смертельной опасности и привезъ съ собою разрѣшеніе всѣхъ его недоразумѣній, счастье и радость на всю жизнь ему и всѣмъ кого онъ любитъ. Дядя не согласился бы быть счастливымъ одинъ. Послѣ первыхъ порывовъ восторга, онъ вдругъ такъ захлопоталъ, что, наконецъ, совершенно сбился и спутался. Онъ закидывалъ меня разспросами, хотѣлъ немедленно вести меня къ своему семейству. Мы было и пошли, но дядя воротился, пожелавъ представить меня сначала капитоновскимъ мужикамъ. Потомъ, помню, онъ вдругъ заговорилъ, неизвѣстно по какому поводу, о какомъ-то господинѣ Коровкинѣ, необыкновенномъ человѣкѣ, котораго онъ встрѣтилъ три дня назадъ, гдѣ-то на большой дорогѣ, и котораго ждалъ теперь къ себѣ въ гости съ крайнимъ нетерпѣніемъ. Потомъ онъ бросилъ и Коровкина и заговорилъ о чемъ-то другомъ. Я съ наслажденіемъ смотрѣлъ на него. Отвѣчая на торопливые его разспросы, я сказалъ, что желалъ бы не вступать въ службу, а продолжать заниматься науками. Какъ только дѣло дошло до наукъ, дядя вдругъ насупилъ брови и сдѣлалъ необыкновенно важное лицо. Узнавъ, что въ послѣднее время я занимался минералогіей, онъ поднялъ голову и съ гордостью осмотрѣлся кругомъ, какъ будто онъ

самъ одинъ, безъ всякой посторонней помощи, открылъ и написалъ всю минералогію. Я уже сказалъ, что передъ словомъ «наука» онъ благоговѣлъ самымъ безкорыстнѣйшимъ образомъ, тѣмъ болѣе безкорыстнымъ, что самъ рѣшительно ничего не зналъ.

— Эхъ, братъ, есть же на свѣтѣ люди, что всю подноготную знаютъ! — говорилъ онъ мнѣ однажды, съ сверкающими отъ восторга глазами. — Сидишь между ними, слушаешь и вѣдь самъ знаешь, что ничего не понимаешь, а все какъ-то сердцу любо. А отчего? А оттого, что тутъ польза, тутъ умъ, тутъ всеобщее счастье! Это-о я понимаю. Вотъ я теперь по чугункѣ поѣду, а Илюшка мой, можетъ, и по воздуху полетитъ... Ну, да, наконецъ, и торговля, промышленность — эти, такъ сказать, струи... то есть я хочу сказать, что какъ ни верти, а полезно... Вѣдь полезно, — не правда ли?

Но обратимся къ нашей встрѣчѣ.

— Вотъ подожди, другъ мой, подожди, — началъ онъ, потирая руки и скороговоркой, — увидишь человѣка! Человѣкъ рѣдкій, я тебѣ скажу, человѣкъ ученый, человѣкъ науки; останется въ столѣтіи. А вѣдь хорошо словечко: «останется въ столѣтіи»? Это мнѣ Ѳома объяснилъ... Подожди, я тебя познакомлю.

— Это вы про Ѳому Ѳомича, дядюшка?

— Нѣтъ, нѣтъ, другъ мой! Это я теперь про Коровкина. То есть и Ѳома тоже, и онъ... Но это я просто про Коровкина теперь говорилъ, — прибавилъ онъ, неизвѣстно отчего покраснѣвъ и какъ будто смѣшавшись, какъ только рѣчь зашла про Ѳому.

— Какими же онъ науками занимается, дядюшка?

— Науками, братецъ, науками, вообще науками. Я вотъ только не могу сказать какими именно, а только знаю, что науками. Какъ про желѣзныя дороги говоритъ! И знаешь, — прибавилъ дядя полушепотомъ, многозначительно прищуривая правый глазъ, — немного, этакъ, вольныхъ идей! Я замѣтилъ, особенно когда про семейное счастье заговорилъ... Вотъ жаль, что я самъ мало понялъ (времени не было), а то бы разсказалъ тебѣ все, какъ по ниткѣ. И вдобавокъ благороднѣйшихъ свойствъ человѣкъ! Я его пригласилъ къ себѣ погостить. Съ часу-на-часъ ожидаю.

Между тѣмъ, мужики глядѣли на меня, раскрывъ рты и выпуча глаза, какъ на чудо.

— Послушайте, дядюшка, — прервалъ я его, — я, кажется, помѣшалъ мужичкамъ. Они вѣрно за надобностью. О чемъ они? Я, признаюсь, подозрѣваю кой-что и очень бы радъ ихъ послушать...

Дядя вдругъ захлопоталъ и заторопился.

— Ахъ, да! Я и забылъ! Да вотъ видишь... что̀ съ ними дѣлать? Выдумали, — и желалъ бы я знать, кто первый у нихъ это выдумалъ, — выдумали, что я отдаю ихъ, и всю Капитоновку, — ты помнишь Капитоновку? Еще мы туда съ покойной Катей все по вечерамъ гулять ѣздили, — всю Капитоновку, цѣлыхъ шестьдесятъ восемь душъ, Ѳомѣ Ѳомичу! «Ну, не хотимъ идти отъ тебя, да и только»!

— Такъ это неправда, дядюшка? Вы не отдаете ему Капитоновки? — вскричалъ я почти въ восторгѣ.

— И не думалъ; въ головѣ не было! А ты отъ

кого слышалъ? Разъ какъ-то съ языка сорвалось, вотъ и пошло гулять мое слово. И отчего имъ Ѳома такъ не милъ? Вотъ подожди, Сергѣй, я тебя познакомлю, — прибавилъ онъ, робко взглянувъ на меня, какъ будто уже предчувствуя и во мнѣ врага Ѳомѣ Ѳомичу. — Это, братъ, такой человѣкъ . .

— Не хотимъ, опричь тебя, никого не хотимъ! — завопили вдругъ мужики, цѣлымъ хоромъ. — Вы отцы, а мы ваши дѣти!

— Послушайте, дядюшка, — овтѣчалъ я, — Ѳому Ѳомича я еще не видалъ, но . . . видите ли . . . я кое-что слышалъ. Признаюсь вамъ, что я встрѣтилъ сегодня господина Бахчеева. Впрочемъ, у меня на этотъ счетъ, покамѣстъ, своя идея. Во всякомъ случаѣ, дядюшка, отпустите-ка вы мужиковъ, а мы съ вами поговоримъ одни, безъ свидѣтелей. Я, признаюсь, затѣмъ и пріѣхалъ . . .

— Именно, именно, — подхватилъ дядя, — именно! Мужичковъ отпустимъ, а потомъ и поговоримъ, знаешь, этакъ, пріятельски, дружески, основательно! — Ну, — продолжалъ онъ скороговоркой, обращаясь къ мужикамъ: — теперь ступайте, друзья мои. И впередъ ко мнѣ, всегда ко мнѣ, когда нужно; таки-такъ, прямо ко мнѣ и иди, во всякое время.

— Батюшка ты нашъ! Вы отцы, мы ваши дѣти! Не давай въ обиду Ѳомѣ Ѳомичу! Вся бѣдность проситъ! — закричали еще разъ мужики.

— Вотъ дураки-то! Да не отдамъ я васъ, говорятъ!

— А то заучитъ онъ насъ совсѣмъ, батюшка! Здѣшнихъ, слышь, совсѣмъ заучилъ.

— Такъ неужели онъ и васъ по-французски учитъ? — вскричалъ я, почти въ испугѣ.

— Нѣтъ, батюшка, покамѣстъ еще миловалъ Богъ! — отвѣчалъ одинъ изъ мужиковъ, вѣроятно, большой говорунъ, рыжій, съ огромной плѣшью на затылкѣ и съ длинной, жиденькой, клинообразной бородкой, которая такъ и ходила вся, когда онъ говорилъ, точно она была живая сама по себѣ. — Нѣтъ, сударь, покамѣстъ еще миловалъ Богъ.

— Да чему жъ онъ васъ учитъ?

— А учитъ онъ, ваша милость, такъ, что по нашему выходитъ золотой ящикъ купи да мѣдный грошъ положи.

— То есть, какъ это мѣдный грошъ?

— Сережа! Ты въ заблужденіи; это клевета!— вскричалъ дядя, покраснѣвъ и ужасно сконфузившись. — Это они, дураки, не поняли, что онъ имъ говорилъ! Онъ только такъ... какой тутъ мѣдный грошъ... А тебѣ нечего про все понимать, горло драть, — продолжалъ дядя, съ укоризною обращаясь къ мужику, — тебѣ же, дураку, добра пожелали, а ты не понимаешь, да и кричишь!

— Помилуйте, дядюшка, а французскій-то языкъ?

— Это онъ для произношенія, Сережа, единственно для произношенія, — проговорилъ дядя какимъ-то просительнымъ голосомъ. — Онъ это самъ говорилъ, что для произношенія... При томъ же тутъ случилась одна особенная исторія — ты ея не знаешь, а потому и не можешь судить. Надо, братецъ, прежде вникнуть, а ужъ потомъ обвинять... Обвинять-то легко!

— Да вы-то чего! — закричалъ я, въ запальчивости снова обращаясь къ мужикамъ. — Вы бы ему такъ все прямо и высказали. Дескать, этакъ не-

льзя, Ѳома Ѳомичъ, а вотъ оно какъ! Вѣдь есть же у васъ языкъ?

— Гдѣ та мышь, чтобъ коту звонокъ привѣсила, батюшка? Я, говоритъ, тебя, мужика сиволапаго, чистотѣ и порядку учу. Отчего у тебя рубаха нечиста? Да въ поту живетъ, оттого и не чистая! Не каждый день перемѣнять. Съ чистоты не воскреснешь, съ пѡгани не треснешь.

— А вотъ анамедни на гумно пришелъ, — заговорилъ другой мужикъ, съ виду рослый и сухощавый, весь въ заплатахъ, въ самыхъ худенькихъ лаптишкахъ и, повидимому, одинъ изъ тѣхъ, которые вѣчно чѣмъ-нибудь недовольны и всегда держатъ въ запасѣ какое-нибудь ядовитое, отравленное слово. До сихъ поръ онъ хоронился за спинами другихъ мужиковъ, слушалъ въ мрачномъ безмолвіи и все время не сгонялъ съ лица какой-то двусмысленной, горько-лукавой усмѣшки. — На гумно пришелъ. «Знаете ли вы, говоритъ, сколько до солнца верстъ?» А кто его знаетъ? Наука эта не нашинская, а барская. «Нѣтъ, говоритъ, ты дуракъ, пехтерь, пользы своей не знаешь; а я, говоритъ, астроломъ! Я всѣ Божіи планіды узналъ».

— Ну, а сказалъ тебѣ сколько до солнца верстъ? — вмѣшался дядя, вдругъ оживляясь и весело мнѣ подмигивая, какъ бы говоря: «вотъ посмотри-ка, чтѡ будетъ!»

— Да, сказалъ сколько-то много, — нехотя отвѣчалъ мужикъ, не ожидавшій такого вопроса.

— Ну, а сколько сказалъ, сколько именно?

— Да вашей милости лучше извѣстно, а мы люди темные.

— Да я-то, братъ, знаю, а ты помнишь ли?

— Да сколько-то сотъ, али тысячъ, говорилъ,

будетъ. Что-то много сказалъ. На трехъ возахъ не вывезешь.

— То-то, помни, братецъ! А ты думалъ, небось съ версту будетъ, рукой достать? Нѣтъ, братъ, земля — это, видишь, какъ шаръ круглый— понимаешь?.. — продолжалъ дядя, очертивъ руками въ воздухѣ подобіе шара.

Мужикъ горько улыбнулся.

— Да, какъ шаръ! Она такъ на воздухѣ и держится сама собой и кругомъ солнца ходитъ. А солнце-то на мѣстѣ стоитъ; тебѣ только кажется, что оно ходитъ. Вотъ она штука какая! А открылъ это все капитанъ Кукъ, мореходъ... А чертъ его знаетъ кто и открылъ, — прибавилъ онъ полушепотомъ, обращаясь ко мнѣ. — Самъ-то я, братъ, ничего не знаю... А ты знаешь, сколько до солнца-то?

— Знаю, дядюшка, — отвѣчалъ я, съ удивленіемъ смотря на всю эту сцену, — только вотъ что я думаю: конечно, необразованность есть тоже неряшество, но, съ другой стороны... учить крестьянъ астрономіи...

— Именно, именно, именно неряшество! — подхватилъ дядя въ восторгѣ отъ моего выраженія, которое показалось ему чрезвычайно удачнымъ. — Благородная мысль! Именно неряшество! Я это всегда говорилъ... то есть я этого никогда не говорилъ, но я чувствовалъ. Слышите, — закричалъ онъ мужикамъ, — необразованность, это тоже неряшество, такая же грязь! Вотъ оттого васъ Ѳома и хотѣлъ научить. Онъ васъ добру хотѣлъ научить — это ничего. Это, братъ, ужъ все равно, тоже служба, всякаго чина стоитъ. Вотъ оно дѣло какое, наука-то! Ну, хорошо, хорошо, друзья мои!

Ступайте съ Богомъ, а я радъ, радъ... будьте покойны, я васъ не оставлю.

— Защити, отецъ родной!

— Вели свѣтъ видѣть, батюшка!

И мужики повалились въ ноги.

— Ну, ну, это вздоръ! Богу да Царю кланяйтесь, а не мнѣ... Ну, ступайте, ведите себя хорошо, заслужите ласку... ну и тамъ все... Знаешь, — сказалъ онъ, вдругъ обращаясь ко мнѣ, только что ушли мужики, и какъ-то сіяя отъ радости, — любитъ мужичекъ доброе слово, да и подарочекъ не повредитъ. Подарю-ка я имъ что-нибудь — а? какъ ты думаешь? Для твоего пріѣзда... Подарить или нѣтъ?

— Да, вы, дядюшка, какой-то Флоръ Силинъ, благодѣтельный человѣкъ, какъ я погляжу.

— Ну, нельзя же, братецъ, нельзя: это ничего. Я имъ давно хотѣлъ подарить, — прибавилъ онъ, какъ бы извиняясь. — А что тебѣ смѣшно, что я мужиковъ наукамъ училъ? Нѣтъ, братъ, это я такъ, это я отъ радости, что тебя увидѣлъ, Сережа. Просто-за-просто хотѣлъ, чтобъ и онъ, мужикъ, узналъ — сколько до солнца, да ротъ разинулъ. Весело, братъ, смотрѣть, когда онъ ротъ разинетъ... Какъ-то этакъ радуешься за него. Только, знаешь, другъ мой, не говори тамъ въ гостиной, что я съ мужиками здѣсь объяснялся. Я нарочно ихъ за конюшнями принялъ, чтобъ не видно было. Оно, братъ, какъ-то нельзя было тамъ: щекотливое дѣло, да и сами они потихоньку пришли. Я вѣдь это для нихъ больше и сдѣлалъ...

— Ну, вотъ, дядюшка, я и пріѣхалъ! — началъ я, перемѣняя разговоръ и желая добраться поско-

рѣе до главнаго дѣла. — Признаюсь вамъ, письмо ваше меня такъ удивило, что я...

— Другъ мой, ни слова объ этомъ, — перебилъ дядя, какъ будто въ испугѣ и даже понизивъ голосъ, — послѣ, послѣ этого все объяснится. Я, можетъ быть, и виноватъ передъ тобою и даже, можетъ быть, очень виноватъ...

— Передо мной виноваты, дядюшка?

— Послѣ, послѣ, мой другъ, послѣ! Все это объяснится. Да какой же ты сталъ молодецъ! Милый ты мой! А какъ же я тебя ждалъ! Хотѣлъ излить, такъ сказать... ты ученый, ты одинъ у меня... ты и Коровкинъ. Надобно замѣтить тебѣ, что на тебя здѣсь всѣ сердятся. Смотри же, будь осторожнѣе, не плошай!

— На меня? — спросилъ я, въ удивленіи смотря на дядю, не понимая, чѣмъ я могъ разсердить людей, тогда еще мнѣ совсѣмъ незнакомыхъ. — На меня?

— На тебя, братецъ. Что жъ дѣлать! Ѳома Ѳомичъ немножко... ну ужъ маменька, вслѣдъ за нимъ. Вообще, будь остороженъ, почтителенъ, не противорѣчь, а главное, почтителенъ...

— Это передъ Ѳомой-то Ѳомичемъ, дядюшка?

— Что жъ дѣлать, другъ мой, вѣдь я его не защищаю. Дѣйствительно, онъ, можетъ быть, человѣкъ съ недостатками, и даже теперь, въ эту самую минуту... Ахъ, братъ Сережа, какъ это все меня безпокоитъ! И какъ бы это все могло уладиться, какъ бы мы всѣ могли быть довольны и счастливы!.. Но, впрочемъ, кто жъ безъ недостатковъ? Вѣдь не золотые жъ и мы?

— Помилуйте, дядюшка! Разсмотрите, что онъ дѣлаетъ...

— Эхъ, братъ! Все это только дрязги и больше ничего! Вотъ, напримѣръ, я тебѣ разскажу: теперь онъ сердится на меня, и за что̀, какъ ты думаешь?.. Впрочемъ, можетъ быть, я и самъ виноватъ. Лучше я тебѣ потомъ разскажу...

— Впрочемъ, знаете, дядюшка, у меня на этотъ счетъ выработалась своя особая идея, — перебилъ я, торопясь высказать мою идею. Да мы и оба какъ-то торопились. — Во-первыхъ, онъ былъ шутомъ; это его огорчило, сразило, оскорбило его идеалъ; и вотъ вышла натура озлобленная, болѣзненная, мстящая, такъ сказать, всему человѣчеству... Но если примирить его съ человѣкомъ, если возвратить его самому себѣ...

— Именно, именно! — вскричалъ дядя въ восторгѣ, — именно такъ! Благороднѣйшая мысль! И даже стыдно, неблагородно было бы намъ осуждать его! Именно!.. Ахъ, другъ мой, ты меня понимаешь, ты мнѣ отраду привезъ! Только бы тамъ-то уладилось! Знаешь, я туда теперь и явиться боюсь. Вотъ ты пріѣхалъ, и мнѣ непремѣнно достанется!

— Дядюшка, если такъ... — началъ было я, смутясь отъ такого признанія.

— Ни-ни-ни! Ни за что въ свѣтѣ! — закричалъ онъ, схвативъ меня за руки. — Ты мой гость, и я такъ хочу!

Все это чрезвычайно меня удивляло.

— Дядюшка, скажите мнѣ сейчасъ же, — началъ я настойчиво, — для чего вы меня звали? Чего отъ меня надѣетесь и, главное, въ чемъ передо мной виноваты?

— Другъ мой, и не спрашивай! Послѣ, послѣ! Все это послѣ объяснится! Я, можетъ быть, и во

многомъ виноватъ, но я хотѣлъ поступить какъ честный человѣкъ и . . . и . . . ты на ней женишься! Ты женишься, если только есть въ тебѣ капля благородства! — прибавилъ онъ, весь покраснѣвъ отъ какого-то внезапнаго чувства, восторженно и крѣпко сжимая мою руку.—Но довольно, ни слова больше! Все самъ скоро узнаешь. Отъ тебя же будетъ зависѣть . . . Главное, чтобъ ты теперь тамъ понравился, произвелъ впечатлѣніе. Главное, не сконфузься.

— Но, послушайте, дядюшка, кто жъ у васъ тамъ? Я, признаюсь, такъ мало бывалъ въ обществѣ, что . . .

— Что немножко трусишь? — прервалъ дядя съ улыбкой. — Э, ничего! Все свои, ободрись! Главное, ободрись, не бойся. Я все какъ-то боюсь за тебя. Кто тамъ у насъ, спрашиваешь? Да кто жъ у насъ . . . Во-первыхъ, мамаша, — началъ онъ торопливо. — Ты помнишь мамашу или не помнишь? Добрѣйшая, благороднѣйшая старушка; безъ претензій — это можно сказать; стараго покроя немножко, да это и лучше. Ну, знаешь, иногда такія фантазіи, скажетъ этакъ какъ-то; на меня теперь сердится, да я самъ виноватъ . . . знаю, что виноватъ! Ну, наконецъ — она вѣдь, что называется, grande dame, генеральша . . . превосходнѣйшій человѣкъ былъ ея мужъ: во-первыхъ, генералъ, человѣкъ образованнѣйшій, состоянія не оставилъ, но зато весь былъ израненъ; словомъ — стяжалъ уваженіе! Потомъ дѣвица Перепелицына. Ну, эта . . . не знаю . . . въ послѣднее время она какъ-то того . . . характеръ такой . . . А, впрочемъ, нельзя же всѣхъ и осуждать . . . Ну, да Богъ съ ней . . . Ты не думай, что она приживалка какая-

нибудь. Она, братъ, сама подполковника дочь. Наперсница маменьки, другъ! Потомъ, братъ, сестрица Прасковья Ильинична. Ну, про эту нечего много говорить: простая, добрая; хлопотунья немного, но зато сердце какое! — Ты, главное, на сердце смотри— пожилая дѣвушка, но, знаешь, этотъ чудакъ Бахчеевъ, кажется, куры строитъ, хочетъ присвататься. Ты, однако, молчи, чуръ: секретъ! Ну, кто же еще изъ нашихъ? Про дѣтей не говорю: самъ увидишь. Илюшка завтра именинникъ... Да бишь! Чуть не забылъ: гоститъ у насъ, видишь ли, уже цѣлый мѣсяцъ, Иванъ Иванычъ Мизинчиковъ, тебѣ будетъ троюродный братъ, кажется; да, именно троюродный! Онъ недавно въ отставку вышелъ изъ гусаровъ, поручикомъ; человѣкъ еще молодой. Благороднѣйшая душа! Но знаешь, такъ промотался, что ужъ я и не знаю, гдѣ онъ успѣлъ такъ промотаться. Впрочемъ у него ничего почти и не было; но все-таки промотался, надѣлалъ долговъ... Теперь гоститъ у меня. Я его до сихъ поръ и не зналъ совсѣмъ; самъ пріѣхалъ, отрекомендовался. Милый, добрый, смирный, почтительный. Слыхалъ ли отъ него здѣсь кто и слово? Все молчитъ; Ѳома, въ насмѣшку, прозвалъ его «молчаливый незнакомецъ» — ничего: не сердится. Ѳома доволенъ; говоритъ про Ивана, что онъ недалекъ. Впрочемъ, Иванъ ему ни въ чемъ не противорѣчитъ и во всемъ поддакиваетъ. Гм! Забитый онъ такой... Ну, да Богъ съ нимъ! Самъ увидишь. Есть городскіе гости: Павелъ Семенычъ Обноскинъ съ матерью; молодой человѣкъ, но высочайшаго ума человѣкъ; что-то зрѣлое, знаешь, незыблемое... Я вотъ только не умѣю выразиться; и, вдобавокъ, превосходной нравственности;

строгая мораль! Ну и, наконецъ, гоститъ у насъ, видишь ли, одна Татьяна Ивановна, пожалуй, еще будетъ намъ дальняя родственница — ты ее не знаешь — дѣвица, немолодая — въ этомъ можно признаться, но... съ пріятностями дѣвица: богата, братецъ, такъ что два Степанчикова купитъ; недавно получила, а до тѣхъ поръ горе мыкала. Ты, братъ, Сережа, пожалуйста, остерегись: она такая болѣзненная... знаешь, что-то фантасмагорическое въ характерѣ. Ну, ты благороденъ, поймешь, испытала, знаешь, несчастья. Вдвое надо быть осторожнѣе съ человѣкомъ, испытавшимъ несчастья! Ты, впрочемъ, не подумай чего-нибудь. Конечно, есть слабости: такъ иногда заторопится, скоро скажетъ, не то слово скажетъ, которое нужно, то есть не лжетъ, ты не думай... все это, братъ, такъ сказать, отъ чистаго, отъ благороднаго сердца выходитъ, то есть, если даже и солжетъ что-нибудь, то единственно, такъ сказать, чрезъ излишнее благородство души — понимаешь?

Мнѣ показалось, что дядя ужасно сконфузился.

— Послушайте, дядюшка, — сказалъ я, — я васъ такъ люблю... простите откровенный вопросъ, женитесь вы на комъ-нибудь здѣсь или нѣтъ?

— Да ты отъ кого слышалъ? — отвѣчалъ онъ, покраснѣвъ, какъ ребенокъ. — Вотъ видишь, другъ мой, я тебѣ все разскажу, во-первыхъ, я не женюсь. Маменька, отчасти сестрица и, главное, Ѳома Ѳомичъ, котораго маменька обожаетъ — и за дѣло, за дѣло: онъ много для нея сдѣлалъ — всѣ они хотятъ, чтобъ я женился на этой самой Татьянѣ Ивановнѣ, изъ благоразумія, то есть, для всего семейства. Конечно, мнѣ же добра желаютъ — я

вѣдь это понимаю; но я ни за что не женюсь — я ужъ далъ себѣ такое слово. Несмотря на то, я какъ-то не умѣлъ отвѣчать: ни да, ни нѣтъ не сказалъ. Это ужъ, братъ, со мной всегда такъ случается, они подумали, что я соглашаюсь и непремѣнно хотятъ, чтобъ завтра, для семейнаго праздника, я объяснился... и потому завтра такія хлопоты, что я даже не знаю, что предпринять! Къ тому же Ѳома Ѳомичъ, неизвѣстно почему, на меня разсердился; маменька тоже. Я, братъ, признаюсь тебѣ, только ждалъ тебя да Коровкина... хотѣлъ излить, такъ сказать...

— Да чѣмъ же тутъ поможетъ Коровкинъ, дядюшка?

— Поможетъ, другъ мой, поможетъ, — это, братъ, ужъ такой человѣкъ; одно слово: человѣкъ науки! Я на него, какъ на каменную гору, надѣюсь; побѣждающій человѣкъ! Про семейное счастье какъ говоритъ! Я, признаюсь, и на тебя тоже надѣялся; думалъ: ты ихъ урезонишь. Самъ разсуди: ну, положимъ, я виноватъ, дѣйствительно виноватъ — я понимаю все это; я не безчувственный. Ну, да все же меня можно простить когда-нибудь! Тогда бы мы вотъ какъ зажили!.. Эхъ, братъ, какъ выросла моя Сашурка, хоть сейчасъ къ вѣнцу! Илюшка мой какой сталъ! Завтра именинникъ. За Сашурку-то я боюсь — вотъ что!..

— Дядюшка! Гдѣ мой чемоданъ? Я переодѣнусь и мигомъ явлюсь, а тамъ...

— Въ мезонинѣ, другъ мой, въ мезонинѣ. Я ужъ такъ заранѣ велѣлъ, чтобъ тебя, какъ пріѣдешь, прямо вели въ мезонинъ, чтобъ никто не видалъ. Именно, именно переодѣнься! Это хорошо; прекрасно, прекрасно! А я покамѣстъ тамъ

всѣхъ понемногу приготовлю. Ну, и съ Богомъ! Знаешь, братъ, надо хитрить. Поневолѣ Талейраномъ сдѣлаешься. Ну, да ничего! Тамъ теперь они чай пьютъ. Ѳома Ѳомичъ любитъ пить сейчасъ какъ проснется; оно, знаешь, и лучше... Ну, такъ я пойду, а ты ужъ поскорѣй за мной, не оставляй меня одного: неловко, братъ, какъ-то мнѣ одному-то... Да, постой! Вотъ еще къ тебѣ просьба: не кричи на меня тамъ, какъ давеча здѣсь кричалъ — а? Развѣ ужъ потомъ, если захочешь что замѣтить, такъ, наединѣ, здѣсь и замѣтишь; а до тѣхъ поръ какъ-нибудь скрѣпись, подожди! Я, видишь ли, тамъ ужъ и такъ накутилъ. Они сердятся...

— Послушайте, дядюшка, изъ всего, что я слышалъ и видѣлъ, мнѣ кажется, что вы...

— Тюфякъ, что ли? Да, ужъ ты договаривай!— перебилъ онъ меня совсѣмъ неожиданно.—Что жъ, братъ, дѣлать! Я ужъ и самъ это знаю. Ну, такъ ты придешь? Какъ можно скорѣе приходи, пожалуйста!

Взойдя наверхъ, я поспѣшно открылъ чемоданъ, помня приказаніе дяди сойти внизъ какъ можно скорѣе. Одѣваясь, я замѣтилъ, что еще почти ничего не узналъ изъ того, что хотѣлъ узнать, хотя и говорилъ съ дядей цѣлый часъ. Это меня поразило. Одно только было для меня нѣсколько ясно: дядя все еще настойчиво хотѣлъ, чтобъ я женился, слѣдовательно, всѣ противоположные слухи, именно: что дядя влюбленъ въ ту же особу самъ, — неумѣстны. Помню, что я былъ въ большой тревогѣ. Между прочимъ, мнѣ пришло на мысль, что я, пріѣздомъ моимъ и молчаніемъ передъ дядей, почти произнесъ обѣщаніе,

далъ слово, связалъ себя навѣки. «Не трудно, думалъ я, не трудно сказать слово, которое свяжетъ потомъ навѣки по рукамъ и по ногамъ. А я еще не видалъ и невѣсты!» И опять-таки: съ чего эта вражда противъ меня цѣлаго семейства? Почему имено всѣ они должны смотрѣть на мой пріѣздъ, какъ увѣряетъ дядя, враждебно? И что за странную роль играетъ самъ дядя здѣсь, въ своемъ собственномъ домѣ? Отчего происходитъ его таинственность? Отчего всѣ эти испуги и муки? Признаюсь, что все это представилось мнѣ вдругъ чѣмъ-то совершенно безсмысленнымъ, романическія и героическія мечты мои совсѣмъ вылетѣли изъ головы при первомъ столкновеніи съ дѣйствительностью. Теперь только послѣ разговора съ дядей, мнѣ вдругъ представилась вся нескладность, вся эксцентричность его предложенія, и я понялъ, что подобное предложеніе, и въ такихъ обстоятельствахъ, способенъ былъ сдѣлать одинъ только дядя. Понялъ я также, что и самъ я, прискакавъ сюда сломя голову, по первому его слову, въ восторгѣ отъ его предложенія, очень походилъ на дурака. Я одѣвался поспѣшно, занятый тревожными моими сомнѣніями, такъ что и не замѣтилъ сначала прислуживавшаго мнѣ слугу.

— Аделаидина цвѣта изволите галстукъ надѣть, или этотъ, съ мелкими клѣтками? — спросилъ вдругъ слуга, обращаясь ко мнѣ съ какою-то необыкновенною приторною учтивостью.

Я взглянулъ на него, и оказалось, что онъ тоже достоинъ былъ любопытства. Это былъ еще молодой человѣкъ, для лакея одѣтый прекрасно, не хуже иного губернскаго франта. Коричневый

фракъ, бѣлыя брюки, палевый жилетъ, лакированные полусапожки и розовый галстучекъ, подобраны были очевидно не безъ цѣли. Все это тотчасъ же должно было обратить вниманіе на деликатный вкусъ молодого щеголя. Цѣпочка къ часамъ была выставлена на показъ непремѣнно съ тою же цѣлью. Лицомъ онъ былъ блѣденъ и даже зеленоватъ; носъ имѣлъ большой, съ горбинкой, тонкій, необыкновенно бѣлый, какъ будто фарфоровый. Улыбка на тонкихъ губахъ его выражала какую-то грусть и, однакожъ, деликатную грусть. Глаза, большіе, выпученные и какъ будто стеклянные, смотрѣли необыкновенно тупо и, однакожъ, все-таки просвѣчивалась въ нихъ деликатность. Тонкія мягкія ушки были заложены, изъ деликатности, ватой. Длинные, бѣлобрысые и жидкіе волосы его были завиты въ кудри и напомажены. Ручки его были бѣленькія, чистенькія, вымытыя чуть ли не въ розовой водѣ; пальцы оканчивались щеголеватыми, длиннѣйшими розовыми ногтями. Все это показывало баловня, франта и бѣлоручку. Онъ шепелявилъ и премодно не выговаривалъ букву р, подымалъ и опускалъ глаза, вздыхалъ и нѣжничалъ до невѣроятности. Отъ него пахло духами. Роста онъ былъ небольшого, дряблый и хилый, и на ходу какъ-то особенно присѣдалъ, вѣроятно, находя въ этомъ самую высшую деликатность, — словомъ, онъ весь былъ пропитанъ деликатностью, субтильностью и необыкновеннымъ чувствомъ собственнаго достоинства. Послѣднее обстоятельство, неизвѣстно почему, мнѣ, сгоряча, не понралось.

— Такъ этотъ галстукъ аделаидина цвѣта? — спросилъ я, строго посмотрѣвъ на молодого лакея.

— Аделаидина-съ, — отвѣчалъ онъ съ невозмутимою деликатностью.

— А аграфенина цвѣта нѣтъ?

— Нѣтъ-съ. Такого и быть не можетъ-съ.

— Это почему?

— Неприличное имя Аграфена-съ.

— Какъ неприличное? Почему?

— Извѣстно-съ: Аделаида, по крайней мѣрѣ, иностранное имя, облагороженное-съ; а Аграфеной могутъ называть всякую послѣднюю бабу-съ.

— Да ты съ ума сошелъ, или нѣтъ?

— Никакъ нѣтъ-съ, я при своемъ умѣ-съ. Все — конечно, воля ваша обзывать меня всяческими словами; но разговоромъ моимъ многіе генералы и даже нѣкоторые столичные графы оставались довольны-съ.

— Да тебя какъ зовутъ?

— Видоплясовъ.

— А! Такъ это ты Видоплясовъ?

— Точно такъ-съ.

— Ну, подожди же, братъ, я и съ тобой познакомлюсь.

«Однако, здѣсь что-то похоже на Бедламъ», — подумалъ я про себя, сходя внизъ.

IV.

За чаемъ.

Чайная была та самая комната, изъ которой былъ выходъ на террасу, гдѣ я давеча встрѣтилъ Гаврилу. Таинственныя предвѣщанія дяди насчетъ пріема, меня ожидавшаго, очень меня безпокоили. Молодость иногда не въ мѣру самолюбива, а молодое самолюбіе почти всегда трусливо. Вотъ потому мнѣ чрезвычайно непріятно было, когда я, только что войдя въ дверь и увидя за чайнымъ столомъ все общество, вдругъ запнулся за коверъ, пошатнулся и, спасая равновѣсіе, неожиданно вылетѣлъ на средину комнаты. Сконфузившись такъ, какъ будто я разомъ погубилъ свою карьеру, честь и доброе имя, стоялъ я безъ движенія, покраснѣвъ, какъ ракъ, и безсмысленно смотря на присутствовавшихъ. Упоминаю объ этомъ происшествіи, совершенно по себѣ ничтожномъ, единственно потому, что оно имѣло чрезвычайное вліяніе на мое расположеніе духа почти во весь тотъ день, а слѣдственно и на отношенія мои къ нѣкоторымъ изъ дѣйствующихъ лицъ моего разсказа. Я попробовалъ было поклониться, не докончилъ,

покраснѣлъ еще болѣе, бросился къ дядѣ и схватилъ его за руки.

— Здравствуйте, дядюшка, — проговорилъ я, задыхаясь, желая сказать что-то совсѣмъ другое, гораздо остроумнѣе, но, совсѣмъ неожиданно, сказавъ только: «здравствуйте».

— Здравствуй, здравствуй, братецъ, — отвѣчалъ страдавшій за меня дядя: — вѣдь мы здоровались. Да не конфузься, пожалуйста, — прибавилъ онъ шепотомъ: — это, братъ, со всѣми случается, да еще какъ! Бывало, хоть провалиться въ ту же пору!.. Ну, а теперь, маменька, позвольте вамъ рекомендовать: вотъ нашъ молодой человѣкъ; онъ немного сконфузился, но вы его вѣрно полюбите. Племянникъ мой, Сергѣй Александровичъ, — добавилъ онъ, обращаясь ко всѣмъ вообще.

Но прежде чѣмъ буду продолжать разсказъ, позвольте, любезный читатель, представить вамъ поименно все общество, въ которомъ я вдругъ очутился. Это даже необходимо для порядка разсказа.

Вся компанія состояла изъ нѣсколькихъ дамъ и только двухъ мужчинъ, не считая меня и дяди. Ѳомы Ѳомича — котораго я такъ желалъ видѣть и который, — я уже тогда же чувствовалъ это, — былъ полновластнымъ владыкою всего дома, — не было: онъ блисталъ своимъ отсутствіемъ, и какъ будто унесъ съ собою свѣтъ изъ комнаты. Всѣ были мрачны и озабочены. Этого нельзя было не замѣтить съ перваго взгляда: какъ ни былъ я самъ въ ту минуту смущенъ и разстроенъ, однако я видѣлъ, что дядя, напримѣръ, разстроенъ чуть ли не такъ же, какъ я, хотя онъ и употреблялъ всѣ

усилія, чтобъ скрыть свою заботу подъ видимою непринужденностью. Что-то тяжелымъ камнемъ лежало у него на сердцѣ. Одинъ изъ двухъ мужчинъ, бывшихъ въ комнатѣ, былъ еще очень молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати пяти, тотъ самый Обноскинъ, о которомъ давеча упоминалъ дядя, восхваляя его умъ и мораль. Этотъ господинъ мнѣ чрезвычайно не понравился: все въ немъ сбивалось на какой-то шикъ дурного тона; костюмъ его, несмотря на шикъ, былъ какъ-то потертъ и скуденъ; въ лицѣ его было что-то какъ будто тоже потертое. Бѣлобрысые, тонкіе, тараканьи усы и неудавшаяся клочковатая бороденка, очевидно, предназначены были предъявлять человѣка независимаго и, можетъ быть, вольнодумца. Онъ безпрестанно прищуривался, улыбался съ какою-то выдѣланною язвительностью, кобянился на своемъ стулѣ и поминутно смотрѣлъ на меня въ лорнетъ, но когда я къ нему поворачивался, онъ немедленно опускалъ свое стеклышко и какъ будто трусилъ. Другой господинъ, тоже еще человѣкъ молодой, лѣтъ двадцати восьми, былъ мой троюродный братецъ Мизинчиковъ. Дѣйствительно, онъ былъ чрезвычайно молчаливъ. За чаемъ, во все время, онъ не сказалъ ни слова, не смѣялся, когда всѣ смѣялись; но я вовсе не замѣтилъ въ немъ никакой «забитости», которую видѣлъ въ немъ дядя; напротивъ, взглядъ его свѣтлокарихъ глазъ выражалъ рѣшимость и какую-то опредѣленность характера. Мизинчиковъ былъ смуглъ, черноволосъ и довольно красивъ; одѣтъ очень прилично — на дядинъ счетъ, какъ узналъ я послѣ. Изъ дамъ я замѣтилъ прежде всего дѣвицу Перепелицыну, по ея необыкновенно злому, безкровному лицу. Она сидѣла возлѣ

генеральши, — о которой будетъ особая рѣчь впослѣдствіи, — но не рядомъ, а нѣсколько сзади, изъ почтительности; поминутно нагибалась и шептала что-то на ухо своей покровительницѣ. Двѣ-три пожилыя приживалки, совершенно безъ рѣчей, сидѣли рядкомъ у окна и почтительно ожидали чаю, вытаращивъ глаза на матушку-генеральшу. Заинтересовала меня тоже одна толстая, совершенно расплывшаяся барыня, лѣтъ пятидесяти, одѣтая очень безвкусно и ярко, кажется, нарумяненная и почти безъ зубовъ, вмѣсто которыхъ торчали какіе-то почернѣвшіе и обломанные кусочки; это, однакожъ, не мѣшало ей пищать, прищуриваться, модничать и чуть ли не дѣлать глазки. Она была увѣшана какими-то цѣпочками и безпрерывно наводила на меня лорнетку, какъ мсье Обноскинъ. Это была его маменька. Смиренная Прасковья Ильинична, моя тетушка, разливала чай. Ей, видимо, хотѣлось обнять меня послѣ долгой разлуки и, разумѣется, тутъ же расплакаться, но она не смѣла. Все здѣсь, казалось, было подъ какимъ-то запретомъ. Возлѣ нея сидѣла прехорошенькая, черноглазая, пятнадцатилѣтняя дѣвочка, глядѣвшая на меня пристально, съ дѣтскимъ любопытствомъ, — моя кузина Саша. Наконецъ, и, можетъ быть, всѣхъ болѣе, выдавалась на видъ одна престранная дама, одѣтая пышно и чрезвычайно юношественно, хотя она была далеко немолодая, по крайней мѣрѣ лѣтъ тридцати пяти. Лицо у ней было очень худое, блѣдное и высохшее, но чрезвычайно одушевленное. Яркая краска поминутно появлялась на ея блѣдныхъ щекахъ, почти при каждомъ ея движеніи, при каждомъ волненіи. Волновалась же она безпрерывно, вертѣлась на стулѣ

и какъ будто не въ состояніи была и минутки просидѣть въ покоѣ. Она всматривалась въ меня съ какимъ-то жаднымъ любопытствомъ, безпрерывно наклонялась пошептать что-то на ухо Сашенькѣ или другой сосѣдкѣ и тотчасъ же принималась смѣяться самымъ простодушнымъ, самымъ дѣтски-веселымъ смѣхомъ. Но всѣ ея эксцентричности, къ удивленію моему, какъ будто не обращали на себя ничьего вниманія, точно напередъ всѣ въ этомъ условились. Я догадался, что это была Татьяна Ивановна, та самая, въ которой, по выраженію дяди, было нѣчто фантасмагорическое, которую навязывали ему въ невѣсты, и за которой почти всѣ въ домѣ ухаживали за ея богатство. Мнѣ, впрочемъ, понравились ея глаза, голубые и кроткіе; и хотя около этихъ глазъ уже виднѣлись морщинки, но взглядъ ихъ былъ такъ простодушенъ, такъ веселъ и добръ, что какъ-то особенно пріятно было встрѣчаться съ нимъ. Объ этой Татьянѣ Ивановнѣ, одной изъ настоящихъ «героинь» моего разсказа, я скажу послѣ подробнѣе; біографія ея примѣчательна. Минутъ пять послѣ моего появленія въ чайной, вбѣжалъ изъ сада прехорошенькій мальчикъ, мой кузенъ, Илюша, завтрашній именинникъ, у котораго теперь оба кармана были набиты бабками, и въ рукахъ былъ кубарь. За нимъ вошла молодая, стройная дѣвушка, немного блѣдная и какъ будто усталая, но очень хорошенькая. Она окинула всѣхъ пытливымъ, недовѣрчивымъ и даже робкимъ взглядомъ, пристально посмотрѣла на меня и сѣла возлѣ Татьяны Ивановны. Помню, что у меня невольно стукнуло сердце: я догадался, что это была та самая гувернантка . . . Помню тоже, что дядя, при ея появле-

ніи, вдругъ бросилъ на меня быстрый взглядъ и весь покраснѣлъ, потомъ нагнулся, схватилъ на руки Илюшу и поднесъ его мнѣ поцѣловать. Замѣтилъ я еще, что мадамъ Обноскина сперва пристально посмотрѣла на дядю, а потомъ съ саркастической улыбкой навела свой лорнетъ на гувернантку. Дядя очень смутился и, не зная что дѣлать, вызвалъ было Сашеньку, чтобъ познакомить ее со мной, но та только привстала и, молча, съ серьезною важностью, мнѣ присѣла. Это впрочемъ мнѣ понравилось, потому что къ ней шло. Въ ту же минуту добрая тетушка, Прасковья Ильинична, не вытерпѣла, бросила разливать чай и кинулась было ко мнѣ лобызать меня, но я еще не успѣлъ ей сказать двухъ словъ, какъ тотчасъ же раздался визгливый голосъ дѣвицы Перепелицыной, пропищавшей, что «видно, Прасковья Ильинична забыли-съ маменьку-съ (генеральшу), что маменька-съ требовали чаю-съ, а вы и не наливаете-съ, а онѣ ждутъ-съ», и Прасковья Ильинична, оставивъ меня, со всѣхъ ногъ бросилась къ своимъ обязанностямъ. Эта генеральша, самое важное лицо во всемъ этомъ кружкѣ и предъ которой всѣ ходили по стрункѣ, была тощая и злая старуха, вся одѣтая въ трауръ — злая, впрочемъ, больше отъ старости и отъ потери послѣднихъ (и прежде еще небогатыхъ) умственныхъ способностей; прежде же она была вздорная. Генеральство сдѣлало ее еще глупѣе и надменнѣе. Когда она злилась, весь домъ походилъ на адъ. У ней были двѣ манеры злиться. Первая манера была молчаливая, когда старуха по цѣлымъ днямъ не разжимала губъ своихъ и упорно молчала, толкая, а иногда даже кидая на полъ все, что передъ ней ни поставили. Другая манера была

совершенно противоположная: краснорѣчивая. Начиналось обыкновенно тѣмъ, что бабушка — она вѣдь была мнѣ бабушка,—погружалась въ необыкновенное уныніе, ждала разрушенія міра и всего своего хозяйства, предчувствовала впереди нищету и всевозможное горе, вдохновлялась сама своими предчувствіями, начинала по пальцамъ исчислять будущія бѣдствія и приходила при этомъ счетѣ въ какой-то восторгъ, въ какой-то азартъ. Разумѣется, открывалось, что она все давно ужъ заранѣе предвидѣла и только потому молчала, что принуждена силою молчать «въ этомъ домѣ». «Но если бъ только были къ ней почтительны, если бъ только захотѣли ее заранѣе послушаться, то», и т. д., и т. д.; все это немедленно поддакивалось стаей приживалокъ, дѣвицей Перепелицыной, и, наконецъ, торжественно скрѣплялось Ѳомой Ѳомичемъ. Въ ту минуту, какъ я представлялся ей, она ужасно гнѣвалась и, кажется, по первому способу, молчаливому, самому страшному. Всѣ смотрѣли на нее съ боязнью. Одна только Татьяна Ивановна, которой спускалось рѣшительно все, была въ превосходнѣйшемъ расположеніи духа. Дядя нарочно, даже съ нѣкоторымъ торжествомъ, подвелъ меня къ бабушкѣ; но та, сдѣлавъ кислую гримасу, со злостью оттолкнула отъ себя свою чашку.

— Это тотъ вол-ти-жеръ? — проговорила она сквозь зубы и нараспѣвъ, обращаясь къ Перепелицыной.

Этотъ глупый вопросъ окончательно сбилъ меня съ толку. Не понимаю, отчего она меня назвала волтижеромъ? Но такіе вопросы ей были еще нипочемъ. Перепелицына нагнулась и пошептала ей что-то на ухо, но старуха злобно махнула рукой.

Я стоялъ съ разинутымъ ртомъ и вопросительно смотрѣлъ на дядю. Всѣ переглянулись, а Обноскинъ даже оскалилъ зубы, что ужасно мнѣ не понравилось.

— Она, братъ, — иногда заговаривается, — шепнулъ мнѣ дядя, тоже отчасти потерявшійся: — но это ничего, она это такъ; это отъ добраго сердца. Ты, главное, на сердце смотри.

— Да, сердце! Сердце! — раздался внезапно звонкій голосъ Татьяны Ивановны, которая все время не сводила съ меня своихъ глазъ и отчего-то не могла спокойно усидѣть на мѣстѣ; вѣроятно, слово «сердце», сказанное шепотомъ, долетѣло до ея слуха.

Но она не договорила, хотя ей, очевидно, хотѣлось что-то высказать. Сконфузилась ли она, или что другое, только она вдругъ замолчала, покраснѣла ужасно, быстро нагнулась къ гувернанткѣ, пошептала ей что-то на ухо, и вдругъ, закрывъ ротъ платкомъ и откинувшись на спинку кресла, захохотала, какъ будто въ истерикѣ. Я оглядывалъ всѣхъ съ крайнимъ недоумѣніемъ; но, къ удивленію моему, всѣ были очень серьезны и смотрѣли такъ, какъ будто ничего не случилось особеннаго. Я, конечно, понялъ, кто была Татьяна Ивановна. Наконецъ, мнѣ подали чаю, и я нѣсколько оправился. Не знаю почему, но мнѣ вдругъ показалось, что я обязанъ завести самый любезный разговоръ съ дамами.

— Вы правду сказали, дядюшка, — началъ я,— предостерегая меня давеча, что можно сконфузиться. Я откровенно признаюсь — къ чему скрывать? — продолжалъ я, обращаясь съ заискивающей улыбкой къ мадамъ Обноскиной, — что до

сихъ поръ совсѣмъ почти не зналъ дамскаго общества, и теперь, когда мнѣ случилось такъ неудачно войти, мнѣ показалось, что моя поза среди комнаты была очень смѣшна и отзывалась нѣсколько тюфякомъ, — не правда ли? Вы читали «Тюфяка»? — заключилъ я, теряясь все болѣе и болѣе, краснѣя за свою заискивающую откровенность и грозно смотря на мсье Обноскина, который, скаля зубы, все еще оглядывалъ меня съ головы до ногъ.

— Именно, именно, именно! — вскричалъ вдругъ дядя съ чрезвычайнымъ одушевленіемъ, искренно обрадовавшись, что разговоръ кое-какъ завязался, и я поправлюсь. — Это, братъ, еще ничего, что ты, вотъ, говоришь, что можно сконфузиться. Ну, сконфузился, да и концы въ воду! А я, братъ, для перваго моего дебюта даже совралъ — вѣришь, или нѣтъ? Нѣтъ, ей Богу, Анфиса Петровна, это, я вамъ скажу, интересно прослушать. Только что поступилъ въ юнкера, пріѣзжаю въ Москву, отправляюсь къ одной важной барынѣ съ рекомендательнымъ письмомъ — то есть надменнѣйшая женщина была, но, въ сущности, право, предобрая, что бъ ни говорили. Вхожу — принимаютъ. Гостиная полна народу, преимущественно тузы. Раскланялся, сѣлъ. Со второго слова она мнѣ: «А есть ли, батюшка, деревеньки?» То есть, ни курицы не было, — что отвѣчать? Сконфузился въ прахъ. Всѣ на меня смотрятъ (ну, что, юнкеришка!). Ну, почему бы не сказать: нѣтъ ничего; и благородно бы вышло, потому что правду бы сказалъ. Не выдержалъ! «Есть», говорю, «сто семнадцать душъ». И къ чему я тутъ эти семнадцать приплелъ? Ужъ, коли врать, такъ и вралъ бы круглымъ числомъ ,—

не правда ли? Чрезъ минуту по рекомендательному же моему письму, оказалось, что я голъ, какъ соколъ, и вдобавокъ совралъ! Ну, что было дѣлать? Удралъ во всѣ лопатки и съ тѣхъ поръ ни ногой. Вѣдь у меня тогда еще ничего не было. Это все, что теперь: триста душъ отъ дядюшки Аѳанасія Матвѣича, да двѣсти душъ, съ Капитоновкой, еще прежде, отъ бабушки Акулины Панфиловны, итого пятьсотъ слишкомъ. Это хорошо! Только я съ тѣхъ поръ закаялся врать и не вру.

— Ну, я бы на вашемъ мѣстѣ не закаивался. Богъ знаетъ, что можетъ случиться, — замѣтилъ Обноскинъ, насмѣшливо улыбаясь.

— Ну, да, это правда, правда! Богъ знаетъ, что можетъ случиться, — простодушно поддакнулъ дядя.

Обноскинъ громко захохоталъ, опрокинувшись на спинку кресла; его маменька улыбнулась; какъ-то особенно гадко захихикала и дѣвица Перепелицына; захохотала и Татьяна Ивановна, не зная чему, и даже забила въ ладоши, — словомъ, я видѣлъ ясно, что дядю въ его же домѣ считали ровно ни во что. Сашенька, злобно сверкая глазками, пристально смотрѣла на Обноскина. Гувернантка покраснѣла и потупилась. Дядя удивился.

— А что? Что случилось? — повторилъ онъ, съ недоумѣніемъ озирая всѣхъ насъ.

Во все это время братецъ мой, Мизинчиковъ, сидѣлъ поодаль, молча, и даже не улыбнулся, когда всѣ засмѣялись. Онъ усердно пилъ чай, философически смотрѣлъ на всю публику и нѣсколько разъ, какъ будто въ припадкѣ невыносимой скуки, порывался засвистать, вѣроятно, по старой привычкѣ, но во-время останавливался. Обноскинъ, задирав-

шій дядю и покушавшійся на меня, какъ будто не смѣлъ и взглянуть на Мизинчикова: я это замѣтилъ. Замѣтилъ я тоже, что молчаливый братецъ мой часто посматривалъ на меня, и даже съ видимымъ любопытствомъ, какъ будто желая въ точности опредѣлить, что я за человѣкъ.

— Я увѣрена, — защебетала вдругъ мадамъ Обноскина: — я совершенно увѣрена, m-r Serge — вѣдь такъ, кажется? — что вы, въ вашемъ Петербургѣ, были небольшимъ обожателемъ дамъ. Я знаю, тамъ много, очень много развелось теперь молодыхъ людей, которые совершенно чуждаются дамскаго общества. Но, по-моему, это все вольнодумцы. Я не иначе соглашаюсь на это смотрѣть, какъ на непростительное вольнодумство. И, признаюсь вамъ, меня это удивляетъ, удивляетъ, молодой человѣкъ, просто удивляетъ!..

— Совершенно не былъ въ обществѣ, — отвѣчалъ я съ необыкновеннымъ одушевленіемъ. — Но это... я, по крайней мѣрѣ, думаю, ничего-съ... Я жилъ, то есть я, вообще, нанималъ квартиру... но это ничего, увѣряю васъ. Я буду знакомъ; а до сихъ поръ я все сидѣлъ дома...

— Занимался науками, — замѣтилъ, пріосанившись, дядя.

— Ахъ, дядюшка, вы съ своими науками!.. Вообразите, — продолжалъ я, съ необыкновенною развязностью, любезно осклабляясь и обращаясь снова къ Обноскиной: — мой дорогой дядюшка до такой степени преданъ наукамъ, что откопалъ гдѣ-то на большой дорогѣ какого-то чудодѣйственнаго, практическаго философа, г. Коровкина; и первое слово сегодня ко мнѣ, послѣ столькихъ лѣтъ разлуки, было, что онъ ждетъ этого феноменаль-

наго чудодѣя съ какимъ-то судорожнымъ, можно сказать, нетерпѣніемъ... изъ любви къ наукѣ, разумѣется...

И я захихикалъ, надѣясь вызвать всеобщій смѣхъ въ похвалу моему остроумію.

— Кто такой? Про кого онъ? — рѣзко проговорила генеральша, обращаясь къ Перепелицыной.

— Гостей-съ Егоръ Ильичъ наприглашали-съ, ученыхъ-съ; по большимъ дорогамъ ѣздятъ, ихъ собираютъ-съ, — съ наслажденіемъ пропищала дѣвица.

Дядя совсѣмъ растерялся.

— Ахъ, да! Я и забылъ! — вскричалъ онъ, бросивъ на меня взглядъ, въ которомъ выражался укоръ: — жду Коровкина. Человѣкъ науки, человѣкъ останется въ столѣтіи...

Онъ осѣкся и замолчалъ. Генеральша махнула рукой и въ этотъ разъ такъ удачно, что задѣла за чашку, которая слетѣла со стола и разбилась. Произошло всеобщее волненіе.

— Это она всегда, какъ разсердится, возьметъ да и броситъ что-нибудь на полъ, — шепталъ мнѣ сконфуженный дядя. — Но это только — когда разсердится... Ты, братъ, не смотри, не замѣчай, гляди въ сторону... Зачѣмъ ты объ Коровкинѣ-то заговорилъ?...

Но я и безъ того смотрѣлъ въ сторону: въ эту минуту я встрѣтилъ взглядъ гувернантки, и мнѣ показалось, что въ этомъ взглядѣ на меня былъ какой-то упрекъ, что-то даже презрительное; румянецъ негодованія ярко запылалъ на ея блѣдныхъ щекахъ. Я понялъ ея взглядъ и догадался, что малодушнымъ и гадкимъ желаніемъ моимъ сдѣ-

лать дядю смѣшнымъ, чтобъ хоть немного снять смѣшного съ себя, я не очень выигралъ въ расположеніи этой дѣвицы. Не могу выразить, какъ мнѣ стало стыдно!

— А я съ вами все о Петербургѣ, — залилась опять Анфиса Петровна, когда волненіе, произведенное разбитой чашкой, утихло. — Я съ такимъ, можно сказать, нас-лаж-деніемъ вспоминаю нашу жизнь въ этой очаровательной столицѣ... Мы были очень близко знакомы тогда съ однимъ домомъ — помнишь, Поль? Генералъ Половицынъ... Ахъ, какое очаровательное, о-ча-ро-вательное существо была генеральша! Ну, знаете, этотъ аристократизмъ, beau monde!.. Скажите: вы, вѣроятно, встрѣчались... Я, признаюсь, съ нетерпѣніемъ ждала васъ сюда: я надѣялась отъ васъ многое, многое узнать о петербургскихъ друзьяхъ нашихъ...

— Мнѣ очень жаль, что я не могу... извините... Я уже сказалъ, что очень рѣдко былъ въ обществѣ и совершенно не знаю генерала Половицына; даже не слыхивалъ, — отвѣчалъ я съ нетерпѣніемъ, внезапно смѣнивъ мою любезность на чрезвычайно досадливое и раздраженное состояніе духа.

— Занимался минералогіей! — съ гордостью подхватилъ неисправимый дядя. — Это, братъ, что камушки тамъ разные разсматриваетъ, минералогія-то?

— Да, дядюшка, камни...

— Гм... Много есть наукъ, и все полезныхъ! А я, вѣдь, братъ, по правдѣ, и не зналъ, что такое минералогія! Слышу только, что звонятъ гдѣ-то на чужой колокольнѣ. Въ чемъ другомъ — еще такъ

и сякъ, а въ наукахъ глупъ — откровенно каюсь!

— Откровенно каетесь? — подхватилъ, ухмыляясь, Обноскинъ.

— Папочка! — вскрикнула Саша, съ укоризной смотря на отца.

— Что, душка? Ахъ, Боже мой, я вѣдь все прерываю васъ, Анфиса Петровна, — спохватился дядя, не понявъ восклицанія Сашеньки. — Извините, ради Христа!

— О, не безпокойтесь! — отвѣчала съ кисленькой улыбочкой Анфиса Петровна. — Впрочемъ, я уже все сказала вашему племяннику и заключу развѣ тѣмъ, m-r Serge — такъ кажется? — что вамъ рѣшительно надо исправиться. Я вѣрю, что науки, искусства... ваяніе, напримѣръ... ну, словомъ, всѣ эти высокія идеи имѣютъ, такъ сказать, свою о-ба-я-тельную сторону, но онѣ не замѣнятъ дамъ!.. Женщины, женщины, молодой человѣкъ, формируютъ васъ, и потому безъ нихъ невозможно, невозможно, молодой человѣкъ, невоз-можно!

— Невозможно, невозможно! — раздался снова нѣсколько крикливый голосъ Татьяны Ивановны. — Послушайте, — начала она какъ-то дѣтски спѣша и, разумѣется, вся покраснѣвъ: — послушайте, я хочу васъ спросить...

— Что прикажете-съ, — отвѣчалъ я, внимательно въ нее вглядываясь.

— Я хотѣла васъ спросить: надолго вы пріѣхали, или нѣтъ?

— Ей Богу, не знаю-съ; какъ дѣла...

— Дѣла! Какія у него могутъ быть дѣла?.. О, безумецъ...

И Татьяна Ивановна, краснѣя до-нельзя и за-

крываясь вѣеромъ, нагнулась къ гувернанткѣ и тотчасъ же начала ей что-то шептать. Потомъ вдругъ засмѣялась и захлопала въ ладоши.

— Постойте! Постойте! — вскричала она, отрываясь отъ своей конфидентки и снова торопливо обращаясь ко мнѣ, какъ будто боясь, чтобъ я не ушелъ: — послушайте, знаете ли что я вамъ скажу? Вы ужасно, ужасно похожи на одного молодого человѣка, о-ча-ро-ва-тельнаго молодого человѣка . . . Сашенька, Настенька, помните! Онъ ужасно похожъ на того безумца — помнишь, Сашенька! Еще мы катались и встрѣтили . . . верхомъ и въ бѣломъ жилетѣ . . . еще онъ навелъ на меня свой лорнетъ, безстыдникъ! Помните, еще закрылась вуалью, но не утерпѣла, высунулась изъ коляски и закричала ему: «безстыдникъ!» а потомъ бросила на дорогу мой букетъ . . . Помните, Настенька?

И полупомѣшанная на кавалерахъ дѣвица, вся въ волненіи, закрыла лицо руками; потомъ вдругъ вскочила съ своего мѣста, порхнула къ окну, сорвала съ горшка розу, бросила ее близъ меня на полъ и убѣжала изъ комнаты. Только ее и видѣли! Въ этотъ разъ произошло даже нѣкоторое замѣшательство, хотя генеральша, какъ и въ первый разъ, была совершенно спокойна. Анфиса Петровна, напримѣръ, была не удивлена, но какъ будто чѣмъ-то вдругъ озабочена, и съ тоскою посмотрѣла на своего сына; барышни покраснѣли, а Поль Обноскинъ, съ какою-то непонятною тогда для меня досадою, всталъ со стула и подошелъ къ окну. Дядя началъ было мнѣ дѣлать знаки, но въ эту минуту новое лицо вошло въ комнату и привлекло на себя всеобщее вниманіе.

— А! вотъ и Евграфъ Ларіонычъ! Легокъ на поминѣ! — закричалъ дядя, нелицемѣрно обрадовавшись. — Что, братъ, изъ города?

«Ну, чудаки! Ихъ какъ будто нарочно собирали сюда!» — подумалъ я про себя, не понимая еще хорошенько всего, что происходило передъ моими глазами, не подозрѣвая и того, что и самъ я, кажется, увеличилъ коллекцію этихъ чудаковъ, явясь между ними.

V.

Ежевикинъ.

Въ комнату вошла или, лучше сказать, какъ-то протѣснилась (хотя двери были очень широкія), фигурка, которая еще въ дверяхъ сгибалась, кланялась и скалила зубы, съ чрезвычайнымъ любопытствомъ оглядывая всѣхъ присутствовавшихъ. Это былъ маленькій старичекъ, рябой, съ быстрыми и вороватыми глазками, съ плѣшью и съ лысиной, и съ какой-то неопредѣленной, тонкой усмѣшкой на довольно толстыхъ губахъ. Онъ былъ во фракѣ, очень изношенномъ и, кажется, съ чужого плеча. Одна пуговица висѣла на ниточкѣ; двухъ или трехъ совсѣмъ не было. Дырявые сапоги, засаленная фуражка гармонировала съ его жалкой одеждой. Въ рукахъ его былъ бумажный клѣтчатый платокъ, весь засморканный, которымъ онъ обтиралъ потъ со лба и висковъ. Я замѣтилъ, что гувернантка немного покраснѣла и быстро взглянула на меня. Мнѣ показалось даже, что въ этомъ взглядѣ было что-то гордое и вызывающее.

— Прямо изъ города, благодѣтель! Прямо — оттуда, отецъ родной! Все разскажу, только позвольте сначала честь заявить, — проговорилъ во-

шедшій старичекъ и направился прямо къ генеральшѣ, но остановился на полдорогѣ и снова обратился къ дядѣ.

— Вы ужъ изволите знать мою главную черту, благодѣтель: подлецъ, настоящій подлецъ! Вѣдь я, какъ вхожу, такъ ужъ тотчасъ же главную особу въ домѣ ищу, къ ней первой и стопы направляю, чтобъ такимъ образомъ, съ перваго шагу, милости и протекцію пріобрѣсти. Подлецъ, батюшка, подлецъ, благодѣтель! Позвольте, матушка, барыня, ваше превосходительство, платьице ваше поцѣловать, а то я губами-то ручку вашу, золотую, генеральскую замараю.

Генеральша подала ему руку, къ удивленію моему, довольно благосклонно.

— И вамъ, раскрасавица наша, поклонъ, — продолжалъ онъ, обращаясь къ дѣвицѣ Перепелицыной. — Что дѣлать, сударыня-барыня: подлецъ! Еще въ 1841 году было рѣшено, что подлецъ, когда изъ службы меня исключили, именно тогда, какъ Валентинъ Игнатьевичъ Тихонцевъ въ высокоблагородные попалъ: ассесора дали; его въ ассесоры, а меня въ подлецы. А ужъ я такъ откровенно созданъ, что во всемъ признаюсь. Что дѣлать! Пробовалъ честно жить, пробовалъ, теперь надо попробовать иначе. Александра Егоровна, яблочко наше наливное, — продолжалъ онъ, обходя столъ и пробираясь къ Сашенькѣ: — позвольте ваше платьице поцѣловать; отъ васъ, барышня, яблочкомъ пахнетъ и всякими деликатностями. Именинникуу наше почтеніе; лукъ и стрѣлу вамъ, батюшка, привезъ, самъ цѣлое утро дѣлалъ; ребятишки мои помогали; вотъ ужо и будемъ спускать. А подрастете, въ офицеры поступите, туркѣ голову

срубите. — Татьяна Ивановна... ахъ, да ихъ нѣтъ, благодѣтельницы! А то бъ и у нихъ платьице поцѣловалъ. Прасковья Ильинична, матушка наша родная, протѣсниться только къ вамъ не могу, а то бъ не только ручку, даже и ножку бы вашу поцѣловалъ, — вотъ какъ-съ! Анфиса Петровна, мое вамъ всяческое уваженіе свидѣтельствую. Еще сегодня за васъ Бога молилъ, благодѣтельница, на колѣнкахъ, со слезами Бога молилъ, и за сыночка вашего тоже, чтобъ ниспослалъ ему всякихъ чиновъ и талантовъ: особенно талантовъ! Кстати ужъ и Ивану Ивановичу Мизинчикову наше всенижайшее. Пошли вамъ Господь все, что сами себѣ желаете. Потому что и не разберешь, сударь, чего сами-то вы себѣ желаете: молчаливенькіе такіе-съ... Здравствуй, Настя! Вся моя мелюзга тебѣ кланяется; каждый день о тебѣ поминаютъ. А вотъ теперь и хозяину большой поклонъ. Изъ города, ваше высокородіе, прямехонько изъ города. А это вѣрно племянничекъ вашъ, что въ ученомъ факультетѣ воспитывался? Почтеніе наше всенижайшее, сударь; пожалуйте ручку.

Раздался смѣхъ. Понятно было, что старикъ игралъ роль какого-то добровольнаго шута. Приходъ его развеселилъ общество. Многіе и не понимали его сарказмовъ, а онъ почти всѣхъ обошелъ. Одна гувернантка, которую онъ, къ удивленію моему, назвалъ просто Настей, краснѣла и хмурилась. Я было отдернулъ руку: того только, кажется, и ждалъ старикашка.

— Да вѣдь я только пожать ее у васъ просилъ, батюшка; если только позволите, а не поцѣловать. А вы ужъ думали, что поцѣловать? Нѣтъ, отецъ родной, покамѣстъ еще только пожать. Вы, благо-

дѣтель, вѣрно меня за барскаго шута принимаете? — проговорилъ онъ, смотря на меня съ насмѣшкою.

— Н... нѣтъ, помилуйте, я...

— То-то, батюшка! Коли я шутъ, такъ и другой кто-нибудь тутъ! А вы меня уважайте: я еще не такой подлецъ, какъ вы думаете. Оно, впрочемъ, пожалуй, и шутъ. Я— рабъ, моя жена—рабыня, къ тому же, польсти, польсти! Вотъ оно что! Все-таки что-нибудь выиграешь, хотя ребятишкамъ на молочишко. Сахару, сахару-то побольше во все подсыпайте, такъ оно и здоровѣе будетъ. Это я вамъ, батюшка, по секрету говорю; можетъ, и вамъ понадобится. Фортуна заѣла, благодѣтель, оттого я и шутъ.

— Хи-хи-хи! Ахъ, проказникъ этотъ старичекъ! Вѣчно-то онъ разсмѣшитъ! — пропищала Анфиса Петровна.

— Матушка моя, благодѣтельница, вѣдь дурачкомъ-то лучше на свѣтѣ проживешь! Зналъ бы, такъ съ ранняго молоду въ дураки бъ записался, авось теперь былъ бы умный. А то, какъ рано захотѣлъ быть умникомъ, такъ вотъ и вышелъ теперь старый дуракъ.

— Скажите, пожалуйста, — ввязался Обноскинъ (которому, вѣрно, не нравилось замѣчаніе про *таланты),* какъ-то особенно независимо развалясь въ креслѣ и разсматривая старика въ свое стеклышко, какъ какую-нибудь козявку: — скажите, пожалуйста... все я забываю вашу фамилію... какъ-бишь васъ?..

— Ахъ, батюшка! Да фамилія-то моя, пожалуй что и Ежевикинъ, да что въ томъ толку? Вотъ ужъ девятый годъ безъ мѣста сижу — такъ и живу

себѣ, по законамъ природы. А дѣтей-то, дѣтей-то у меня, просто семейство Холмскихъ! Точно какъ по пословицѣ: «у богатаго — телята, а у бѣднаго— ребята» . . .

— Ну, да . . . телята . . . это, впрочемъ, въ сторону. Ну, послушайте, я давно хотѣлъ васъ спросить: зачѣмъ вы, когда входите, тотчасъ назадъ оглядываетесь? Это очень смѣшно.

— Зачѣмъ оглядываюсь? А все мнѣ кажется, батюшка, что меня сзади кто-нибудь хочетъ ладошкой прихлопнуть, какъ муху, оттого и оглядываюсь. Мономанъ я сталъ, батюшка.

Опять засмѣялись. Гувернантка привстала съ мѣста, хотѣла было идти и снова опустилась въ кресло. Въ лицѣ ея было что-то больное, страдающее, несмотря на краску, заливавшую ея щеки.

— Это, братъ, знаешь кто? — шепнулъ мнѣ дядя: — вѣдь это *ея* отецъ!

Я смотрѣлъ на дядю во всѣ глаза. Фамилія Ежевикинъ совершенно вылетѣла у меня изъ головы. Я геройствовалъ, всю дорогу мечталъ о своей суженой, строилъ для нея великодушные планы и совершенно позабылъ ея фамилію или, лучше сказать, не обратилъ на это никакого вниманія съ самаго начала.

— Какъ, отецъ? — отвѣчалъ я шепотомъ. — Да вѣдь, я думалъ, она сирота?

— Отецъ, братъ, отецъ. И знаешь, пречестнѣйшій, преблагороднѣйшій человѣкъ, и даже не пьетъ, а только такъ изъ себя шута строитъ. Бѣдность, братъ, страшная, восемь человѣкъ дѣтей! Настенькинымъ жалованьемъ и живутъ. Изъ службы за язычекъ исключили. Каждую недѣлю сюда ѣздитъ. Гордый какой, — ни за что не возь-

метъ. Давалъ, много разъ давалъ, — не беретъ. Озлобленный человѣкъ!

— Ну, что, братъ, Евграфъ Ларіонычъ, что тамъ, у васъ, новаго? — спросилъ дядя и крѣпко ударилъ его по плечу, замѣтивъ, что мнительный старикъ уже подслушивалъ нашъ разговоръ.

— А что новаго, благодѣтель? Валентинъ Игнатьевичъ вчера объясненіе подавали-съ по Тришина дѣлу. У того въ бунтахъ недовѣсъ муки оказался. Это, барыня, тотъ самый Тришинъ, что смотритъ на васъ, а самъ точно самоваръ раздуваетъ. Можетъ изволите помнить? Вотъ Валентинъ-то Игнатьичъ и пишетъ про Тришина: «Ужъ если», — говоритъ онъ, — «часто поминаемый Тришинъ чести своей родной племянницы не могъ уберечь, — а та съ офицеромъ прошлаго года сбѣжала, — такъ гдѣ же, говоритъ, было ему уберечь казенныя вещи?» Это онъ въ бумагѣ своей такъ и помѣстилъ — ей Богу, не вру-съ.

— Фи! Какія вы исторіи разсказываете! — закричала Анфиса Петровна.

— Именно, именно, именно! Зарапортовался ты, братъ Евграфъ, — поддакнулъ дядя. — Эй, пропадешь за языкъ! Человѣкъ ты прямой, благородный, благонравный — могу заявить, да языкъ-то у тебя ядовитый! И удивляюсь я, какъ ты тамъ съ ними ужиться не можешь! Люди они, кажется, добрые, простые . . .

— Отецъ и благодѣтель! Да простого-то человѣка я и боюсь! — вскричалъ старикъ съ какимъ-то особеннымъ одушевленіемъ.

Отвѣтъ мнѣ понравился. Я быстро подошелъ къ Ежевикину и крѣпко пожалъ ему руку. По правдѣ, мнѣ хотѣлось хоть чѣмъ-нибудь протесто-

вать противъ всеобщаго мнѣнія, показавъ открыто старику мое сочувствіе. А можетъ быть, кто знаетъ! Можетъ быть, мнѣ хотѣлось поднять себя въ мнѣніи Настасьи Евграфовны. Но изъ движенія моего ровно ничего не вышло путнаго.

— Позвольте спросить васъ, — сказалъ я, по обычаю моему, покраснѣвъ и заторопившись: — слыхали вы про іезуитовъ?

— Нѣтъ, отецъ родной, не слыхалъ; такъ развѣ, что-нибудь... да гдѣ намъ! А что-съ?

— Такъ... я было, кстати, хотѣлъ разсказать... Впрочемъ, напомните мнѣ при случаѣ. А теперь, будьте увѣрены, что я васъ понимаю и... умѣю цѣнить...

И, совершенно смѣшавшись, я еще разъ схватилъ его за руку.

— Непремѣнно, батюшка, напомню, непремѣнно напомню! Золотыми литерами запишу. Вотъ, позвольте, и [illegible]локъ завяжу, для памяти.

И онъ, дѣйствительно, завязалъ узелъ, отыскавъ сухой кончикъ на своемъ грязномъ, табачномъ платкѣ.

— Еврафъ Ларіонычъ, берите чаю, — сказала Прасковья Ильинична.

— Тотчасъ, раскрасавица-барыня, тотчасъ, то есть, принцесса, а не барыня! Это вамъ за чаекъ. Степана Алексѣевича Бахчеева встрѣтилъ дорогой, сударыня! Такой развеселый, что на тебѣ! Я ужъ подумалъ, не жениться ли собираются? Польсти, польсти! — проговорилъ онъ полушепотомъ, пронося мимо меня чашку, подмигивая мнѣ и прищуриваясь. — А что же благодѣтеля-то главнаго не видать, Ѳомы Ѳомича-съ? Развѣ не прибудутъ къ чаю?

Дядя вздрогнулъ, какъ будто его ужалили, робко взглянулъ на генеральшу.

— Ужъ я, право, не знаю, — отвѣчалъ онъ нерѣшительно, съ какимъ-то страннымъ смущеніемъ. — Звали его, да онъ... Не знаю, право, можетъ быть, не въ расположеніи духа. Я уже посылалъ Видоплясова и... развѣ, впрочемъ, мнѣ самому сходить?

— Заходилъ я къ нимъ сейчасъ, — таинственно проговорилъ Ежевикинъ.

— Можетъ ли быть? — вскрикнулъ дядя въ испугѣ. — Ну, что жъ?

— Напередъ всего заходилъ-съ, почтеніе свидѣтельствовалъ. Сказали, что они въ уединеніи чаю напьются, а потомъ прибавили, что они и сухой хлѣбной корочкой могутъ быть сыты, да-съ.

Слова эти, казалось, поразили дядю настоящимъ ужасомъ.

— Да ты бъ объяснилъ ему графъ Ларіонычъ, ты бъ разсказалъ, — проговорилъ, наконецъ, дядя, смотря на старика съ тоской и упрекомъ.

— Говорилъ-съ, говорилъ-съ.

— Ну?

— Долго не изволили мнѣ отвѣчать-съ. За математической задачей какой-то сидѣли, опредѣляли что-то: видно, головоломная задача была. Пиѳагоровы штаны при мнѣ начертили, — самъ видѣлъ. Три раза повторялъ, уже на четвертый только подняли головку и какъ будто впервые меня увидали. «Не пойду, говорятъ: тамъ теперь *ученый* пріѣхалъ, такъ ужъ гдѣ намъ быть подлѣ такого свѣтила». — Такъ и изволили выразиться, что подлѣ свѣтила.

И старикашка, искоса, съ насмѣшкою взглянулъ на меня.

— Ну, такъ я и ждалъ! — вскричалъ дядя, всплеснувъ руками, — такъ я и думалъ! Вѣдь это онъ про тебя, Сергѣй, говоритъ, что «ученый». Ну, что теперь дѣлать?

— Признаюсь, дядюшка, — отвѣчалъ я, съ достоинствомъ пожимая плечами: — по-моему, это такой смѣшной отказъ, что не стоитъ обращать и вниманія, и я, право, удивляюсь вашему смущенію...

— Охъ, братецъ, не знаешь ты ничего! — вскрикнулъ онъ, энергически махнувъ рукой.

— Да ужъ теперь нечего горевать-съ, — ввязалась вдругъ дѣвица Перепелицына: — коли всѣ причины злыя отъ васъ самихъ съ первоначалу произошли-съ, Егоръ Ильичъ-съ. Снявши голову, по волосамъ не плачутъ-съ. Послушали бы маменьку-съ, такъ теперь бы и не плакали-съ.

— Да чѣмъ же, Анна Ниловна, я-то виноватъ? Побойтесь Бога! — проговорилъ дядя умоляющимъ голосомъ, какъ будто напрашиваясь на объясненіе.

— Я Бога боюсь, Егоръ Ильичъ; а происходитъ все оттого, что вы эгоисты-съ и родительницу не любите-съ, — съ достоинствомъ отвѣчала дѣвица Перепелицына. — Отчего вамъ было, съ первоначалу, воли ихъ не уважить-съ? Онѣ вамъ мать-съ. А я вамъ неправды не стану говорить-съ. Я сама подполковничья дочь, а не какая-нибудь-съ.

Мнѣ показалось, что Перепелицына ввязалась въ разговоръ единственно съ тою цѣлью, чтобъ объявить всѣмъ намъ, и особенно мнѣ, новоприбывшему, что она сама подполковничья дочь, а не какая-нибудь-съ.

— Оттого, что онъ оскорбляетъ мать свою, — грозно проговорила, наконецъ, сама генеральша.

— Маменька, помилосердуйте! Гдѣ же я васъ оскорбляю?

— Оттого, что ты мрачный эгоистъ, Егорушка, — продолжала генеральша, все болѣе и болѣе одушевляясь.

— Маменька, маменька! Гдѣ же я мрачный эгоистъ? — вскричалъ дядя почти въ отчаяніи: — пять дней, цѣлыхъ пять дней вы сердитесь на меня и не хотите со мной говорить! А за что? За что? Пусть же судятъ меня, пусть цѣлый свѣтъ меня судитъ! Пусть, наконецъ, услышатъ и мое оправданіе. Я долго молчалъ, маменька; вы не хотѣли слушать меня: пусть же теперь люди меня услышатъ. Анфиса Петровна! Павелъ Семенычъ, благороднѣйшій Павелъ Семенычъ! Сергѣй, другъ мой! Ты человѣкъ посторонній, ты, такъ сказать, зритель, ты безпристрастно можешь судить . . .

— Успокойтесь, Егоръ Ильичъ, успокойтесь,— вскрикнула Анфиса Петровна: — не убивайте маменьку!

— Я не убью маменьку, Анфиса Петровна; но вотъ грудь моя — разите! — продолжалъ дядя, разгоряченный до послѣдней степени, что бываетъ иногда съ людьми слабохарактерными, когда ихъ выведутъ изъ послѣдняго терпѣнія, хотя вся горячка ихъ походитъ на огонь отъ зажженной соломы, — я хочу сказать, Анфиса Петровна, что я никого не оскорблю. Я и начну съ того, что Ѳома Ѳомичъ благороднѣйшій, честнѣйшій человѣкъ и, вдобавокъ, человѣкъ высшихъ качествъ, но . . . но онъ былъ несправедливъ ко мнѣ въ этомъ случаѣ.

— Гм! — промычалъ Обноскинъ, какъ будто желая подразнить еще болѣе дядю.

— Павелъ Семенычъ, благороднѣйшій Павелъ Семенычъ! Неужели жъ вы, въ самомъ дѣлѣ, думаете, что я, такъ сказать, безчувственный столбъ? Вѣдь я вижу, вѣдь я понимаю, со слезами сердца, можно сказать, понимаю, что всѣ эти недоразумѣнія отъ излишней любви *его* ко мнѣ происходятъ. Но, воля ваша, онъ, ей Богу, несправедливъ въ этомъ случаѣ. Я все разскажу. Я хочу разсказать теперь эту исторію, Анфиса Петровна, во всей ея ясности и подробности, чтобъ видѣли, съ чего дѣло вышло и справедливо ли на меня сердится маменька, что я не угодилъ Ѳомѣ Ѳомичу. Выслушай и ты меня, Сережа, — прибавилъ онъ, обращаясь ко мнѣ, что дѣлалъ и во все продолженіе разсказа, какъ будто бы боясь другихъ слушателей и сомнѣваясь въ ихъ сочувствіи, — выслушай и ты меня, и рѣши: правъ я или нѣтъ. Вотъ видишь, вотъ съ чего началась вся эта исторія: недѣлю назадъ — да именно не больше недѣли — проѣзжаетъ черезъ нашъ городъ бывшій начальникъ мой, генералъ Русапетовъ, съ супругою и свояченицею. Останавливаются на время. Я пораженъ. Спѣшу воспользоваться случаемъ, лечу, представляюсь и приглашаю къ себѣ на обѣдъ. Обѣщалъ, если можно будетъ. То есть, благороднѣйшій человѣкъ, я тебѣ скажу; блеститъ добродѣтелями и, вдобавокъ, вельможа! Свояченицу свою облагодѣтельствовалъ; одну сироту замужъ выдалъ за дивнаго молодого человѣка (теперь стряпчимъ въ Малиновѣ; еще молодой человѣкъ, но съ какимъ-то, можно сказать, универсальнымъ образованіемъ!), — словомъ, изъ генераловъ генералъ! Ну, у насъ, конечно, возня,

трескотня, повара, фрикасеи; музыку выписываю. Я, разумѣется, радъ и смотрю именинникомъ. Не понравилось Ѳомѣ Ѳомичу, что я радъ и смотрю именинникомъ! Сидѣлъ за столомъ — помню еще, подавали его любимый киселекъ со сливками — молчалъ-молчалъ, да какъ вскочитъ: «Обижаютъ меня, обижаютъ!» — «Да чѣмъ же, говорю, тебя, Ѳома Ѳомичъ, обижаютъ?» — «Вы теперь, говоритъ, мною пренебрегаете; вы генералами теперь занимаетесь, вамъ теперь генералы дороже меня!» Ну, разумѣется, я теперь все это вкратцѣ теперь передаю, такъ сказать, одну только сущность; но если бъ ты зналъ, что онъ еще говорилъ... словомъ, потрясъ всю мою душу! Что ты будешь дѣлать? Я, разумѣется, падаю духомъ: фрапировало меня это, можно сказать, хожу, какъ мокрый пѣтухъ. Наступаетъ торжественный день. Генералъ присылаетъ сказать, что не можетъ: извиняется, — значитъ, не будетъ. Я къ Ѳомѣ: «Ну, Ѳома, успокойся! Не будетъ». Что жъ бы ты думалъ? Не прощаетъ, да и только! «Обидѣли, говоритъ, меня, да и только!» Я и такъ и сякъ. «Нѣтъ, говоритъ, ступайте къ своимъ генераламъ; вамъ генералы дороже меня, вы узы дружества, говоритъ, разорвали». Другъ ты мой! Вѣдь я понимаю, за что онъ сердится. Я не столбъ, не баранъ, не тунеядецъ какой-нибудь! Вѣдь это онъ изъ излишней любви ко мнѣ, такъ сказать, изъ ревности дѣлаетъ — онъ это самъ говоритъ — онъ ревнуетъ меня къ генералу, расположеніе мое боится потерять, испытываетъ меня, хочетъ узнать, чѣмъ я для него могу пожертвовать: «Нѣтъ, говоритъ, я самъ для васъ все равно, что генералъ, я самъ для васъ ваше превосходительство! Тогда помирюсь съ ва-

ми, когда вы мнѣ свое уваженіе докажете». — «Чѣмъ же я тебѣ докажу мое уваженіе, Ѳома Ѳомичъ?» — «А называйте, говоритъ, меня цѣлый день: ваше превосходительство: тогда и докажете уваженіе». Упадаю съ облаковъ! Можешь представить себѣ мое удивленіе! «Да послужитъ это, говоритъ, вамъ урокомъ, чтобъ вы не восхищались впередъ генералами, когда и другіе люди, можетъ, еще почище вашихъ всѣхъ генераловъ!» Ну, тутъ ужъ и я не вытерпѣлъ, каюсь! Открыто каюсь! «Ѳома Ѳомичъ, говорю, развѣ это возможное дѣло? Ну, могу ли я рѣшиться на это? Развѣ я могу, развѣ я въ правѣ произвести тебя въ генералы? Подумай, кто производитъ въ генералы? Ну, какъ я скажу тебѣ: ваше превосходительство? Да вѣдь это, такъ сказать, посягновеніе на величіе судебъ! Да вѣдь генералъ служитъ украшеніемъ отечеству: генералъ воевалъ, онъ свою кровь на полѣ чести пролилъ! Какъ же я тебѣ-то скажу: ваше превосходительство? Не унимается, да и только! Что хочешь, говорю, Ѳома, все для тебя сдѣлаю. Вотъ ты велѣлъ мнѣ сбрить бакенбарды, потому что въ нихъ мало патріотизма, — я сбрилъ, поморщился, а сбрилъ. Мало того, сдѣлаю все, что тебѣ будетъ угодно, только откажись отъ генеральскаго сана! «Нѣтъ, говоритъ, не помирюсь до тѣхъ поръ, пока не скажутъ: ваше превосходительство!» «Это, говоритъ, для нравственности вашей будетъ полезно: это смиритъ вашъ духъ!» говоритъ. И вотъ теперь ужъ недѣлю, цѣлую недѣлю говорить не хочетъ со мной; на всѣхъ, кто ни пріѣдетъ, сердится. Про тебя услыхалъ, что ученый — это я виноватъ: погорячился, разболталъ! — Такъ сказалъ, что нога его въ домѣ не будетъ, если ты въ домъ войдешь.

«Значитъ, говоритъ, ужъ я теперь для васъ не ученый». Вотъ бѣда будетъ, какъ узнаетъ теперь про Коровкина! Ну, помилуй, ну, посуди, ну чѣмъ же я тутъ виноватъ? Ну, неужели жъ рѣшиться сказать ему: «ваше превосходительство»? Ну, можно ли жить въ такомъ положеніи? Ну, за что онъ сегодня бѣдняка Бахчеева изъ-за стола прогналъ? Ну, положимъ, Бахчеевъ не сочинилъ астрономіи; да вѣдь и я не сочинилъ астрономіи... Ну, за что, за что?

— А за то, что ты завистливъ, Егорушка, — промямлила опять генеральша.

— Маменька, — вскричалъ дядя, въ совершенномъ отчаяніи:—вы сведете меня съ ума!.. Вы не свои, вы чужія рѣчи переговариваете, маменька! Я, наконецъ, столбомъ, тумбой, фонаремъ дѣлаюсь, а не вашимъ сыномъ!

— Я слышалъ, дядюшка, — перебилъ я, изумленный до послѣдней степени разсказомъ, — я слышалъ отъ Бахчеева — не знаю, впрочемъ, справедливо, или нѣтъ — что Ѳома Ѳомичъ позавидовалъ именинамъ Ильюши и утверждаетъ, что и самъ онъ завтра именинникъ. Признаюсь, эта характерная черта такъ меня изумила, что я...

— Рожденіе, братецъ, рожденіе, не именины, а рожденіе! — скороговоркою перебилъ меня дядя. — Онъ не такъ только выразился, а онъ правъ: завтра его рожденіе. Правда, братъ, прежде всего...

— Совсѣмъ не рожденье! — крикнула Сашенька.

— Какъ не рожденье? — вскрикнулъ дядя, оторопѣвъ.

— Вовсе не рожденье, папочка! Это вы просто неправду говорите, чтобъ самого себя обмануть да

Ѳомѣ Ѳомичу угодить. А рожденье его въ мартѣ было, — еще, помните, мы передъ этимъ на богомолье въ монастырь ѣздили, а онъ сидѣть никому не далъ покойно въ каретѣ: все кричалъ, что ему бокъ *раздавила* подушка, да щипался; тетушку, со злости, два раза ущипнулъ! А потомъ, когда въ рожденье мы пришли поздравлять, разсердился, зачѣмъ не было камелій въ нашемъ букетѣ. «Я, говоритъ, люблю камеліи, потому что у меня вкусъ высшаго общества, а вы для меня пожалѣли въ оранжереѣ нарвать». И цѣлый день киснулъ да куксился, съ нами говорить не хотѣлъ...

Я думаю, если бъ бомба упала среди комнаты, то это не такъ бы изумило и испугало всѣхъ, какъ это открытое возстаніе — и кого же? дѣвочки, которой даже и говорить не позволялось громко въ бабушкиномъ присутствіи. Генеральша, нѣмая отъ изумленія и отъ бѣшенства, привстала, выпрямилась и смотрѣла на дерзкую внучку свою, не вѣря глазамъ. Дядя обмеръ отъ ужаса.

— Экую волю даютъ! Уморить хотятъ бабиньку-съ! — крикнула Перепелицына.

— Саша, Саша, опомнись! Что съ тобой, Саша? — кричалъ дядя, бросаясь то къ той, то къ другой, то къ генеральшѣ, то къ Сашенькѣ, чтобъ остановить ее.

— Не хочу молчать, папочка! — закричала Саша, вдругъ вскочивъ со стула, топая ножками и сверкая глазенками; — не хочу молчать! Мы всѣ долго терпѣли изъ-за Ѳомы Ѳомича, изъ-за скверная, изъ-за гадкаго вашего Ѳомы Ѳомича! Потому что Ѳома Ѳомичъ всѣхъ насъ погубитъ, потому что ему то и дѣло толкуютъ, что онъ умница, великодушный, благородный, ученый, смѣсь всѣхъ до-

бродѣтелей, попурри какое-то, а Ѳома Ѳомичъ, какъ дуракъ, всему и повѣрилъ! Столько сладкихъ блюдъ ему нанесли, что другому бы совѣстно стало, а Ѳома Ѳомичъ скушалъ все, что передъ нимъ ни поставили, да и еще проситъ. Вотъ вы увидите, всѣхъ насъ съѣстъ, а виноватъ всему папочка! Гадкій, гадкій Ѳома Ѳомичъ, прямо скажу, никого не боюсь! Онъ глупъ, капризенъ, замарашка, неблагородный, жестокосердый, тиранъ, сплетникъ, лгунишка... Ахъ, я бы непремѣнно, непремѣнно, сейчасъ же прогнала его со двора, а папочка его обожаетъ, а папочка отъ него безъ ума!..

— Ахъ!.. — вскрикнула генеральша и покатилась въ изнеможеніи на диванъ.

— Голубчикъ мой, Агафья Тимоѳеевна, ангелъ мой! — кричала Анфиса Петровна, — возьмите мой флаконъ! Воды, скорѣе воды!

— Воды, воды! — кричалъ дядя, — маменька, маменька, успокойтесь! На колѣняхъ умоляю васъ успокоиться!..

— На хлѣбъ на воду васъ посадить-съ, да изъ темной комнаты не выпускать-съ... человѣкоубійцы вы этакія! — прошипѣла на Сашеньку дрожавшая отъ злости Перепелицына.

— И сяду на хлѣбъ на воду, ничего не боюсь! — кричала Сашенька, въ свою очередь пришедшая въ какое-то самозабвеніе. — Я папочку защищаю, потому что онъ самъ себя защитить не умѣетъ. Кто онъ такой, кто онъ, вашъ Ѳома Ѳомичъ, передъ папочкою? У папочки хлѣбъ ѣстъ, да папочку же и унижаетъ, неблагодарный! Да я бъ его разорвала въ куски вашего Ѳому Ѳомича! На дуэль бы его вызвала, да тутъ бы и убила изъ двухъ пистолетовъ...

— Саша, Саша! — кричалъ въ отчаяніи дядя. — Еще одно слово — и я погибъ, безвозвратно погибъ.

— Папочка! — вскричала Саша, вдругъ стремительно бросаясь къ отцу, заливаясь слезами и крѣпко обвивъ его своими ручками, — папочка! Ну, вамъ ли, доброму, прекрасному, веселому, умному, вамъ ли, вамъ ли такъ себя погубить? Вамъ ли подчиняться этому скверному, неблагодарному человѣку, быть его игрушкой, на смѣхъ себя выставлять? Папочка, золотой мой папочка!..

Она зарыдала, закрыла лицо руками и выбѣжала изъ комнаты.

Началась страшная суматоха. Генеральша лежала въ обморокѣ. Дядя стоялъ передъ ней на колѣняхъ и цѣловалъ ея руки. Дѣвица Перепелицына увивалась около нихъ и бросала на насъ злобные, но торжествующіе взгляды. Анфиса Петровна смачивала виски генеральши водою и возилась съ своимъ флакономъ. Прасковья Ильинична трепетала и заливалась слезами; Ежевикинъ искалъ уголка, куда бы забиться, а гувернантка стояла блѣдная, совершенно потерявшись отъ страха. Одинъ Мизинчиковъ оставался совершенно попрежнему. Онъ всталъ, подошелъ къ окну и принялся пристально смотрѣть въ него, рѣшительно не обращая вниманія на всю эту сцену.

Вдругъ генеральша приподнялась съ дивана, выпрямилась и обмѣрила меня грознымъ взглядомъ.

— Вонъ! — крикнула она, притопнувъ на меня ногою.

Я долженъ признаться, что этого совершенно не ожидалъ.

— Вонъ! Вонъ изъ дому; вонъ! Зачѣмъ онъ пріѣхалъ? Чтобъ и духу его не было! Вонъ!

— Маменька! Маменька, что вы! Да вѣдь это Серёжа, — бормоталъ дядя, дрожа всѣмъ тѣломъ отъ страха. — Вѣдь онъ, маменька, къ намъ въ гости пріѣхалъ.

— Какой Серёжа? Вздоръ! Не хочу ничего слышать; вонъ! Это Коровкинъ. Я увѣрена, что это Коровкинъ. Меня предчувствіе не обманываетъ. Онъ пріѣхалъ Ѳому Ѳомича выживать; его и выписали для этого. Мое сердце предчувствуетъ . . . Вонъ, негодяй!

— Дядюшка, если такъ, — сказалъ я, захлебываясь отъ благороднаго негодованія, — если такъ, то я . . . извините меня . . .—И я схватился за шляпу.

— Сергѣй, Сергѣй, что ты дѣлаешь?. . Ну, вотъ теперь этотъ . . . Маменька! Вѣдь это Серёжа! . . Сергѣй, помилуй! — кричалъ онъ, гоняясь за мной и силясь отнять у меня шляпу, — ты мой гость, ты останешься, я хочу! Вѣдь это она только такъ, — прибавилъ онъ шепотомъ, — вѣдь это она только когда разсердится . . . Ты только теперь, первое время спрячься куда-нибудь . . . побудь гдѣ-нибудь — и ничего, все пройдетъ. Она тебя проститъ, — увѣряю тебя! Она добрая, а только такъ, заговаривается . . . Слышишь, она принимаетъ тебя за Коровкина, а потомъ проститъ, увѣряю тебя . . . Ты чего? — закричалъ онъ дрожавшему отъ страха Гаврилѣ, вошедшему въ комнату.

Гаврила вошелъ не одинъ; съ нимъ былъ дворовый парень, мальчикъ лѣтъ шестнадцати, прехорошенькій собой, взятый во дворъ за красоту, какъ узналъ я послѣ. Звали его Ѳалалеемъ. Онъ былъ одѣтъ въ какой-то особенный костюмъ, въ крас-

ной шелковой рубашкѣ, обшитой по вороту позументомъ, съ золотымъ галуннымъ поясомъ, въ черныхъ плисовыхъ шароварахъ и въ козловыхъ сапожкахъ, съ красными отворотами. Этотъ костюмъ былъ затѣей самой генеральши Мальчикъ прегорько рыдалъ, и слезы, одна за другой, катились изъ большихъ, голубыхъ глазъ его.

— Это еще что? — вскричалъ дядя, — что случилось? Да говори же, разбойникъ!

— Ѳома Ѳомичъ велѣлъ быть сюда; сами вослѣдъ идутъ, — отвѣчалъ скорбный Гаврила, — мнѣ на экзаменъ, а онъ...

— А онъ?

— Плясалъ-съ, — отвѣчалъ Гаврила плачевнымъ голосомъ.

— Плясалъ! — вскрикнулъ въ ужасѣ дядя.

— Пля-салъ! — проревѣлъ Ѳалалей, всхлипывая.

— Камаринскаго?

— Ка-ама-ринскаго!

— А Ѳома Ѳомичъ засталъ?

— Зас-талъ!

— Дорѣзали! — вскрикнулъ дядя, — пропала моя голова! — и обѣими руками схватилъ себя за голову.

— Ѳома Ѳомичъ! — возвѣстилъ Видоплясовъ, входя въ комнату.

Дверь отворилась, и Ѳома Ѳомичъ самъ своею собственною особою предсталъ передъ озадаченной публикой.

VI.

Про бѣлаго быка и про камаринскаго мужика.

Но прежде чѣмъ я буду имѣть честь лично представить читателю вошедшаго Ѳому Ѳомича, я считаю совершенно необходимымъ сказать нѣсколько словъ о Ѳалалеѣ и объяснить, что именно было ужаснаго въ томъ, что онъ плясалъ камаринскаго, а Ѳома Ѳомичъ засталъ его въ этомъ веселомъ занятіи. Ѳалалей былъ дворовый мальчикъ, сирота съ колыбели и крестникъ покойной жены моего дяди. Дядя его очень любилъ. Одного этого совершенно достаточно было, чтобъ Ѳома Ѳомичъ, переселясь въ Степанчиково и покоривъ себѣ дядю, возненавидѣлъ любимца его, Ѳалалея. Но мальчикъ какъ-то особенно понравился генеральшѣ и, несмотря на гнѣвъ Ѳомы Ѳомича, остался вверху, при господахъ: настояла въ этомъ сама генеральша, и Ѳома уступилъ, сохраняя въ сердцѣ своемъ обиду, — онъ все считалъ за обиду, — и отмщая за нее ни въ чемъ неповинному дядѣ, при каждомъ удобномъ случаѣ. Ѳалалей былъ удивительно хорошъ собой. У него было лицо дѣвичье, лицо красавицы деревенской дѣвушки. Генеральша холила и

нѣжила его, дорожила имъ, какъ хорошенькой, рѣдкой игрушкой; и еще неизвѣстно, кого она больше любила: свою ли маленькую, курчавенькую собачку Ами или Ѳалалея? Мы уже говорили о его костюмѣ, который былъ ея изобрѣтеніемъ. Барышни выдавали ему помаду, а парикмахеръ Кузьма обязанъ былъ завивать ему по праздникамъ волосы. Этотъ мальчикъ былъ какое-то странное созданіе. Нельзя было назвать его совершеннымъ идіотомъ или юродивымъ, но онъ былъ до того наивенъ, до того правдивъ и простодушенъ, что иногда, дѣйствительно, его можно было счесть дурачкомъ. Приснится ли ему сонъ, онъ тотчасъ же идетъ къ господамъ разсказывать. Онъ вмѣшивается въ разговоръ господъ, не заботясь о томъ, что ихъ прерываетъ. Онъ разсказываетъ имъ такія вещи, которыя никакъ нельзя разсказывать господамъ. Онъ заливается самыми искренними слезами, когда барыня падаетъ въ обморокъ, или когда ужъ слишкомъ забранятъ его барина. Онъ сочувствуетъ всякому несчастью. Иногда подходитъ къ генеральшѣ, цѣлуетъ ея руки и проситъ, чтобъ она не сердилась — и генеральша великодушно прощаетъ ему эти смѣлости. Онъ чувствителенъ до крайности, добръ и незлобивъ, какъ барашекъ, веселъ, какъ счастливый ребенокъ. Со стола ему подаютъ подачку.

Онъ постоянно становится за стуломъ генеральши и ужасно любитъ сахаръ. Когда ему дадутъ сахарцу, онъ тутъ же сгрызаетъ его своими крѣпкими, бѣлыми, какъ молоко, зубами, и неописанное удовольствіе сверкаетъ въ его веселыхъ, голубыхъ глазахъ и на всемъ его хорошенькомъ личикѣ.

Долго гнѣвался Ѳома Ѳомичъ; но, разсудивъ,

наконецъ, что гнѣвомъ не возьмешь, онъ вдругъ рѣшился быть благодѣтелемъ Ѳалалею. Разбранивъ сперва дядю за то, что ему нѣтъ дѣла до образованія дворовыхъ людей, онъ рѣшилъ немедленно обучать бѣднаго мальчика нравственности, хорошимъ манерамъ и французскому языку. «Какъ!» говорилъ онъ, защищая свою нелѣпую мысль (мысль, приходившую въ голову и не одному Ѳомѣ Ѳомичу, чему свидѣтелемъ пишущій эти строки), — «какъ! онъ всегда вверху при своей госпожѣ: вдругъ она, забывъ, что онъ не понимаетъ по-французски, скажетъ ему, напримѣръ, доннѐ муа́ мон-мушуаръ — онъ долженъ и тутъ найтись, и тутъ услужить!» Но оказалось, что не только нельзя было Ѳалалея выучить по-французски, но что поваръ Андронъ, его дядя, безкорыстно старавшійся научить его русской грамотѣ, давно уже махнулъ рукой и сложилъ азбуку на полку. Ѳалалей былъ до того глупъ на книжное обученіе, что не понималъ рѣшительно ничего. Мало того: изъ этого даже вышла исторія. Дворовые стали дразнить Ѳалалея французомъ, а старикъ Гаврила, заслуженный камердинеръ дядюшки, открыто осмѣлился отрицать пользу изученія французской грамоты. Дошло до Ѳомы Ѳомича, и, разгнѣвавшись, онъ, въ наказаніе, заставилъ учиться по-французски самого оппонента, Гаврилу. Вотъ съ чего и взялась вся эта исторія о французскомъ языкѣ, такъ разсердившая г. Бахчеева. Насчетъ манеръ было еще хуже: Ѳома рѣшительно не могъ образовать по-своему Ѳалалея, который, несмотря на запрещеніе, приходилъ по утрамъ разсказывать ему свои сны, что Ѳома Ѳомичъ, съ своей стороны, находилъ въ высшей степени неприличнымъ и фа-

мильярнымъ. Но Ѳалалей упорно оставался Ѳалалеемъ. Разумѣется, за все это прежде всѣхъ доставалось дядѣ.

— Знаете ли, знаете ли, что онъ сегодня сдѣлалъ? — кричитъ, бывало, Ѳома, для бо̀льшаго эффекта, выбравъ время, когда всѣ въ сборѣ. — Знаете ли, полковникъ, до чего доходитъ ваше систематическое баловство? Сегодня онъ сожралъ кусокъ пирога, который вы ему дали за столомъ и, знаете ли, что онъ сказалъ послѣ этого? Поди сюда, поди сюда, нелѣпая душа, поди сюда, идіотъ, румяная ты рожа!..

Ѳалалей подходитъ, плача, утирая обѣими руками глаза.

— Что ты сказалъ, когда ты сожралъ свой пирогъ? Повтори при всѣхъ!

Ѳалалей не отвѣчаетъ и заливается горькими слезами.

— Такъ я скажу за тебя, коли такъ. Ты сказалъ, треснувъ себя по своему набитому и неприличному брюху: «натрескался пирога, какъ Мартынъ мыла!» Помилуйте, полковникъ, развѣ говорятъ такими фразами въ образованномъ обществѣ, тѣмъ болѣе въ высшемъ? Сказалъ ты это иль нѣтъ? Говори!

— Ска-залъ!.. — подтверждаетъ Ѳалалей, всхлипывая.

— Ну, такъ скажи мнѣ теперь: развѣ Мартынъ ѣстъ мыло? Гдѣ именно ты видѣлъ такого Мартына, который ѣстъ мыло? Говори же, дай мнѣ понятіе объ этомъ феноменальномъ Мартынѣ!

Молчаніе.

— Я тебя спрашиваю, — пристаетъ Ѳома, — кто именно этотъ Мартынъ? Я хочу его видѣть,

хочу съ нимъ познакомиться. Ну, кто же онъ? Регистраторъ, астрономъ, пошехонецъ, поэтъ, каптенармусъ, дворовый человѣкъ, — кто-нибудь долженъ же быть. Отвѣчай!

— Дво-ро-вый че-ло-вѣкъ, — отвѣчаетъ, наконецъ, Ѳалалей, продолжая плакать.

— Чей? Чьихъ господъ?

Но Ѳалалей не умѣетъ сказать, чьихъ господъ. Разумѣется, кончается тѣмъ, что Ѳома въ сердцахъ убѣгаетъ изъ комнаты и кричитъ, что его обидѣли; съ генеральшей начинаются припадки, а дядя клянетъ часъ своего рожденія, проситъ у всѣхъ прощенія и всю остальную часть дня ходитъ на цыпочкахъ, въ своихъ собственныхъ комнатахъ.

Какъ нарочно случилось такъ, что на другой же день послѣ исторіи съ мартыновскимъ мыломъ, Ѳалалей, принеся утромъ чай Ѳомѣ Ѳомичу и совершенно успѣвъ забыть Мартына и все вчерашнее горе, сообщилъ ему, что видѣлъ сонъ про бѣлаго быка. Этого не доставало! Ѳома Ѳомичъ пришелъ въ неописанное негодованіе, немедленно призвалъ дядю и началъ распекать его за неприличіе сна, видѣннаго *его* Ѳалалеемъ. Въ этотъ разъ были приняты строгія мѣры: Ѳалалей былъ наказанъ: онъ стоялъ въ углу на колѣняхъ. Настрого запретили ему видѣть такіе грубые, мужицкіе сны. «Я за что сержусь», говорилъ Ѳома: «кромѣ того, что онъ, по-настоящему, не долженъ бы смѣть и подумать лѣзть ко мнѣ съ своими снами, тѣмъ болѣе съ бѣлымъ быкомъ; кромѣ этого — согласитесь сами, полковникъ — что такое бѣлый быкъ, какъ не доказательство грубости, невѣжества, мужичества вашего неотесаннаго Ѳалалея? Каковы мысли, таковы и сны. Развѣ не говорилъ я заранѣе, что изъ

него ничего не выйдетъ, и что не слѣдовало оставлять его вверху, при господахъ? Никогда, никогда не разовьете вы эту безсмысленную простонародную душу во что-нибудь возвышенное, поэтическое. «Развѣ ты не можешь, — продолжалъ онъ, обращаясь къ Ѳалалею, — развѣ ты не можешь видѣть во снѣ что-нибудь изящное, нѣжное, облагороженное, какую-нибудь сцену изъ хорошаго общества, напримѣръ, хоть господъ, играющихъ въ карты, или дамъ, прогуливающихся въ прекрасномъ саду?» Ѳалалей обѣщалъ непремѣнно увидать въ слѣдующую ночь господъ или дамъ, гуляющихъ въ прекрасномъ саду.

Ложась спать, Ѳалалей со слезами молилъ объ этомъ Бога и долго думалъ, какъ бы сдѣлать такъ, чтобъ не видѣть проклятаго бѣлаго была? Но надежды человѣческія обманчивы. Проснувшись на другое утро, онъ съ ужасомъ вспомнилъ, что опять всю ночь ему снилось про ненавистнаго бѣлаго быка и не приснилось ни одной дамы, гуляющей въ прекрасномъ саду. Въ этотъ разъ послѣдствія были особенныя. Ѳома Ѳомичъ объявилъ рѣшительно, что не вѣритъ возможности подобнаго случая, возможности подобнаго повторенія сна, а что Ѳалалей нарочно подученъ кѣмъ-нибудь изъ домашнихъ, а, можетъ быть, и самимъ полковникомъ, чтобъ сдѣлать въ пику Ѳомѣ Ѳомичу. Много было крику, упрековъ и слезъ. Генеральша къ вечеру захворала; весь домъ повѣсилъ носъ. Оставалась еще слабая надежда, что Ѳалалей въ слѣдующую, то есть въ третью ночь, непремѣнно увидитъ что-нибудь изъ высшаго общества. Каково же было всеобщее негодованіе, когда цѣлую недѣлю сряду, каждую Божью ночь, Ѳалалей постоянно видѣлъ бѣ-

лаго быка и одного только бѣлаго быка! О высшемъ обществѣ нечего было и думать.

Но всего интереснѣе было то, что Ѳалалей никакъ не могъ догадаться солгать, просто сказать, что видѣлъ не бѣлаго была, а хоть, напримѣръ, карету, наполненную дамами и Ѳомой Ѳомичемъ; тѣмъ болѣе, что солгать, въ такомъ крайнемъ случаѣ, было даже не такъ и грѣшно. Но Ѳалалей былъ до того правдивъ, что рѣшительно не умѣлъ солгать, если бы даже и захотѣлъ. Объ этомъ даже и не намекали ему. Всѣ знали, что онъ измѣнитъ себѣ въ первое же мгновеніе, и что Ѳома Ѳомичъ тотчасъ же поймаетъ его во лжи. Что было дѣлать? Положеніе дяди становилось невыносимымъ. Ѳалалей былъ рѣшительно неисправимъ. Бѣдный мальчикъ даже сталъ худѣть отъ тоски. Ключница Маланья утверждала, что его испортили, и спрыснула его съ уголька водою. Въ этой полезной операціи участвовала и сердобольная Прасковья Ильинична. Но даже и это не помогло. Ничего не помогало!

— Да пусто бъ его взяло, треклятаго! — разсказывалъ Ѳалалей, — каждую ночь снится! Каждый разъ съ вечера молюсь: «сонъ не снись про бѣлаго была, сонъ не снись про бѣлаго быка!» А онъ тутъ — какъ тутъ, проклятый, стоитъ передо мной, большой, съ рогами, тупогубый такой, у-у-у!

Дядя былъ въ отчаяніи. Но, къ счастью, Ѳома Ѳомичъ вдругъ какъ будто забылъ про бѣлаго быка. Конечно, никто не вѣрилъ, что Ѳома Ѳомичъ можетъ забыть о такомъ важномъ обстоятельствѣ. Всѣ со страхомъ полагаютъ, что онъ прибереганетъ бѣлаго быка про запасъ и обнаружитъ его при первомъ удобномъ случаѣ. Впослѣдствіи оказалось,

что Ѳомѣ Ѳомичу въ это время было не до бѣлаго быка: у него случились другія дѣла, другія заботы; другіе замыслы созрѣвали въ полезной и многодумной его головѣ. Вотъ почему онъ и далъ спокойно вздохнуть Ѳалалею. Вмѣстѣ съ Ѳалалеемъ и всѣ отдохнули. Парень повеселѣлъ, даже сталъ забывать о прошедшемъ; даже бѣлый быкъ началъ появляться рѣже и рѣже, хотя все еще напоминалъ иногда о своемъ фантастическомъ существованіи. Словомъ, все бы пошло хорошо, если бъ не было на свѣтѣ камаринскаго.

Надобно замѣтить, что Ѳалалей отлично плясалъ; это была его главная способность, даже нѣчто въ родѣ призванія; онъ плясалъ съ энергіей, съ неистощимой веселостью, но особенно любилъ онъ камаринскаго мужика. Не то чтобъ ему ужъ такъ очень нравились легкомысленные и, во всякомъ случаѣ, необъяснимые поступки этого вѣтреннаго мужика — нѣтъ, ему нравилось плясать камаринскаго единственно потому, что слушать камаринскаго и не плясать подъ эту музыку было для него рѣшительно невозможно. Иногда, по вечерамъ, два — три лакея, кучера, и садовникъ, игравшій на скрипкѣ, и даже нѣсколько дворовыхъ дамъ собирались въ кружокъ, гдѣ-нибудь на самой задней площадкѣ барской усадьбы, подальше отъ Ѳомы Ѳомича; начиналась музыка, танцы и, подъ конецъ, торжественно вступалъ въ свои права и камаринскій. Оркестръ составляли двѣ балалайки, гитара, скрипка и бубенъ, съ которымъ отлично управлялся форейторъ Митюшка. Надо было посмотрѣть, что дѣлалось тогда съ Ѳалалеемъ: онъ плясалъ до забвенья самого себя, до истощенія послѣднихъ силъ, поощряемый криками и смѣхомъ публики; онъ

взвизгивалъ, кричалъ, хохоталъ, хлопалъ въ ладоши; онъ плясалъ, какъ будто увлекаемый постороннею, непостижимою силою, съ которой не могъ совладать, и упрямо силился догнать все болѣе и болѣе учащаемый темпъ удалого мотива, выбивая по землѣ каблуками. Это были минуты истиннаго его наслажденія; и все бы это шло и весело, если бъ слухъ о камаринскомъ не достигъ, наконецъ, Ѳомы Ѳомича.

Ѳома Ѳомичъ обмеръ и тотчасъ же послалъ за полковникомъ.

— Я хотѣлъ отъ васъ только объ одномъ узнать, полковникъ, — началъ Ѳома, — совершенно ли вы поклялись погубить этого несчастнаго идіота, или не совершенно? Въ первомъ случаѣ я тотчасъ же отстраняюсь; если же не совершенно, то я...

— Да что такое? Что случилось? — вскричалъ испуганный дядя.

— Какъ что случилось? Да знаете ли вы, что онъ пляшетъ камаринскаго?

— Ну... ну что жъ?

— Какъ ну что жъ? — взвизгнулъ Ѳома. — И говорите это вы — вы, ихъ баринъ и даже въ нѣкоторомъ смыслѣ отецъ! Да имѣете ли вы, послѣ этого, здравое понятіе о томъ, что такое камаринскій? Знаете ли вы, что эта пѣсня изображаетъ одного отвратительнаго мужика, покусившагося на самый безнравственный поступокъ, въ пьяномъ видѣ? Знаете ли, на что посягнулъ этотъ развратный холопъ? Онъ попралъ самыя драгоцѣнныя узы и, такъ сказать, притопталъ ихъ своими мужичьими сапожищами, привыкшими попирать только полъ кабака? Да понимаете ли вы, что вы

оскорбили благороднѣйшія чувства мои своимъ отвѣтомъ? Понимаете ли, что вы лично оскорбили меня своимъ отвѣтомъ? Понимаете ли вы это иль нѣтъ?

— Но, Ѳома... Да вѣдь это только пѣсня, Ѳома...

— Какъ только пѣсня! И не постыдились мнѣ признаться, что знаете эту пѣсню — вы, членъ благороднаго общества, отецъ благонравныхъ и невинныхъ дѣтей и, вдобавокъ, полковникъ! Только пѣсня! Но я увѣренъ, что эта пѣсня взята съ истиннаго событія! Только пѣсня! Но какой же порядочный человѣкъ можетъ, не сгорѣвъ со стыда, признаться, что знаетъ эту пѣсню, что слышалъ хоть когда-нибудь эту пѣсню? Какой, какой?

— Ну, да вотъ ты же знаешь, Ѳома, коли спрашиваешь, — отвѣчалъ, въ простотѣ души, сконфуженный дядя.

— Какъ! Я знаю? Я... я... то есть! Обидѣли! — вскричалъ вдругъ Ѳома, срываясь со стула и захлебываясь отъ злости. Онъ никакъ не ожидалъ такого оглушительнаго отвѣта.

Не стану описывать гнѣвъ Ѳомы Ѳомича. Полковникъ съ безславіемъ прогнанъ былъ съ глазъ блюстителя нравственности за неприличіе и *ненаходчивость* своего отвѣта. Но съ этихъ поръ Ѳома Ѳомичъ далъ себѣ клятву: поймать на мѣстѣ преступленія Ѳалалея, танцующаго камаринскаго. По вечерамъ, когда всѣ полагали, что онъ чѣмъ-нибудь занятъ, онъ нарочно выходилъ потихоньку въ садъ, обходилъ огороды и забивался въ коноплю, откуда издали видна была площадка, на которой происходили танцы. Онъ сторожилъ бѣднаго Ѳалалея, какъ охотникъ птичку, съ наслажденіемъ предста-

вляя себѣ, какой трезвонъ задастъ онъ, въ случаѣ успѣха, всему дому, и въ особенности полковнику. Наконецъ, неусыпные труды его увѣнчались успѣхомъ: онъ засталъ камаринскаго! Понятно послѣ этого, отчего дядя рвалъ на себѣ волосы, когда увидѣлъ плачущаго Ѳалалея и услышалъ, что Видоплясовъ возвѣстилъ Ѳому Ѳомича, такъ неожиданно и въ такую хлопотливую минуту представшаго передъ нами своею собственною особою.

VII.

Ѳома Ѳомичъ.

Я съ напряженнымъ любопытствомъ разсматривалъ этого господина. Гаврила справедливо назвалъ его плюгавенькимъ человѣчкомъ. Ѳома былъ малъ ростомъ, бѣлобрысый и съ просѣдью, съ горбатымъ носомъ и съ мелкими морщинками по всему лицу. На подбородкѣ его была большая бородавка. Лѣтъ ему было подъ пятьдесятъ. Онъ вошелъ тихо, мѣрными шагами, опустивъ глаза внизъ. Но самая нахальная самоувѣренность изображалась въ его лицѣ и во всей его педантской фигуркѣ. Къ удивленію моему, онъ явился въ шлафрокѣ, правда, иностраннаго покроя, но все-таки шлафрокѣ, и, вдобавокъ, въ туфляхъ. Воротничекъ его рубашки, не подвязанный галстукомъ, былъ отложенъ à l'enfant; это придавало Ѳомѣ Ѳомичу чрезвычайно глупый видъ. Онъ подошелъ къ незанятому креслу, придвинулъ его къ столу и сѣлъ, не сказавъ никому ни слова. Мгновенно исчезли вся суматоха, все волненіе, бывшія за минуту назадъ. Все притихло такъ, что можно было разслышать пролетѣвшую муху. Генеральша присмирѣла, какъ агнецъ. Все подобострастіе этой бѣдной идіотки

передъ Ѳомой Ѳомичемъ выступило наружу. Она не наглядѣлась на свое нѣщечко, впилась въ него глазами. Дѣвица Перепелицына, осклабляясь, потирала свои ручки, а бѣдная Прасковья Ильинична замѣтно дрожала отъ страха. Дядя немедленно захлопоталъ.

— Чаю, чаю, сестрица! Послаще только, сестрица; Ѳома Ѳомичъ послѣ сна любитъ чай послаще. — Вѣдь тебѣ послаще, Ѳома?

— Не до чаю мнѣ вашего теперь! — проговорилъ Ѳома медленно и съ достоинствомъ, съ озабоченнымъ видомъ махнувъ рукой. — Вамъ бы все, что послаще!

Эти слова и смѣшной до-нельзя, по своей педантской важности, входъ Ѳомы чрезвычайно заинтересовали меня. Мнѣ любопытно было узнать, до чего, до какого забвенія приличій дойдетъ, наконецъ, наглость этого зазнавшагося господчика.

— Ѳома! — крикнулъ дядя, — рекомендую: племянникъ мой, Сергѣй Александровичъ! Сейчасъ пріѣхалъ.

Ѳома Ѳомичъ обмѣрилъ его съ ногъ до головы.

— Удивляюсь я, что вы всегда какъ-то систематически любите перебивать меня, полковникъ, — проговорилъ онъ послѣ значительнаго молчанія, не обративъ на меня ни малѣйшаго вниманія. — Вамъ о дѣлѣ говорятъ, а вы — Богъ знаетъ о чемъ... *трактуете*... Видѣли вы Ѳалалея?

— Видѣлъ, Ѳома...

— А, видѣли! Ну, такъ я вамъ его опять покажу, коли видѣли. Можете полюбоваться на ваше произведеніе... въ нравственномъ смыслѣ. — Поди сюда, идіотъ! Поди сюда, голландская ты рожа! Ну же, иди, иди! Не бойся!

Ѳалалей подошелъ, всхлипывая, раскрывъ ротъ и глотая слезы. Ѳома Ѳомичъ смотрѣлъ на него съ наслажденіемъ.

— Съ намѣреніемъ назвалъ я его голландской рожей, Павелъ Семенычъ, — замѣтилъ онъ, развалясь въ креслѣ и слегка поворотясь къ сидѣвшему рядомъ Обноскину, — да и вообще, знаете, не нахожу нужнымъ смягчать свои выраженія ни въ коемъ случаѣ. Правда должна быть правдой. А чѣмъ ни прикрывайте грязь, она все-таки останется грязью. Что жъ и трудиться смягчать? Себя и людей обманывать! Только въ глупой свѣтской башкѣ могла зародиться потребность такихъ безсмысленныхъ приличій. Скажите — беру васъ судьей — находите вы въ этой рожѣ прекрасное? Я разумѣю высокое, прекрасное, возвышенное, а не какую-нибудь красную харю?

Ѳома Ѳомичъ говорилъ тихо, мѣрно и съ какимъ-то величавымъ равнодушіемъ.

— Въ немъ прекрасное? — отвѣчалъ Обноскинъ съ какою-то нахальною небрежностью. — Мнѣ кажется, что это просто порядочный кусокъ ростбифа — и ничего больше . . .

— Подхожу сегодня къ зеркалу и смотрюсь въ него, — продолжалъ Ѳома, торжественно пропуская мѣстоименіе *я*. — Далеко не считаю себя красавцемъ, но поневолѣ пришелъ къ заключенію, что есть же что-нибудь въ этомъ сѣромъ глазѣ, что отличаетъ меня отъ какого-нибудь Ѳалалея. Это мысль, это жизнь, это умъ въ этомъ глазѣ! Не хвалюсь именно собой. Говорю вообще о нашемъ сословіи. Теперь, какъ вы думаете: можетъ ли быть хоть какой-нибудь клочекъ, хоть какой-нибудь отрывокъ души въ этомъ живомъ бифштексѣ? Нѣтъ,

въ самомъ дѣлѣ, замѣтьте, Павелъ Семенычъ, какъ у этихъ *людей,* совершенно лишенныхъ мысли и идеала, и ѣдящихъ одну говядину, какъ у нихъ всегда отвратительно свѣжъ цвѣтъ лица, грубо и глупо свѣжъ! Угодно вамъ узнать степень его мышленія? Эй, ты, статья! Подойди же поближе, дай на себя полюбоваться! Что ты ротъ разинулъ? Кита, что ли, проглотить хочешь? Ты прекрасенъ? Отвѣчай: ты прекрасенъ?

— Прек-ра-сенъ! — отвѣчалъ Ѳалалей, съ заглушенными рыданіями.

Обноскинъ покатился со смѣху. Я чувствовалъ, что начинаю дрожать отъ злости.

— Вы слышали? — продолжалъ Ѳома, съ торжествомъ обращаясь къ Обноскину. — То ли еще услышите! Я пришелъ ему сдѣлать экзаменъ. Есть, видите ли, Павелъ Семенычъ, люди, которымъ желательно развратить и погубить этого жалкаго идіота. Можетъ быть, я строго сужу, ошибаюсь; но я говорю изъ любви къ человѣчеству. Онъ плясалъ сейчасъ самый неприличный изъ танцевъ. Никому здѣсь до этого нѣтъ и дѣла. Но вотъ сами послушайте. — Отвѣчай: что ты дѣлалъ сейчасъ? Отвѣчай же, отвѣчай немедленно — слышишь?

— Пля-салъ . . . — проговорилъ Ѳалалей, усиливая рыданія.

— Что же ты плясалъ? Какой танецъ? Говори же?

— Камаринскаго . . .

— Камаринскаго! А кто этотъ камаринскій? Что такое камаринскій? Развѣ я могу понять что-нибудь изъ этого отвѣта? Ну же, дай намъ понятіе: кто такой твой камаринскій?

— Му-жикъ . . .

— Мужикъ! Только мужикъ? Удивляюсь! Значитъ, замѣчательный мужикъ! Значитъ, это какой-нибудь знаменитый мужикъ, если о немъ уже сочиняются поэмы и танцы? Ну, отвѣчай же!

Тянуть жилы — была потребность Ѳомы. Онъ заигрывалъ съ своей жертвой, какъ кошка съ мышкой; но Ѳалалей молчитъ, хнычетъ и не понимаетъ вопроса.

— Отвѣчай же! — настаиваетъ Ѳома, — тебя спрашиваютъ: какой это мужикъ? Говори же!.. Господскій ли, казенный ли, вольный, обязанный, экономическій? Много есть мужиковъ...

— Э-ко-но-ми-ческій...

— А, экономическій! Слышите, Павелъ Семенычъ? Новый историческій фактъ: камаринскій мужикъ — экономическій. Гм!.. Ну, что же сдѣлалъ этотъ экономическій мужикъ? За какіе подвиги его такъ воспѣваютъ и... выплясываютъ?

Вопросъ былъ щекотливый, а такъ какъ относился къ Ѳалалею, то и опасный.

— Ну... вы... однакожъ... — замѣтилъ было Обноскинъ, взглянувъ на свою маменьку, которая начинала какъ-то особенно повертываться на диванѣ. Но что было дѣлать? Капризы Ѳомы Ѳомича считались закономъ.

— Помилуйте, дядюшка, если вы не уймете этого дурака, вѣдь онъ... слышите, до чего добирается — Ѳалалей что-нибудь совретъ, увѣряю васъ... — шепнулъ я дядѣ, который потерялся и не зналъ на что рѣшиться.

— Ты бы, однакожъ, Ѳома... — началъ онъ, — вотъ я рекомендую тебѣ, Ѳома, мой племянникъ, молодой человѣкъ, занимался минералогіей...

— Я васъ прошу, полковникъ, не перебивайте

меня съ вашей минералогіей, въ которой вы, сколько мнѣ извѣстно, ничего не знаете, а, можетъ быть, и *другіе* тоже. Я не ребенокъ. Онъ отвѣтитъ мнѣ, что этотъ мужикъ, вмѣсто того, чтобы трудиться для блага своего семейства, напился пьянъ, пропилъ въ кабакѣ полушубокъ и пьяный побѣжалъ по улицѣ. Въ этомъ, какъ извѣстно, и состоитъ содержаніе всей этой поэмы, восхваляющей пьянство. Не безпокойтесь, онъ *теперь* знаетъ, что ему отвѣчать. — Ну, отвѣчай же: что сдѣлалъ этотъ мужикъ? Вѣдь я тебѣ подсказалъ, въ ротъ положилъ. Я именно отъ самого тебя хочу слышать: что онъ сдѣлалъ, чѣмъ прославился, чѣмъ заслужилъ такую безсмертную славу, что его уже воспѣваютъ трубадуры? Ну?

Несчастный Ѳалалей въ тоскѣ озирался кругомъ и, въ недоумѣніи, что сказать, открывалъ и закрывалъ ротъ, какъ карась, вытащенный изъ воды на песокъ.

— Стыдно ска-зать! — промычалъ онъ, наконецъ, въ совершенномъ отчаяніи.

— А! Стыдно сказать! — промычалъ Ѳома, торжествуя. — Вотъ этого-то отвѣта я и добивался, полковникъ! Стыдно сказать, а не стыдно дѣлать? Вотъ нравственность, которую вы посѣяли, которая взошла и которую вы теперь . . . поливаете. Но нечего терять слова! Ступай теперь на кухню, Ѳалалей. Теперь я тебѣ ничего не скажу, изъ уваженія къ публикѣ; но сегодня же, сегодня же, ты будешь жестоко и больно наказанъ. Если же нѣтъ, если и въ этотъ разъ меня на тебя промѣняютъ, то ты оставайся здѣсь и утѣшай своихъ господъ камаринскимъ, а я сегодня же выйду изъ этого дома! Довольно! Я сказалъ. Ступай!

— Ну ужъ вы, кажется, строго . . . — промямлилъ Обноскинъ.

— Именно, именно, именно! — крикнулъ было дядя, но оборвался и замолчалъ. Ѳома мрачно на него покосился.

— Удивляюсь я, Павелъ Семенычъ, — продолжалъ онъ, — что жъ дѣлаютъ послѣ этого всѣ эти современные литераторы, поэты, ученые, мыслители? Какъ это не обратятъ они вниманія на то, какія пѣсни поетъ русскій народъ и подъ какія пѣсни пляшетъ русскій народъ? Что жъ дѣлали до сихъ поръ всѣ эти Пушкины, Лермонтовы, Бороздны. Удивляюсь. Народъ пляшетъ камаринскаго, эту апоѳеозу пьянства, а они воспѣваютъ какія-то незабудочки! Зачѣмъ же не напишутъ они болѣе благонравныхъ пѣсенъ для народнаго употребленія и не бросятъ свои незабудочки? Это соціальный вопросъ! Пусть изобразятъ они мнѣ мужика, но мужика облагороженнаго, такъ сказать, селянина, а не мужика. Пусть изобразятъ этого сельскаго мудреца въ простотѣ своей, пожалуй, хоть даже въ лаптяхъ — я и на это согласенъ, — но преисполненнаго добродѣтелями, которымъ — я это смѣло говорю — можетъ позавидовать даже какой-нибудь слишкомъ прославленный Александръ Македонскій. Я знаю Русь, и Русь меня знаетъ: потому и говорю это. Пусть изобразятъ этого мужика, пожалуй, обремененнаго семействомъ и сѣдиною, въ душной избѣ, пожалуй, еще голоднаго, но довольнаго, неропщущаго, но благословляющаго свою бѣдность и равнодушнаго къ золоту богача. Пусть самъ богачъ въ умиленіи души принесетъ ему, наконецъ, свое золото; пусть даже при этомъ случаѣ, произойдетъ соединеніе добродѣтели мужика

съ добродѣтелями его барина и, пожалуй, еще вельможи. Селянинъ и вельможа, столь разъединенные на ступеняхъ общества, соединяются, наконецъ, въ добродѣтеляхъ, — это высокая мысль! А то, что мы видимъ? Съ одной стороны незабудочки, а съ другой — выскочилъ изъ кабака и бѣжитъ по улицѣ въ растерзанномъ видѣ! Ну, что жъ, скажите, тутъ поэтическаго? Чѣмъ любоваться? Гдѣ умъ? Гдѣ грація? Гдѣ нравственность? Недоумѣваю!

— Сто рублей я тебѣ долженъ, Ѳома Ѳомичъ, за такія слова! — проговорилъ Ежевикинъ съ восхищеннымъ видомъ.

— А вѣдь черта лысаго съ меня и получитъ, — прошепталъ онъ мнѣ потихоньку. — Польсти, польсти!

— Ну, да... это вы хорошо изобразили, — промолвилъ Обноскинъ.

— Именно, именно, именно! — вскрикнулъ дядя, слушавшій съ глубочайшимъ вниманіемъ и глядѣвшій на меня съ торжествомъ.

— Тема-то какая завязалась! — шепнулъ онъ, потирая руки. — Многосторонній разговоръ, чертъ возьми! Ѳома Ѳомичъ, вотъ мой племянникъ, — прибавилъ онъ отъ избытка чувствъ. — Онъ тоже занимался литературой, — рекомендую.

Ѳома Ѳомичъ, какъ и прежде, не обратилъ ни малѣйшаго тоже вниманія на рекомендацію дяди.

— Ради Бога, не рекомендуйте меня болѣе! Я васъ серьезно прошу, — шепнулъ я дядѣ съ рѣшительнымъ видомъ.

— Иванъ Иванычъ! — началъ вдругъ Ѳома, обращаясь къ Мизинчикову и пристально смотря на него, — вотъ, мы теперь говорили: какого вы мнѣнія?

— Я? Вы меня спрашиваете? — съ удивленіемъ отозвался Мизинчиковъ, съ такимъ видомъ, какъ будто его только что разбудили.

— Да, вы-съ. Спрашиваю васъ потому, что дорожу мнѣніемъ истинно-умныхъ людей, а не какихъ-нибудь проблематическихъ умниковъ, которые умны потому только, что ихъ *безпрестанно рекомендуютъ* за умниковъ, за *ученыхъ*, а иной разъ и нарочно выписываютъ, чтобъ показывать ихъ въ балаганѣ, или въ родѣ того.

Камень былъ пущенъ прямо въ мой огородъ. И, однакожъ, не было сомнѣнія, что Ѳома Ѳомичъ, не обращавшій на меня никакого вниманія, завелъ весь этотъ разговоръ о литературѣ единственно для меня, чтобъ ослѣпить, уничтожить, раздавить съ перваго шага петербургскаго ученаго, умника. Я, по крайней мѣрѣ, не сомнѣвался въ этомъ.

— Если вы хотите знать мое мнѣніе, то я... я съ вашимъ мнѣніемъ согласенъ, — отвѣчалъ Мизинчиковъ вяло и нехотя.

— Вы все со мной согласны! Даже тошно становится, — замѣтилъ Ѳома. — Скажу вамъ откровенно, Павелъ Семенычъ, — продолжалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія, снова обращаясь къ Обноскину, — если я и уважаю за что безсмертнаго Карамзина, то это не за исторію, не за «Марѳу Посадницу», не за «Старую и новую Россію», а именно за то, что онъ написалъ «Фрола Силина»: это высокій эпосъ! Это произведеніе чисто народное и не умретъ вовѣки вѣковъ! Высочайшій эпосъ!

— Именно, именно, именно! Высокая *эпоха!* Фролъ Силинъ, благодѣтельный человѣкъ! Помню; читалъ, *еще* выкупилъ двухъ дѣвокъ, а потомъ смо-

трѣлъ на небо и плакалъ. Возвышенная черта, — поддакнулъ дядя, сіяя отъ удовольствія.

Бѣдный дядя! Онъ никакъ не могъ удержаться, чтобъ не ввязаться въ *ученый* разговоръ. Ѳома злобно улыбнулся, но промолчалъ.

— Впрочемъ и теперь пишутъ занимательно, — осторожно вмѣшалась Анфиса Петровна. — Вотъ, напримѣръ, «Брюссельскія тайны».

— Не скажу-съ, — замѣтилъ Ѳома, какъ бы съ сожалѣніемъ. — Читалъ я недавно одну изъ поэмъ... Ну, что! «Незабудочки»! А если хотите, изъ новѣйшихъ мнѣ болѣе всего нравится «Переписчикъ» — легкое перо!

— «Переписчикъ»! — вскрикнула Анфиса Петровна, — это тотъ, который пишетъ въ журналъ письма? Ахъ, какъ это восхитительно! Какая игра словъ!

— Именно, игра словъ. Онъ, такъ сказать, играетъ перомъ. Необыкновенная легкость пера!

— Да; но онъ педантъ, — небрежно замѣтилъ Обноскинъ.

— Педантъ, — не спорю; но милый педантъ, но граціозный педантъ! Конечно, ни одна изъ идей его не выдержитъ основательно критики, но увлекаешься легкостью! Пустословъ, — согласенъ; но милый пустословъ, но граціозный пустословъ! Помните, напримѣръ, онъ объявляетъ въ литературной статьѣ, что у него есть свои помѣстья?

— Помѣстья? — подхватилъ дядя, — это хорошо! Которой губерніи?

Ѳома остановился, пристально посмотрѣлъ на дядю и продолжалъ тѣмъ же тономъ:

— Ну, скажите ради здраваго смысла: для чего мнѣ, читателю знать, что у него есть помѣстья?

Есть — такъ поздравляю васъ съ этимъ! Но, какъ мило, какъ это шутливо описано! Онъ блещетъ остроуміемъ, онъ брызжетъ остроуміемъ, онъ кипитъ! Это какой-то Нарзанъ остроумія! Да, вотъ какъ надо писать! Мнѣ кажется, я бы именно такъ писалъ, если бъ согласился писать въ журналахъ . . .

— Можетъ, и лучше еще-съ, — почтительно замѣтилъ Ежевикинъ.

— Даже что-то мелодическое въ слогѣ! — поддакнулъ дядя.

Ѳома Ѳомичъ, наконецъ, не вытерпѣлъ.

— Полковникъ, — сказалъ онъ, — нельзя ли васъ попросить — конечно, со всевозможною деликатностью — не мѣшать намъ и позволить намъ въ покоѣ докончить нашъ разговоръ. Вы не можете судить въ нашемъ разговорѣ, не можете! Не разстраивайте же нашей пріятной бесѣды. Занимайтесь хозяйствомъ, пейте чай, но . . . оставьте литературу въ покоѣ. Она отъ этого не проиграетъ, — увѣряю васъ!

Это уже превышало верхъ всякой дерзости! Я не зналъ, что подумать.

— Да вѣдь ты же самъ, Ѳома, говорилъ, что мелодическое, — съ тоскою произнесъ сконфуженный дядя.

— Такъ-съ. Но я говорилъ съ знаніемъ дѣла, я говорилъ кстати; а вы?

— Да-съ, мы-то съ умомъ говорили-съ, — подхватилъ Ежевикинъ, увиваясь около Ѳомы Ѳомича. — Ума-то у насъ такъ немножко-съ, занимать приходится, развѣ-развѣ что на два министерства хватитъ, а нѣтъ, такъ мы и съ третьимъ управимся, — вотъ какъ у насъ!

— Ну, значитъ, опять совралъ! — заключилъ

дядя и улыбнулся своей добродушной улыбкою.

— По крайней мѣрѣ, сознаетесь, — замѣтилъ Ѳома.

— Ничего, ничего, Ѳома, я не сержусь. Я знаю, что ты, какъ другъ, меня останавливаешь, какъ родной, какъ братъ. Это я самъ позволилъ тебѣ, даже просилъ объ этомъ! Это дѣльно, дѣльно! Это для моей же пользы! Благодарю и воспользуюсь!

Терпѣніе мое истощалось. Все, что я до сихъ поръ по слухамъ зналъ о Ѳомѣ Ѳомичѣ, казалось мнѣ нѣсколько преувеличеннымъ. Теперь же, когда я увидѣлъ все самъ, на дѣлѣ, изумленію моему не было предѣловъ. Я не вѣрилъ себѣ; я понять не могъ такой дерзости, такого нахальнаго самовластія съ одной стороны и такого добровольнаго рабства, такого легковѣрнаго добродушія съ другой. Впрочемъ, даже и дядя былъ смущенъ такою дерзостью. Это было видно... Я горѣлъ желаніемъ какъ-нибудь связаться съ Ѳомой, сразиться съ нимъ, какъ-нибудь нагрубить ему, поазартнѣе, — а тамъ что̀ бы ни было! Эта мысль одушевила меня. Я искалъ случая и, въ ожиданіи, совершенно обломалъ поля моей шляпы. Но случай не представлялся: Ѳома рѣшительно не хотѣлъ замѣчать меня.

— Правду, правду ты говоришь, Ѳома, — продолжалъ дядя, всѣми силами стараясь поправиться и хоть чѣмъ-нибудь замять непріятность предыдущаго разговора. — Это ты правду рѣжешь, Ѳома. Благодарю. Надо знать дѣло, а потомъ ужъ и разсуждать о немъ. Каюсь! Я уже не разъ бывалъ въ такомъ положеніи. Представь себѣ, Сергѣй, я одинъ разъ даже экзаменовалъ... Вы смѣетесь! Ну, вотъ, подите! Ей Богу экзаменовалъ, да и

только. Пригласили меня въ одно заведеніе на экзаменъ, да и посадили вмѣстѣ съ экзаменаторами, такъ, для почету, лишнее мѣсто было. Такъ я, признаюсь тебѣ, даже струсилъ, страхъ какой-то напалъ: рѣшительно ни одной науки не знаю! Что дѣлать? Вотъ-вотъ, думаю, самого къ доскѣ потянутъ! Ну, а потомъ — ничего, обошлось: даже самъ вопросы задавалъ, спросилъ: кто былъ Ной? Вообще, превосходно отвѣчали; потомъ завтракали и за процвѣтаніе пили шампанское. Отличное заведеніе!

Ѳома Ѳомичъ и Обноскинъ покатились со смѣху.

— Да я и самъ потомъ смѣялся, — крикнулъ дядя, смѣясь добродушнѣйшимъ образомъ и радуясь, что всѣ развеселились. — Нѣтъ, Ѳома, ужъ куда ни шло! Распотѣшу я васъ всѣхъ, разскажу, какъ я одинъ разъ срѣзался... Вообрази, Сергѣй, стояли мы въ Красногорскѣ...

— Позвольте васъ спросить, полковникъ: долго вы будете разсказывать вашу исторію? — перебилъ Ѳома.

— Ахъ, Ѳома! Да вѣдь это чудеснѣйшая исторія; просто лопнуть со смѣху можно. Ты только послушай: это хорошо, ей Богу хорошо. Я разскажу, какъ я срѣзался.

— Я всегда съ удовольствіемъ слушаю ваши исторіи, когда онѣ въ этомъ родѣ, — проговорилъ Обноскинъ, зѣвая.

— Нечего дѣлать, приходится слушать, — рѣшилъ Ѳома.

— Да вѣдь, ей Богу же, будетъ хорошо, Ѳома. Я хочу разсказать, какъ я одинъ разъ срѣзался, Анфиса Петровна. Послушай и ты, Сергѣй: это

поучительно даже. Стояли мы въ Красногорскѣ (началъ дядя, сіяя отъ удовольствія, скороговоркой и торопясь, съ безчисленными вводными предложеніями, что было съ нимъ всегда, когда онъ начиналъ что-нибудь разсказывать для удовольствія публики). Только что пришли, въ тотъ же вечеръ отправляюсь въ спектакль. Превосходнѣйшая актриса была Куропаткина; потомъ еще съ штабъ-ротмистромъ Звѣрковымъ бѣжала и пьесы не доиграла: такъ занавѣсъ и опустили... То есть, бестія былъ этотъ Звѣрковъ, и попить, и въ карты заняться, и не то чтобы пьяница, а такъ, готовъ съ товарищами раздѣлить минуту. Но какъ запьетъ настоящимъ образомъ, такъ ужъ тутъ все забылъ: гдѣ живетъ, въ какомъ государствѣ, какъ самого зовутъ? — Словомъ, рѣшительно все: но въ сущности превосходнѣйшій малый... Ну-съ, сижу я въ театрѣ. Въ антрактѣ встаю и сталкиваюсь съ прежнимъ товарищемъ, Корноуховымъ... Я вамъ скажу, единственный малый. Лѣтъ, правда, шесть мы ужъ не видались. Ну, былъ въ кампаніи, увѣшанъ крестами; теперь, слышалъ недавно, — уже дѣйствительный статскій совѣтникъ; въ статскую службу перешелъ, до большихъ чиновъ дослужился... Ну, разумѣется, обрадовались. То да сё. А рядомъ съ нами въ ложѣ сидятъ три дамы; та, которая слѣва, рожа, какихъ свѣтъ не производилъ... Послѣ узналъ, превосходнѣйшая женщина, мать семейства, осчастливила мужа... Ну-съ, вотъ я, какъ дуракъ, и брякъ Корноухову: — «Скажи, братъ, не знаешь ли, что это за чучело выѣхала?» — «Которая это?» — «Да эта». — «Да это моя двоюродная сестра». — Тьфу, чертъ! Судите о моемъ положеніи! Я, чтобъ поправиться! — «Да

нѣтъ, говорю, не эта. Экъ у тебя глаза! Вотъ та, которая оттуда сидитъ: кто эта?» — «Это моя сестра». — Тьфу ты пропасть! А сестра его, какъ нарочно, розанчикъ-розанчикомъ, премилушка; такъ разодѣта: брошки, перчаточки, браслетики,— словомъ сказать, сидитъ херувимчикомъ; послѣ вышла замужъ за превосходнѣйшаго человѣка, Пыхтина; она съ нимъ бѣжала, обвѣнчалась безъ спросу; ну, а теперь все это какъ слѣдуетъ: и богато живутъ; отцы не нарадуются!.. Ну-съ, вотъ: «да нѣтъ!» кричу, а самъ не знаю, куда провалиться, «не эта!» — «Вотъ въ серединѣ-то которая?»— «Да, въ серединѣ — ну, братъ, это жена моя»... Между нами: объяденіе, а не дамочка! То есть такъ бы и проглотилъ ее всю цѣликомъ отъ удовольствія... — «Ну, говорю, видалъ ты когда-нибудь дурака? Такъ вотъ онъ, передъ тобой, и голова его тутъ же: руби, не жалѣй!» Смѣется. Послѣ спектакля меня познакомилъ и, должно быть, разсказалъ, проказникъ. Что-то очень смѣялись! И признаюсь, никогда еще такъ весело не проводилъ время. Такъ вотъ какъ иногда, братъ-Ѳома, можно срѣзаться! Ха-ха-ха-ха!

Но напрасно смѣялся бѣдный дядя; тщетно обводилъ онъ кругомъ свой веселый и добрый взглядъ: мертвое молчаніе было отвѣтомъ на его веселую исторію. Ѳома Ѳомичъ сидѣлъ въ мрачномъ безмолвіи, а за нимъ и всѣ; только Обноскинъ слегка улыбался, предвидя гонку, которую зададутъ дядѣ. Дядя сконфузился и покраснѣлъ. Того-то и желалось Ѳомѣ.

— Кончили ль вы? — спросилъ онъ, наконецъ, съ важностью обращаясь къ сконфуженному разсказчику.

— Кончилъ, Ѳома.

— И рады?

— То есть, какъ это радъ, Ѳома? — съ тоскою отвѣчалъ бѣдный дядя.

— Легче ли вамъ теперь? Довольны ли вы, что разстроили пріятную литературную бесѣду друзей, прервавъ ихъ и тѣмъ удовлетворивъ мелкое свое самолюбіе?

— Да полно же, Ѳома! Я васъ же всѣхъ хотѣлъ развеселить, а ты . . .

— Развеселить! — вскричалъ Ѳома, вдругъ необыкновенно разгорячась, — но вы способны навести уныніе, а не развеселить. Развеселить! Но знаете ли, что ваша исторія была почти безнравственна? Я уже не говорю: неприлична, — это само собой . . . Вы объявили сейчасъ, съ рѣдкою грубостью чувствъ, что смѣялись надъ невинностью, надъ благородной дворянкой, оттого только, что она не имѣла чести вамъ понравиться. И насъ же, насъ, хотѣли заставить смѣяться, то есть поддакивать вамъ, поддакивать грубому и неприличному поступку, и все потому только, что вы хозяинъ этого дома! Воля ваша, полковникъ, вы можете сыскать себѣ прихлебателей, лизоблюдовъ, партнеровъ, можете даже ихъ выписывать изъ дальнихъ странъ и тѣмъ усиливать свою свиту, въ ущербъ прямодушію и откровенному благородству души; но никогда Ѳома Опискинъ не будетъ ни льстецомъ, ни лизоблюдомъ, ни прихлебателемъ вашимъ! Въ чемъ другомъ, а ужъ въ этомъ я васъ завѣряю! . .

— Эхъ, Ѳома! Не понялъ ты меня, Ѳома!

— Нѣтъ, полковникъ, я васъ давно раскусилъ, я васъ насквозь понимаю. Васъ гложетъ самое неограниченное самолюбіе; вы съ претензіями на

недосягаемую остроту ума, и забываете, что острота тупится о претензію. Вы...

— Да полно же, Ѳома, ради Бога! Постыдись хоть людей!..

— Да вѣдь грустно же видѣть все это, полковникъ, а видя, — невозможно молчать. Я бѣденъ, я *проживаю* у вашей родительницы. Пожалуй, еще подумаютъ, что я льщу вамъ моимъ молчаніемъ; а я не хочу, чтобъ какой-нибудь *молокососъ* могъ принять меня за вашего прихлебателя! Можетъ быть, я, входя сюда давеча, даже нарочно усилилъ мою правдивую откровенность, нарочно принужденъ былъ дойти даже до грубости, именно потому, что вы сами ставите меня въ такое положеніе. Вы слишкомъ надменны со мной, полковникъ. Меня могутъ счесть за вашего раба, за приживальщика. Ваше удовольствіе унижать меня передъ *незнакомыми,* тогда какъ я вамъ равенъ, слышите ли? Равенъ во всѣхъ отношеніяхъ. Можетъ быть, даже *я* вамъ дѣлаю одолженіе тѣмъ, что живу у васъ, а не *вы* мнѣ. Меня унижаютъ; слѣдственно, я вамъ долженъ себя хвалить — это естественно! Я не могу не говорить, я долженъ говорить, долженъ немедленно протестовать, потому прямо и просто объявляю вамъ, что вы феноменально завистливы! Вы видите, напримѣръ, что человѣкъ въ простомъ, дружескомъ разговорѣ невольно высказалъ свои познанія, начитанность, вкусъ: такъ вотъ ужъ вамъ и досадно, вамъ и неймется. «Дай же и я свои познанія и вкусъ выкажу!» А какой у васъ вкусъ, съ позволенія сказать? Вы въ изящномъ смыслите столько — извините меня, полковникъ, — сколько смыслитъ, напримѣръ, хоть быкъ въ говядинѣ! Это рѣзко, грубо — сознаюсь: по крайней мѣрѣ —

прямодушно и справедливо. Этого не услышите вы отъ вашихъ льстецовъ, полковникъ.

— Эхъ, Ѳома! . .

— То-то «эхъ, Ѳома!» Видно, правда не пуховикъ. Ну, хорошо; мы еще потомъ поговоримъ объ этомъ, а теперь позвольте и мнѣ немного повеселить публику. Не все же вамъ однимъ отличаться. Павелъ Семеновичъ! Видѣли вы это чудо морское въ человѣческомъ образѣ? Я ужъ давно его наблюдаю. Вглядитесь въ него: вѣдь онъ съѣсть меня хочетъ, такъ-таки живьемъ, цѣликомъ.

Дѣло шло о Гаврилѣ. Старый слуга стоялъ у дверей и, дѣйствительно, съ прискорбіемъ смотрѣлъ, какъ распекали его барина.

— Хочу и я васъ потѣшить спектаклемъ, Павелъ Семеновичъ. — Эй ты, ворона, пошелъ сюда! Да удостойте подвинуться поближе, Гаврила Игнатьичъ! — Это, вотъ видите ли, Павелъ Семенычъ, Гаврила; за грубость и въ наказаніе изучаетъ французскій діалектъ. Я, какъ Орфей, смягчаю здѣшніе нравы, только не пѣснями, а французскимъ діалектомъ. — Ну, французъ, мусью шематонъ, — терпѣть не можетъ, когда говорятъ ему: мусью шематонъ, — знаешь урокъ?

— Вытвердилъ, — отвѣчалъ повѣсивъ голову Гаврила.

— А парлэ-ву-франсе?

— Вуй мусье, же-ле-парль-эн-пе . . .

Не знаю, грустная ли фигура Гаврилы, при произношеніи французской фразы была причиною, или предугадывалось всѣми желаніе Ѳомы, чтобъ всѣ засмѣялись, но только всѣ такъ и покатились со смѣху, лишь только Гаврила пошевелилъ языкомъ. Даже генеральша изволила засмѣяться. Анфиса

Петровна, упавъ на спинку дивана, взвизгивала, закрываясь вѣеромъ. Смѣшнѣе всего показалось то, что Гаврила, видя, во что̀ превратился экзаменъ, не выдержалъ, плюнулъ и съ укоризною произнесъ: «Вотъ до какого сраму дожилъ на старости лѣтъ!»

Ѳома Ѳомичъ встрепенулся.

— Что̀? Что́ ты сказалъ? Грубіянить вздумалъ?

— Нѣтъ, Ѳома Ѳомичъ, — съ достоинствомъ отвѣчалъ Гаврила, — не грубіянство слова мои, и не слѣдъ мнѣ, холопу, передъ тобой, природнымъ господиномъ, грубіянить. Но всякъ человѣкъ образъ Божій на себѣ носитъ, образъ Его и подобіе. Мнѣ уже шестьдесятъ третій годъ отроду. Отецъ мой Пугачева-изверга помнитъ, а дѣда моего, вмѣстѣ съ бариномъ, Матвѣемъ Никитичемъ — дай Богъ имъ царство небесное — Пугачевъ на одной осинѣ повѣсилъ, за что̀ родитель мой отъ покойнаго барина, Афанасія Матвѣича, не въ примѣръ другимъ былъ почтенъ: камердинóмъ служилъ и дворецкимъ свою жизнь скончалъ. Я же, сударь, Ѳома Ѳомичъ, хотя и господскій холопъ, а такого сраму, какъ теперь, отродясь надъ собой не видывалъ!

И съ послѣднимъ словомъ Гаврила развелъ руками и склонилъ голову. Дядя слѣдилъ за нимъ съ безпокойствомъ.

— Ну, полно, полно, Гаврила! — вскричалъ онъ, — нечего распространяться! Полно!

— Ничего, ничего, — проговорилъ Ѳома, слегка поблѣднѣвъ и улыбаясь съ натуги. — Пусть поговоритъ; это вѣдь все ваши плоды . . .

— Все разскажу, — продолжалъ Гаврила съ необыкновеннымъ одушевленіемъ, — ничего не потаю! Руки свяжутъ, языкъ не завяжутъ! Ужъ на

что я, Ѳома Ѳомичъ, гнусный передъ тобою выхожу человѣкъ, одно слово: рабъ, а и мнѣ въ обиду! Услугой и подобострастьемъ я передъ тобой завсегда обязанъ, для того, что рабски рожденъ и всякую обязанность во страхѣ и трепетѣ происходить долженъ. Книжку сочинять сядешь, я докучнаго обязанъ къ тебѣ не допускать, для того — это настоящая должность моя выходитъ. Прислужить что понадобится — съ моимъ полнымъ удовольствіемъ сдѣлаю. А то что на старости лѣтъ позаморски лаять, да передъ людьми сраму набираться! Да я въ людскую теперь не могу сойти: «французъ ты, говорятъ, французъ!» Нѣтъ, сударь, Ѳома Ѳомичъ, не одинъ я, дуракъ, а ужъ и добрые люди начали говорить въ одинъ голосъ, что вы какъ есть злющій человѣкъ теперь стали, а что баринъ нашъ передъ вами все одно, что малый ребенокъ, что вы хоть породой и енеральскій сынъ, и сами, можетъ, немного до енерала не дослужили, но такой злющій, какъ, то есть, долженъ быть настоящій фурій.

Гаврила кончилъ. Я былъ внѣ себя отъ восторга. Ѳома Ѳомичъ сидѣлъ блѣдный отъ ярости, среди всеобщаго замѣшательства, и какъ будто не могъ еще опомниться отъ неожиданнаго нападенія Гаврилы; какъ будто онъ въ эту минуту еще соображалъ: въ какой степени должно ему разсердиться? Наконецъ, воспослѣдовалъ взрывъ.

— Какъ! Онъ смѣлъ обругать меня, — меня! Да это бунтъ! — завизжалъ Ѳома и вскочилъ со стула.

За нимъ вскочила генеральша и всплеснула руками. Началась суматоха. Дядя бросился выталкивать преступнаго Гаврилу.

— Въ кандалы его, въ кандалы! — кричала генеральша. — Сейчасъ же его въ городъ и въ солдаты отдай, Егорушка! Не то, не будетъ тебѣ моего благословенія. Сейчасъ же на него колодку набей и въ солдаты отдай!

— Какъ, — кричалъ Ѳома, — рабъ! Халдей! Хамлетъ! Осмѣлился обругать меня! Онъ, онъ, обтирка моего сапога! Онъ осмѣлился назвать меня фуріей?

Я выступилъ впередъ, съ необыкновенною рѣшимостью.

— Признаюсь, что я въ этомъ случаѣ совершенно согласенъ съ мнѣніемъ Гаврилы, — сказалъ я, смотря Ѳомѣ Ѳомичу прямо въ глаза и дрожа отъ волненія.

Онъ былъ такъ пораженъ этой выходкой, что въ первую минуту, кажется, не вѣрилъ ушамъ своимъ.

— Это еще что? — вскрикнулъ онъ наконецъ, накидываясь на меня, въ изступленіи, и впиваясь въ меня своими маленькими, налитыми кровью глазами. — Да ты кто такой?

— Ѳома Ѳомичъ . . . — заговорилъ было совершенно потерявшійся дядя, — это Сережа, мой племянникъ . . .

— Ученый! — завопилъ Ѳома, — такъ это онъ то, ученый? Либертѐ-эгалитѐ-фратернитѐ! Журналъ де-дебà! Нѣтъ, братъ, врешь! Въ Саксоніи не была! Здѣсь не Петербургъ, не надуешь! Да плевать мнѣ на твой де-дебà. У тебя де-дебà, а по-нашему выходитъ: «нѣтъ, братъ, слаба!» Ученый! Да ты сколько знаешь — я всемеро столько забылъ! Вотъ какой ты ученый!

Если бъ не удержали его, онъ, мнѣ кажется,

бросился бы на меня съ кулаками.

— Да онъ пьянъ, — проговорилъ я, съ недоумѣніемъ озираясь кругомъ.

— Кто? Я? — прикрикнулъ Ѳома не своимъ голосомъ.

— Да, вы?

— Пьянъ?

— Пьянъ.

Этого Ѳома не могъ вынести. Онъ взвизгнулъ, какъ будто его начали рѣзать, и бросился вонъ изъ комнаты. Генеральша хотѣла, кажется, упасть въ обморокъ, но разсудила лучше бѣжать за Ѳомой Ѳомичемъ. За ней побѣжали всѣ, а за всѣми дядя. Когда я опомнился и оглядѣлся, то увидѣлъ въ комнатѣ одного Ежевикина. Онъ улыбался и потиралъ себѣ руки.

— Про іезуитика-то давеча обѣщались, — проговорилъ онъ вкрадчивымъ голосомъ.

— Что? — спросилъ я, не понимая въ чемъ дѣло . . .

— Про іезуитика давеча разсказать обѣщались . . . анекдотецъ-съ . . .

Я выбѣжалъ на террасу, а оттуда въ садъ. Голова моя шла кругомъ . . .

VIII.

Объясненіе въ любви.

Съ четверть часа бродилъ я по саду, раздраженный и крайне недовольный собой, обдумывая: что мнѣ теперь дѣлать? Солнце садилось. Вдругъ, на поворотѣ, въ одну темную аллею, я встрѣтился лицомъ къ лицу съ Настенькой. Въ глазахъ ея были слезы, въ рукахъ платокъ, которымъ она утирала ихъ.

— Я васъ искала, — сказала она.

— А я васъ, — отвѣчалъ я ей. — Скажите: я въ сумасшедшемъ домѣ или нѣтъ?

— Вовсе не въ сумасшедшемъ домѣ, — проговорила она обидчиво, пристально взглянувъ на меня.

— Но если такъ: такъ что жъ это дѣлается? Ради самого Христа, подайте мнѣ какой-нибудь совѣтъ! Куда теперь ушелъ дядя? Можно мнѣ туда идти? Я очень радъ, что васъ встрѣтилъ: можетъ быть, вы меня въ чемъ-нибудь и наставите.

— Нѣтъ, лучше не ходите. Я сама ушла отъ нихъ.

— Да гдѣ они?

— А кто знаетъ? Можетъ быть, опять въ огородъ побѣжали, — проговорила она раздражительно.

— Въ какой огородъ?

— Это Ѳома Ѳомичъ на прошлой недѣлѣ закричалъ, что не хочетъ оставаться въ домѣ, и вдругъ побѣжалъ въ огородъ, досталъ въ шалашѣ заступъ и началъ гряды копать. Мы всѣ удивились: не съ ума ли сошелъ? «Вотъ, говоритъ, чтобъ не попрекнули меня потомъ, что я даромъ хлѣбъ ѣлъ, буду землю копать и свой хлѣбъ, что здѣсь ѣлъ, заработаю, а потомъ и уйду. Вотъ до чего меня довели!» А тутъ-то всѣ плачутъ, и передъ нимъ чуть не на колѣняхъ стоятъ, заступъ у него отнимаютъ: а онъ-то копаетъ; всю рѣпу только перекопалъ. Сдѣлали разъ поблажку, — вотъ онъ, можетъ быть, и теперь повторяетъ. Отъ него станется.

— И вы . . . и вы разсказываете это такъ хладнокровно! — вскричалъ я въ сильнѣйшемъ негодованіи.

Она взглянула на меня сверкавшими глазами.

— Простите мнѣ; я ужъ и не знаю, что̀ говорю! Послушайте, вамъ извѣстно, зачѣмъ я сюда пріѣхалъ?

— Н . . . нѣтъ, — отвѣчала она, закраснѣвшись, и какое-то тягостное ощущеніе отразилось въ ея миломъ лицѣ.

— Вы извините меня, — продолжалъ я, — я теперь разстроенъ, я чувствую, что не такъ бы слѣдовало мнѣ начать говорить объ этомъ . . . особенно съ вами . . . Но, все равно! По-моему, откровенность въ такихъ дѣлахъ лучше всего. Признаюсь . . . то есть, я хотѣлъ сказать . . . вы знаете намѣреніе дядюшки? Онъ приказалъ мнѣ искать вашей руки . . .

— О, какой вздоръ! Не говорите этого, по-

жалуйста! — сказала она, поспѣшно перебивая меня и вся вспыхнувъ.

Я былъ озадаченъ.

— Какъ вздоръ? Но онъ вѣдь писалъ ко мнѣ.

— Такъ-таки вамъ писалъ? — спросила она съ живостью. — Ахъ, какой! Какъ же онъ обѣщалъ, что не будетъ писать! Какой вздоръ, Господи, какой это вздоръ!

— Простите меня, — пробормоталъ я, не зная, что говорить, — можетъ быть, я поступилъ неосторожно, грубо... но вѣдь такая минута! Сообразите: мы окружены Богъ знаетъ чѣмъ...

— Охъ, ради Бога, не извиняйтесь! Повѣрьте, что мнѣ и безъ того тяжело это слушать, а между тѣмъ судите: я и сама хотѣла заговорить съ вами, чтобъ узнать что-нибудь... Ахъ, какая досада! Такъ онъ-таки вамъ написалъ? Вотъ этого-то я пуще всего боялась! Боже мой, какой это человѣкъ! А вы и повѣрили и прискакали сюда, сломя голову? Вотъ, надо было!

Она не скрывала своей досады. Положеніе мое было непривлекательно.

— Признаюсь, я не ожидалъ, — проговорилъ я въ самомъ полномъ смущеніи, — такой оборотъ... я напротивъ думалъ...

— А, такъ вы думали? — произнесла она съ легкой ироніей, слегка закусывая губу. — А знаете, вы мнѣ покажите это письмо, которое онъ вамъ писалъ?

— Хорошо-съ.

— Да вы не сердитесь, пожалуйста, на меня, не обижайтесь; и безъ того много горя! — сказала она просящимъ голосомъ, а между тѣмъ насмѣшливая

улыбка слегка мелькнула на ея хорошенькихъ губкахъ.

— Охъ! Пожалуйста, не принимайте меня за дурака! — вскричалъ я съ горячностью. — Но, можетъ быть, вы предубѣждены противъ меня? Можетъ быть, вамъ кто-нибудь на меня насказалъ? Можетъ быть, вы потому, что я тамъ теперь срѣзался? Но это ничего — увѣряю васъ. Я самъ понимаю, какимъ я теперь дуракомъ стою передъ вами. Не смѣйтесь, пожалуйста, надо мной! Я не знаю, что̀ говорю... А все это оттого, что мнѣ эти проклятые двадцать два года!

— О, Боже мой! Такъ что жъ!

— Какъ такъ что жъ? Да вѣдь кому двадцать два года, у того это и на лбу написано, какъ у меня, напримѣръ, когда я, давеча, на средину комнаты выскочилъ, или какъ теперь предъ вами... Распроклятый возрастъ!

— Охъ, нѣтъ, нѣтъ! — отвѣчала Настенька, едва удерживаясь отъ смѣха. — Я увѣрена, что вы и добрый, и милый, и умный, и, право, я искренно говорю это! Но... вы только очень самолюбивы. Отъ этого еще можно исправиться.

— Мнѣ кажется, я самолюбивъ сколько нужно.

— Ну, нѣтъ. А давеча, когда вы сконфузились — и отчего жъ? Оттого, что споткнулись при входѣ!.. Какое право вы имѣли выставлять на смѣхъ вашего добраго, вашего великодушнаго дядю, который вамъ сдѣлалъ столько добра? Зачѣмъ вы хотѣли свалить на него смѣшное, когда сами были смѣшны? Это было дурно, стыдно! Это не дѣлаетъ вамъ чести, и, признаюсь вамъ, вы были мнѣ очень противны въ ту минуту, вотъ вамъ!

— Это правда! Я былъ болванъ! Даже боль-

ше; я сдѣлалъ подлость! Вы примѣтили ее — и я уже наказанъ! Браните меня, смѣйтесь надо мной, но послушайте: можетъ быть, вы перемѣните, наконецъ, ваше мнѣніе, — прибавилъ я, увлекаемый какимъ-то страннымъ чувствомъ, — вы меня еще такъ мало знаете, что потомъ, когда узнаете больше, тогда . . . можетъ быть . . .

— Ради Бога, оставимъ этотъ разговоръ! — вскричала Настенька съ видимымъ нетерпѣніемъ.

— Хорошо, хорошо, оставимте! Но . . . гдѣ я могу васъ видѣть?

— Какъ гдѣ видѣть?

— Но вѣдь не можетъ же быть, чтобъ мы съ вами сказали послѣднее слово, Настасья Евграфовна! Ради Бога, назначьте мнѣ свиданье, хоть сегодня же. Впрочемъ, теперь ужъ смеркается. Ну такъ, если только можно, завтра утромъ, пораньше; я нарочно велю себя разбудить пораньше. Знаете, тамъ, у пруда, есть бесѣдка. Я вѣдь помню, я знаю дорогу. Я вѣдь здѣсь жилъ маленькій.

— Свиданіе! Но зачѣмъ это? Вѣдь мы и безъ того теперь говоримъ.

— Но я теперь еще ничего не знаю, Настасья Евграфовна. Я сперва все узнаю отъ дядюшки. Вѣдь долженъ же онъ, наконецъ, мнѣ все разсказать, и тогда я, можетъ быть, скажу вамъ что-нибудь очень важное . . .

— Нѣтъ, нѣтъ! Не надо, не надо! — вскричала Настенька, — кончимте все разомъ теперь, такъ, чтобъ потомъ и помину не было. А въ ту бесѣдку и не ходите напрасно: увѣряю васъ, я не приду, и выкиньте, пожалуйста, изъ головы весь этотъ вздоръ — я серьезно прошу васъ . . .

— Такъ, значитъ, дядя поступилъ со мною

какъ сумасшедшій! — вскричалъ я въ припадкѣ нестерпимой досады. — Зачѣмъ же онъ вызвалъ меня послѣ этого? . . Но, слышите, что это за шумъ?

Мы были близки отъ дома. Изъ растворенныхъ оконъ раздавались визгъ и какіе-то необыкновенные крики.

— Боже мой! — сказала она, поблѣднѣвъ, — опять! — Я такъ и предчувствовала!

— Вы предчувствовали? Настасья Евграфовна, еще одинъ вопросъ. Я, конечно, не имѣю ни малѣйшаго права, но рѣшаюсь предложить вамъ этотъ послѣдній вопросъ для общаго блага. Скажите — и это умретъ во мнѣ — скажите откровенно: дядя влюбленъ въ васъ или нѣтъ?

— Ахъ! Выкиньте, пожалуйста, этотъ вздоръ изъ головы разъ навсегда! — вскричала она, вспыхнувъ отъ гнѣва. — И вы тоже! Кабы былъ влюбленъ, не хотѣлъ бы выдавать меня за васъ, — прибавила она съ горькой улыбкою. — И съ чего, съ чего это взяли? Неужели вы не понимаете, о чемъ идетъ дѣло? Слышите эти крики?

— Но . . . это Ѳома Ѳомичъ . . .

— Да, конечно, Ѳома Ѳомичъ; но теперь изъза меня идетъ дѣло, потому что они то же говорятъ, что̀ и вы, ту же безсмыслицу; тоже подозрѣваютъ, что онъ влюбленъ въ меня. А такъ какъ я бѣдная, ничтожная, а такъ какъ замарать меня ничего не стоитъ, а они хотятъ женить его на другой, такъ вотъ и требуютъ, чтобъ онъ меня выгналъ домой, къ отцу, для безопасности. А ему когда скажутъ про это, то онъ тотчасъ же изъ себя выходитъ; даже Ѳому Ѳомича разорвать готовъ. Вонъ они теперь и кричатъ объ этомъ; ужъ я предчувствую, что объ этомъ.

— Такъ это все правда! Такъ, значитъ, онъ непремѣнно женится на этой Татьянѣ?

— На какой Татьянѣ?

— Ну, да на этой дурѣ.

— Вовсе не дурѣ! Она добрая. Не имѣете вы права такъ говорить! У нея благородное сердце, благороднѣе, чѣмъ у многихъ другихъ. Она не виновата тѣмъ, что несчастная.

— Простите. Положимъ, вы въ этомъ совершенно правы; но не ошибаетесь ли вы въ главномъ? Какъ же, скажите, я замѣтилъ, что они хорошо принимаютъ вашего отца? Вѣдь, если бъ они до такой ужъ степени сердились на васъ, какъ вы говорите, и васъ выгоняли, такъ и на него бы сердились и его бы худо принимали.

— А развѣ вы не видите, что̀ дѣлаетъ для меня мой отецъ! Онъ шутомъ передъ ними вертится! Его принимаютъ именно потому, что онъ успѣлъ подольститься къ Ѳомѣ Ѳомичу. А такъ какъ Ѳома Ѳомичъ самъ былъ шутомъ, такъ вотъ ему и лестно, что и у него теперь есть шуты. Какъ вы думаете: для кого это отецъ дѣлаетъ? Онъ для меня это дѣлаетъ, для меня одной. Ему не надо; онъ для себя никому не поклонится. Онъ, можетъ, и очень смѣшенъ и на чьи-нибудь глаза, но онъ благородный, благороднѣйшій человѣкъ! Онъ думаетъ, Богъ знаетъ почему — и вовсе не потому, что я здѣсь жалованье хорошее получаю — увѣряю васъ; онъ думаетъ, что мнѣ лучше остаться здѣсь, въ этомъ домѣ. Но теперь я совсѣмъ его разувѣрила. Я ему написала рѣшительно. Онъ и пріѣхалъ, чтобъ взять меня, и, если крайность до того дойдетъ, такъ хоть завтра же, потому что ужъ дѣло почти до всего дошло: они меня съѣсть

хотятъ, и я знаю навѣрно, что они тамъ теперь кричатъ обо мнѣ. Они растерзаютъ *его* изъ-за меня, они погубятъ *его!* А *онъ* мнѣ все равно, что отецъ — слышите, даже больше, чѣмъ мой родной отецъ! Я не хочу дожидаться. Я знаю больше, чѣмъ другіе. Завтра же, завтра же уѣду! Кто знаетъ: можетъ, черезъ это они отложатъ, хоть на время, и свадьбу *его* съ Татьяной Ивановной... Вотъ я вамъ все теперь разсказала. Разскажите же это и ему, потому что я теперь и говорить-то съ нимъ не могу: за нимъ слѣдятъ, и особенно эта Перепелицына. Скажите, чтобъ *онъ* не безпокоился обо мнѣ, что я лучше хочу ѣсть черный хлѣбъ и жить въ избѣ у отца, чѣмъ быть причиною *его* здѣшнихъ мученій. Я бѣдная, и должна жить какъ бѣдная. Но, Боже мой, какой шумъ! Какой крикъ! Что̀ тамъ еще дѣлается? Нѣтъ, во что́ бы ни стало, сейчасъ пойду туда! Я выскажу имъ всѣмъ все это прямо въ глаза, сама, что бы ни случилось! Я должна это сдѣлать. Прощайте.

Она убѣжала. Я стоялъ на одномъ мѣстѣ, вполнѣ сознавая все смѣшное въ той роли, которую мнѣ пришлось сейчасъ разыграть, и совершенно недоумѣвая, чѣмъ все это теперь разрѣшится. Мнѣ было жаль бѣдную дѣвушку, и я боялся за дядю. Вдругъ подлѣ меня очутился Гаврила. Онъ все еще держалъ свою тетрадку въ рукѣ.

— Пожалуйте къ дядюшкѣ! — проговорилъ онъ унылымъ голосомъ.

Я очнулся.

— Къ дядѣ? А гдѣ онъ? Что̀ съ нимъ теперь дѣлается?

— Въ чайной. Тамъ же, гдѣ чай изволили давеча кушать.

— Кто съ нимъ?

— Одни. Дожидаются.

— Кого? Меня?

— За Ѳомой Ѳомичемъ послали. Прошли наши красные деньки! — прибавилъ онъ, глубоко вздыхая.

— За Ѳомой Ѳомичемъ? Гм! А гдѣ другіе? Гдѣ барыня?

— На своей половинѣ. Въ омракъ упали, а теперь лежатъ въ безчувствіи и плачутъ.

Разсуждая такимъ образомъ, мы дошли до террасы. На дворѣ было уже почти совсѣмъ темно. Дядя, дѣйствительно, былъ одинъ, въ той же комнатѣ, гдѣ произошло мое побоище съ Ѳомой Ѳомичемъ, и ходилъ по ней большими шагами. На столахъ горѣли свѣчи. Увидя меня, онъ бросился ко мнѣ и крѣпко сжалъ мои руки. Онъ былъ блѣденъ и тяжело переводилъ духъ; руки его тряслись, и нервическая дрожь пробѣгала, временемъ, по всему его тѣлу.

IX.

Ваше превосходительство.

— Другъ мой! Все кончено, все рѣшено! — проговорилъ онъ какимъ-то трагическимъ полушепотомъ.

— Дядюшка, — сказалъ я, — я слышалъ какіе-то крики.

— Крики, братецъ, крики; всякіе были крики! Маменька въ обморокѣ, и все это теперь вверхъ ногами. Но я рѣшился и настою на своемъ. Я теперь ужъ никого не боюсь, Сережа. Я хочу показать имъ, что и у меня есть характеръ — и покажу! И вотъ нарочно послалъ за тобой, чтобъ ты помогъ мнѣ имъ показать... Сердце мое разбито, Сережа... но я долженъ, я обязанъ поступить со всею строгостью. Справедливость неумолима!

— Но что же такое случилось, дядюшка?

— Я разстаюсь съ Ѳомой, — произнесъ дядя рѣшительнымъ голосомъ.

— Дядюшка! — закричалъ я въ восторгѣ, — ничего лучше вы не могли выдумать! И если я хоть сколько-нибудь могу способствовать вашему рѣшенію, то... располагайте мною вовѣки вѣковъ.

— Благодарю тебя, братецъ, благодарю! Но теперь ужъ все рѣшено. Жду Ѳому; я уже послалъ

за нимъ. Или онъ, или я! Мы должны разлучиться. Или же завтра Ѳома выйдетъ изъ этого дома, или, клянусь, бросаю все и поступаю опять въ гусары! Примутъ, дадутъ дивизіонъ. Прочь всю эту систему! Теперь все по-новому! На что это у тебя французская тетрадка? — съ яростью закричалъ онъ, обращаясь къ Гаврилѣ. — Прочь ее! Сожги, растопчи, разорви! *Я* твой господинъ, и *я* приказываю тебѣ не учиться французскому языку. Ты не можешь, ты не смѣешь меня не слушаться, потому что *я* твой господинъ, а не Ѳома Ѳомичъ!

— Слава-те Господи! — пробормоталъ про себя Гаврила. Дѣло очевидно шло не на шутку.

— Другъ мой! — продолжалъ дядя съ глубокимъ чувствомъ, — они требуютъ отъ меня невозможнаго! Ты будешь судить меня; ты теперь станешь между нимъ и мною, какъ безпристрастный судья. Ты не знаешь, ты не знаешь, чего они отъ меня требовали, и, наконецъ, формально потребовали, все высказали! Но это противно человѣколюбію, благородству, чести . . . Я все разскажу тебѣ, но сперва . . .

— Я ужъ все знаю, дядюшка! — вскричалъ я, перебивая его, — я угадываю . . . Я сейчасъ разговаривалъ съ Настасьей Евграфовной.

— Другъ мой, теперь ни слова, ни слова объ этомъ! — торопливо прервалъ онъ меня, какъ будто испугавшись. — Потомъ я все самъ разскажу тебѣ, но покамѣстъ . . . Что жъ, — закричалъ онъ вошедшему Видоплясову, — гдѣ же Ѳома Ѳомичъ?

Видоплясовъ явился съ извѣстіемъ, что Ѳома Ѳомичъ «не желаютъ придти и находятъ требованіе явиться до несовмѣстности грубымъ-съ, такъ

что Ѳома Ѳомичъ очень изволили этимъ обидѣться-съ».

— Веди его! Тащи его! Сюда его! Силою притащи, — закричалъ дядя, топая ногами.

Видоплясовъ, никогда не видавшій своего барина въ такомъ гнѣвѣ, ретировался въ испугѣ. Я удивился.

«Надо же быть чему-нибудь слишкомъ важному», подумалъ я, «если человѣкъ съ такимъ характеромъ способенъ дойти до такого гнѣва и до такихъ рѣшеній».

Нѣсколько минутъ дядя, молча, ходилъ по комнатѣ, какъ будто въ борьбѣ самъ съ собою.

— Ты, впрочемъ, не рви тетрадку, — сказалъ онъ, наконецъ, Гаврилѣ. — Подожди и самъ будь здѣсь: ты, можетъ быть, еще понадобишься. — Другъ мой! — прибавилъ онъ, обращаясь ко мнѣ,— я, кажется, ужъ слишкомъ сейчасъ закричалъ. Всякое дѣло надо дѣлать съ достоинствомъ, съ мужествомъ, но безъ криковъ, безъ обидъ. Именно такъ. Знаешь что̀, Сережа: не лучше ли будетъ, если бъ ты ушелъ отсюда? Тебѣ все равно. Я тебѣ потомъ все самъ разскажу, — а? Какъ ты думаешь? Сдѣлай это для меня, пожалуйста.

— Вы боитесь, дядюшка? Вы раскаиваетесь?— сказалъ я, пристально смотря на него.

— Нѣтъ, нѣтъ, другъ мой, не раскаиваюсь! — вскричалъ онъ съ удвоеннымъ одушевленіемъ. — Я ужъ теперь ничего больше не боюсь. Я принялъ рѣшительныя мѣры, самыя рѣшительныя! Ты не знаешь, ты не можешь себѣ вообразить, чего они отъ меня потребовали! Неужели жъ я долженъ былъ согласиться? Нѣтъ, я докажу! Я возсталъ и докажу! Когда-нибудь я долженъ же былъ до-

казать! Но, знаешь, мой другъ, я раскаиваюсь, что тебя позвалъ: Ѳомѣ, можетъ быть, будетъ очень тяжело, когда и ты будешь здѣсь, такъ сказать, свидѣтелемъ его униженія. Видишь, я хочу ему отказать отъ дома благороднымъ образомъ, безъ всякаго униженія. Но, вѣдь, это я такъ только говорю, что безъ униженія. Дѣло-то оно, братъ, такое, что хоть медовыя рѣчи точи, а все-таки будетъ обидно. Я же — грубъ, безъ воспитанія, пожалуй, еще такое ляпну, сдуру-то, что и самъ потомъ не радъ буду. Все жъ онъ для меня много сдѣлалъ... Уйди, мой другъ... Но вотъ уже его ведутъ, ведутъ! Сережа, прошу тебя, выйди! Я тебѣ все потомъ разскажу. Выйди, ради Христа!

И дядя вывелъ меня на террасу, въ то самое мгновеніе, когда Ѳома входилъ въ комнату. Но, каюсь: я не ушелъ; я рѣшился остаться на террасѣ, гдѣ было очень темно, и, слѣдственно, меня трудно было увидѣть изъ комнаты. Я рѣшился подслушивать!

Не оправдываю ничѣмъ своего поступка, но смѣло скажу, что, выстоявъ эти полчаса на террасѣ и не потерявъ терпѣнія, я считаю, что совершилъ подвигъ великомученичества. Съ моего мѣста я не только могъ хорошо слышать, но даже могъ хорошо и видѣть: двери были стеклянныя. Теперь прошу вообразить Ѳому Ѳомича, которому *приказали* явиться, угрожая силою въ случаѣ отказа.

— Мои ли уши слышали такую угрозу, полковникъ? — возопилъ Ѳома, входя въ комнату. — Такъ ли мнѣ передано?

— Твои, твои, Ѳома, успокойся,—храбро отвѣчалъ дядя. — Сядь; поговоримъ серьезно, дружески, братски. Садись же, Ѳома.

Ѳома Ѳомичъ торжественно сѣлъ на кресло. Дядя быстрыми и неровными шагами ходилъ по комнатѣ, очевидно, затрудняясь, съ чего начать рѣчь.

— Именно братски, — повторилъ онъ. — Ты поймешь меня, Ѳома, ты не маленькій; я тоже не маленькій — словомъ, мы оба въ лѣтахъ... Гм! Видишь, Ѳома, мы не сходимся въ нѣкоторыхъ пунктахъ... да, именно въ нѣкоторыхъ пунктахъ, и потому, Ѳома, не лучше ли, братъ, разстаться? Я увѣренъ, что ты благороденъ, что ты мнѣ желаешь добра, и потому... Но что долго толковать! Ѳома, я твой другъ навѣки вѣковъ, и клянусь въ томъ всѣми святыми! Вотъ 15,000 рублей серебромъ; это все, братъ, что̀ есть за душой, послѣднія крохи наскребъ, своихъ обобралъ. Смѣло бери! Я долженъ, я обязанъ тебя обезпечить! Тутъ все почти ломбардными и очень немного наличными. Смѣло бери! Ты же мнѣ ничего не долженъ, потому что я никогда не буду въ силахъ заплатить тебѣ за все, что̀ ты для меня сдѣлалъ. Да, да, именно, я это чувствую, хотя теперь, въ главнѣйшемъ-то пунктѣ, мы расходимся. Завтра или послѣзавтра... или какъ тебѣ угодно... разъѣдемся. Поѣзжай-ка въ нашъ городишко, Ѳома, всего десять верстъ; тамъ есть домикъ за церковью, въ первомъ переулкѣ, съ зелеными ставнями, премиленькій домикъ вдовы-попадьи, какъ будто для тебя его и построили. Она продастъ. Я тебѣ куплю его сверхъ этихъ денегъ. Поселись-ка тамъ, подлѣ насъ. Занимайся литературой, науками: пріобрѣтешь славу... Чиновники тамъ, всѣ до одного, благородные, радушные, безкорыстные; протопопъ ученый. Къ намъ будешь пріѣзжать гостить по

праздникамъ — и мы заживемъ какъ въ раю! Желаешь или нѣтъ!

«Такъ вотъ на какихъ условіяхъ изгоняли Ѳому!» подумалъ я; «дядя скрылъ отъ меня о деньгахъ».

Долгое время царствовало глубокое молчаніе. Ѳома сидѣлъ въ креслахъ, какъ будто ошеломленный, и неподвижно смотрѣлъ на дядю, которому, видимо, становилось неловко отъ этого молчанія и отъ этого взгляда.

— Деньги! — проговорилъ, наконецъ, Ѳома каким-то выдѣланно-слабымъ голосомъ, — гдѣ же онѣ, гдѣ эти деньги? Давайте ихъ, давайте сюда скорѣе!

— Вотъ онѣ, Ѳома: послѣднія крохи, ровно пятнадцать, все, что было. Тутъ и кредитными, и ломбардными — самъ увидишь . . . вотъ!

— Гаврила! Возьми себѣ эти деньги, — кротко проговорилъ Ѳома, — они, старикъ, могутъ тебѣ пригодиться. — Но нѣтъ! — вскричалъ онъ вдругъ, съ прибавкою какого-то необыкновеннаго визга и вскакивая съ кресла, — нѣтъ! Дай мнѣ ихъ снова, эти деньги, Гаврила! Дай мнѣ ихъ! Дай мнѣ ихъ! Дай мнѣ эти милліоны, чтобъ я притопталъ ихъ моими ногами, дай, чтобъ я разорвалъ ихъ, оплевалъ ихъ, разбросалъ ихъ, осквернилъ ихъ, обезчестилъ ихъ! . . Мнѣ, мнѣ предлагаютъ деньги! Подкупаютъ меня, чтобъ я вышелъ изъ этого дома! Я ли это слышалъ? Я ли дожилъ до этого послѣдняго безчестія? Вотъ, вотъ они, ваши милліоны! Смотрите: вотъ, вотъ, вотъ и вотъ! Вотъ какъ поступаетъ Ѳома Опискинъ, если вы до сихъ поръ этого не знали, полковникъ!

И Ѳома разбросалъ всю пачку денегъ по ком-

натѣ. Замѣчательно, что онъ не разорвалъ и не оплевалъ ни одного билета, какъ похвалялся сдѣлать; онъ только немного помялъ ихъ, но и то довольно осторожно. Гаврила бросился собирать деньги съ полу и потомъ, по уходѣ Ѳомы, бережно передалъ своему барину.

Поступокъ Ѳомы произвелъ на дядю настоящій столбнякъ. Въ свою очередь, онъ стоялъ теперь передъ нимъ неподвижно, безсмысленно, съ разинутымъ ртомъ. Ѳома, между тѣмъ, помѣстился опять въ кресло и пыхтѣлъ, какъ будто отъ невыразимаго волненія.

— Ты возвышенный человѣкъ, Ѳома! — вскричалъ, наконецъ, дядя, очнувшись, — ты благороднѣйшій изъ людей!

— Это я знаю, — отвѣчалъ Ѳома слабымъ голосомъ, но съ невыразимымъ достоинствомъ.

— Ѳома, прости меня! Я подлецъ передъ тобой, Ѳома!

— Да, передо мной, — поддакнулъ Ѳома.

— Ѳома! Не твоему благородству я удивляюсь, — продолжалъ дядя въ востроѣ, — но тому, какъ могъ я быть до такой степени грубъ, слѣпъ и подлъ, чтобы предложить тебѣ деньги при такихъ условіяхъ? Но, Ѳома, ты въ одномъ ошибся: я вовсе не подкупалъ тебя, не платилъ тебѣ, чтобъ ты вышелъ изъ дома, а просто-за-просто я хотѣлъ, чтобъ и у тебя были деньги, чтобъ ты не нуждался, когда отъ меня выйдешь. Клянусь въ этомъ тебѣ! На колѣняхъ, на колѣняхъ готовъ просить у тебя прощенія, Ѳома, и если хочешь, стану сейчасъ передъ тобой на колѣни... если только хочешь...

— Не надо мнѣ вашихъ колѣнъ, полковникъ!..

— Но, Боже мой! Ѳома, посуди: вѣдь я былъ

разгоряченъ, фрапированъ, я былъ внѣ себя... Но назови же, скажи, чѣмъ могу, чѣмъ въ состояніи я загладить эту обиду? Научи, изреки...

— Ничѣмъ, ничѣмъ, полковникъ! И будьте увѣрены,что завтра же я отрясу прахъ съ моихъ сапогъ на порогѣ этого дома.

И Ѳома началъ подыматься съ кресла. Дядя, въ ужасѣ, бросился его снова усаживать.

— Нѣтъ, Ѳома, ты не уйдешь, увѣряю, тебя! — кричалъ дядя. — Нечего говорить про прахъ и про сапоги, Ѳома! Ты не уйдешь, или я пойду за тобой на край свѣта, и все буду идти за тобой, до тѣхъ поръ, покамѣстъ ты не простишь меня... Клянусь, Ѳома, я такъ и сдѣлаю!

— Васъ простить? Вы виноваты? — сказалъ Ѳома. — Но понимаете ли вы еще вину-то свою передо мною? Понимаете ли, что вы стали виноваты теперь передо мной даже тѣмъ, что давали мнѣ здѣсь кусокъ хлѣба? Понимаете ли вы, что теперь одной минутой вы отравили ядомъ всѣ тѣ прошедшіе куски, которые я употребилъ въ вашемъ домѣ? Вы попрекнули меня сейчасъ этими кусками, каждымъ глоткомъ этого хлѣба, уже съѣденнаго мною; вы мнѣ доказали теперь, что я жилъ, какъ рабъ, въ вашемъ домѣ, какъ лакей, какъ обтирка вашихъ лакированныхъ сапогъ! А между тѣмъ, я, въ чистотѣ моего сердца, думалъ до сихъ поръ, что обитаю въ вашемъ домѣ какъ другъ и какъ братъ! Не сами ль, не сами ль вы змѣиными рѣчами вашими тысячу разъ увѣряли меня въ этомъ братствѣ? Зачѣмъ же вы таинственно сплетали мнѣ эти сѣти, въ которыя я попалъ, какъ дуракъ? Зачѣмъ же во мракѣ копали вы мнѣ эту волчью яму, въ которую теперь вы сами втолкну-

ли меня? Зачѣмъ не поразили вы меня разомъ еще прежде, однимъ ударомъ этой дубины? Зачѣмъ въ самомъ началѣ не свернули вы мнѣ головы, какъ какому-нибудь пѣтуху, за то... ну, хоть, напримѣръ, только за то, что онъ не несетъ яицъ? Да, именно такъ! Я стою за это сравненіе, полковникъ, хотя оно и взято изъ провинціальнаго быта и напоминаетъ собою тривіальный тонъ современной литературы; потому стою за него, что въ немъ видна вся безсмыслица обвиненій вашихъ; ибо я столько же виноватъ передъ вами, какъ и этотъ предполагаемый пѣтухъ, неугодившій своему легкомысленному владѣльцу неснесеньемъ яицъ! Помилуйте, полковникъ! Развѣ платятъ другу иль брату деньгами — и за что же? Главное, за что же? «На, дескать, возлюбленный братъ мой, я обязанъ тебѣ: ты даже спасалъ мнѣ жизнь: на тебѣ нѣсколько іудиныхъ сребренниковъ, но только убирайся отъ меня съ глазъ долой!» Какъ наивно! Какъ грубо вы поступили со мною! Вы думали, что я жажду вашего золота, тогда какъ я питалъ одни райскія чувства составить ваше благополучіе. О, какъ разбили вы мое сердце! Благороднѣйшими чувствами моими вы играли какъ какой-нибудь мальчишка въ какую-нибудь свайку! Давно-давно, полковникъ, я уже предвидѣлъ все это, — вотъ почему я уже давнымъ-давно задыхаюсь отъ вашего хлѣба, давлюсь этимъ хлѣбомъ! Вотъ почему меня давили ваши перины, давили, а не лелѣяли! Вотъ почему сахаръ, ваши конфекты были для меня кайенскимъ перцемъ, а не конфектами! Нѣтъ, полковникъ! Живите одинъ, благоденствуйте одинъ и оставьте Ѳому идти своею скорбною дорогою, съ мѣшкомъ на спинѣ. Такъ и будетъ, полковникъ!

— Нѣтъ, Ѳома, нѣтъ! Такъ не будетъ, такъ не можетъ быть!—простоналъ совершенно уничтоженный дядя.

— Да, полковникъ, да! Именно такъ будетъ, потому что такъ должно быть. Завтра же ухожу отъ васъ. Разсыпьте ваши милліоны, устелите весь путь мой, всю большую дорогу вплоть до Москвы кредитными билетами — и я гордо, презрительно пройду по вашимъ билетамъ; эта самая нога, полковникъ, растопчетъ, загрязнитъ, раздавитъ эти билеты, и Ѳома Опискинъ будетъ сытъ однимъ благородствомъ своей души! Я сказалъ и доказалъ! Прощайте, полковникъ. Про-щай-те, полковникъ!..

И Ѳома началъ вновь подыматься съ кресла.

— Прости, прости, Ѳома! Забудь!.. — повторялъ дядя умоляющимъ голосомъ.

— «Прости!» Но къ чему вамъ мое прощеніе? Ну, хорошо, положимъ, что я васъ и прощу: я христіанинъ; я не могу не простить; я и теперь уже почти васъ простилъ. Но рѣшите же сами: сообразно ли будетъ хоть сколько-нибудь съ здравымъ смысломъ и благородствомъ души, если я хоть на одну минуту останусь теперь въ вашемъ домѣ? Вѣдь вы выгоняли меня!

— Сообразно, сообразно, Ѳома! Увѣряю тебя, что сообразно!

— Сообразно? Но равны ли мы теперь между собою? Неужели вы не понимаете, что я, такъ сказать, раздавилъ васъ своимъ благородствомъ, а вы раздавили сами себя своимъ унизительнымъ поступкомъ? Вы раздавлены, а я вознесенъ. Гдѣ же равенство? А развѣ можно быть друзьями безъ такого равенства? Говорю это, испуская сердечный

вопль, а не торжествуя, не возносясь надъ вами, какъ вы, можетъ быть, думаете.

— Но и я самъ испускаю сердечный вопль, Ѳома, — увѣряю тебя...

— И этотъ самый человѣкъ, — продолжалъ Ѳома, перемѣняя тонъ на блаженный: — тотъ самый человѣкъ, для котораго я столько разъ не спалъ по ночамъ! Сколько разъ, бывало, въ безсонныя ночи мои, я вставалъ съ постели, зажигалъ свѣчу и говорилъ себѣ: «Теперь онъ спитъ спокойно, надѣясь на тебя. Не спи же ты, Ѳома, бодрствуй за него; авось выдумаешь еще что-нибудь для благополучія этого человѣка». Вотъ какъ думалъ Ѳома въ свои безсонныя ночи, полковникъ! И вотъ какъ заплатилъ ему этотъ полковникъ! Но довольно, довольно!..

— Но я заслужу, Ѳома, я заслужу опять твою дружбу — клянусь тебѣ!

— Заслужите? А гдѣ же гарантія? Какъ христіанинъ, я прощу и даже буду любить васъ; но какъ человѣкъ, и человѣкъ благородный, я поневолѣ буду васъ презирать. Я долженъ, я обязанъ во имя нравственности, потому что — повторяю вамъ это — вы опозорили себя, а я сдѣлалъ благороднѣйшій изъ поступковъ. Ну, кто *изъ вашихъ* сдѣлаетъ подобный поступокъ? Кто изъ нихъ откажется отъ такого несмѣтнаго числа денегъ, отъ которыхъ отказался, однакожъ, нищій, презираемый всѣми Ѳома, изъ любви къ величію? Нѣтъ, полковникъ, чтобъ сравниться со мной, вы должны совершить цѣлый рядъ подвиговъ. А на какой подвигъ способны вы, когда не можете даже сказать мнѣ *вы*, какъ своему ровнѣ, а говорите *ты*, какъ слугѣ?..

— Ѳома, но вѣдь я по дружбѣ говорилъ тебѣ *ты!* — возопилъ дядя. — Я не зналъ, что тебѣ непріятно... Боже мой! Но если бъ я только зналъ...

— Вы, — продолжалъ Ѳома: — вы, который не могли, или, лучше сказать, не хотѣли исполнить самую пустѣйшую, самую ничтожнѣйшую изъ просьбъ, когда я васъ просилъ сказать мнѣ, какъ генералу, «ваше превосходительство»...

— Но, Ѳома, вѣдь это уже было, такъ сказать, высшее посягновеніе, Ѳома.

— Высшее посягновеніе! Затвердили какую-то книжную фразу, да и повторяете ее, какъ попугай! Но знаете ли вы, вы осрамили, обезчестили меня отказомъ сказать мнѣ «ваше превосходительство», обезчестили тѣмъ, что, не понявъ причинъ моихъ, выставили меня капризнымъ дуракомъ, достойнымъ желтаго дома! Ну, неужели я не понимаю, что я бы самъ былъ смѣшенъ, если бъ захотѣлъ именоваться превосходительствомъ, я, который презираю всѣ эти чины и земныя величія, ничтожныя сами по себѣ, если они не освѣщаются добродѣтелью? За милліонъ не возьму генеральскаго чина безъ добродѣтели. А между тѣмъ, вы считали меня за безумнаго! Для вашей же пользы я пожертвовалъ моимъ самолюбіемъ и допустилъ, что вы, *вы* могли считать меня за безумнаго, вы и ваши *ученые!* Единственно для того, чтобъ просвѣтить вашъ умъ, развить вашу нравственность и облить васъ лучами новыхъ идей, рѣшился я требовать отъ васъ генеральскаго титула. Я именно хотѣлъ, чтобъ вы впредь не почитали генераловъ самыми высшими свѣтилами на всемъ земномъ шарѣ; хотѣлъ доказать вамъ, что чинъ—

ничто-безъ великодушія, и что нечего радоваться пріѣзду вашего генерала, когда, можетъ быть, и возлѣ васъ стоятъ люди, озаренные добродѣтелью! Но вы такъ постоянно чванились передо мною своимъ чиномъ полковника, что вамъ уже трудно было сказать мнѣ: «ваше превсходительство». Вотъ гдѣ причина! Вотъ гдѣ искать ее, а не въ посягновеніи какихъ-то судебъ! Вся причина въ томъ, что вы полковникъ, а я просто Ѳома . . .

— Нѣтъ, Ѳома, нѣтъ! Увѣряю тебя, что это не такъ. Ты ученый, ты не просто Ѳома . . . я почитаю . . .

— Почитаете! Хорошо! Такъ скажите же мнѣ, если почитаете, какъ по вашему мнѣнію: достоинъ я или нѣтъ генеральскаго сана? Отвѣчайте рѣшительно и немедленно: достоинъ иль нѣтъ? Я хочу посмотрѣть вашъ умъ, ваше развитіе.

— За честность, за безкорыстіе, за умъ, за высочайшее благородство души — достоинъ! — съ гордостью проговорилъ дядя.

— А если достоинъ, такъ для чего жъ вы не скажете мнѣ «ваше превосходительство»?

— Ѳома, я, пожалуй, скажу . . .

— А я требую! А я теперь требую, полковникъ, настаиваю и требую! Я вижу, какъ вамъ тяжело это, потому-то и требую. Эта жертва съ вашей стороны будетъ первымъ шагомъ вашего подвига, потому что — не забудьте это — вы должны сдѣлать цѣлый рядъ подвиговъ, чтобъ сравняться со мною; вы должны пересилить самого себя, и тогда только я увѣрую въ нашу искренность . . .

— Завтра же скажу тебѣ, Ѳома, «ваше превосходительство».

— Нѣтъ, не завтра, полковникъ, завтра само

собой. Я требую, чтобъ вы теперь, сейчасъ же, сказали мнѣ «ваше превосходительство».

— Изволь, Ѳома, я готовъ... Только какъ же это такъ, сейчасъ, Ѳома?..

— Почему же не сейчасъ? Иль вамъ стыдно? Въ такомъ случаѣ мнѣ обидно, если вамъ стыдно.

— Ну, да пожалуй, Ѳома, я готовъ... я даже горжусь... Только какъ же это, Ѳома, ни съ того, ни съ сего: «здравствуйте, ваше превосходительство»? Вѣдь это нельзя...

— Нѣтъ, не «здравствуйте, ваше превосходительство», это уже обидный тонъ; это похоже на шутку, на фарсъ. Я не позволю съ собой такихъ шутокъ. Опомнитесь, немедленно опомнитесь, полковникъ! Перемѣните вашъ тонъ!

— Да ты не шутишь, Ѳома?

— Во-первыхъ, я не *ты*, Егоръ Ильичъ, а *вы* — не забудьте это; и не Ѳома, а Ѳома Ѳомичъ.

— Да ей Богу же, Ѳома Ѳомичъ, я радъ! Я всѣми силами радъ... Только что жъ я скажу?

— Вы затрудняетесь прибавить къ слову: «ваше превосходительство» — это понятно. Давно бы вы объяснились! Это даже извинительно, особенно, если человѣкъ *не сочинитель*, если выразиться поучтивѣе. Ну, я вамъ помогу, если вы не сочинитель. Говорите за мной: «ваше превосходительство»!..

— Ну, «ваше превосходительство».

— Нѣтъ, не: «*ну*, ваше превосходительство», а просто: «ваше превосходительство»! Я вамъ говорю, полковникъ, перемѣните вашъ тонъ! Надѣюсь также, что вы не оскорбитесь, если я предложу вамъ слегка поклониться и, вмѣстѣ съ тѣмъ, склонить впередъ корпусъ, выражая такимъ образомъ

почтительность и готовность, такъ сказать, летѣть по его порученіямъ. Я самъ бывалъ въ генеральскихъ обществахъ и все это знаю... Ну-съ: «ваше превосходительство».

— Ваше превосходительство...

— Какъ я несказанно обрадованъ, что имѣю, наконецъ, случай, просить у васъ извиненія въ томъ, что съ перваго раза не узналъ души вашего превосходительства. Смѣю увѣрить, что впредь не пощажу слабыхъ силъ моихъ въ пользу общую... Ну, довольно съ васъ!

Бѣдный дядя! Онъ долженъ былъ повторить всю эту галиматью, фразу за фразой, слово за словомъ! Я стоялъ и краснѣлъ, какъ виноватый. Злость душила меня.

— Ну, не чувствуете ли вы теперь, — проговорилъ истязатель: — что у васъ вдругъ стало легче на сердцѣ, какъ будто въ душу къ вамъ слетѣлъ какой-то ангелъ?.. Чувствуете ли вы присутствіе этого ангела? Отвѣчайте мнѣ!

— Да, Ѳома, дѣйствительно какъ-то легче сдѣлалось, — отвѣчалъ дядя.

— Какъ будто сердце ваше послѣ того, какъ вы побѣдили себя, такъ сказать, окунулось въ какомъ-то елеѣ!

— Да, Ѳома, дѣйствительно, какъ будто по маслу пошло.

— Какъ будто по маслу? Гм... Я, впрочемъ, не про масло вамъ говорилъ... Ну, да все равно! Вотъ что значитъ, полковникъ, исполненный долгъ! Побѣждайте же себя. Вы самолюбивы, необъятно самолюбивы!

— Самолюбивъ, Ѳома, вижу, — со вздохомъ отвѣчалъ дядя.

— Вы эгоистъ и даже мрачный эгоистъ...

— Эгоистъ-то я эгоистъ, правда, Ѳома, и это вижу; съ тѣхъ поръ, какъ тебя узналъ, такъ и это узналъ.

— Я вамъ говорю теперь, какъ отецъ, какъ нѣжная мать... вы отбиваете всѣхъ отъ себя и забываете, что ласковый теленокъ двѣ матки сосетъ.

— Правда и это, Ѳома!

— Вы грубы. Вы такъ грубо толкаетесь въ человѣческое сердце, такъ самолюбиво напрашиваетесь на вниманіе, что порядочный человѣкъ отъ васъ за тридевять земель убѣжать готовъ!

Дядя еще разъ глубоко вздохнулъ.

— Будьте же нѣжнѣе, внимательнѣе, любовнѣе къ другимъ; забудьте себя для другихъ, тогда вспомнятъ и о васъ. Живи и жить давай другимъ — вотъ мое правило! Терпи, трудись, молись и надѣйся — вотъ истины, которыя бы я желалъ внушить разомъ всему человѣчеству! Подражайте же имъ, и тогда я первый раскрою вамъ мое сердце, буду плакать на груди вашей... если понадобится... А то я, да я, да милость моя! Да вѣдь надоѣстъ же, наконецъ, ваша милость, съ позволенія сказать.

«Сладкогласный человѣкъ»! — проговорилъ въ благоговѣніи Гаврила.

— Это правда, Ѳома, я все это чувствую, — поддакнулъ растроганный дядя. — Но не во всемъ же и я виноватъ, Ѳома; такъ ужъ меня воспитали; съ солдатами жилъ. А клянусь тебѣ, Ѳома, и я умѣлъ чувствовать. Прощался съ полкомъ, такъ всѣ гусары, весь мой дивизіонъ, просто плакали, говорили, что такого, какъ я, не нажить!.. Я и

подумалъ тогда, что и я, можетъ быть, еще не совсѣмъ человѣкъ погибшій.

— Опять эгоистическая черта! Опять я ловлю васъ на самолюбіи! Вы хвалитесь и мимоходомъ попрекнули меня слезами гусаръ. Что жъ я не хвалюсь ничьими слезами? А было бы чѣмъ, а было бы, можетъ быть, чѣмъ.

— Это такъ съ языка сорвалось, Ѳома, не утерпѣлъ, — вспомнилъ старое хорошее время.

— Хорошее время не съ неба падаетъ, а мы его дѣлаемъ; оно заключается въ сердцѣ нашемъ, Егоръ Ильичъ. Отчего же я всегда счастливъ и, несмотря на страданія, доволенъ, спокоенъ духомъ и никому не надоѣдаю, развѣ однимъ дуракамъ, верхоплясамъ, *ученымъ,* которыхъ не щажу и не хочу щадить. Не люблю дураковъ! И что такое эти ученые? «Человѣкъ науки»! Да наука-то выходитъ у нихъ надувательная штука, а не наука. Ну, что *онъ* давеча говорилъ? Давайте его сюда! Давайте сюда всѣхъ ученыхъ! Все могу опровергнуть; всѣ положенія ихъ могу опровергнуть! Я ужъ не говорю о благородствѣ души . . .

— Конечно, Ѳома, конечно. Кто жъ сомнѣвается?

— Давеча, напримѣръ, я выказалъ умъ, талантъ, колоссальную начитанность, знаніе сердца человѣческаго, знаніе современныхъ литературъ, я показалъ и блестящимъ образомъ развернулъ, какъ изъ какого-нибудь камаринскаго можетъ вдругъ составиться высокая тема для разговора у человѣка талантливаго. Что жъ? Оцѣнилъ ли кто-нибудь изъ нихъ меня по достоинству? Нѣтъ, отворотились! Я вѣдь увѣренъ, что онъ уже говорилъ вамъ, что я ничего не знаю. А тутъ, можетъ

быть, самъ Макіавель, или какой-нибудь Меркаданте передъ нимъ сидѣлъ, и только тѣмъ виноватъ, что бѣденъ и находится въ неизвѣстности... Нѣтъ, это имъ не пройдетъ!.. Слышу еще про Коровкина. Это что за гусь?

— Это, Ѳома, человѣкъ умный, человѣкъ науки... Я его жду. Это вѣрно ужъ будетъ хорошій, Ѳома!

— Гм! сомнѣваюсь. Вѣроятно, какой-нибудь современный оселъ, навьюченный книгами. Души въ нихъ нѣтъ, полковникъ, сердца въ нихъ нѣтъ! А что и учености безъ добродѣтели?

— Нѣтъ, Ѳома, нѣтъ! Какъ о семейномъ счастьѣ говорилъ! Такъ сердце и вникаетъ само собою, Ѳома!

— Гм! Посмотримъ; проэкзаменуемъ и Коровкина. Но довольно, — заключилъ Ѳома, подымаясь съ кресла. — Я не могу еще васъ совершенно простить, полковникъ; обида была кровавая; но я помолюсь, и, можетъ быть, Богъ ниспошлетъ миръ оскорбленному сердцу. Мы поговоримъ еще завтра объ этомъ, а теперь позвольте ужъ мнѣ уйти. Я усталъ и ослабъ...

— Ахъ, Ѳома! — захлопоталъ дядя: — вѣдь ты, въ самомъ дѣлѣ, усталъ! Знаешь что? Не хочешь ли подкрѣпиться, закусить чего-нибудь? Я сейчасъ прикажу.

— Закусить! Ха-ха-ха! Закусить! — отвѣчалъ Ѳома съ презрительнымъ хохотомъ. — Сперва напоятъ тебя ядомъ, а потомъ спрашиваютъ, не хочешь ли закусить? Сердечныя раны хотятъ залѣчить какими-нибудь отварными грибками или мочеными яблочками! Какой вы жалкій матеріалистъ, полковникъ!

— Эхъ, Ѳома, я вѣдь, ей Богу, отъ чистаго сердца . . .

— Ну, хорошо. Довольно объ этомъ. Я ухожу, а вы немедленно идите къ вашей родительницѣ: падите на колѣни, рыдайте, плачьте, но вымолите у нея прощеніе, — это вашъ долгъ, ваша обязанность.

— Ахъ, Ѳома, я все объ этомъ только и думалъ; даже теперь, съ тобой говоря, объ этомъ же думалъ. Я готовъ хоть до разсвѣта простоять передъ ней на колѣняхъ. Но подумай, Ѳома, чего же отъ меня и требуютъ? Вѣдь это несправедливо, вѣдь это жестоко, Ѳома! Будь великодушенъ вполнѣ, осчастливь меня совершенно, подумай, рѣши, и тогда . . . тогда . . . клянусь! . .

— Нѣтъ, Егоръ Ильичъ, нѣтъ, это не мое дѣло, — отвѣчалъ Ѳома. — Вы знаете, что я во все это нимало не вмѣшиваюсь; то есть вы, положимъ, и убѣждены, что я всему причиною, но, увѣряю васъ, съ самаго начала этого дѣла я устранилъ себя совершенно. Тутъ одна только воля вашей родительницы, а она, разумѣется, вамъ желаетъ добра . . . Ступайте же, спѣшите, летите и поправьте обстоятельства своимъ послушаніемъ . . . Да не зайдетъ солнце во гнѣвѣ вашемъ! А я . . . а я буду всю ночь молиться за васъ. Я давно уже не знаю, что такое сонъ, Егоръ Ильичъ. Прощайте! Прощаю и тебя, старикъ, — прибавилъ онъ, обращаясь къ Гаврилѣ. — Знаю, что ты не своимъ умомъ дѣйствовалъ. Прости же и ты мнѣ, если я обидѣлъ тебя . . . Прощайте, прощайте, прощайте всѣ, и благослови васъ Господь! . .

Ѳома вышелъ. Я тотчасъ же бросился въ комнату.

— Ты подслушивалъ? — вскричалъ дядя.

— Да, дядюшка, я подслушивалъ! И вы, и вы могли сказать ему «ваше превосходительство»!..

— Что жъ дѣлать, братецъ? Я даже горжусь... Это ничего для высокаго подвига: но какой благородный, какой безкорыстный, какой великій человѣкъ! Сергѣй — ты вѣдь слышалъ... И какъ могъ я тутъ соваться съ этими деньгами, то есть просто не понимаю! Другъ мой! Я былъ увлеченъ; я былъ въ ярости; я не понималъ его; я его подозрѣвалъ, обвинялъ... но нѣтъ! Онъ не могъ быть моимъ противникомъ; — это я теперь вижу... А помнишь, какое у него было благородное выраженіе въ лицѣ, когда онъ отказался отъ денегъ?

— Хорошо, дядюшка, гордитесь же сколько угодно, а я ѣду: терпѣнія нѣтъ больше! Послѣдній разъ говорю, скажите: чего вы отъ меня требуете? Зачѣмъ вызвали и чего ожидаете? И если все кончено и я безполезенъ вамъ, то я ѣду. Я не могу выносить такихъ зрѣлищъ! Сегодня же ѣду.

— Другъ мой... — засуетился по обыкновенію своему дядя, — подожди только двѣ минуты: я, братъ, иду теперь къ маменькѣ... тамъ надо кончить... важное, великое, громадное дѣло!.. А ты, покамѣстъ, уйди къ себѣ. Вотъ, Гаврила тебя и отведетъ въ лѣтній флигель. Знаешь лѣтній флигель? Это въ самомъ саду. Я ужъ распорядился, и чемоданъ твой туда перенесли. А я буду тамъ, вымолю прощеніе, рѣшусь на одно дѣло, — я теперь ужъ знаю, какъ сдѣлать, — и тогда мигомъ къ тебѣ, и тогда все, все, все до послѣдней черты тебѣ разскажу, всю душу выложу предъ тобою. И... и... и настанутъ же когда-нибудь и для насъ

счастливые дни! Двѣ минуты, только двѣ минутки, Сергѣй!

Онъ пожалъ мнѣ руку и поспѣшно вышелъ. Нечего было дѣлать, пришлось опять отправляться съ Гаврилой.

X.

Мизинчиковъ.

Флигель, въ который привелъ меня Гаврила, назывался «новымъ флигелемъ» только по старой памяти, но выстроенъ былъ уже давно, прежними помѣщиками. Это былъ хорошенькій, деревянный домикъ, стоявшій въ нѣсколькихъ шагахъ отъ стараго дома, въ самомъ саду. Съ трехъ сторонъ его обступали высокія старыя липы, касавшіяся своими вѣтвями кровли. Всѣ четыре комнаты этого домика были недурно меблированы и предназначались къ пріѣзду гостей. Войдя въ отведенную мнѣ комнату, въ которую уже перенесли мой чемоданъ, я увидѣлъ на столикѣ, предъ кроватью, листъ почтовой бумаги, великолѣпно исписанный разными шрифтами, отдѣланный гирляндами, парафами и росчерками. Заглавныя буквы и гирлянды разрисованы были разными красками. Все вмѣстѣ составляло премиленькую каллиграфскую работу. Съ первыхъ словъ, прочитанныхъ мною, я понялъ, что это было просительное письмо, адресованное ко мнѣ, и въ которомъ я именовался «просвѣщеннымъ благодѣтелемъ». Въ заглавіи стояло: «Вопли Видоплясова». Сколько я ни напрягалъ вниманія, стараясь хоть что-нибудь понять изъ написанна-

го, — всѣ труды мои остались тщетными: это былъ самый напыщенный вздоръ, писанный высокимъ лакейскимъ слогомъ. Догадался я только, что Видоплясовъ находится въ какомъ-то бѣдственномъ положеніи, проситъ моего содѣйствія, въ чемъ-то очень на меня надѣется, «по причинѣ моего просвѣщенія» и, въ заключеніе, проситъ похлопотать въ мою пользу у дядюшки и подѣйствовать на него «моею машиною», какъ буквально изображено было въ концѣ этого посланія. Я еще читалъ его, какъ отворилась дверь, и вошелъ Мизинчиковъ.

— Надѣюсь, что позволите мнѣ съ вами познакомиться, — сказалъ онъ развязно, но чрезвычайно вѣжливо и подавая мнѣ руку. — Давеча я не могъ вамъ сказать двухъ словъ, а между тѣмъ съ перваго взгляда почувствовалъ желаніе узнать васъ короче.

Я тотчасъ же отвчалъ, что и самъ радъ и проч., хотя и находился въ самомъ отвратительномъ расположеніи духа. Мы сѣли.

— Что это у васъ? — сказалъ онъ, взглянувъ на листъ, который я еще держалъ въ рукѣ. — Ужъ не вопли ли Видоплясова? Такъ и есть! Я увѣренъ былъ, что Видоплясовъ и васъ атакуетъ. Онъ и мнѣ подавалъ такой же точно листъ, съ тѣми же воплями; а васъ онъ уже давно ожидаетъ и, вѣроятно, заранѣе приготовлялся. Вы не удивляйтесь здѣсь много страннаго и, право, есть надъ чѣмъ посмѣяться.

— Только посмѣяться?

— Ну, да неужели же плакать? Если хотите, я вамъ разскажу біографію Видоплясова и увѣренъ, что вы посмѣетесь.

— Признаюсь, теперь мнѣ не до Видоплясова, — отвѣчалъ я съ досадою.

Мнѣ очевидно было, что и знакомство господина Мизинчикова и любезный его разговоръ — все это предпринято имъ съ какою-то цѣлью, и что господинъ Мизинчиковъ просто во мнѣ нуждается. Давеча онъ сидѣлъ нахмуренный и серьезный; теперь же былъ веселый, улыбающійся и готовый разсказывать длинныя исторіи. Видно было съ перваго взгляда, что этотъ человѣкъ отлично владѣлъ собой и, кажется, зналъ людей.

— Проклятый Ѳома! — сказалъ я, со злостью стукнувъ кулакомъ по столу. — Я увѣренъ, что онъ источникъ всякаго здѣшняго зла и во всемъ замѣшанъ! Проклятая тварь!

— Вы, кажется, ужъ слишкомъ на него разсердились, — замѣтилъ Мизинчиковъ.

— Слишкомъ разсердился! — вскрикнулъ я, мгновенно разгорячившись. — Конечно, я давеча слишкомъ увлекся и такимъ образомъ далъ право всякому осуждать меня. Я очень хорошо понимаю, что я выскочилъ и срѣзался на всѣхъ пунктахъ, и, я думаю, нечего было это мнѣ объяснять!.. Понимаю тоже, что такъ не дѣлается въ порядочномъ обществѣ; но, сообразите, была ли какая возможность не увлечься? Вѣдь это сумасшедшій домъ, если хотите знать! и... и... наконецъ... я просто уѣду отсюда — вотъ что!

— Вы курите? — спокойно спросилъ Мизинчиковъ.

— Да.

— Такъ, вѣроятно, позволите и мнѣ закурить. Тамъ не позволяютъ, и я почти стосковался. Я согласенъ, — продолжалъ онъ, закуривъ папироску: — что все это похоже на сумасшедшій домъ, но будьте увѣрены, что я не позволю себѣ

осуждать васъ, именно потому, что, на вашемъ мѣстѣ, я, можетъ, втрое болѣе бы разгорячился и вышелъ изъ себя, чѣмъ вы.

— А почему же вы не вышли изъ себя, если дѣйствительно были тоже раздосадованы? Я, напротивъ, припоминаю васъ очень хладнокровнымъ, и, признаюсь, мнѣ даже странно было, что вы не заступились за бѣднаго дядю, который готовъ благодѣтельствовать... всѣмъ и каждому!

— Ваша правда: онъ многимъ благодѣтельствовалъ; но заступаться за него я считаю совершенно безполезнымъ: во-первыхъ, это и для него безполезно и даже унизительно какъ-то; а во-вторыхъ, меня бы завтра же выгнали. А я вамъ откровенно скажу, мои обстоятельства такого рода, что я долженъ дорожить здѣшнимъ гостепріимствомъ.

— Но я нисколько не претендую на вашу откровенность насчетъ обстоятельствъ... Мнѣ бы, впрочемъ, хотѣлось спросить, такъ какъ вы здѣсь уже мѣсяцъ живете...

— Сдѣлайте одолженіе, спрашивайте: я къ вашимъ услугамъ, — торопливо отвѣчалъ Мизинчиковъ, придвигая стулъ.

— Да вотъ, напримѣръ, объясните: сейчасъ Ѳома Ѳомичъ отказался отъ 15,000 серебромъ, которыя уже были въ его рукахъ, — я видѣлъ это собственными глазами.

— Какъ это? Не-уже-ли? — вскрикнулъ Мизинчиковъ. — Разскажите, пожалуйста!

Я разсказалъ, умолчавъ о «вашемъ превосходительствѣ». — Мизинчиковъ слушалъ съ жаднымъ любопытствомъ; онъ даже какъ-то преобразился въ лицѣ, когда дошло до пятнадцати тысячъ.

— Ловко! — сказалъ онъ, выслушавъ разсказъ. — Я даже не ожидалъ отъ Ѳомы.

— Однакожъ, отказался отъ денегъ! Чѣмъ это объяснить? Неужели благородствомъ души?

— Отказаться отъ пятнадцати тысячъ, чтобъ взять потомъ тридцать. Впрочемъ, знаете что? — прибавилъ онъ, подумавъ: — я сомнѣваюсь, чтобъ у Ѳомы былъ какой-нибудь расчетъ. Это человѣкъ практическій; это тоже въ своемъ родѣ какой-то поэтъ. Пятнадцать тысячъ... гм! Видите ли: онъ и взялъ бы деньги, да не устоялъ передъ соблазномъ погримасничать, порисоваться. Это, я вамъ скажу, такая кислятина, такая слезливая размазня, и все это при самомъ неограниченномъ самолюбіи!

Мизинчиковъ даже разсердился. Видно было, что ему очень досадно, даже какъ будто завидно. Я съ любопытствомъ вглядывался въ него.

— Гм! Надо ожидать большихъ перемѣнъ, — прибавилъ онъ, задумываясь. — Теперь Егоръ Ильичъ готовъ молиться Ѳомѣ. Чего добраго, пожалуй, и женится, изъ умиленія души, — прибавилъ онъ сквозь зубы.

— Такъ вы думаете, что непремѣнно состоится — этотъ гнусный, противоестественный бракъ съ этой помѣшанной дурой?

Мизинчиковъ пытливо взглянулъ на меня.

— Подлецы! — вскричалъ я запальчиво.

— Впрочемъ, у нихъ идея довольно основательная: они утверждаютъ, что онъ долженъ же что-нибудь сдѣлать для семейства.

— Мало онъ для нихъ сдѣлалъ! — вскричалъ я въ негодованіи. — И вы, и вы можете говорить, что это основательная мысль — жениться на пошлой дурѣ!

— Конечно, и я согласенъ съ вами, что она дура... Гм! Это хорошо, что вы такъ любите дядюшку; я самъ сочувствую... хотя на ея деньги можно бы славно округлить имѣніе! Впрочемъ, у нихъ и другіе резоны: они боятся, чтобъ Егоръ Ильичъ не женился на той гувернанткѣ... помните, еще такая интересная дѣвушка?

— А развѣ... развѣ это вѣроятно? — спросилъ я въ волненіи. — Мнѣ кажется, это клевета. Скажите, ради Бога, меня это крайне интересуетъ...

— О, влюбленъ по уши! Только, разумѣется, скрываетъ.

— Скрываетъ! Вы думаете, онъ скрываетъ? Ну, а она? Она его любитъ?

— Очень можетъ быть, что и она. Впрочемъ, вѣдь ей всѣ выгоды за него выйти: она очень бѣдна.

— Но какія данныя вы имѣете для вашей догадки, что они любятъ другъ друга?

— Да вѣдь этого нельзя не замѣтить; при томъ они, кажется, имѣютъ тайныя свиданія. Утверждали даже, что она съ нимъ въ непозволительной связи. Вы только, пожалуйста, не разсказывайте. Я вамъ говорю подъ секретомъ.

— Возможно ли этому повѣрить? — вскричалъ я: — и вы, и вы признаетесь, что этому вѣрите?

— Разумѣется, я не вѣрю вполнѣ, я тамъ не былъ. Впрочемъ, очень можетъ и быть.

— Какъ можетъ быть! Вспомните благородство, честь дяди!

— Согласенъ; но можно и увлечься съ тѣмъ, чтобъ непремѣнно потомъ завершить законнымъ бракомъ. Такъ часто увлекаются. Впрочемъ, по-

вторяю, я нисколько не стою за совершенную достовѣрность этихъ извѣстій, тѣмъ болѣе, что ее здѣсь очень ужъ размарали; говорили даже, что она была въ связи съ Видоплясовымъ.

— Ну, вотъ видите! — вскричалъ я: — съ Видоплясовымъ! Ну, возможно ли это? Ну, не отвратительно ль даже слышать это? Неужели жъ вы и этому вѣрите?

— Я вѣдь вамъ говорю, что я этому не совсѣмъ вѣрю, — спокойно отвѣчалъ Мизинчиковъ: — а, впрочемъ, могло и случиться. На свѣтѣ все можетъ случиться. Я же тамъ не былъ, и при томъ я считаю, что это не мое дѣло. Но такъ какъ, я вижу, вы берете во всемъ этомъ большое участіе, то считаю себя обязаннымъ прибавить, что дѣйствительно мало вѣроятія насчетъ этой связи съ Видоплясовымъ. Это все продѣлки Анны Ниловны, вотъ этой Перепелицыной; это она распустила здѣсь эти слухи, изъ зависти, потому что сама прежде мечтала выйти замужъ за Егора Ильича — ей Богу! — На томъ основаніи, что она подполковничья дочь. Теперь она разочаровалась и ужасно бѣсится. Впрочемъ, я, кажется, ужъ все разсказалъ вамъ объ этихъ дѣлахъ и, признаюсь, ужасно не люблю сплетенъ, тѣмъ болѣе, что мы только теряемъ драгоцѣнное время. Я, видите ли, пришелъ къ вамъ съ небольшой просьбой.

— Съ просьбой? Помилуйте, все, чѣмъ могу быть полезенъ . . .

— Понимаю и даже надѣюсь васъ нѣсколько заинтересовать, потому что, вижу, вы любите вашего дядюшку и принимаете большое участіе въ его судьбѣ насчетъ брака. Но, передъ этой просьбой, я имѣю къ вамъ еще другую просьбу, предварительную

— Какую же?

— А вотъ какую: можетъ быть, вы и согласитесь исполнить мою главную просьбу, можетъ быть и нѣтъ, но, во всякомъ случаѣ, прежде изложенія я бы попросилъ васъ покорнѣйше сдѣлать мнѣ величайшее одолженіе, дать мнѣ честное и благородное слово дворянина и порядочнаго человѣка, что все, услышанное вами отъ меня, останется между нами въ глубочайшей тайнѣ, и что вы ни въ какомъ случаѣ, ни для какого лица не измѣните этой тайны и не воспользуетесь для себя той идеей, которую я теперь нахожу необходимымъ вамъ сообщить. Согласны иль нѣтъ?

Предисловіе было торжественно. Я далъ согласіе.

— Ну-съ? . . — сказалъ я.

— Дѣло въ сущности очень простое, — началъ Мизинчиковъ. — Я, видите ли, хочу увезти Татьяну Ивановну и жениться на ней; словомъ, будетъ нѣчто похожее на Гретна-Гринъ, — понимаете?

Я посмотрѣлъ господину Мизинчикову прямо въ глаза и нѣкоторое время не могъ выговорить слова.

— Признаюсь вамъ, ничего не понимаю, — проговорилъ я, наконецъ: — и, кромѣ того, — продолжалъ я: — ожидая, что имѣю дѣло съ человѣкомъ благоразумнымъ, я, съ своей стороны, никакъ не ожидалъ . . .

— Ожидая не ожидали, — перебилъ Мизинчиковъ: — въ переводѣ это будетъ, что я и намѣреніе мое глупы, — не правда ли?

— Вовсе нѣтъ-съ . . . но . . .

— О, пожалуйста, не стѣсняйтесь въ вашихъ выраженіяхъ! Не безпокойтесь; вы мнѣ даже сдѣлаете этимъ большое удовольствіе, потому что

этакъ ближе къ цѣли. Я, впрочемъ, согласенъ, что все это съ перваго вагляда можетъ показаться даже нѣсколько страннымъ. Но смѣю увѣрить васъ, что мое намѣреніе не только не глупо, но даже въ высшей степени благоразумно; и если вы будете такъ добры, выслушаете всѣ обстоятельства . . .

— О, помилуйте! Я съ жадностью слушаю.

— Впрочемъ, разсказывать почти нечего. Видите ли: я теперь въ долгахъ и безъ копейки. У меня есть кромѣ того, сестра, дѣвица лѣтъ девятнадцати, сирота круглая, живетъ въ людяхъ и безъ всякихъ, знаете, средствъ. Въ этомъ виноватъ отчасти и я. Получили мы въ наслѣдство сорокъ душъ. Нужно же, чтобъ меня, именно въ это время, произвели въ корнеты. Ну, сначала, разумѣется, заложилъ, а потомъ прокутилъ и остальнымъ образомъ. Жилъ глупо, задавалъ тону, корчилъ Бурцова, игралъ, пилъ — словомъ, глупо, даже и вспомнить стыдно. Теперь я одумался и хочу совершенно измѣнить образъ жизни. Но для этого мнѣ совершенно необходимо имѣть сто тысячъ ассигнаціями. А такъ какъ я не достану ничего службой, самъ же по себѣ ни на что неспособенъ и не имѣю почти никакого образованія, то, разумѣется, остается только два средства: или украсть, или жениться на богатой. Пришелъ я сюда почти безъ сапогъ, пришелъ, а не пріѣхалъ. Сестра дала мнѣ свои послѣдніе три цѣлковыхъ, когда я отправился изъ Москвы. Здѣсь я увидѣлъ эту Татьяну Ивановну, и тотчасъ же у меня родилась мысль. Я немедленно рѣшился пожертвовать собой и жениться. Согласитесь, что все это не что иное, какъ благоразуміе. Къ тому же, я дѣлаю это болѣе для сестры . . . ну, конечно, и для себя.

— Но, позвольте, вы хотите сдѣлать формальное предложеніе Татьянѣ Ивановнѣ?

— Боже меня сохрани! Меня отсюда тотчасъ бы выгнали, да и она сама не пойдетъ; а если предложить ей увозъ, побѣгъ, то она тотчасъ пойдетъ. Въ томъ-то и дѣло: только чтобъ было что-нибудь романическое и эффектное. Разумѣется, все это немедленно завершится между нами законнымъ бракомъ. Только бы выманить ее отсюда!

— Да почему жъ вы такъ увѣрены, что она непремѣнно съ вами убѣжитъ?

— О, не безпокойтесь! Въ этомъ я совершенно увѣренъ. Въ томъ-то и состоитъ основная мысль, что Татьяна Ивановна способна завести амурное дѣло со всякимъ встрѣчнымъ, словомъ, со всякимъ, кому только придетъ въ голову ей отвѣчать. Вотъ почему я и взялъ съ васъ предварительное слово, чтобъ вы тоже не воспользовались этой идеей. Вы же, конечно, поймете, что мнѣ бы даже грѣшно было не воспользоваться такимъ случаемъ, особенно при моихъ обстоятельствахъ.

— Такъ, стало быть, она совсѣмъ сумасшедшая... ахъ! извините, — прибавилъ я, спохватившись. — Такъ какъ вы теперь имѣете на нее виды, то...

— Пожалуйста, не стѣсняйтесь, я уже просилъ васъ. Вы спрашиваете, совсѣмъ ли она сумасшедшая? Какъ вамъ отвѣтить? Разумѣется, не сумасшедшая, потому что еще не сидитъ въ сумасшедшемъ домѣ; при томъ же, въ этой маніи къ амурнымъ дѣламъ я, право, не вижу особеннаго сумасшествія. Она же, несмотря ни на что, дѣвушка честная. Видите ли: она до прошлаго года была въ ужасной бѣдности, съ самаго рожденія жила

подъ гнетомъ у благодѣтельницъ. Сердце у ней необыкновенно чувствительное; замужъ ее никто не просилъ — ну, понимаете: мечты, желанія, надежды, пылъ сердца, который надо было всегда укрощать, вѣчныя муки отъ благодѣтельницъ — все это, разумѣется, могло довести до разстройства чувствительный характеръ. И вдругъ она получаетъ богатство: согласитесь сами, это хоть кого перевернетъ. Ну, разумѣется, теперь въ ней ищутъ, за ней волочатся, и всѣ надежды ея воскресли. Давеча она разсказала про франта въ бѣломъ жилетѣ: это фактъ, случившійся буквально такъ, какъ она говорила. По этому факту можете судить и объ остальномъ. На вздохи, на записочки, на стишки вы ее тотчасъ приманите; а если, ко всему этому, намекнете на шелковую лѣстницу, на испанскія серенады и на всякій этотъ вздоръ, то вы можете сдѣлать съ ней все, что угодно. Я ужъ сдѣлалъ пробу, и тотчасъ же добился тайнаго свиданія. Впрочемъ, теперь я, покамѣстъ, пріостановился до благопріятнаго времени. Но дня черезъ четыре надо ее увезти, непремѣнно. Наканунѣ я начну подпускать лясы, вздыхать: я недурно играю на гитарѣ и пою. Ночью свиданье въ бесѣдкѣ, а къ разсвѣту коляска будетъ готова; я ее выманю, сядемъ и уѣдемъ. Вы понимаете, что тутъ — никакого риску; она совершеннолѣтняя и, кромѣ того, во всемъ ея добрая воля. А ужъ если она разъ бѣжала со мной, то ужъ, конечно, значитъ, вошла со мной въ обязательства. Привезу я ее въ благородный, но бѣдный домъ — здѣсь есть, въ сорока верстахъ — гдѣ до свадьбы ее будутъ держать въ рукахъ и никого до нея не допустятъ; а между тѣмъ, я

времени терять не буду: свадьбу уладимъ въ три дня — это можно. Разумѣется, прежде всего нужны деньги; но я разсчитывалъ, нужно не болѣе пятисотъ серебромъ на всю интермедію, и въ этомъ я надѣюсь на Егора Ильича; онъ дастъ, конечно, не зная, въ чемъ дѣло. Теперь поняли?

— Понимаю, — сказалъ я, понявъ, наконецъ, все въ совершенствѣ. — Но, скажите, въ чемъ же я-то вамъ могу быть полезенъ?

— Ахъ, въ очень многомъ, помилуйте! Иначе я бы и не просилъ. Я уже сказалъ вамъ, что имѣю въ виду одно почтенное, но бѣдное семейство. Вы же мнѣ можете помочь и здѣсь, и тамъ, и, наконецъ, какъ свидѣтель. Признаюсь, безъ вашей помощи я буду какъ безъ рукъ.

— Еще вопросъ: почему вы удостоили выбрать меня для вашей довѣренности, меня, котораго вы еще не знаете, потому что я всего нѣсколько часовъ какъ пріѣхалъ?

— Вопросъ вашъ, — отвѣчалъ Мизинчиковъ съ самою любезною улыбкою, — вопросъ вашъ, признаюсь откровенно, доставляетъ мнѣ много удовольствія, потому что представляетъ мнѣ случай высказать мое особое къ вамъ уваженіе.

— О, много чести!

— Нѣтъ, видите ли, я васъ давеча нѣсколько изучалъ. Вы, положимъ, и пылки и . . . и . . . ну и молоды; но вотъ въ чемъ я совершенно увѣренъ: если ужъ вы дали мнѣ слово, что никому не разскажете, то ужъ, навѣрно, его сдержите. Вы не Обноскинъ, — это первое. Во-вторыхъ, вы честны и не воспользуетесь моей идеей для себя, разумѣется кромѣ того случая, если захотите вступить со мною въ дружелюбную сдѣлку. Въ такомъ случаѣ,

я, можетъ быть, и согласенъ буду уступить вамъ мою идею, то есть Татьяну Ивановну, и готовъ ревностно помогать въ похищеніи, но съ условіемъ, черезъ мѣсяцъ послѣ свадьбы, получить отъ васъ пятьдесятъ тысячъ ассигнаціями, въ чемъ, разумѣется, вы мнѣ заранѣе дали бы обезпеченіе, въ видѣ заемнаго письма, безъ процентовъ.

— Какъ? — вскричалъ я: — такъ вы ее ужъ и мнѣ предлагаете?

— Натурально, я могу уступить, если надумаетесь, захотите. Я, конечно, теряю, но... идея принадлежитъ мнѣ, а вѣдь за идеи берутъ же деньги. Въ-третьихъ, наконецъ, я потому васъ пригласилъ, что не изъ кого и выбирать. А долго медлить,взявъ въ соображеніе здѣшнія обстоятельства, невозможно. Къ тому же скоро Успенскій постъ и вѣнчать не станутъ. Надѣюсь, вы теперь вполнѣ меня понимаете?

— Совершенно и еще разъ обязуюсь сохранить вашу тайну въ полной неприкосновенности; но товарищемъ вашимъ въ этомъ дѣлѣ я быть не могу, о чемъ и считаю долгомъ объявить вамъ немедленно.

— Почему жъ?

— Какъ почему жъ? — вскричалъ я, давая, наконецъ, волю накопившимся во мнѣ чувствамъ. — Да неужели вы не понимаете, что такой поступокъ даже неблагороденъ? Положимъ, вы расчитываете совершенно вѣрно, основываясь на слабоуміи и на несчастной маніи этой дѣвицы, но вѣдь ужъ это одно и должно было бы удержать васъ, какъ благороднаго человѣка! Сами же вы говорите, что она достойна уваженія, несмотря на то, что смѣшна. И вдругъ, вы пользуетесь ея несчастьемъ, чтобъ

вытянуть отъ нея сто тысячъ! Вы, конечно, не будете ея настоящимъ мужемъ, исполняющимъ свои обязанности: вы непремѣнно ее покинете... Это такъ неблагородно, что, извините меня, я даже не понимаю, какъ вы рѣшились просить меня въ ваши сотрудники!

— Фу ты, Боже мой, какой романтизмъ! — вскричалъ Мизинчиковъ, глядя на меня съ неподдѣльнымъ удивленіемъ. — Впрочемъ, тутъ даже и не романтизмъ, а вы просто, кажется, не понимаете, въ чемъ дѣло. Вы говорите, что это неблагородно, а между тѣмъ всѣ выгоды не на моей, а на ея сторонѣ... Разсудите только!

— Конечно, если смотрѣть съ вашей точки зрѣнія, то, пожалуй, выйдетъ, что вы сдѣлаете самое великодушное дѣло, женясь на Татьянѣ Ивановнѣ, — отвѣчалъ я съ саркастическою улыбкою.

— А то какъ же? Именно такъ, именно самое великодушное дѣло! — вскричалъ Мизинчиковъ, разгорячаясь въ свою очередь. — Разсудите только: во-первыхъ, я жертвую собою и соглашаюсь быть ея мужемъ, — вѣдь это же стоитъ чего-нибудь? Во-вторыхъ, несмотря на то, что у ней есть вѣрныхъ тысячъ сто серебромъ, несмотря на это, я беру только сто тысячъ ассигнаціями и уже далъ себѣ слово не брать у ней ни копейки больше во всю мою жизнь, хотя бы и могъ: это опять чего-нибудь стоитъ! Наконецъ, вникните: ну, можетъ ли она прожить свою жизнь спокойно? Чтобъ ей спокойно прожить, нужно отобрать у ней деньги и посадить ее въ сумасшедшій домъ, потому что каждую минуту надо ожидать, что къ ней подвернется какой-нибудь бездѣльникъ, прощалыга, спекулянтъ, съ эспаньолкой и съ усиками, съ гитарой и

съ серенадами, въ родѣ Обноскина, который сманитъ ее, женится на ней, оберетъ ее дочиста и потомъ броситъ гдѣ-нибудь на большой дорогѣ. Вотъ здѣсь, напримѣръ, и честнѣйшій домъ, а вѣдь и держатъ ее только потому, что спекулируютъ на ея денежки. Отъ этихъ шансовъ ее нужно избавить, спасти. Ну, а понимаете, какъ только она выйдетъ за меня — всѣ эти шансы исчезли. Ужъ я обязуюсь въ томъ, что никакое несчастье до нея не коснется. Во-первыхъ, я ее тотчасъ же помѣщаю въ Москвѣ, въ одно благородное, но бѣдное семейство—это не то, о которомъ я говорилъ: это другое семейство; при ней будетъ постоянно находиться моя сестра; за ней будутъ смотрѣть въ оба глаза. Денегъ у ней останется тысячъ двѣсти пятьдесять, а, можетъ, и триста ассигнаціями: на это можно знаете какъ прожить! Всѣ удовольствія ей будутъ доставлены, всѣ развлеченія, балы, маскарады, концерты. Она можетъ даже мечтать объ амурахъ; только, разумѣется, я себя на этотъ счетъ обезпечу: мечтай сколько хочешь, а на дѣлѣ ни-ни! Теперь, напримѣръ, каждый можетъ ее обидѣть, а тогда никто: она жена моя, она Мизинчикова, а я свое имя на поруганье не отдамъ-съ! Это одно чего стоитъ? Натурально, я съ нею не буду жить вмѣстѣ. Она въ Москвѣ, а я гдѣ-нибудь въ Петербургѣ. Въ этомъ я сознаюсь, потому что съ вами веду дѣло на чистоту. Но что жъ до этого, что мы будемъ жить врозь? Сообразите, приглядитесь къ ея характеру: ну способна ли она быть женой и жить вмѣстѣ съ мужемъ? Развѣ возможно съ ней постоянство? Вѣдь это легкомысленнѣйшее созданіе въ свѣтѣ! Ей необходима безпрерывная перемѣна: она способна на другой же

день забыть, что вчера вышла замужъ и сдѣлалась законной женой. Да я сдѣлаю ее несчастною въ концѣ, если буду жить вмѣстѣ съ ней и буду требовать отъ нея строгаго исполненія обязанностей. Натурально, я буду къ ней пріѣзжать разъ въ годъ, или чаще, и не за деньгами — увѣряю васъ. Я сказалъ, что болѣе ста тысячъ ассигнаціями—у ней не возьму, и не возьму! Въ денежномъ отношеніи я поступаю съ ней въ высшей степени благороднымъ образомъ. Пріѣзжая дня на два, на три, я буду доставлять даже удовольствіе, а не скуку; я буду съ ней хохотать, буду разсказывать ей анекдоты, повезу на балъ, буду съ ней амурничать, дарить сувенирчики, пѣть романсы, подарю собачку, разстанусь съ ней романически и буду вести съ ней любовную переписку. Да она въ восторгѣ будетъ отъ такого романическаго, влюбленнаго и веселаго мужа! По-моему, это раціонально· такъ бы и всѣмъ мужьямъ поступать. Мужья тогда только и драгоцѣнны женамъ, когда въ отсутствіи, и, слѣдуя моей системѣ, я займу сердце Татьяны Ивановны сладчайшимъ образомъ на всю ея жизнь. Чего жъ ей больше желать? Скажите. Да вѣдь это рай, а не жизнь!

Я слушалъ молча и съ удивленіемъ. Я понялъ, что оспаривать господина Мизинчикова невозможно. Онъ фанатически увѣренъ былъ въ правотѣ и даже въ величіи своего проекта и говорилъ о немъ съ восторгомъ изобрѣтателя. Но оставалось одно щекотливѣйшее обстоятельство, и разъяснить его было необходимо.

— Вспомнили ли вы, — сказалъ я: — что она почти уже невѣста дяди? Похитивъ ее, вы сдѣлаете ему большую обиду; вы увезете ее почти наканунѣ

свадьбы, и, сверхъ того, у него же возьмете взаймы для совершенія этого подвига!

— А вотъ тутъ-то я васъ и ловлю! — съ жаромъ вскричалъ Мизинчиковъ. — Не безпокойтесь, я предвидѣлъ ваше возраженіе. Но, во-первыхъ, и главное: дядя еще предложенія не дѣлалъ; слѣдственно, я могу и не знать, что ее готовятъ ему въ невѣсты; при томъ же, прошу замѣтить, что я еще три недѣли назадъ замыслилъ это предпріятіе, когда еще ничего не зналъ о здѣшнихъ намѣреніяхъ; а потому я совершенно правъ передъ нимъ въ моральномъ отношеніи и даже, если строго судить, не я у него, а онъ у меня отбиваетъ невѣсту, съ которой — замѣтьте это — я ужъ имѣлъ тайное ночное свиданіе въ бесѣдкѣ. Наконецъ, позвольте: не вы ли сами сейчасъ были въ изступленіи, что дядюшку вашего заставляютъ жениться на Татьянѣ Ивановнѣ, а теперь вдругъ заступаетесь за этотъ бракъ, говорите о какой-то фамильной обидѣ, о чести! Да я, напротивъ, дѣлаю вашему дядюшкѣ величайшее одолженіе: спасаю его — вы должны это понять! Онъ съ отвращеніемъ смотритъ на эту женитьбу, и, къ тому же, любитъ другую дѣвицу! Ну, какая ему жена Татьяна Ивановна? Да и она съ нимъ будетъ несчастна, потому что, какъ хотите, а вѣдь ее нужно же будетъ тогда ограничить, чтобъ она не бросала розанами въ молодыхъ людей. А вѣдь когда я увезу ее ночью, такъ ужъ тутъ никакая генеральша, никакой Ѳома Ѳомичъ ничего не сдѣлаетъ. Возвратить такую невѣсту, которая бѣжала изъ-подъ вѣнца, будетъ ужъ слишкомъ зазорно. Развѣ это не одолженіе, не благодѣяніе Егору Ильичу?

Признаюсь, это послѣднее разсужденіе на меня сильно подѣйствовало.

— А что если онъ завтра сдѣлаетъ предложеніе? — сказалъ я: — вѣдь ужъ тогда будетъ нѣсколько поздно: она будетъ формальная невѣста его.

— Натурально поздно! Но тутъ-то и надо работать, чтобъ этого не было. Для чего жъ я и прошу вашего содѣйствія? Одному мнѣ трудно, а вдвоемъ мы уладимъ дѣло и настоимъ, чтобъ Егоръ Ильичъ не дѣлалъ предложенія. Надобно помѣшать всѣми силами, пожалуй, въ крайнемъ случаѣ, поколотить Ѳому Ѳомича и тѣмъ отвлечь всеобщее вниманіе, такъ что имъ будетъ не до свадьбы. Разумѣется, это только въ крайнемъ случаѣ; я говорю для примѣра. Въ этомъ-то я на васъ и надѣюсь.

— Еще одинъ, послѣдній вопросъ: вы никому, кромѣ меня, не открывали вашего предпріятія?

Мизинчиковъ почесалъ въ затылкѣ и скорчилъ самую кислую гримасу.

— Признаюсь вамъ, — отвѣчалъ онъ: — этотъ вопросъ для меня хуже самой горькой пилюли. Въ томъ-то и штука, что я уже открылъ мою мысль... словомъ, свалялъ ужаснѣйшаго дурака! И какъ бы вы думали, кому? Обноскину! Такъ что я даже самъ не вѣрю себѣ. Не понимаю, какъ и случилось! Онъ все здѣсь вертѣлся; я еще его хорошо не зналъ, и когда осѣнило меня вдохновеніе, я, разумѣется, былъ какъ будто въ горячкѣ; а такъ какъ я тогда же понялъ, что мнѣ нуженъ помощникъ, то и обратился къ Обноскину . . . Непростительно, непростительно!

— Ну, что жъ Обноскинъ?

— Съ восторгомъ согласился, а на другой же

день, рано утромъ, исчезъ. Дня черезъ три является опять, съ своей маменькой. Со мной ни слова, и даже избѣгаетъ, какъ будто боится. Я тотчасъ же понялъ въ чемъ штука. А маменька его такая прощалыга, просто черезъ всѣ мѣдныя трубы прошла. Я ее прежде знавалъ. Конечно, онъ ей все разсказалъ. Я молчу и жду; они шпіонятъ, и дѣло находится немного въ натянутомъ положеніи... Оттого-то я и тороплюсь.

— Чего жъ именно вы отъ нихъ опасаетесь?

— Многаго, конечно, не сдѣлаютъ, а что напакостятъ — такъ это навѣрно. Потребуютъ денегъ за молчаніе и за помощь: я того и жду... Только я много не могу имъ дать, и не дамъ — я ужъ рѣшился; больше трехъ тысячъ ассигнаціями невозможно? Разсудите сами: три тысячи сюда, пятьсотъ серебромъ свадьба, потому что дядѣ все сполна нужно отдать; потомъ старые долги; ну, сестрѣ хоть что-нибудь, такъ, хоть что-нибудь. Много ль изъ ста-то тысячъ останется? Вѣдь это разоренье!... Обноскины, впрочемъ, уѣхали.

— Уѣхали? — спросилъ я съ любопытствомъ.

— Сейчасъ послѣ чаю; да и чертъ съ ними! А завтра, увидите, опять явятся. Ну такъ какъ же, согласны?

— Признаюсь, — отвѣчалъ я, съеживаясь: — не знаю, какъ и сказать. Дѣло щекотливое... Конечно, я сохраню все въ тайнѣ; я не Обноскинъ; но... кажется, вамъ на меня надѣяться нечего.

— Я вижу, — сказалъ Мизинчиковъ, вставая со стула, — что вамъ еще не надоѣли Ѳома Ѳомичъ и бабушка, и что вы хоть и любите вашего добраго, благороднаго дядю, но еще недостаточно вникли, какъ его мучатъ. Вы же человѣкъ но-

вый . . . Но терпѣніе! Побудете завтра, посмотрите, и къ вечеру согласитесь. Вѣдь иначе вашъ дядюшка пропалъ — понимаете? Его непремѣнно заставятъ жениться. Не забудьте, что, можетъ быть, завтра, онъ сдѣлаетъ предложеніе. Поздно будетъ; надо бы сегодня рѣшиться!

— Право, я желаю вамъ всякаго успѣха, но помогать . . . не знаю какъ-то . . .

— Знаемъ! Но, подождемъ до завтра, — рѣшилъ Мизинчиковъ, улыбаясь насмѣшливо. — La nuit porte conseil. До свиданія. Я приду къ вамъ пораньше утромъ, а вы подумайте . . .

Онъ повернулся и вышелъ, что-то насвистывая.

Я вышелъ почти вслѣдъ за нимъ освѣжиться. Мѣсяцъ еще не всходилъ; ночь была темная, воздухъ теплый и удушливый. Листья на деревьяхъ не шевелились. Несмотря на страшную усталость, я хотѣлъ было походить, разсѣяться, собраться съ мыслями, но не прошелъ и десяти шаговъ, какъ вдругъ услышалъ голосъ дяди. Онъ съ кѣмъ-то всходилъ на крыльцо флигеля и говорилъ съ чрезвычайнымъ одушевленіемъ. Я тотчасъ же воротился и окликнулъ его. Дядя былъ съ Видоплясовымъ.

XI.

Крайнее недоумѣніе.

— Дядюшка! — сказалъ я: — наконецъ-то я васъ дождался.

— Другъ мой, я и самъ-то рвался къ тебѣ. Вотъ только докончу съ Видоплясовымъ, и тогда наговоримся досыта. Много надо тебѣ разсказать.

— Какъ, еще съ Видоплясовымъ! Да бросьте вы его, дядюшка.

— Еще только какихъ-нибудь пять или десять минутъ, Сергѣй, и я совершенно твой. Видишь: дѣло.

— Да онъ, вѣрно, съ глупостями, — проговорилъ я съ досадою.

— Да что сказать тебѣ, другъ мой? Вѣдь найдетъ же человѣкъ, когда лѣзть съ своими пустяками! Точно ты, братъ Григорій, не могъ ужъ и времени другого найти для своихъ жалобъ? Ну, что я для тебя сдѣлаю? Пожалѣй хоть ты меня, братецъ. Вѣдь я, такъ сказать, изнуренъ вами, съѣденъ живьемъ, цѣликомъ! — Мочи моей нѣтъ съ ними, Сергѣй!

И дядя махнулъ обѣими руками въ глубочайшей тоскѣ.

— Да что за важное такое дѣло, что и оставить нельзя? А мнѣ бы такъ нужно, дядюшка...

— Эхъ, братъ, ужъ и такъ кричатъ, что я о нравственности моихъ людей не забочусь! Пожалуй, еще завтра пожалуется на меня, что я не выслушалъ, и тогда...

И дядя опять махнулъ рукой.

— Ну, такъ кончайте же съ нимъ поскорѣе! Пожалуй, и я помогу. Взойдемте наверхъ. Что онъ такое? Чего ему? — сказалъ я, когда мы вошли въ комнаты.

— Да вотъ, видишь, другъ мой, не нравится ему своя собственная фамилія, перемѣнить проситъ. Каково тебѣ это покажется?

— Фамилія! Какъ такъ?.. Ну, дядюшка, прежде, чѣмъ я услышу, что̀ онъ самъ скажетъ, позвольте вамъ сказать, что только у васъ въ домѣ могутъ совершаться такія чудеса, — проговорилъ я, разставивъ руки отъ изумленія.

— Эхъ, братъ! Этакъ-то и я разставить руки умѣю, да толку-то мало! — съ досадою проговорилъ дядя. — Поди-ка, поговори-ка съ нимъ самъ, попробуй. Ужъ онъ два мѣсяца пристаетъ ко мнѣ...

— Неосновательная фамилія-съ! — отозвался Видоплясовъ.

— Да почему же неосновательная? — спросилъ я его съ удивленіемъ.

— Такъ-съ. Изображаетъ собою всякую гнусность-съ.

— Да почему же гнусность? Да и какъ ее перемѣнить? Кто перемѣняетъ фамиліи?

— Помилуйте, бываютъ ли у кого такія фамиліи-съ?

— Я согласенъ, что фамилія твоя отчасти странная, — продолжалъ я въ совершенномъ недоумѣніи, — но вѣдь что жъ теперь дѣлать? Вѣдь и у отца твоего была такая жъ фамилія?

— Это подлинно-съ, что черезъ родителя моего я такимъ образомъ пошелъ навѣки страдать-съ, такъ какъ суждено мнѣ моимъ именемъ многія насмѣшки принять и многія горести произойти-съ, — отвѣчалъ Видоплясовъ.

— Бьюсь объ закладъ, дядюшка, что тутъ не безъ Ѳомы Ѳомича! — вскричалъ я съ досадою.

— Ну, нѣтъ, братецъ, ну, нѣтъ; ты ошибся. Дѣйствительно, Ѳома ему благодѣтельствуетъ. Онъ взялъ его къ себѣ въ секретари, въ этомъ и вся его должность. Ну, разумѣется, онъ его развилъ, наполнилъ благородствомъ души, такъ что онъ даже, въ нѣкоторомъ отношеніи, прозрѣлъ... Вотъ, видишь, я тебѣ все разскажу...

— Это точно-съ, — перебилъ Видоплясовъ, — что Ѳома Ѳомичъ мои истинные благодѣтели-съ, и, бывши истинные мнѣ благодѣтели, они меня вразумили моему ничтожеству, каковъ я есмь червякъ на землѣ, такъ что чрезъ нихъ я въ первый разъ свою судьбу предузналъ-съ.

— Вотъ видишь, Сережа, вотъ видишь, въ чемъ все дѣло, — продолжалъ дядя, заторопившись, по своему обыкновенію. — Жилъ онъ сначала въ Москвѣ, съ самыхъ почти дѣтскихъ лѣтъ, у одного учителя чистописанія въ услуженіи. Посмотрѣлъ бы ты, какъ онъ у него научился писать: и красками, и золотомъ, и кругомъ, знаешь, купидоновъ наставитъ — словомъ, артистъ! Илюша у него учится; полтора цѣлковыхъ за урокъ плачу. Ѳома самъ опредѣлилъ полтора цѣлковыхъ. Къ окрест-

нымъ помѣщикамъ въ три дома ѣздитъ; тоже платятъ. Видишь, какъ одѣвается! Къ тому же пишетъ стихи.

— Стихи! Этого еще не доставало!

— Стихи, братецъ, стихи, и ты не думай, что я шучу, настоящіе стихи, такъ сказать, версификація, и такъ, знаешь, складно, на всѣ предметы, тотчасъ же всякій предметъ стихами опишетъ. Настоящій талантъ! Маменькѣ къ именинамъ такую рацею соорудилъ, что мы только рты разинули: и изъ миѳологіи тамъ у него, и музы летаютъ, такъ что даже, знаешь, видна эта... какъ бишь ее? Округленность формъ, — словомъ, совершенно въ рифму выходитъ. Ѳома поправлялъ. Ну я, конечно, ничего, и даже радъ съ моей стороны. Пусть себѣ сочиняетъ, только бъ не накуралесилъ чего-нибудь. — Я, братъ, Григорій, тебѣ, вѣдь, какъ отецъ говорю. Провѣдалъ объ этомъ Ѳома, просмотрѣлъ стихи, поощрилъ и опредѣлилъ къ себѣ чтецомъ и переписчикомъ, — словомъ, образовалъ. Это онъ правду говоритъ, что облагодѣтельствовалъ. Ну, этакъ, знаешь, у него и благородный романтизмъ въ головѣ появился и чувство независимости, — мнѣ все это Ѳома объяснялъ, да я ужъ, правда, и позабылъ; только я, признаюсь, хотѣлъ и безъ Ѳомы его на волю отпустить. Стыдно, знаешь, какъ-то!.. Да Ѳома противъ этого, говоритъ, что онъ ему нуженъ, полюбилъ онъ его: да, сверхъ того, говоритъ: «мнѣ же, барину, больше чести, что у меня между собственными людьми стихотворцы; что такъ какіе-то бароны гдѣ-то жили и что это en grand». Ну, en grand, такъ en grand! Я, братецъ, ужъ сталъ его уважать — понимаешь?.. Только Богъ знаетъ, какъ онъ повелъ

себя. Всего хуже, что онъ до того передъ всей дворней послѣ стиховъ носъ задралъ, что ужъ и говорить съ ними не хочетъ. — Ты не обижайся, Григорій, я тебѣ какъ отецъ говорю. — Объщался онъ еще прошлой зимой жениться: есть тутъ одна дворовая дѣвушка, Матрена, и премилая, знаешь, дѣвушка, честная, работящая, веселая. Такъ вотъ нѣтъ же, теперь: не хочу, да и только; отказался. Возмечталъ ли онъ о себѣ, или разсудилъ сначала прославиться, а потомъ ужъ въ другомъ мѣстѣ искать руки . . .

— Болѣе по совѣту Ѳомы Ѳомича-съ, — замѣтилъ Видоплясовъ, — такъ какъ они истинные мои доброжелатели-съ . . .

— Ну, да ужъ какъ можно безъ Ѳомы Ѳомича! — вскричалъ я невольно.

— Эхъ, братецъ, не въ томъ дѣло! — поспѣшно прервалъ меня дядя,—тольке видишь: ему теперь и проходу нѣтъ. Та дѣвка бойкая, задорная, всѣхъ противъ него подняла: дразнятъ, уськаютъ, даже мальчишки дворовые его вмѣсто шута почитаютъ...

— Болѣе черезъ Матрену-съ, — замѣтилъ Видоплясовъ; — потому что Матрена истинная дура-съ, и бымши истинная дура-съ, при томъ же невоздержанная характеромъ женщина; черезъ нее я такимъ манеромъ-съ пошелъ жизніею моею претерпѣвать-съ.

— Эхъ, братъ, Григорій, говорилъ я тебѣ, — продолжалъ дядя, съ укоризною посмотрѣвъ на Видоплясова, — сложили они, видишь, Сергѣй, какую-то пакость въ риѳму на его фамилію. Онъ ко мнѣ, жалуется, проситъ, нельзя ли какъ-нибудь перемѣнить его фамилію, что онъ давно ужъ страдалъ отъ неблагозвучія . . .

— Необлагороженная фамилія-съ, — ввернулъ Видоплясовъ.

— Ну, да ужъ ты молчи, Григорій! Ѳома тоже одобрилъ... то есть не то чтобъ одобрилъ, а, видишь, какое соображеніе: что если, на случай, придется стихи печатать, такъ какъ Ѳома прожектируетъ, то такая фамилія, пожалуй, и повредитъ — не правда ли?

— Такъ онъ стихи напечатать хочетъ, дядюшка?

— Печатать, братецъ. Это ужъ рѣшено — на мой счетъ, и будетъ выставлено на заглавномъ листѣ: крѣпостной человѣкъ такого-то, а въ предисловіи Ѳомѣ благодарность за образованіе. Посвящено Ѳомѣ. Ѳома самъ предисловіе пишетъ. Ну, такъ представь себѣ, если на заглавномъ-то листѣ будетъ написано: «сочиненіе Видоплясова»...

— «Вопли Видоплясова-съ», — поправилъ Видоплясовъ.

— Ну, вотъ видишь, еще и вопли! Ну, что за фамилія Видоплясовъ? Даже деликатность чувствъ возмущаетъ; такъ и Ѳома говорилъ. А всѣ эти критики, говорятъ, такіе задорные насмѣшники; Брамбеусъ, напримѣръ... Имъ вѣдь все нипочемъ! Просмѣютъ за одну только фамилію; такъ, пожалуй, отчешутъ бока, что только почесывайся, — не правда ли? Вотъ я говорю: по мнѣ, пожалуй, какую хочешь поставь фамилію на стихахъ — псевдонимъ, что ли, называется — ужъ не помню: какой-то *нимъ*. Да нѣтъ, говоритъ, прикажите по всей дворнѣ, чтобъ меня ужъ и здѣсь навѣки новымъ именемъ звали, такъ чтобъ у меня, сообразно таланту, и фамилія была облагороженная...

— Бьюсъ объ закладъ, что вы согласились, дядюшка.

— Я, братъ Сережа, чтобъ ужъ только съ ними не спорить: пускай себѣ. Знаешь, тогда между нами недоразумѣніе такое было съ Ѳомой. Вотъ у насъ и пошло съ тѣхъ поръ, что недѣля, то фамилія, и все такія нѣжныя выбираетъ: Олеандровъ, Тюльпановъ... Подумай, Григорій, сначала ты просилъ, чтобъ тебя называли «Вѣрный» — «Григорій Вѣрный»; потомъ тебѣ же самому не понравилось, потому что какой-то балбесъ прибралъ на это риѳму «скверный». Ты жаловался; балбеса наказали. Ты двѣ недѣли придумывалъ новую фамилію, — сколько ты ихъ перебралъ, — наконецъ, надумался, пришелъ просить, чтобъ тебя звали «Улановъ». Ну, скажи мнѣ, братецъ, ну, что можетъ быть глупѣе Уланова? Я и на это согласился: вторичное приказаніе отдалъ о перемѣнѣ твоей фамиліи въ Уланова. — Такъ только, братецъ, — прибавилъ дядя, обращаясь ко мнѣ, — чтобъ ужъ только отвязаться. Три дня ходилъ ты «Улановъ». Ты всѣ стѣны, всѣ подоконники въ бесѣдкѣ перепортилъ, расчеркиваясь карандашемъ: «Улановъ». Вѣдь ее потомъ перекрашивали. Ты цѣлую десть голландской бумаги извелъ на подписи: «Улановъ, проба пера; Улановъ, проба пера». Наконецъ, и тутъ неудача: прибрали тебѣ риѳму: «болвановъ». Не хочу болванова — опять перемѣна фамиліи! Какую ты тамъ еще прибралъ, я ужъ и позабылъ?

— Танцевъ-съ,—отвѣчалъ Видоплясовъ.—Если ужъ мнѣ суждено черезъ фамилію мою плясуна изображать-съ, такъ ужъ пусть было бы облагорожено по-иностранному: Танцевъ-съ.

— Ну да, Танцевъ, согласился я, братъ Сергѣй,

и на это. Только ужъ тутъ они такую ему подыскали рифму, что и сказать нельзя. Сегодня опять приходитъ, опять выдумалъ что-то новое. Бьюсь объ закладъ, что у него есть наготовѣ новая фамилія. Есть иль нѣтъ, Григорій, признавайся!

— Я, дѣйствительно, давно ужъ хотѣлъ повергнуть къ вашимъ стопамъ новое имя-съ, облагороженное-съ.

— Какое?

— Эссбукетовъ.

— И не стыдно, и не стыдно тебѣ, Григорій? Фамилія съ помадной банки! А еще умный человѣкъ называешься! Думалъ-то, должно быть, сколько надъ ней! Вѣдь это и на духахъ написано.

— Помилуйте, дядюшка, — сказалъ я полушепотомъ, — да вѣдь это просто дуракъ, набитый дуракъ!

— Что жъ дѣлать, братецъ? — отвѣчалъ тоже шепотомъ дядя,—увѣряютъ кругомъ, что уменъ и что это все въ немъ благородныя свойства играютъ...

— Да развяжитесь вы съ нимъ, ради Бога!

— Послушай, Григорій! Вѣдь мнѣ, братецъ, некогда, помилуй! — началъ дядя какимъ-то просительнымъ голосомъ, какъ будто боялся даже и Видоплясова. — Ну, разсуди, ну, гдѣ мнѣ жалобами твоими теперь заниматься! Ты говоришь, что тебя опять они чѣмъ-то обидѣли? Ну, хорошо: вотъ тебѣ честное слово даю, что завтра все разберу, а теперь ступай съ Богомъ... Постой! Что Ѳома Ѳомичъ?

— Почивать ложились-съ. Сказали, что если будетъ кто объ нихъ спрашивать, такъ отвѣчать, что они на молитвѣ, сію ночь, долго стоять намѣрены-съ.

— Гм! Ну, ступай, братецъ, ступай! — Видишь, Сережа, вѣдь онъ всегда при Ѳомѣ, такъ что даже его я боюсь. Да и дворня-то его потому и не любитъ, что онъ все о нихъ Ѳомѣ переноситъ. Вотъ теперь ушелъ, а, пожалуй, — завтра нафискалитъ о чемъ-нибудь! А ужъ я, братецъ, тамъ все такъ уладилъ, даже спокоенъ теперь... Къ тебѣ спѣшилъ. Наконецъ-то я опять съ тобой! — проговорилъ онъ, съ чувствомъ пожимая мнѣ руку. — А вѣдь я думалъ, братъ, что ты совсѣмъ разсердился и непремѣнно улизнешь. Стеречь тебя посылалъ. Ну, слава Богу теперь! А давеча-то, Гаврила-то, каково? Да и Ѳалалей, и ты — и все одно къ одному! Ну, слава Богу, слава Богу! Наконецъ-то наговорюсь съ тобой досыта. Сердце открою тебѣ. Ты, Сережа, не уѣзжай: ты одинъ у меня, ты и Коровкинъ...

— Но, позвольте, что жъ вы тамъ такое уладили, дядюшка, и чего мнѣ тутъ ждать послѣ того, что случилось? Признаюсь, что у меня просто голова трещитъ!

— А у меня цѣла, что ли? Она, братъ, у меня ужъ полгода теперь вальсируетъ, голова-то моя! Но, слава Богу! Теперь все уладилось. Во-первыхъ, меня простили, совершенно простили, съ разными условіями, конечно; но ужъ я теперь почти совсѣмъ ничего не боюсь. Сашурку тоже простили. Саша-то, Саша-то, давеча-то... горячее сердечко! Увлеклась немного, но золотое сердечко! Я горжусь этой дѣвочкой, Сережа! Да будетъ надъ нею всегдашнее благословеніе Божіе. Тебя тоже простили и даже, знаешь, какъ? Можешь дѣлать все, что тебѣ угодно, ходить по всѣмъ комнатамъ и въ саду, и даже при гостяхъ — словомъ,

все что угодно; но только подъ однимъ условіемъ, что ты ничего не будешь завтра самъ говорить при маменькѣ и при Ѳомѣ Ѳомичѣ, — это непремѣнное условіе, то есть рѣшительно ни полслова, — я ужъ обѣщался за тебя, — а только будешь слушать, что старшіе... То есть, я хотѣлъ сказать, что другіе будутъ говорить. Они сказали, что ты молодъ. Ты, Сергѣй, не обижайся; вѣдь ты и въ самомъ дѣлѣ еще молодъ... Такъ и Анна Ниловна говоритъ...

Конечно, я былъ очень молодъ и тотчасъ же доказалъ это, закипѣвъ негодованіемъ при такихъ обидныхъ условіяхъ.

— Послушайте, дядюшка, — вскричалъ я, чуть не задыхаясь, — скажите мнѣ только одно и успокойте меня: я въ настоящемъ сумасшедшемъ домѣ или нѣтъ?

— Ну вотъ, братецъ, ужъ ты сейчасъ и въ критику! Ужъ и не можешь никакъ утерпѣть, — отвѣчалъ опечаленный дядя. — Вовсе не въ сумасшедшемъ, а такъ только погорячились съ обѣихъ сторонъ. Но вѣдь, согласись и ты, братецъ, какъ ты-то самъ велъ себя? Помнишь, что ты ему отмочилъ,—человѣку, такъ сказать, почтенныхъ лѣтъ?

— Такіе люди не имѣютъ почтенныхъ лѣтъ, дядюшка.

— Ну ужъ это ты, братъ, перескакнулъ! Это ужъ вольнодумство. . Я, братъ, и самъ отъ разсудительнаго вольнодумства не прочь, но ужъ это, братъ, изъ мѣрки выскочило, то есть удивилъ ты меня, Сергѣй.

— Не сердитесь, дядюшка, я виноватъ, но виноватъ передъ вами. Что же касается до вашего Ѳомы Ѳомича...

— Ну, вотъ ужъ и *вашего!* Эхъ, братъ, Сергѣй, не суди его строго: мизантропическій человѣкъ — и больше ничего, болѣзненный! Съ него нельзя строго спрашивать. Но зато благородный, то есть просто благороднѣйшій изъ людей! Да вѣдь ты самъ давеча былъ свидѣтелемъ, просто сіялъ. А что фокусы-то эти иногда отмачиваетъ, такъ на это нечего смотрѣть. Ну, съ кѣмъ этого не случается?

— Помилуйте, дядюшка, напротивъ, съ кѣмъ же это случается?

— Эхъ, наладилъ одно! Добродушія въ тебѣ мало, Сережа; простить не умѣешь!..

— Ну, хорошо, дядюшка, хорошо! Оставимъ это. Скажите, видѣли вы Настасью Евграфовну?

— Эхъ, братъ, о ней-то все дѣло шло. Вотъ что, Сережа, и, во-первыхъ, самое важное: мы всѣ рѣшили — его завтра, непремѣнно, поздравить съ днемъ рожденія, Ѳому-то, потому что завтра, дѣйствительно, его рожденіе. Сашурка добрая дѣвочка, но она ошибается; такъ таки и пойдемъ всѣмъ кагаломъ, еще передъ обѣдней, пораньше. Илюша ему стихи произнесетъ, такъ что ему какъ будто масломъ по сердцу-то, — словомъ, польстить. Ахъ кабы и ты его, Сережа, вмѣстѣ съ нами, тутъ же поздравилъ! Онъ, можетъ быть, совершенно простилъ бы тебя. Какъ бы хорошо было, если бъ вы помирились! Забудь, братъ, обиду, Сережа, вѣдь ты и самъ его обидѣлъ... Наидостойнѣйшій человѣкъ.

— Дядюшка! Дядюшка! — вскричалъ я, теряя послѣднее терпѣніе, — я съ вами о дѣлѣ хочу говорить, а вы... Да знаете ли вы, повторяю опять, знаете ли вы, что дѣлается съ Настасьей Евграфовной?

— Какъ же, братецъ, что ты! Чего ты кричишь? Изъ-за нея-то и поднялась давеча вся эта исторія. Она, впрочемъ, и не давеча поднялась, она давно поднялась. Я тебѣ только не хотѣлъ говорить объ этомъ заранѣе, чтобъ тебя не пугать, потому что они ее просто выгнать хотѣли, ну и отъ меня требовали, чтобъ я ее отослалъ. Можешь представить себѣ мое положеніе... Ну, да слава Богу! Теперь все это уладилось. Они, видишь ли, — ужъ признаюсь тебѣ во всемъ, — думали, что я самъ въ нее влюбленъ и жениться хочу, словомъ, стремлюсь къ погибели, потому что, дѣйствительно, это было бы стремленіемъ къ погибели: они это мнѣ тамъ объяснили... такъ вотъ, чтобъ спасти меня, и рѣшились было ее изгнать. Все это маменька, а пуще всѣхъ Анна Ниловна. Ѳома, покамѣстъ, молчитъ. Но теперь я ихъ всѣхъ разувѣрилъ, и признаюсь тебѣ, уже объявилъ, что ты формальный женихъ Настеньки, что затѣмъ и пріѣхалъ. Ну, это ихъ отчасти успокоило, и теперь она остается, хоть не совсѣмъ, такъ, еще только для пробы, но все-таки остается. Даже и ты поднялся въ общемъ мнѣніи, когда я объявилъ, что сватаешься. По крайней мѣрѣ, маменька какъ будто успокоилась. Анна Ниловна одна все еще ворчитъ! Ужъ и не знаю, что выдумать, чтобъ ей угодить. И чего это ей хочется, право, этой Аннѣ Ниловнѣ?

— Дядюшка, въ какомъ вы заблужденіи, дядюшка! Да знаете ли, что Настасья Евграфовна завтра же ѣдетъ отсюда, если ужъ теперь не уѣхала? Знаете ли, что отецъ нарочно и пріѣхалъ сегодня съ тѣмъ, чтобъ ее увезти? Что ужъ это совсѣмъ рѣшено, что она сама лично объявила мнѣ сего-

дня объ этомъ, и, въ заключеніе, велѣла вамъ кланяться, — знаете ли вы это иль нѣтъ?

Дядя, какъ былъ, такъ и остался передо мной съ разинутымъ ртомъ. Мнѣ показалось, что онъ вздрогнулъ, и стонъ вырвался изъ груди его.

Не теряя ни минуты, я поспѣшилъ разсказать ему весь мой разговоръ съ Настенькой, мое сватовство, ея рѣшительный отказъ, ея гнѣвъ на дядю за то, что онъ смѣлъ меня вызывать письмомъ; объяснилъ, что она надѣется его спасти своимъ отъѣздомъ отъ брака съ Татьяной Ивановной, — словомъ, не скрылъ ничего; даже нарочно преувеличилъ все, что было непріятнаго въ этихъ извѣстіяхъ. Я хотѣлъ поразить дядю, чтобъ допытаться отъ него рѣшительныхъ мѣръ, — и дѣйствительно поразилъ. Онъ вскрикнулъ и схватилъ себя за голову.

— Гдѣ она, не знаешь ли? Гдѣ она теперь? — проговорилъ онъ, наконецъ, поблѣднѣвъ отъ испуга. — А я-то, дуракъ, шелъ сюда совсѣмъ ужъ спокойный, думалъ, что все ужъ уладилось, — прибавилъ онъ въ отчаяніи.

— Не знаю, гдѣ теперь, только давеча, какъ начались эти крики, она пошла къ вамъ: она хотѣла это выразить вслухъ, при всѣхъ. Вѣроятно, ее не допустили.

— Еще бы допустили! Что бъ она тамъ надѣлала! Ахъ, горячая, гордая головка! И куда она пойдетъ, куда? Куда? А ты-то, ты-то хорошъ! Да почему жъ она тебѣ отказала? Вздоръ! Ты долженъ былъ понравиться. Почему жъ ты ей не понравился? Да отвѣчай же, ради Бога, чего жъ ты стоишь?

— Помилосердуйте, дядюшка! Да развѣ можно задавать такіе вопросы?

— Но вѣдь невозможно жъ и это! Ты долженъ, долженъ на ней жениться. Зачѣмъ же я тебя и тревожилъ изъ Петербурга? Ты долженъ составить ея счастье! Теперь ее гонятъ отсюда, а тогда она твоя жена, моя родная племянница — не прогонятъ. А то куда она пойдетъ? Что съ ней будетъ? Въ гувернантки? Но, вѣдь, это только безсмысленный вздоръ, въ гувернантки-то! Вѣдь, пока мѣсто найдетъ, чѣмъ дома жить? У старика ихъ девятеро на плечахъ; сами голодомъ сидятъ. Вѣдь она ни гроша не возьметъ отъ меня, если выйдетъ черезъ эти пакостные наговоры, и она, и отецъ. Да и каково такимъ образомъ выйти — ужасъ! Здѣсь ужъ будетъ скандалъ — я знаю. А жалованье ея ужъ давно впередъ забрано на семейныя нужды: вѣдь она ихъ питаетъ. Ну, положимъ, я рекомендую ее въ гувернантки, найду такую честную и благородную фамилію... да вѣдь черта съ два! Гдѣ ихъ возьмешь, благородныхъ-то, настоящихъ-то благородныхъ людей? Ну, положимъ, и много даже, что Бога гнѣвить! Но, другъ мой, вѣдь опасно: можно ли положиться на людей? Къ тому же бѣдный человѣкъ подозрителенъ; ему такъ и кажется, что его заставляютъ платить за хлѣбъ и за ласку униженіями! Они оскорбятъ ее; она гордая, и тогда... да ужъ что тогда? А что если ко всему этому какой-нибудь мерзавецъ-обольститель подвернется?.. Она плюнетъ на него, — я знаю, что плюнетъ, — но вѣдь онъ ее все-таки оскорбитъ, мерзавецъ! Все-таки на нее можетъ пасть безславіе, тѣнь, подозрѣніе, и тогда!.. Голова трещитъ на плечахъ! Ахъ ты, Боже мой!

— Дядюшка! Простите меня за одинъ вопросъ, — сказалъ я торжественно, — не сердитесь

на меня, поймите, что отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ многое разрѣшить; я даже отчасти въ правѣ требовать отъ васъ отвѣта, дядюшка!

— Что, что такое? Какой вопросъ?

— Скажите, какъ передъ Богомъ, откровенно и прямо: не чувствуете ли вы, что вы сами немножко влюблены въ Настасью Евграфовну и желали бы на ней жениться? Подумайте: вѣдь изъ-за этого-то ее здѣсь и гонятъ.

Дядя сдѣлалъ самый энергическій жестъ самаго судорожнаго нетерпѣнія.

— Я? Влюбленъ? Въ нее? Да они всѣ бѣлены объѣлись, или сговорились противъ меня. Да для чего жъ я тебя-то выписывалъ, какъ не для того, чтобъ доказать имъ всѣмъ, что они бѣлены объѣлись? Да для чего жъ я тебя-то къ ней сватаю? Я? Влюбленъ? Въ нее? Рехнулись они всѣ, да и только!

— А если такъ, дядюшка, то позвольте ужъ мнѣ все высказать. Объявляю вамъ торжественно, что я рѣшительно ничего не нахожу дурного въ этомъ предположеніи. Напротивъ, вы бы ей счастье сдѣлали, если ужъ такъ ее любите и—и дай Богъ этого! Дай вамъ Богъ любовь и совѣтъ!

— Но, помилуй, что ты говоришь! — вскричалъ дядя почти съ ужасомъ. — Удивляюсь, какъ ты можешь это говорить хладнокровно . . . и . . . вообще ты, братъ, все куда-то торопишься, — я замѣчаю въ тебѣ эту черту! Ну, не безсмысленно ли, что̀ ты сказалъ? Какъ, скажи, я женюсь на ней, когда я смотрю на нее, какъ на дочь, а не иначе? Да мнѣ даже стыдно было бы на нее смотрѣть иначе, даже грѣшно! Я старикъ, а она — цвѣточекъ! Даже Ѳома это мнѣ объяснилъ именно въ

такихъ выраженіяхъ. У меня отеческой любовью сердце къ ней горитъ, а ты тутъ съ супружествомъ! Она, пожалуй, изъ благодарности, и не отказала бы, да вѣдь она презирать меня потомъ будетъ за то, что ея благодарностью воспользовался. Я загублю ее, привязанность ея потеряю! Да я бы душу мою ей отдалъ, дѣточка она моя! Все равно какъ Сашу люблю, даже больше, признаюсь тебѣ. Саша мнѣ дочь по праву, по закону, а эту я любовью моею себѣ дочерью сдѣлалъ. Я ее изъ бѣдности взялъ, воспиталъ. Ее Катя, мой ангелъ покойный, любила; она мнѣ ее какъ дочь завѣщала. Я образованіе ей далъ: и по-французски говоритъ, и на фортепьяно, и книги, и все... Улыбочка какая у ней! Замѣтилъ ты, Сережа? Какъ будто смѣется надъ тобой, а межъ тѣмъ вовсе не смѣется, а, напротивъ, любитъ... Я вотъ и думалъ, что ты пріѣдешь, сдѣлаешь предложеніе; они и увѣрятся, что я не имѣю видовъ на нее; и перестанутъ всѣ эти пакости распускать. Она и осталась бы тогда съ нами въ тишинѣ, въ покоѣ, и какъ бы мы тогда были счастливы! Вы оба дѣти мои, почти оба сиротки, оба на моемъ попеченіи выросли... я бы васъ такъ любилъ, такъ любилъ! Жизнь бы вамъ отдалъ, не разстался бы съ вами; всюду за вами! Ахъ, какъ бы мы могли быть счастливы! И зачѣмъ это люди все злятся, все сердятся, ненавидятъ другъ друга? Такъ бы, такъ бы взялъ да и растолковалъ бы имъ все! Такъ бы и выложилъ передъ ними всю сердечную правду! Ахъ ты, Боже мой!

— Да, дядюшка, да, это все такъ, а только она вотъ и отказала мнѣ.

— Отказала! Гм!.. А знаешь, я какъ будто предчувствовалъ, что она откажетъ тебѣ, — ска-

залъ онъ въ задумчивости, — но, нѣтъ! — вскрикнулъ онъ; — я не вѣрю! Это невозможно. Но вѣдь въ такомъ случаѣ все разстроится! Да ты вѣрно какъ-нибудь неосторожно съ ней началъ, оскорбилъ еще, можетъ быть; пожалуй, еще комплименты пустился отмачивать... Разскажи мнѣ еще разъ, какъ это было, Сергѣй!

Я повторилъ еще разъ все въ совершенной подробности. Когда дошло до того, что Настенька удаленіемъ своимъ надѣялась спасти дядю отъ Татьяны Ивановны, тотъ горько улыбнулся.

— Спасти! — сказалъ онъ, — спасти до завтрашняго утра!

— Но вы не хотите сказать, дядюшка, что женитесь на Татьянѣ Ивановнѣ? — вскричалъ я въ испугѣ.

— А чѣмъ же я и купилъ, чтобъ Настю не выгнали завтра? Завтра же дѣлаю предложеіне: формально обѣщался.

— И вы рѣшились, дядюшка?

— Что жъ дѣлать, братецъ, что жъ дѣлать! Это раздираетъ мнѣ сердце, но я рѣшился. Завтра предложеніе; свадьбу положили сыграть тихо, по-домашнему; оно, братъ, и лучше по-домашнему-то. Ты, пожалуй, шаферомъ. Я ужъ намекнулъ о тебѣ, такъ что они до времени никакъ тебя не прогонятъ. Что жъ дѣлать, братецъ? Они говорятъ: «для дѣтей богатство!» Конечно, для дѣтей чего не сдѣлаешь? Вверхъ ногами вертѣться пойдешь, тѣмъ болѣе, что въ сущности, оно, пожалуй, и справедливо. Вѣдь долженъ же я хоть что-нибудь сдѣлать для семейства. Не все же тунеядцемъ сидѣть!

— Но, дядюшка, вѣдь она сумасшедшая! —

вскричалъ я, забывшись, и сердце мое болѣзненно сжалось.

— Ну, ужъ и сумасшедшая! Вовсе не сумасшедшая, а такъ, испытала, знаешь, несчастья... Что жъ дѣлать, братецъ, и радъ бы съ умомъ... А впрочемъ, и съ умомъ-то какія бываютъ! А какая она добрая, если бъ ты зналъ, благородная какая!

— Но, Боже мой! Онъ ужъ и мирится съ этой мыслью! — сказалъ я въ отчаяніи.

— А что жъ и дѣлать-то, какъ не такъ? Вѣдь для моего же блага стараются, да и, наконецъ, ужъ я предчувствовалъ, что, рано ли, поздно ли, а не отвертишься: заставятъ жениться. Такъ ужъ лучше теперь, чѣмъ еще ссору изъ-за этого затѣвать. Я тебѣ, братъ Сережа, все откровенно скажу: я даже отчасти и радъ. Рѣшился, такъ ужъ рѣшился, по крайней мѣрѣ, съ плечъ долой, — спокойнѣе какъ-то. Я, вотъ, и шелъ сюда почти совсѣмъ ужъ спокойный. Такова ужъ видно звѣзда моя! А главное, въ выигрышѣ то, что Настя при насъ остается. Я вѣдь и согласился съ этимъ условіемъ. А тутъ *она* сама бѣжать хочетъ! Да не будетъ же этого! — воскликнулъ дядя, топнувъ ногою. — Послушай, Сергѣй,—прибавилъ онъ съ рѣшительнымъ видомъ, — подожди меня здѣсь, никуда не ходи; я мигомъ къ тебѣ ворочусь.

— Куда вы, дядюшка?

— Можетъ быть, я ее увижу, Сергѣй; все объяснится, повѣрь, что все объяснится, и... и... женишься ты на ней — даю тебѣ честное слово!

Дядя быстро вышелъ изъ комнаты и поворотилъ въ садъ, а не къ дому. Я слѣдилъ за нимъ изъ окна.

XII.

Катастрофа.

Я остался одинъ. Положеніе мое было нестерпимое: мнѣ отказали, а дядя хотѣлъ женить меня чуть не насильно. Я сбивался и путался въ мысляхъ. Мизинчиковъ и его предложеніе не выходили у меня изъ головы. Во что бы то ни стало, дядю надо было спасти! Я даже думалъ пойти сыскать Мизинчикова и разсказать ему все. Но куда однакожъ пошелъ дядя? Онъ самъ сказалъ, что идетъ отыскивать Настеньку, а между тѣмъ поворотилъ въ садъ. Мысль о тайныхъ свиданіяхъ промелькнула въ моей головѣ, и пренепріятное чувство ущемило мое сердце. Я вспомнилъ слова Мизинчикова про тайную связь... Подумавъ съ минуту, я съ негодованіемъ отбросилъ всѣ мои подозрѣнія. Дядя не могъ обманывать: это очевидно. Безпокойство мое возростало каждую минуту. Безсознательно вышелъ я на крыльцо и пошелъ въ глубину сада, по той самой аллеѣ, въ которой исчезъ дядя. Мѣсяцъ начиналъ всходить. Я зналъ этотъ садъ вдоль и поперекъ и не боялся заблудиться. Дойдя до старой бесѣдки, уединенно стоявшей на берегу одряхлѣвшаго, покрытаго тиной пруда, я вдругъ

остановился, какъ вкопанный: мнѣ послышались въ бесѣдкѣ голоса. Не могу выразить, какое странное чувство досады овладѣло мною! Я былъ увѣренъ, что это дядя и Настенька и продолжалъ подходить, успокоивая на всякій случай свою совѣсть тѣмъ, что иду прежнимъ шагомъ и не стараюсь подкрадываться. Вдругъ раздался ясно звукъ поцѣлуя, потомъ звуки какихъ-то одушевленныхъ словъ, и тотчасъ же, вслѣдъ за этимъ — пронзительный женскій крикъ. Въ то же мгновеніе женщина въ бѣломъ платьѣ выбѣжала изъ бесѣдки и промелькнула мимо меня, какъ ласточка. Мнѣ показалось даже, что она закрывала руками лицо, чтобъ не быть узнанной: вѣроятно, меня замѣтили изъ бесѣдки. Но каково же было мое изумленіе, когда въ вышедшемъ вслѣдъ за испуганной дамой кавалерѣ я узналъ Обноскина, — Обноскина, который, по словамъ Мизинчикова, давно ужъ уѣхалъ! Съ своей стороны, и Обноскинъ, увидавъ меня, чрезвычайно смутился: все нахальство его исчезло.

— Извините меня, но ... я никакъ не ожидалъ съ вами встрѣтиться, — проговорилъ онъ, улыбаясь и заикаясь.

— А я съ вами, — отвѣчалъ я насмѣшливо, — тѣмъ болѣе, что я слышалъ, вы ужъ уѣхали.

— Нѣтъ-съ ... это такъ ... я проводилъ недалеко маменьку. Но могу ли я обратиться къ вамъ, какъ къ благороднѣйшему человѣку въ мірѣ?

— Съ чѣмъ это?

— Есть случаи, — и вы сами согласитесь съ этимъ, — когда истинно благородный человѣкъ принужденъ обратиться ко всему благородству чувствъ другого, истинно благороднаго человѣка ... Надѣюсь, вы понимаете меня ...

— Не надѣйтесь: ничего рѣшительно не понимаю.

— Вы видѣли даму, которая находилась вмѣстѣ со мной въ бесѣдкѣ?

— Видѣлъ, но не узналъ.

— А, не узнали!.. Эту даму я назову скоро моею женою.

— Поздравляю васъ. Но чѣмъ же я могу быть вамъ полезенъ?

— Только однимъ: сохранить глубочайшую тайну о томъ, что вы меня видѣли съ этой дамой.

«Кто жъ бы это? — подумалъ я, — ужъ не...»

— Право, не знаю-съ, — отвѣчалъ я Обноскину. — Надѣюсь, вы извините, что не могу дать вамъ слова...

— Нѣтъ, ради Бога, пожалуйста, — умолялъ Обноскинъ. — Поймите мое положеніе: это секретъ. Вы тоже можете быть женихомъ: тогда и я, съ своей стороны...

— Тс! Кто-то идетъ!

— Гдѣ?

Дѣйствительно, шагахъ въ тридцати отъ насъ, чуть примѣтно, промелькнула тѣнь проходившаго человѣка.

— Это... это вѣрно Ѳома Ѳомичъ! — прошепталъ Обноскинъ, трепеща всѣмъ тѣломъ. — Я узнаю его по походкѣ. Боже мой! И еще шаги, съ другой стороны! Слышите... Прощайте! Благодарю васъ и... умоляю васъ...

Обноскинъ скрылся. Черезъ минуту предо мной очутился дядя, какъ будто выросъ изъ-подъ земли.

— Это ты? — окликнулъ онъ меня. — Все пропало, Сережа, все пропало!

Я замѣтилъ, что онъ тоже дрожалъ всѣмъ тѣломъ.

— Что пропало, дядюшка?

— Пойдемъ! — сказалъ онъ, задыхаясь, и, крѣпко схвативъ меня за руку, потащилъ за собою. Но всю дорогу до флигеля онъ не сказалъ ни слова, не давалъ и мнѣ говорить. Я ожидалъ чего-нибудь сверхъестественнаго и почти не обманулся. Когда мы вошли въ комнату, съ нимъ сдѣлалось дурно; онъ былъ блѣденъ, какъ мертвый. Я немедленно спрыснулъ его водою. «Вѣроятно, случилось что-нибудь очень ужасное, думалъ я, когда съ такимъ человѣкомъ дѣлается обморокъ».

— Дядюшка, что съ вами? — спросилъ я его, наконецъ.

— Все пропало, Сережа! Ѳома засталъ меня въ саду вмѣстѣ съ Настенькой въ ту самую минуту, когда я поцѣловалъ ее.

— Поцѣловали! Въ саду! — вскричалъ я, смотря въ изумленіи на дядю.

— Въ саду, братецъ. Богъ попуталъ! Пошелъ я, чтобъ непремѣнно ее увидать. Хотѣлъ ей высказать, урезонить ее, насчетъ тебя, то есть. А она меня ужъ цѣлый часъ дожидалась, тамъ, у сломанной скамейки, за прудомъ... Она туда часто приходитъ, когда надо поговорить со мной.

— Часто, дядюшка?

— Часто, братецъ! Послѣднее время почти каждую ночь сряду сходились. Только они насъ, вѣрно, и выслѣдили, — ужъ знаю, что выслѣдили, и знаю, что тутъ Анна Ниловна все работала. Мы на время и прервали; дня четыре ужъ ничего не было; а вотъ сегодня опять понадобилось. Самъ ты видѣлъ, какая нужда была: безъ этого какъ же

бы я ей сказалъ? Прихожу, въ надеждѣ застать, а она ужъ тамъ цѣлый часъ сидитъ, меня дожидается: тоже надо было кое-что сообщить . . .

— Боже мой, какая неосторожность! Вѣдь вы знали, что за вами слѣдятъ?

— Да вѣдь критическій случай, Сережа; многое надо было взаимно сказать. Днемъ-то я и смотрѣть на нее не смѣю: она въ одинъ уголъ, а я въ другой нарочно смотрю, какъ будто и не замѣчаю, что она есть на свѣтѣ. А ночью сойдемся, да и наговоримся . . .

— Ну, что жъ, дядюшка?

— Не успѣлъ я двухъ словъ сказать, знаешь, — сердце у меня заколотилось, изъ глазъ слезы выступили; сталъ я ее уговаривать, чтобъ за тебя вышла, — а она мнѣ: «вѣрно вы меня не любите — вѣрно вы ничего не видите», и вдругъ какъ броситься ко мнѣ на шею, обвила меня руками, заплакала, зарыдала! «Я, говоритъ, одного васъ люблю и ни за кого не выйду. Я васъ ужъ давно люблю, только и за васъ не выйду, а завтра же уѣду и въ монастырь пойду».

— Боже мой! Неужели она такъ и сказала? Ну, что жъ дальше, — дальше, дядюшка?

— Смотрю, а передъ нами Ѳома! И откуда онъ взялся? Неужели за кустомъ сидѣлъ да этого грѣха выжидалъ?

— Подлецъ!

— Я обмеръ, Настенька бѣжать, а Ѳома Ѳомичъ, молча, прошелъ мимо насъ, да пальцемъ мнѣ и погрозилъ, — понимаешь, Сергѣй, какой трезвонъ завтра будетъ?

— Ну, да ужъ какъ не понять!

— Понимаешь ли ты, — вскричалъ онъ въ от-

чаяніи, вскакивая со стула, — понимаешь ли ты, что они хотятъ ее погубить, осрамить, обезчестить; ищутъ предлога, чтобъ безчестіе на нее всклепать и за это выгнать ее; а вотъ теперь и нашелся предлогъ! Вѣдь они говорили, что она со мной гнусныя связи имѣетъ! Вѣдь они, подлецы, говорили, что она съ Видоплясовымъ имѣетъ! Это все Анна Ниловна говорила. Что теперь будетъ? Что завтра будетъ? Неужели разскажетъ Ѳома?

— Непремѣнно разскажетъ, дядюшка.

— А если только разскажетъ, если только разскажетъ... — проговорилъ онъ, закусывая губы и сжимая кулаки, — но, нѣтъ, не вѣрю! Онъ не разскажетъ, онъ пойметъ... это человѣкъ высочайшаго благородства! Онъ пощадитъ ее...

— Пощадитъ иль не пощадитъ, — отвѣчалъ я рѣшительно, — но, во всякомъ случаѣ, ваша обязанность завтра же сдѣлать предложеніе Настасьѣ Евграфовнѣ.

Дядя смотрѣлъ на меня неподвижно.

— Понимаете ли вы, дядюшка, что обезчестите дѣвушку, если разнесется эта исторія? Понимаете ли вы, что вамъ надо предупредить бѣду какъ можно скорѣе; что вамъ надо смѣло и гордо посмотрѣть всѣмъ въ глаза, гласно сдѣлать предложеніе, плюнуть на ихъ резоны и стереть Ѳому въ порошокъ, если онъ заикнется противъ нея?

— Другъ мой! — вскричалъ дядя, — я объ этомъ думалъ, идя сюда!

— И какъ же рѣшили?

— Неизмѣнно! Я ужъ рѣшился, прежде чѣмъ началъ тебѣ разсказывать!

— Браво, дядюшка!

И я бросился обнимать его.

Долго мы говорили. Я выставилъ передъ нимъ всѣ резоны, всю неумолимую необходимость жениться на Настенькѣ, что, впрочемъ, онъ самъ понималъ еще лучше меня. Но краснорѣчіе мое было возбуждено. Я радовался за дядю. Долгъ подстрекалъ его, иначе бы онъ никогда не поднялся. Передъ долгомъ же, передъ обязанностью онъ благоговѣлъ. Но, несмотря на то, я рѣшительно не понималъ, какъ устроится это дѣло. Я зналъ и слѣпо вѣрилъ, что дядя ни за что не отступитъ отъ того, что разъ призналъ своею обязанностью; но мнѣ какъ-то не вѣрилось, чтобъ у него достало силы возстать противъ своихъ домашнихъ. И потому я старался какъ можно болѣе подстрекнуть и направить его, и работалъ со всею юношескою горячностью.

— Тѣмъ болѣе, тѣмъ болѣе, — говорилъ я, — что теперь уже все рѣшено, и послѣднія сомнѣнія ваши исчезли! Случилось то, чего вы не ожидали, хотя въ сущности всѣ это видѣли и всѣ прежде васъ замѣтили: Настья Егоровна васъ любитъ! Неужели же вы попустите,—кричалъ я,—чтобъ эта чистая любовь обратилась для нея въ стыдъ и позоръ?

— Никогда! Но, другъ мой, неужели жъ я буду, наконецъ, такъ счастливъ? — вскричалъ дядя, бросаясь ко мнѣ на шею. — И какъ это она полюбила меня, и за что? за что? Кажется, во мнѣ нѣтъ ничего такого... Я старикъ передъ нею: вотъ ужъ не ожидалъ-то! Ангелъ мой, ангелъ!.. Слушай, Сережа, давеча ты спрашивалъ, не влюбленъ ли я въ нее: имѣлъ ли ты какую-нибудь идею?

— Я видѣлъ только, дядюшка, что вы ее любите такъ, какъ больше любить нельзя: любите и, между тѣмъ, сами про это не знаете. Помилуйте! Выписываете меня, хотите женить меня на ней, единствен-

но для того, чтобъ она вамъ стала племянницей и чтобъ имѣть ее всегда при себѣ...

— А ты... а ты прощаешь меня, Сергѣй?

— Э, дядюшка!..

И онъ снова обнялъ меня.

— Смотрите же, дядюшка, всѣ противъ васъ: надо возстать и пойти противъ всѣхъ, и не далѣе какъ завтра.

— Да... да, завтра! — повторилъ онъ нѣсколько задумчиво, — и, знаешь, примемся за дѣло съ мужествомъ, съ истинымъ благородствомъ души, съ силой характера... именно съ силой характера!

— Не сробѣйте, дядюшка!

— Не сробѣю, Сережа! Одно: не знаю, какъ начать, какъ приступить!

— Не думайте объ этомъ, дядюшка. Завтрашній день все рѣшитъ. Успокойтесь сегодня. Чѣмъ больше думать, тѣмъ хуже. А если Ѳома заговоритъ — немедленно его выгнать изъ дому и стереть его въ порошокъ.

— А нельзя ли не выгонять? Я, братъ, такъ рѣшилъ: завтра же пойду къ нему рано, чѣмъ свѣтъ, все разскажу, вотъ какъ съ тобой говорилъ: не можетъ быть, чтобъ онъ не понялъ меня, онъ благороденъ, онъ благороднѣйшій изъ людей! Но вотъ что меня безпокоитъ: что если маменька предувѣдомила сегодня Татьяну Ивановну о завтрашнемъ предложеніи? Вѣдь это ужъ худо!

— Не безпокойтесь о Татьянѣ Ивановнѣ, дядюшка.

И я разсказалъ ему сцену въ бесѣдкѣ съ Обноскинымъ. Дядя былъ въ чрезвычайномъ удивленіи. Я ни слова не упомянулъ о Мизинчиковѣ.

— Фантасмагорическое лицо! Истинно-фан-

тасмагорическое лицо! — вскричалъ онъ. — Бѣдная! Они подъѣзжаютъ къ ней, хотятъ воспользоваться ея простотою! Неужели Обноскинъ? Да вѣдь онъ же уѣхалъ... Странно, ужасно странно! Я пораженъ, Сережа... Это завтра же надо изслѣдовать и принять мѣры... Но увѣренъ ли ты совершенно, что это была Татьяна Ивановна!

Я отвѣчалъ, что хотя и не видалъ въ лицо, но, по нѣкоторымъ причинамъ, совершенно увѣренъ, что это Татьяна Ивановна.

— Гм! Не интрижка ли съ кѣмъ-нибудь изъ дворовыхъ, а тебѣ показалось, что Татьяна Ивановна? Не Даша ли, садовника дочь? Пролазливая дѣвочка! Замѣчена, потому и говорю, что замѣчена! Анна Ниловна выслѣдила!.. Да нѣтъ же, однако! Вѣдь онъ говорилъ, что жениться хочетъ. Странно, странно!

Наконецъ, мы разстались. Я обнялъ и благословилъ дядю. «Завтра, завтра», — повторялъ онъ, — «все рѣшится, — прежде чѣмъ ты встанешь, рѣшится. Пойду къ Ѳомѣ и поступлю съ нимъ по-рыцарски, открою ему все, какъ родному брату, всѣ изгибы сердца, всю внутренность. Прощай, Сережа. Ложись, ты усталъ; а я ужъ вѣрно во всю ночь глазъ не сомкну».

Онъ ушелъ. Я тотчасъ же легъ, усталый и измученный до-нельзя. День былъ трудный. Нервы мои были разстроены, и прежде чѣмъ заснулъ, я нѣсколько разъ вздрагивалъ и просыпался. Но какъ ни странны были мои впечатлѣнія при отходѣ ко сну, все-таки странность ихъ почти ничего не значила передъ оригинальностью моего пробужденія на другое утро.

Часть вторая и послѣдняя.

I.

Погоня.

Я спалъ крѣпко, безъ сновъ. Вдругъ я почувствовалъ, что на мои ноги налегла десятипудовая тяжесть. Я вскрикнулъ и проснулся. Былъ уже день; въ окна ярко заглядывало солнце. На кровати моей, или, лучше сказать, на моихъ ногахъ, сидѣлъ господинъ Бахчеевъ.

Сомнѣваться было невозможно: это былъ онъ. Высвободивъ кое-какъ ноги, я приподнялся на постели и смотрѣлъ на него съ тупымъ недоумѣніемъ едва проснувшагося человѣка.

— Онъ еще и смотритъ! — вскричалъ толстякъ. — Да ты что̀ на меня уставился? Вставай, батюшка, вставай! Полчаса бужу; продирай глаза-то!

— Да что̀ случилось? Который часъ?

— Часъ, батюшка, еще ранній, а Ѳевронья-то наша и свѣту не дождалась, улепетнула. Вставай, въ погоню ѣдемъ!

— Какая Ѳевронья?

— Да наша-то, блаженная-то! Улепетнула! Еще до свѣту улепетнула! Я къ вамъ, батюшка, на минутку, только васъ разбудить, да вотъ и возись

съ тобой два часа! Вставайте, батюшка, васъ и дядюшка ждетъ. Дождались праздника! — прибавилъ онъ съ какимъ-то злораднымъ раздраженіемъ въ голосѣ.

— Да про кого и про что вы говорите? — сказалъ я съ нетерпѣніемъ, начиная, впрочемъ, догадываться. — Ужъ не Татьяна ль Ивановна?

— А какъ же? Она и есть! Я говорилъ, предрекалъ — не хотѣли слушать! Вотъ она тебя и поздравила теперь съ праздникомъ! На амурѣ помѣшана, а амуръ-то у нея крѣпко въ головѣ засѣлъ! Тьфу! А тотъ-то, тотъ-то каковъ? Съ бороденкой-то?

— Неужели съ Мизинчиковымъ!

— Тьфу ты пропасть! Да ты, батюшка, протри глаза-то, отрезвись хоть для великаго Божьяго праздника! Знать, тебя еще за ужиномъ вчера укачало, коли теперь еще бродитъ! Съ какимъ Мизинчиковымъ? Съ Обноскинымъ, а не съ Мизинчиковымъ. А Иванъ Ивановичъ Мизинчиковъ человѣкъ благонравный и теперь съ нами же въ погоню сбирается.

— Что вы говорите? — вскричалъ я, даже привскакнувъ на постели, — неужели съ Обноскинымъ?

— Тьфу ты, досадный человѣкъ! — отвѣчалъ толстякъ, вскакивая съ мѣста, — я къ нему, какъ къ образованному человѣку, пришелъ оказію сообщить, а онъ еще сомнѣвается! Ну, батюшка, если хочешь съ нами, такъ вставай, напяливай свои штанишки, а мнѣ нечего съ тобой языкомъ стучать: и безъ того золотое время съ тобой потерялъ!

И онъ вышелъ въ чрезвычайномъ негодованіи.

Пораженный извѣстіемъ, я вскочилъ съ кровати, поспѣшно одѣлся и сбѣжалъ внизъ. Думая отыскать дядю въ домѣ, гдѣ, казалось, всѣ еще спали и ничего не знали о происшедшемъ, я осторожно поднялся на парадное крыльцо и въ сѣняхъ встрѣтилъ Настеньку. Одѣта она была наскоро, въ какомъ-то утреннемъ пеньюарѣ иль шлафрокѣ. Волосы ея были въ безпорядкѣ: видно было, что она только что вскочила съ постели и какъ будто поджидала кого-то въ сѣняхъ.

— Скажите, правда ли, что Татьяна Ивановна уѣхала съ Обноскинымъ? — торопливо спросила она прерывающимся голосомъ, блѣдная и испуганная.

— Говорятъ, что правда. Я ищу дядюшку; мы хотимъ въ погоню.

— О! привезите, привезите ее скорѣе! Она погибнетъ, если вы ее не воротите.

— Но гдѣ же дядюшка?

Вѣрно тамъ, у конюшенъ; тамъ коляску закладываютъ. Я его здѣсь поджидала. Послушайте, скажите ему отъ меня, что я непремѣнно хочу ѣхать сегодня же; я совсѣмъ рѣшилась. Отецъ возьметъ меня; я ѣду сейчасъ, если можно будетъ. Все погибло теперь! Все потеряно!

Говоря это, она сама глядѣла на меня, какъ потерянная, и вдругъ залилась слезами. Съ ней, кажется, начиналась истерика.

— Успокойтесь! — умолялъ я ее, — вѣдь это все къ лучшему — вы увидите... Что съ вами, Настасья Евграфовна?

— Я... я не знаю... что со мною, — говорила она, задыхаясь и безсознательно сжимая мои руки. — Скажите ему...

Въ эту минуту за дверью направо раздался какой-то шумъ.

Она бросила мою руку и, испуганная, не договоривъ, убѣжала вверхъ по лѣстницѣ.

Я нашелъ всю компанію, то есть дядю, Бахчеева и Мизинчикова, на заднемъ дворѣ, у конюшенъ. Въ коляску Бахчеева впряги свѣжихъ лошадей. Все было готово къ отъѣзду: ждали только меня.

— Вотъ и онъ, — закричалъ дядя при моемъ появленіи. — Слышалъ, братъ? — прибавилъ онъ съ какимъ-то страннымъ выраженіемъ въ лицѣ.

Испугъ, растерянность и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ будто надежда выражались въ его взглядахъ, голосѣ и движеніяхъ. Онъ сознавалъ, что въ судьбѣ его совершился капитальный переворотъ.

Тотчасъ же посвятили меня во всѣ подробности. Господинъ Бахчеевъ, проведя самую скверную ночь, на разсвѣтѣ выѣхалъ изъ своего дома, чтобъ поспѣть къ ранней обѣднѣ въ монастырь, находящійся верстахъ въ пяти отъ его деревни. На самомъ поворотѣ съ большой дороги въ обитель онъ вдругъ увидѣлъ тарантасъ, мчавшійся во всю прыть, а въ тарантасѣ Татьяну Ивановну и Обноскина. Татьяна Ивановна, заплаканная и какъ будто испуганная, вскрикнула и протянула къ господину Бахчееву руки, какъ бы умоляя его о защитѣ, — такъ, по крайней мѣрѣ, выходило изъ его разсказа: «А тотъ-то, подлецъ, съ бороденкой-то, — прибавлялъ онъ, — ни живъ, ни мертвъ сидитъ, спрятался; да только врешь, братъ, не спрячешься!» Долго не думая, Степанъ Алексѣевичъ поворотилъ опять на дорогу и прискакалъ въ Степанчиково, разбудилъ дядю, Мизинчикова, наконецъ, и меня. Рѣшили тотчасъ же пуститься въ погоню.

— Обноскинъ-то, Обноскинъ-то . . . — говорилъ дядя, пристально смотря на меня, какъ будто желая сказать мнѣ вмѣстѣ съ тѣмъ и что-то другое, — кто бы могъ ожидать!

— Отъ этого низкаго человѣка всегда можно было ожидать всякой пакости! — вскричалъ Мизинчиковъ съ самымъ энергическимъ негодованіемъ и тотчасъ же отвернулся, избѣгая моего взгляда.

— Что же мы, ѣдемъ иль нѣтъ? Али до ночи будемъ стоять да сказки разсказывать? — перервалъ господинъ Бахчеевъ, влѣзая въ коляску.

— Ѣдемъ, ѣдемъ! — подхватилъ дядя.

— Все къ лучшему, дядяюшка, — шепнулъ я ему. — Видите, какъ все это теперь отлично уладилось?

— Полно, братъ, не грѣши . . . Ахъ, другъ мой! Они теперь просто выгонятъ ее, въ наказаніе, что не удалось — понимаешь? Ужасъ, сколько я предчувствую!

— Да что жъ, Егоръ Ильичъ, шептаться аль ѣхать? — вскричалъ въ другой разъ господинъ Бахчеевъ. — Аль ужъ отложить лошадокъ, да закуску подать — какъ вы думаете: не выпить ли водочки?

Слова эти были произнесены съ такимъ яростнымъ сарказмомъ, что не было никакой возможности не удовлетворить тотчасъ же господина Бахчеева. Всѣ немедленно сѣли въ коляску, и лошади поскакали.

Нѣкоторое время мы всѣ молчали. Дядя значительно посматривалъ на меня, но говорить со мной при всѣхъ не хотѣлъ. Онъ часто задумывался; потомъ, какъ будто пробуждаясь, вздрагивалъ и въ волненіи осматривался кругомъ. Ми-

зинчиковъ былъ, повидимому, спокоенъ, курилъ сигару и смотрѣлъ съ достоинствомъ несправедливо обиженнаго человѣка. Зато Бахчеевъ горячился за всѣхъ. Онъ ворчалъ себѣ подъ носъ, глядѣлъ на всѣхъ и на все съ рѣшительнымъ негодованіемъ, краснѣлъ, пыхтѣлъ, безпрерывно плевалъ на сторону и никакъ не могъ успокоиться.

— Увѣрены ли вы, Степанъ Алексѣичъ, что они поѣхали въ Мишино? — спросилъ вдругъ дядя. — Это, братъ, двадцать верстъ отсюда, — прибавилъ онъ, обращаясь ко мнѣ, — маленькая деревенька, въ тридцать душъ; недавно пріобрѣтена отъ прежнихъ владѣльцевъ однимъ бывшимъ губернскимъ чиновникомъ. Сутяга, какихъ свѣтъ не производилъ! Такъ, по крайней мѣрѣ, о немъ говорятъ; можетъ быть, и ошибочно. Степанъ Алексѣичъ увѣряетъ, что Обноскинъ именно туда ѣхалъ и что этотъ чиновникъ теперь ему помогаетъ.

— А то какъ же? — вскричалъ Бахчеевъ, встрепенувшись. — Ужъ я говорю, что въ Мишино. Только теперь его въ Мишинѣ-то можетъ ужъ Митькой звали, Обноскина-то! Еще бы три часа на дворѣ попусту прокалякали!

— Не безпокойтесь, — замѣтилъ Мизинчиковъ, — застанемъ.

— Да, застанемъ! Небось, онъ тебя дожидаться будетъ. Шкатулка-то въ рукахъ; былъ да сплылъ.

— Успокойся, Степанъ Алексѣевичъ, успокойся, догонимъ, — сказалъ дядя. — Они еще ничего не успѣли сдѣлать, — увидишь, что такъ.

— Не успѣли сдѣлать! — злобно переговорилъ г. Бахчеевъ. — Чего она не успѣетъ надѣлать, да-

ромъ что тихонькая! «Тихонькая, говорятъ, тихонькая!» прибавилъ онъ тоненькимъ голоскомъ, какъ будто кого-то передразнивая. — «Испытала несчастья». Вотъ она намъ теперь пятки и показала, несчастная-то! Вотъ и гоняйся за ней по большимъ дорогамъ, высуня языкъ, ни свѣтъ, ни заря! Помолиться человѣку не дадутъ для Божьяго праздника. Тьфу!

— Да вѣдь она, однакожъ, не малолѣтняя, — замѣтилъ я, — подъ опекой не состоитъ. Воротить ее нельзя, если сама не захочетъ. Какъ же мы будемъ?

— Разумѣется, — отвѣчалъ дядя, — но она захочетъ — увѣряю тебя. Это она теперь только такъ... Только увидитъ насъ, тотчасъ воротится, — отвѣчаю. Нельзя же, братъ, оставить ее такъ, на произволъ судьбы, въ жертву; это, такъ сказать, долгъ...

— Подъ опекой не состоитъ! — вскрикнулъ Бахчеевъ, немедленно на меня накидываясь. — Дура она, батюшка, набитая дура, — а не то что подъ опекой не состоитъ. Я тебѣ о ней и говорить не хотѣлъ вчера, а намедни ошибкой зашелъ въ ея комнату, смотрю, а она одна передъ зеркаломъ руки въ боки, экоссезъ выплясываетъ! Да вѣдь какъ разодѣта: журналъ, просто журналъ! Плюнулъ, да и отошелъ. Тогда же все предузналъ, какъ по-писанному!

— Къ чему жъ такъ обвинять? — замѣтилъ я съ нѣкоторою робостью. — Извѣстно, что Татьяна Ивановна... не въ полномъ своемъ здоровьѣ... или, лучше сказать, у ней такая манія... Мнѣ кажется, виноватъ одинъ Обноскинъ, а не она.

— Не въ полномъ своемъ здоровьѣ! Ну вотъ

подите вы съ нимъ! — подхватилъ толстякъ, весь побагровѣвъ отъ злости. — Вѣдь поклялся же бѣсить человѣка! Со вчерашняго дня клятву такую далъ! Дура она, отецъ мой, повторяю тебѣ, капитальная дура, а не то что не въ полномъ своемъ здоровьѣ; сызмалѣтства на купидонѣ помѣшана! Вотъ и довелъ ее теперь купидонъ до послѣдней точки. А про того, съ бороденкой-то, и поминать нечего! Небось, задуваетъ теперь по всѣмъ по тремъ, съ денежками, динь-динь-динь, да посмѣивается.

— Такъ неужели же вы, въ самомъ дѣлѣ, думаете, что онъ тотчасъ и броситъ ее?

— А то какъ же? Небось таскать съ собой станетъ такое сокровище? Да на что она ему? Оберетъ ее, да и посадитъ гдѣ-нибудь подъ кустъ, на дорогѣ — и былъ таковъ, а она и сиди себѣ подъ кустомъ да нюхай цвѣточки!

— Ну, ужъ это ты увлекся, Степанъ, не такъ это будетъ! — вскричалъ дядя. — Впрочемъ, чего жъ ты такъ сердишься? Дивлюсь я на тебя, Степанъ, тебѣ-то чего?

— Да вѣдь я человѣкъ али нѣтъ? Вѣдь зло беретъ; вчужѣ беретъ. Вѣдь я, можетъ, ее же любя говорю... Эхъ, прокисай все на свѣтѣ! Ну зачѣмъ я пріѣхалъ сюда? Ну зачѣмъ я сворачивалъ? Мнѣ-то какое дѣло? Мнѣ-то какое дѣло?

Такъ сѣтовалъ г. Бахчеевъ; но я уже не слушалъ его и задумался о той, которую мы теперь догоняли — о Татьянѣ Ивановнѣ. Вотъ краткая ея біографія, собранная мною впослѣдствіи по самымъ вѣрнѣйшимъ источникамъ, и которая необходима для поясненія ея приключеній. Бѣдный ребенокъ-сиротка, выросшій въ чужомъ, негостепрі-

имномъ домѣ, потомъ бѣдная дѣвушка, потомъ бѣдная дѣва и, наконецъ, бѣдная перезрѣлая дѣва, Татьяна Ивановна, во всю свою бѣдную жизнь, испила полную до краевъ чашу горя, сиротства, униженій, попрековъ и вполнѣ извѣдала всю горечь чужого хлѣба. Отъ природы характера веселаго, воспріимчиваго въ высшей степени и легкомысленнаго, она въ началѣ кое-какъ еще переносила свою горькую участь и даже могла подчасъ и смѣяться самымъ веселымъ, беззаботнымъ смѣхомъ; но съ годами судьба взяла, наконецъ, свое. Мало-по-малу Татьяна Ивановна стала желтѣть и худѣть, сдѣлалась раздражительна, болѣзненно-воспріимчива и впала въ самую неограниченную, безпредѣльную мечтательность, часто прерываемую истерическими слезами, судорожными рыданіями. Чѣмъ менѣе благъ земныхъ оставляла ей на долю дѣйствительность, тѣмъ болѣе она обольщала и утѣшала себя воображеніемъ. Чѣмъ вѣрнѣе, чѣмъ безвозвратнѣе гибли и, наконецъ, погибли совсѣмъ послѣднія существенныя надежды ея, тѣмъ упоительнѣе становились ея мечты, никогда не осуществимыя. Богатства неслыханныя, красоты неувядаемыя, женихи изящные, богатые, знатные, все князья и генеральскія дѣти, сохранившіе для нея свои сердца въ дѣвственной чистотѣ и умирающіе у ногъ ея отъ безпредѣльной любви и, наконецъ, *онъ — онъ*, идеалъ красоты, совмѣщавшій въ себѣ всевозможныя совершенства, страстный и любящій, художникъ, поэтъ, генеральскій сынъ — все вмѣстѣ, или поочередно, все это начинало ей представляться не только во снѣ, но даже почти и наяву. Разсудокъ ея уже начиналъ слабѣть и не выдерживать пріемовъ этого опіума таинственныхъ, безпрерывныхъ

мечтаній... И вдругъ судьба подшутила надъ неї окончательно. Въ самой послѣдней степени униженія, среди самой грустной, подавляющей сердце дѣйствительности, въ компаньонкахъ у одной старой, беззубой и брюзгливѣйшей барыни въ мірѣ, виноватая во всемъ, упрекаемая за каждый кусокъ хлѣба, за каждую тряпку изношенную, обиженная первымъ желающимъ, незащищенная никѣмъ, измученная горемычнымъ житьемъ своимъ и, про себя, утопающая въ нѣгѣ самыхъ безумныхъ и распаленныхъ фантазій, — она вдругъ получила извѣстіе о смерти одного своего дальняго родственника, у котораго, давно уже (о чемъ она, по легкомыслію своему, никогда не справлялась) перемерли всѣ его близкіе родные, человѣка страннаго, жившаго затворникомъ, гдѣ-то за тридевять земель, въ захолустьѣ, одинокаго, угрюмо, неслышно, и занимавшагося черепословіемъ и ростовщичествомъ. И вотъ, огромное богатство вдругъ, какъ бы чудомъ, упало съ неба и разсыпалось золотою розсыпью у ногъ Татьяны Ивановны: она оказалась единственной наслѣдницей умершаго родственника. Сто тысячъ рублей серебромъ достались ей разомъ. Эта насмѣшка судьбы доканала ее совершенно. Какъ же, въ самомъ дѣлѣ, и безъ того уже ослабѣвшему разсудку не повѣрить мечтамъ, когда онѣ въ самомъ дѣлѣ начинали сбываться. И вотъ бѣдняжка окончательно распростилась съ оставшейся у ней послѣдней капелькой здраваго смысла. Замирая отъ счастья, она безвозвратно унеслась въ свой очаровательный міръ невозможныхъ фантазій и соблазнительныхъ призраковъ. Прочь всѣ соображенія, всѣ сомнѣнія, всѣ преграды дѣйствительности, всѣ неизбѣжные и ясные, какъ дважды-два, зако-

ны ея. Тридцать пять лѣтъ и мечта объ ослѣпляющей красотѣ, осенній грустный холодъ и вся роскошь безконечнаго блаженства любви, даже не споря между собою, — ужились въ ея существѣ. Мечты уже осуществились разъ въ жизни: отчего же и всему не сбыться? Отчего же и *ему* не явиться? Татьяна Ивановна не разсуждала, а вѣрила. Но въ ожиданіи *его,* идеала — жениха и кавалера разныхъ орденовъ и простые кавалеры, военные и статскіе, армейскіе и кавалергарды, вельможи и просто поэты, бывшіе въ Парижѣ и бывшіе только въ Москвѣ, съ бородками и безъ бородокъ, съ эспаньолками и безъ эспаньолокъ, испанцы и не испанцы (но преимущественно испанцы), начали представляться ей день и ночь, въ количествѣ ужасающемъ и возбуждавшемъ въ наблюдателяхъ серьезныя опасенія; оставался только шагъ до желтаго дома. Блестящею, упоенною любовью вереницей толпились около нея всѣ эти прекрасные призраки. Наяву, въ настоящей жизни, дѣло шло тѣмъ же самымъ фантастическимъ порядкомъ: на кого она ни взглянетъ — тотъ и влюбился; кто бы ни прошелъ мимо — тотъ и испанецъ; кто умеръ — непремѣнно отъ любви къ ней. Все это, какъ нарочно, подтверждалось въ ея глазахъ еще и тѣмъ, что за ней, въ самомъ дѣлѣ, начали бѣгать такіе, напримѣръ, люди, какъ Обноскинъ, Мизинчиковъ и десятки другихъ, съ тѣми же цѣлями. Ей вдругъ стали всѣ угождать, стали баловать ее, стали ей льстить. Бѣдная Татьяна Ивановна и подозрѣвать не хотѣла, что все это изъ-за денегъ. Она совершенно была увѣрена, что, по чьему-то мановенію, всѣ люди вдругъ исправились и стали всѣ до одного веселые, милые, ласковые, добрые. *Онъ* не

являлся еще налицо; но хотя и сомнѣнія не было въ томъ, что *онъ* явится, теперешняя жизнь и безъ того была такъ недурна, такъ заманчива, такъ полна всякихъ развлеченій и угощеній, что можно было и подождать. Татьяна Ивановна кушала конфекты, срывала цвѣты удовольствія, читала романы. Романы еще болѣе распаляли ея воображеніе и бросались обыкновенно на второй страницѣ. Она не выносила далѣе чтенья, увлекаемая въ мечты самыми первыми строчками, самымъ ничтожнымъ намекомъ на любовь, иногда просто описаніемъ мѣстности, комнаты, туалета. Безпрерывно привозились новые наряды, кружева, шляпки, наколки, ленты, образчики, выкройки, узоры, конфекты, цвѣты, собаченки. Три дѣвушки въ дѣвичьей проводили цѣлые дни за шитьемъ, а барышня съ утра до ночи, и даже ночью, примѣряла свои лифы, оборки и вертѣлась передъ зеркаломъ. Она даже какъ-то помолодѣла и похорошѣла послѣ наслѣдства. До сихъ поръ не знаю, какимъ образомъ она приходилась сродни покойному Крахоткину. Я всегда былъ увѣренъ, что это родство — выдумка генеральши, желавшей овладѣть Татьяной Ивановной и, во что бы ни стало, женить дядю на ея деньгахъ. Господинъ Бахчеевъ былъ правъ, говоря о купидонѣ, доведшемъ Татьяну Ивановну до послѣдней точки; а мысль дяди, послѣ извѣстія о ея побѣгѣ съ Обноскинымъ, бѣжать за ней и воротить ее, хоть насильно, была самая раціональная. Бѣдняжка не способна была жить безъ опеки и тотчасъ же погибла бы, если бъ попалась къ недобрымъ людямъ.

Былъ часъ десятый, когда мы пріѣхали въ Мишино. Это была бѣдная, маленькая деревенька, верстахъ въ трехъ отъ большой дороги и стояв-

шая въ какой-то ямѣ. Шесть или семь крестьянскихъ избъ, закоптѣлыхъ, покрившихся набокъ и едва прикрытыхъ почернѣвшею соломою, какъ-то грустно и непривѣтливо смотрѣли на проѣзжаго. Ни садика, ни кустика не было кругомъ на четверть версты. Только одна старая ракита свѣсилась и дремала надъ зеленоватой лужайкой, называвшейся прудомъ. Такое новоселье, вѣроятно, не могло произвесть отраднаго впечатлѣнія на Татьяну Ивановну. Барская усадьба состояла изъ новаго, длиннаго и узкаго сруба, съ шестью окнами въ рядъ и крытаго, на скорую руку, соломой. Чиновникъ-помѣщикъ только-что начиналъ хозяйничать. Даже дворъ еще не былъ огороженъ заборомъ, и только съ одной стороны начинался новый плетень, съ котораго еще не успѣли осыпаться высохшіе орѣховые листья. У плетня стоялъ тарантасъ Обноскина. Мы упали на виноватыхъ, какъ снѣгъ на голову. Изъ раскрытаго окна слышались крики и плачъ.

Встрѣтившійся намъ въ сѣняхъ босоногій мальчикъ ударился отъ насъ бѣжать, сломя голову. Въ первой же комнатѣ, на ситцевомъ, длинномъ «турецкомъ» диванѣ, безъ спинки, возсѣдала заплаканная Татьяна Ивановна. Увидѣвъ насъ, она взвизгнула и закрылась ручками. Возлѣ нея стоялъ Обноскинъ, испуганный и сконфуженный до жалости. Онъ до того потерялся, что бросился пожимать намъ руки, какъ будто обрадовавшись нашему пріѣзду. Изъ-за пріотворенной въ другую комнату двери выглядывало чье-то дамское платье: кто-то подслушивалъ и подглядывалъ въ незамѣтную для насъ щелочку. Хозяева не явились: казалось, ихъ и въ домѣ не было; всѣ куда-то попрятались.

— Вотъ она, путешественница! Еще и ручками закрывается! — вскричалъ господинъ Бахчеевъ, вваливаясь за нами въ комнату.

— Остановите вашъ восторгъ, Степанъ Алексѣевичъ! Это, наконецъ, неприлично. Имѣетъ право теперь говорить одинъ только Егоръ Ильичъ, а мы здѣсь совершенно посторонніе, — рѣзко замѣтилъ Мизинчиковъ.

Дядя, бросивъ строгій взглядъ на господина Бахчеева и какъ будто совсѣмъ не замѣчая Обноскина, бросившагося къ нему съ рукопожатіями, подошелъ къ Татьянѣ Ивановнѣ, все еще закрывавшейся ручками, и самымъ мягкимъ голосомъ, съ самымъ непритворнымъ участіемъ, сказалъ ей:

— Татьяна Ивановна! Мы всѣ такъ любимъ и уважаемъ васъ, что сами пріѣхали узнать о вашихъ намѣреніяхъ. Угодно вамъ будетъ ѣхать съ нами въ Степанчиково? Илюша именинникъ. Маменька васъ ждетъ съ нетерпѣніемъ, а Сашурка съ Настей ужъ вѣрно проплакали о васъ цѣлое утро...

Татьяна Ивановна робко приподняла голову, посмотрѣла на него сквозь пальцы и, вдругъ заливши слезами, бросилась къ нему на шею.

— Ахъ, увезите, увезите меня отсюда скорѣе! — говорила она, рыдая, — скорѣе, какъ можно скорѣе!

— Разскакалась, да и сбрендила! — прошипѣлъ Бахчеевъ, подталкивая меня рукою.

— Значитъ, все кончено, — сказалъ дядя, сухо обращаясь къ Обноскину и почти не глядя на него. — Татьяна Ивановна, пожалуйте вашу руку. Ѣдемъ!

За дверями послышался шорохъ; дверь скрипнула и пріотворилась еще болѣе.

— Однакожъ, если судить съ другой точки зрѣнія, — замѣтилъ Обноскинъ, съ безпокойствомъ поглядывая на пріотворенную дверь, — то посудите сами, Егоръ Ильичъ... вашъ поступокъ въ моемъ домѣ... и, наконецъ, я вамъ кланяюсь, а вы даже не хотѣли мнѣ и поклониться, Егоръ Ильичъ...

— Вашъ поступокъ въ *моемъ* домѣ, сударь, былъ скверный поступокъ, — отвѣчалъ дядя, строго взглянувъ на Обноскина, — а это и домъ-то не вашъ. Вы слышали: Татьяна Ивановна не хочетъ оставаться здѣсь ни минуты. Чего же вамъ болѣе? Ни слова — слышите, ни слова больше, прошу васъ! Я чрезвычайно желаю избѣжать дальнѣйшихъ объясненій, да и вамъ это будетъ выгоднѣе.

Но тутъ Обноскинъ до того упалъ духомъ, что наговорилъ самой неожиданной дряни.

— Не презирайте меня, Егоръ Ильичъ, — началъ онъ полушепотомъ, чуть не плача отъ стыда и поминутно оглядываясь на дверь, вѣроятно, изъ боязни, чтобъ тамъ не услышали, — это все не я, а маменька. Я не изъ интереса это сдѣлалъ, Егоръ Ильичъ; я только такъ это сдѣлалъ; я, конечно, и для интереса это сдѣлалъ, Егоръ Ильичъ... но я съ благородною цѣлью это сдѣлалъ, Егоръ Ильичъ, я бы употребилъ съ пользою капиталъ-съ... я бы помогалъ бѣднымъ. Я хотѣлъ тоже способствовать движенію современнаго просвѣщенія и мечталъ даже учредить стипендію въ университетѣ... Вотъ какой оборотъ я хотѣлъ дать моему богатству, Егоръ Ильичъ; а не то чтобъ что-нибудь, Егоръ Ильичъ...

Всѣмъ намъ вдругъ сдѣлалось чрезвычайно совѣстно. Даже Мизинчиковъ покраснѣлъ и отвер-

нулся, а дядя такъ сконфузился, что ужъ не зналъ что̀ и сказать.

— Ну, ну, полно, полно! — проговорилъ онъ, наконецъ. — Успокойся, Павелъ Семенычъ. Что̀ жъ дѣлать! Со всякимъ случается... Если хочешь, пріѣзжай, братъ, обѣдать... а я радъ, радъ...

Но не такъ поступилъ господинъ Бахчеевъ.

— Стипендію учредить! — заревѣлъ онъ съ яростью, — таковскій, чтобъ учредилъ! Небось, самъ радъ сорвать со всякаго встрѣчнаго... Штанишекъ нѣтъ, а туда же, въ стипендію какую-то лѣзетъ! Ахъ ты лоскутникъ, лоскутникъ! Вотъ тебѣ и покорилъ нѣжное сердце! А гдѣ жъ она, родительница-то? Али спряталась? Не я буду, если не сидитъ гдѣ-нибудь тамъ, за ширмами, — али подъ кровать, со страха, залѣзла...

— Степанъ, Степанъ!.. — закричалъ дядя.

Обноскинъ вспыхнулъ и готовился было протестовать; но прежде чѣмъ онъ успѣлъ раскрыть ротъ, дверь отворилась, и сама Анфиса Петровна, раздраженная, съ сверкавшими глазами, покраснѣвшая отъ злости, влетѣла въ комнату.

— Это что? — закричала она, — что это здѣсь происходитъ? Вы, Егоръ Ильичъ, врываетесь въ благородный домъ съ своей ватагой, пугаете дамъ, распоряжаетесь!.. Да на что это похоже? Я еще не выжила изъ ума, слава Богу, Егоръ Ильичъ! А ты, пентюхъ! — продолжала она вопить, набрасываясь на сына, — ты ужъ и нюни распустилъ передъ ними! Твоей матери дѣлаютъ оскорбленіе въ ея же домѣ, а ты ротъ разинулъ! Какой ты порядочный молодой человѣкъ послѣ этого? Ты тряпка, а не молодой человѣкъ послѣ этого!

Ни вчерашняго нѣжничанья, ни модничанья, ни даже лорнетки — ничего этого не было теперь у Анфисы Петровны. Это была настоящая фурія, фурія безъ маски.

Дядя, едва только увидѣлъ ее, поспѣшилъ схватить подъ руку Татьяну Ивановну и бросился было изъ комнаты; но Анфиса Петровна тотчасъ же перегородила ему дорогу.

— Вы такъ не выйдете, Егоръ Ильичъ! — затрещала она снова. — По какому праву вы уводите силой Татьяну Ивановну? Вамъ досадно, что она избѣжала вашихъ гнусныхъ сѣтей, которыми вы опутали ее вмѣстѣ съ вашей маменькой и съ дуракомъ Ѳомой Ѳомичемъ! Вамъ хотѣлось бы самому жениться изъ гнуснаго интереса. Извините-съ, здѣсь благороднѣе думаютъ! Татьяна Ивановна, видя, что противъ нея у васъ замышляютъ, что ее губятъ, сама ввѣрилась Павлушѣ. Она сама просила его, такъ сказать, спасти ее отъ вашихъ сѣтей; она принуждена была бѣжать отъ васъ ночью — вотъ какъ-съ! Вотъ вы до чего ее довели! Такъ ли, Татьяна Ивановна? А если такъ, то какъ смѣете вы врываться, цѣлой шайкой, въ благородный дворянскій домъ и силою увозить благородную дѣвицу, несмотря на ея крики и слезы? Я не позволю! Не позволю! Я не сошла съ ума!.. Татьяна Ивановна останется, потому такъ хочетъ! Пойдемте, Татьяна Ивановна, нечего ихъ слушать: это враги ваши, а не друзья! Не робѣйте, пойдемте! Я ихъ тотчасъ же провожу!..

— Нѣтъ, нѣтъ! — закричала испуганная Татьяна Ивановна,—я не хочу, не хочу! Какой онъ мужъ? Я не хочу выходить замужъ за вашего сына! Какой онъ мнѣ мужъ?

— Не хотите? — взвизгнула Анфиса Петровна, задыхаясь отъ злости, — не хотите? Пріѣхали, да и не хотите? Въ такомъ случаѣ, какъ же вы смѣли обманывать насъ? Въ такомъ случаѣ, какъ же вы смѣли обѣщать ему, бѣжали съ нимъ ночью, сами навязывались, ввели насъ въ недоумѣніе, въ расходы? Мой сынъ, можетъ быть, благородную партію потерялъ изъ-за васъ! .. Онъ, можетъ быть, десятки тысячъ приданаго потерялъ изъ-за васъ! .. Нѣтъ-съ! Вы заплатите, вы должны теперь заплатить; мы доказательства имѣемъ: вы ночью бѣжали ...

Но мы не дослушали этой тирады. Всѣ разомъ, сгруппировавшись около дяди, мы двинулись впередъ, прямо на Анфису Петровну, и вышли на крыльцо. Тотчасъ же подали коляску.

— Такъ дѣлаютъ одни только безчестные люди, одни подлецы! — кричала Анфиса Петровна съ крыльца, въ совершенномъ изступленіи. — Я бумагу подамъ! Вы заплатите ... вы ѣдете въ безчестный домъ, Татьяна Ивановна! Вы не можете выйти замужъ за Егора Ильича; онъ, подъ носомъ у васъ, держитъ свою гувернантку на содержаніи!..

Дядя задрожалъ, поблѣднѣлъ, закусилъ губы и бросился усаживать Татьяну Ивановну. Я зашелъ съ другой стороны коляски и ждалъ своей очереди садиться, какъ вдругъ очутился подлѣ меня Обноскинъ и схватилъ меня за руку.

— По крайней мѣрѣ, позвольте мнѣ искать вашей дружбы! — сказалъ онъ, крѣпко сжимая мою руку и съ какимъ-то отчаяннымъ выраженіемъ въ лицѣ.

— Какъ это дружбы? — сказалъ я, занося ногу на подножку коляски.

— Такъ-съ! Я еще вчера отличилъ въ васъ образованнѣйшаго человѣка. Не судите меня... Меня собственно обольстила маменька, а я тутъ совсѣмъ въ сторонѣ. Я болѣе имѣю наклонности къ литературѣ — увѣряю васъ: а это все маменька...

— Вѣрю, вѣрю, — сказалъ я, — прощайте!

Мы усѣлись, и лошади поскакали. Крики и проклятія Анфисы Петровны еще долго звучали намъ вслѣдъ, а изъ всѣхъ оконъ дома вдругъ высунулись чьи-то неизвѣстныя лица и смотрѣли на насъ съ дикимъ любопытствомъ.

Въ коляскѣ помѣщалось теперь насъ пятеро; но Мизинчиковъ пересѣлъ на козла, уступивъ свое прежнее мѣсто господину Бахчееву, которому пришлось теперь сидѣть прямо противъ Татьяны Ивановны. Татьяна Ивановна была очень довольна, что мы ее увезли, но все еще плакала. Дядя, какъ могъ, утѣшалъ ее. Самъ же онъ былъ грустенъ и задумчивъ: видно было, что бѣшеныя слова Анфисы Петровны о Настенькѣ тяжело и больно отозвались въ его сердцѣ. Впрочемъ, обратный путь нашъ кончился бы безъ всякой тревоги, если бъ только не было съ нами господина Бахчеева.

Усѣвшись напротивъ Татьяны Ивановны, онъ сталъ точно самъ не свой; онъ не могъ смотрѣть равнодушно; ворочался на своемъ мѣстѣ, краснѣлъ, какъ ракъ, и страшно вращалъ глазами; особенно, когда дядя начиналъ утѣшать Татьяну Ивановну, толстякъ рѣшительно выходилъ изъ себя и ворчалъ, какъ бульдогъ, котораго дразнятъ. Дядя съ опасеніемъ на него поглядывалъ. Наконецъ, Татьяна Ивановна, замѣтивъ необыкновенное состояніе души своего визави, стала пристально въ него всматриваться; потомъ посмотрѣла на насъ, улыбну-

лась и вдругъ, схвативъ свою омбрельку, граціозно ударила ею слегка господина Бахчеева по плечу.

— Безумецъ! — проговорила она съ самой очаровательной игривостью и тотчасъ же закрылась вѣеромъ.

Эта выходка была каплей, переполнившей сосудъ.

— Что-о-о? — заревѣлъ толстякъ, — что такое, мадамъ? Такъ ты ужъ и до меня добираешься!

— Безумецъ! Безумецъ! — повторила Татьяна Ивановна, и вдругъ захохотала и захлопала въ ладоши.

— Стой! — закричалъ Бахчеевъ кучеру, — стой!

Остановились. Бахчеевъ отворилъ дверцу и поспѣшно началъ вылѣзать изъ коляски.

— Да что съ тобой, Степанъ Алексѣичъ? Куда ты? — вскричалъ изумленный дядя.

— Нѣтъ, ужъ довольно съ меня! — отвѣчалъ толстякъ, дрожа отъ негодованія, — прокисай все на свѣтѣ! Устарѣлъ я, мадамъ, чтобъ ко мнѣ съ амурами подъѣзжать. Я, матушка, лучше ужъ на большой дорогѣ помру! Прощай, мадамъ, команъву-порте-ву!

И онъ, въ самомъ дѣлѣ, пошелъ пѣшкомъ. Коляска поѣхала за нимъ шагомъ.

— Степанъ Алексѣевичъ! — кричалъ дядя, выходя, наконецъ, изъ терпѣнія, — не дурачься, полно, садись! Вѣдь домой пора!

— И ну васъ! — проговорилъ Степанъ Алексѣевичъ, задыхаясь отъ ходьбы, потому что, по толстотѣ своей, совсѣмъ разучился ходить.

— Пошелъ во весь опоръ! — закричалъ Мизинчиковъ кучеру.

— Что̀ ты, что́ ты, постой! . . — вскричалъ было дядя, но коляска уже помчалась. Мизинчиковъ не ошибся: немедленно получились желаемые плоды.

— Стой! Стой! — раздался позади насъ отчаянный вопль, — стой, разбойникъ! Стой, душегубецъ ты этакой! . .

Толстякъ, наконецъ, явился, усталый, полузадохшійся, съ каплями пота на лбу, развязавъ галстукъ и снявъ картузъ. Молча и мрачно влѣзъ онъ въ коляску, и въ этотъ разъ я уступилъ ему свое мѣсто; по крайней мѣрѣ, онъ сидѣлъ не напротивъ Татьяны Ивановны, которая въ продолженіе всей этой сцены покатывалась со смѣху, била въ ладоши и во весь остальной путь не могла смотрѣть равнодушно на Степана Алексѣевича. Онъ же, съ своей стороны, до самаго дома не промолвилъ ни единаго слова и упорно смотрѣлъ, какъ вертѣлось заднее колесо коляски.

Былъ уже полдень, когда мы воротились въ Степанчиково. Я прямо пошелъ въ свой флигель, куда тотчасъ же явился Гаврила съ чаемъ. Я бросился было разспрашивать старика, но, почти вслѣдъ за нимъ, вошелъ дядя и тотчасъ же выслалъ его.

II.

Новости.

— Я, братъ, къ тебѣ на минутку, — началъ онъ торопливо, — спѣшилъ сообщить... Я уже все разузналъ. Никто изъ нихъ сегодня даже у обѣдни не былъ, кромѣ Илюши, Саши да Настеньки. Маменька, говорятъ, была въ судорогахъ. Оттирали; насилу оттерли. Теперь положено собираться къ Ѳомѣ и меня зовутъ. Не знаю только, поздравлять или нѣтъ Ѳому съ именинами-то, — важный пунктъ! И, наконецъ, какъ-то они примутъ весь этотъ пассажъ? Ужасъ, Сережа, я ужъ предчувствую...

— Напротивъ, дядюшка, — заспѣшилъ я, въ свою очередь, — все превосходно устраивается. Вѣдь ужъ теперь вамъ никакъ нельзя жениться на Татьянѣ Ивановнѣ, — это одно чего стóитъ! Я вамъ еще дорóгою это хотѣлъ объяснить.

— Такъ, такъ, другъ мой. Но все это не то; во всемъ этомъ, конечно, перстъ Божій, какъ ты говоришь; но я не про то... Бѣдная Татьяна Ивановна! Какіе, однакожъ, съ ней пассажи случаются!.. Подлецъ, подлецъ Обноскинъ! А впрочемъ, что жъ я говорю: «подлецъ»? Я развѣ не

то же бы самое сдѣлалъ, женясь на ней?.. Но, впрочемъ, я все не про то... Слышалъ ты, что̀ кричала давеча эта негодяйка, Анфиса, про Настю?

— Слышалъ, дядюшка. Догадались ли вы теперь, что надо спѣшить?

— Непремѣнно, и во что̀ бы ни стало! — отвѣчалъ дядя. — Торжественная минута наступила. Только мы, братъ, объ одномъ вчера съ тобой не подумали, а я послѣ всю ночь продумалъ: пойдетъ ли она-то за меня, — вотъ что?

— Помилосердуйте, дядюшка! Когда сама сказала, что любитъ...

— Другъ ты мой, да вѣдь тутъ же прибавила, что «ни за что не выйду за васъ».

— Эхъ, дядюшка! Это такъ только говорится, къ тому же и обстоятельства сегодня не тѣ.

— Ты думаешь? Нѣтъ, братъ Сергѣй, это дѣло деликатное, ужасно деликатное! Гм!.. А знаешь, хоть и тосковалъ я, а какъ-то всю ночь сердце сосало отъ какого-то счастья!.. Ну, прощай, лечу. Ждутъ; я ужъ и такъ опоздалъ. Только такъ забѣжалъ, слово съ тобой перебросить. Ахъ, Боже мой! — вскричалъ онъ, возвращаясь, — главное-то я и забылъ! Знаешь что̀: вѣдь я ему писалъ, Ѳомѣ-то!

— Когда?

— Ночью; а утромъ, чѣмъ свѣтъ, и письмо отослалъ съ Видоплясовымъ. Я, братецъ, все изобразилъ, на двухъ листахъ, все разсказалъ, правдиво и откровенно, — словомъ, что я долженъ, то есть непремѣнно долженъ — понимаешь? сдѣлать предложеніе Настенькѣ. Я умолялъ его не разглашать о свиданіи въ саду и обращался ко всему благородству его души, чтобъ помочь мнѣ у маменьки. Я,

братъ, конечно, худо написалъ, но я написалъ отъ всего моего сердца и, такъ сказать, облилъ моими слезами . . .

— И что жъ? Никакого отвѣта?

— Покамѣстъ еще нѣтъ; только давеча, когда мы собирались въ погоню, встрѣтилъ его въ сѣняхъ, по-ночному, въ туфляхъ и въ колпакѣ, — онъ спитъ въ колпакѣ, — куда-нибудь выходилъ. Ни слова не сказалъ, даже не взглянулъ. Я заглянулъ ему въ лицо, этакъ снизу, — ничего!

— Дядюшка, не надѣйтесь на него: нагадитъ онъ вамъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, братецъ, не говори! — вскричалъ дядя, махая руками, — я увѣренъ. Къ тому же, вѣдь, это ужъ послѣдняя надежда моя. Онъ пойметъ; онъ оцѣнитъ. Онъ брюзгливъ, капризенъ — не спорю; но когда дѣло дойдетъ до высшаго благородства, тутъ-то онъ и засіяетъ, какъ перлъ . . . именно, какъ перлъ. Это ты все оттого, Сергѣй, что ты еще не видалъ его въ самомъ высшемъ благородствѣ . . . Но, Боже мой! Если онъ въ самомъ дѣлѣ разгласитъ вчерашнюю тайну, то . . . Я ужъ и не знаю, что тогда будетъ, Сергѣй! Чему же останется вѣрить на свѣтѣ? Но нѣтъ, онъ не можетъ быть такимъ подлецомъ. Я подметки его не стою! Не качай головой, братецъ: это правда — не стою.

— Егоръ Ильичъ! маменька объ васъ безпокоются-съ, — раздался внизу непріятный голосъ дѣвицы Перепелицыной, которая, вѣроятно, успѣла подслушать въ открытое окно весь нашъ разговоръ. — Васъ по всему дому ищутъ-съ и не могутъ васъ найти-съ.

— Боже мой, опоздалъ! Бѣда! — всполошился

дядя. — Другъ мой, ради Христа, одѣвайся и приходи туда! Я вѣдь за этимъ и забѣжалъ къ тебѣ, чтобъ вмѣстѣ пойти... Бѣгу, бѣгу, Анна Ниловна, бѣгу!

Оставшись одинъ, я вспомнилъ о моей встрѣчѣ давеча съ Настенькой и былъ очень радъ, что не разсказалъ о ней дядѣ: я бы разстроилъ его еще болѣе. Предвидѣлъ я большую грозу и не могъ понять, какимъ образомъ дядя устроитъ свои дѣла и сдѣлаетъ предложеніе Настенькѣ. Повторяю: несмотря на всю вѣру въ его благородство, я поневолѣ сомнѣвался въ успѣхѣ.

Однакожъ, надо было спѣшить. Я считалъ себя обязаннымъ помогать ему и тотчасъ же началъ одѣваться; но, какъ ни спѣшилъ, желая одѣться получше, замѣшкался. Вошелъ Мизинчиковъ.

— Я за вами, — сказалъ онъ, — Егоръ Ильичъ васъ просятъ немедленно.

— Идемъ!

Я уже былъ совсѣмъ готовъ. Мы пошли.

— Что тамъ новаго? — спросилъ я дорогою.

— Всѣ у Ѳомы, въ сборѣ, — отвѣчалъ Мизинчиковъ, — Ѳома не капризничаетъ, что-то задумчивъ и мало говоритъ, сквозь зубы цѣдитъ. Даже поцѣловалъ Илюшу, что, разумѣется, привело въ восторгъ Егора Ильича. Еще давеча черезъ Перепелицыну объявилъ, чтобъ не поздравляли его съ именинами, и что онъ только хотѣлъ испытать... Старуха хоть и нюхаетъ спиртъ, но успокоилась, потому что Ѳома покоенъ. О нашей исторіи никто ни полслова, какъ будто ея и не было; молчатъ, потому что Ѳома молчитъ. Онъ все утро не пускалъ къ себѣ никого, хотя старуха давеча безъ насъ всѣми святыми молила, чтобъ онъ къ ней при-

шелъ для совѣщаній, да и сама ломилась къ нему въ дверь; но онъ заперся и отвѣчалъ, что молился за родъ человѣческій, или что-то въ этомъ родѣ. Онъ что-то затѣваетъ: по лицу видно. Но такъ какъ Егоръ Ильичъ ничего не въ состояніи узнать по лицу, то и находится теперь въ полномъ восторгѣ отъ кротости Ѳомы Ѳомича: настоящій ребенокъ! Илюша какіе-то стихи приготовилъ, и меня послали за вами.

— А Татьяна Ивановна?

— Что Татьяна Ивановна?

— Она тамъ же? Съ ними?

— Нѣтъ; она въ своей комнатѣ, — сухо отвѣчалъ Мизинчиковъ. — Отдыхаетъ и плачетъ. Можетъ быть, и стыдится. У ней, кажется, теперь эта . . . гувернантка. Что это? Гроза никакъ собирается. Смотрите, на небѣ-то!

— Кажется, гроза, — отвѣчалъ я, взглянувъ на чернѣвшую на краю неба тучу.

Въ это время мы всходили на террасу.

— А признайтесь, каковъ Обноскинъ-то, — а? — продолжалъ я, не могши утерпѣть, чтобъ не попытать на этомъ пунктѣ Мизинчикова.

— Не говорите мнѣ о немъ! Не поминайте мнѣ объ этомъ подлецѣ!—вскричалъ онъ вдругъ, останавливаясь, покраснѣвъ и топнувъ ногою. — Дуракъ! Дуракъ! Погубить такое превосходное дѣло, такую свѣтлую мысль! Послушайте: я, конечно, оселъ, что просмотрѣлъ его плутни, — я въ этомъ торжественно сознаюсь и, можетъ быть, вы именно хотѣли этого сознанія. Но, клянусь вамъ, если бъ онъ сумѣлъ все это обдѣлать какъ слѣдуетъ, я бы, можетъ быть, и простилъ его! Дуракъ, дуракъ! И какъ держатъ, какъ терпятъ такихъ людей въ об-

ществѣ! Какъ не ссылаютъ ихъ въ Сибирь на поселеніе, на каторгу! Но врутъ! Имъ меня не перехитрить! Теперь у меня, по крайней мѣрѣ, есть опытъ, и мы еще потягаемся. Я обдумываю теперь одну новую мысль... Согласитесь сами: неужели жъ терять свое потому только, что какой-то посторонній дуракъ укралъ вашу мысль и не умѣлъ взяться за дѣло? Вѣдь это несправедливо! И, наконецъ, этой Татьянѣ непремѣнно надо выйти замужъ — это ея назначеніе. И если ее до сихъ поръ еще никто не посадилъ въ домъ сумасшедшихъ, такъ это именно потому, что на ней еще можно было жениться. Я вамъ сообщу мою новую мысль...

— Но, вѣроятно, послѣ — прервалъ я его, — потому что мы вотъ и пришли.

— Хорошо, хорошо, послѣ! — отвѣчалъ Мизинчиковъ, искрививъ свой ротъ судорожной улыбкой... — А теперь... Но куда жъ вы? Говорю вамъ: прямо къ Ѳомѣ Ѳомичу! Идите за мной; вы тамъ еще не были. Увидите другую комедію... Такъ какъ ужъ дѣло пошло на комедіи...

III.

Илюша именинникъ.

Ѳома занималъ двѣ большія и прекрасныя комнаты; онѣ были даже и отдѣланы лучше, чѣмъ всѣ другія комнаты въ домѣ. Полный комфортъ окружалъ великаго человѣка. Свѣжіе, красивые обои на стѣнахъ, шелковые пестрые занавѣсы у оконъ, ковры, трюмо, каминъ, мягкая, щегольская мебель — все свидѣтельствовало о нѣжной внимательности хозяевъ къ Ѳомѣ Ѳомичу. Горшки съ цвѣтами стояли на окнахъ и на мраморныхъ круглыхъ столикахъ передъ окнами. Посреди кабинета находился большой столъ, покрытый краснымъ сукномъ, весь заложенный книгами и рукописями. Прекрасная бронзовая чернильница и куча перьевъ, которыми завѣдывалъ Видоплясовъ — все это вмѣстѣ должно было свидѣтельствовать о тугихъ умственныхъ работахъ Ѳомы Ѳомича. Скажу здѣсь кстати, что Ѳома, просидѣвъ здѣсь почти восемь лѣтъ, ровно ничего не сочинилъ путнаго. Впослѣдствіи, когда онъ отошелъ въ лучшую жизнь, мы разбирали оставшіяся послѣ него рукописи; всѣ онѣ оказались необыкновенною дрянью. Нашли, напримѣръ, начало историческаго романа, происходившаго въ Новгородѣ, въ VII столѣтіи; потомъ чу-

довищную поэму: «Анахоретъ на кладбищѣ», писанную бѣлыми стихами; потомъ, безсмысленное разсужденіе о значеніи и свойствѣ русскаго мужика и о томъ, какъ надо съ нимъ обращаться, и, наконецъ, повѣсть «Графиня Влонская», изъ великосвѣтской жизни, тоже неоконченную. Больше ничего не осталось. А между тѣмъ, Ѳома Ѳомичъ заставлялъ дядю тратить ежегодно большія деньги на выписку книгъ и журналовъ. Но многіе изъ нихъ оставались даже неразрѣзанными. Я же, впослѣдствіи, не одинъ разъ, заставалъ Ѳому за Польде-Кокомъ, котораго онъ пряталъ при людяхъ куда-нибудь подальше. Въ задней стѣнѣ кабинета находилась стеклянная дверь, которая вела во дворъ дома.

Насъ дожидались. Ѳома Ѳомичъ сидѣлъ въ покойномъ креслѣ, въ какомъ-то длинномъ, до пятъ, сюртукѣ, но все-таки безъ галстука. Былъ онъ, дѣйствительно, молчаливъ и задумчивъ. Когда мы вошли, онъ слегка поднялъ брови и пытливо взглянулъ на меня. Я поклонился; онъ отвѣчалъ мнѣ легкимъ поклономъ, впрочемъ, довольно вѣжливымъ. Бабушка, видя, что Ѳома Ѳомичъ обошелся со мной благосклонно, съ улыбкою закивала мнѣ головою. Бѣдная, и не ожидала поутру, что ея нѣщечко такъ покойно приметъ извѣстіе о «пассажѣ» съ Татьяной Ивановной, и потому теперь чрезвычайно развеселилась, хотя утромъ съ ней, дѣйствительно, происходили корчи и обмороки. За стуломъ ея, по обыкновенію, стояла дѣвица Перепелицына, сложивъ губы въ ниточку, кисло и злобно улыбаясь и потирая свои костлявыя руки одну о другую. Возлѣ генеральши помѣщались двѣ постоянно безмолвныя старухи-приживалки, изъ бла-

городныхъ. Была еще какая-то забредшая утромъ монашенка и одна сосѣдка-помѣщица, пожилая и тоже безъ рѣчей, заѣхавшая отъ обѣдни поздравить матушку-генеральшу съ праздникомъ. Тетушка Прасковья Ильинична уничтожилась гдѣ-то въ уголку, съ безпокойствомъ смотря на Ѳому Ѳомича и на маменьку. Дядя сидѣлъ въ креслѣ, и необыкновенная радость сіяла въ глазахъ его. Передъ нимъ стоялъ Илюша въ праздничной красной рубашечкѣ, съ завитыми кудряшками, хорошенькій какъ ангельчикъ. Саша и Настенька тихонько отъ всѣхъ выучили его какимъ-то стихамъ, чтобъ обрадовать отца въ такой день успѣхами въ наукахъ. Дядя чуть не плакалъ отъ удовольствія: неожиданная кротость Ѳомы, веселость генеральши, именины Илюши, стихи, — все это привело его въ настоящій восторгъ, и онъ торжественно просилъ послать за мной, чтобъ и я тоже поскорѣе раздѣлилъ всеобщее счастье и прослушалъ стихи. Саша и Настенька, вошедшія почти вслѣдъ за нами, стояли около Илюши. Саша поминутно смѣялась и въ эту минуту была счастлива какъ дитя. Настенька, глядя на нее, тоже начала улыбаться, хоть и вошла, за минуту назадъ, блѣдная и унылая. Она одна встрѣтила и успокоила Татьяну Ивановну, воротившуюся изъ путешествія, и до сихъ поръ просидѣла у ней наверху. Рѣзвый Илюша какъ будто тоже не могъ удержаться отъ смѣха, смотря на своихъ учительницъ. Казалось, они всѣ трое приготовили какую-то пресмѣшную шутку, которую теперь и хотѣли разыграть... Я и забылъ про Бахчеева. Онъ сидѣлъ поодаль, на стулѣ, все еще сердитый и красный, молчалъ, дулся, сморкался и вообще игралъ довольно мрачную роль на семей-

номъ праздникѣ. Возлѣ него сѣменилъ Ежевикинъ; впрочемъ, онъ сѣменилъ и вездѣ, цѣловалъ ручки у генеральши и у пріѣзжей гостьи, нашептывалъ что-то дѣвицѣ Перепелицыной, ухаживалъ за Ѳомой Ѳомичемъ — словомъ, поспѣвалъ вездѣ. Онъ тоже съ великимъ сочувствіемъ ожидалъ Илюшиныхъ стиховъ и при входѣ моемъ бросился ко мнѣ съ поклонами, въ знакъ величайшаго уваженія и преданности. Вовсе не видно было, что онъ пріѣхалъ сюда защищать дочь и взять ее совсѣмъ изъ Степанчикова.

— Вотъ и онъ! — радостно вскричалъ дядя, увидѣвъ меня, — Илюша, братъ, стихи приготовилъ — вотъ неожиданность, настоящій сюрпризъ! Я, братъ, пораженъ и нарочно за тобой послалъ, и стихи остановилъ до прихода... Садись-ка возлѣ! Послушаемъ. Ѳома Ѳомичъ, да ты ужъ признайся, братецъ, вѣдь ужъ вѣрно ты ихъ всѣхъ надоумилъ, чтобъ меня, старика, обрадовать? Присягну, что такъ!

Если ужъ дядя говорилъ въ комнатѣ Ѳомы такимъ тономъ и голосомъ, то, казалось бы, все обстояло благополучно. Но въ томъ-то и бѣда, что дядя не способенъ былъ ничего угадать по лицу, какъ выразился Мизинчиковъ; а взглянувъ на Ѳому, я какъ-то невольно согласился, что Мизинчиковъ правъ и что надо было чего-нибудь ожидать...

— Не безпокойтесь обо мнѣ, полковникъ, — отвѣчалъ Ѳома слабымъ голосомъ, голосомъ человѣка, прощающаго врагамъ своимъ. — Сюрпризъ я, конечно, хвалю: это изображаетъ чувствительность и благонравіе вашихъ дѣтей. Стихи тоже полезны, даже для произношенія... Но я не стихами былъ занятъ это утро, Егоръ Ильичъ: я мо-

лился... вы это знаете... Впрочемъ, готовъ выслушать и стихи.

Между тѣмъ я поздравилъ Илюшу и поцѣловалъ его.

— Именно, Ѳома, извини! Я забылъ... хоть и увѣренъ въ твоей дружбѣ, Ѳома! Да поцѣлуй его еще разъ, Сережа! Смотри, какой мальчуганъ! Ну, начинай, Илюша! Про что это? Вѣрно какая-нибудь ода торжественная, изъ Ломоносова что-нибудь?

И дядя пріосанился. Онъ едва сидѣлъ на мѣстѣ отъ нетерпѣнія и радости.

— Нѣтъ, папочка, не изъ Ломоносова, — сказала Сашенька, едва подавляя свой смѣхъ: — а такъ какъ были военный и воевали съ непріятелями, то Илюша и выучилъ стихи про военное... Осаду Памбы, папочка .

— Осада Памбы? а! Не помню... Что это за Памба, ты знаешь, Сережа? Вѣрно, что-нибудь героическое.

И дядя пріосанился въ другой разъ.

— Говори, Илюша! — скомандовала Сашенька.

— Девять лѣтъ какъ Педро Гомецъ...

началъ Илюша маленькимъ, ровнымъ и яснымъ голосомъ, безъ запятыхъ и безъ точекъ, какъ обыкновенно сказываютъ маленькія дѣти заученные стихи —

Девять лѣтъ какъ Педро Гомецъ
Осаждаетъ замокъ Памбу,
Молокомъ однимъ питаясь,
И все войско дона-Педро,
Девять тысячъ кастильянцевъ,
Всѣ по данному обѣту
Ниже хлѣба не съѣдаютъ
Пьютъ одно лишь молоко.

— Какъ! Что? Что это за молоко! — вскричалъ дядя, смотря на меня въ изумленіи.

— Читай дальше, Илюша, — вскричала Сашенька.

Всякій день донъ-Педро Гомецъ
О своемъ безсильѣ плачетъ,
Закрываясь епанчею.
Настаетъ ужъ годъ десятый;
Злые мавры торжествуютъ;
А отъ войска дона-Педро
Всего-на-всего осталось
Девятнадцать человѣкъ...

— Да это галиматья! — вскричалъ дядя съ безпокойствомъ: — вѣдь это невозможное жъ дѣло! Девятнадцать человѣкъ отъ всего войска осталось, когда прежде былъ, даже и весьма значительный корпусъ! Что жъ это, братецъ, такое?

Но тутъ Саша не выдержала и залилась самымъ откровеннымъ и дѣтскимъ смѣхомъ; и хоть смѣшного было вовсе немного, но не было возможности, глядя на нее, тоже не засмѣяться.

— Это, папочка, шуточные стихи, — вскричала она, ужасно радуясь своей дѣтской затѣѣ: — это ужъ нарочно такъ, самъ сочинитель сочинилъ, чтобъ всѣмъ смѣшно было, папочка.

— А! Шуточные! — вскричалъ дядя съ просіявшимъ лицомъ: — комическіе, то есть! То-то я смотрю... Именно, именно, шуточные! И пресмѣшно, чрезвычайно смѣшно: на молокѣ всю армію поморилъ, по обѣту какому-то! Очень надо было давать такіе обѣты! Очень остроумно — не правда ль, Ѳома? Это, видите, маменька, такіе комическіе стихи, которые иногда пишутъ сочинители, — не правда ли, Сергѣй, вѣдь пишутъ? Чрезвычайно смѣшно! Ну, ну, Илюша, что жъ дальше?

Девятнадцать человѣкъ!
Ихъ собралъ донъ-Педро Гомецъ
И сказалъ имъ: „Девятнадцать!
Разовьемъ свои знамена,
Въ трубы громкія взыграемъ
И, ударивши въ литавры,
Прочь отъ Памбы мы отступимъ!
Хоть мы крѣпости не взяли,
Но поклясться можемъ смѣло
Передъ совѣстью и честью,
Не нарушили ни разу
Нами даннаго обѣта:
Цѣлыхъ девять лѣтъ не ѣли,
Ничего не ѣли ровно,
Кромѣ только молока!“

— Экой фофанъ! Чѣмъ утѣшается, — прервалъ опять дядя: — что девять лѣтъ молоко пилъ!.. Да какая жъ тутъ добродѣтель? Лучше бы по цѣлому барану ѣлъ, да людей не морилъ! Прекрасно, превосходно! Вижу, вижу теперь: это сатира, или... какъ это тамъ называется, аллегорія, что ль? И, можетъ быть, даже на какого-нибудь иностраннаго полководца, — прибавилъ дядя, обращаясь ко мнѣ, значительно сдвинувъ брови и прищуриваясь: — а? Какъ ты думаешь? Но только, разумѣется, невинная, благородная сатира, никого не обижающая! Прекрасно! Прекрасно! И, главное, благородно! Ну, Илюша, продолжай! Ахъ, вы, шалуньи, шалуньи! — прибавилъ онъ, съ чувствомъ смотря на Сашу и украдкой на Настеньку, которая краснѣла и улыбалась.

Ободренные сей рѣчью,
Девятнадцать кастильянцевъ,
Всѣ качаяся на сѣдлахъ,
Въ голосъ слабо закричали:
„Санкто Яго Компостелло!

Честь и слава дону-Педру!
Честь и слава Льву Кастильи!"
А капланъ его, Діего,
Такъ сказалъ себѣ сквозь зубы:
„Если бъ я былъ полководцемъ,
Я бъ обѣтъ далъ ѣсть лишь мясо,
Запивая сантуринскимъ!"

— Ну, вотъ! Не то же ли я говорилъ? — вскричалъ дядя, чрезвычайно обрадовавшись. — Одинъ только человѣкъ во всей арміи благоразумный нашелся, да и тотъ какой-то капланъ! Это кто жъ такой, Сергѣй: капитанъ ихній, что ли?

— Монахъ, духовная особа, дядюшка.

— Ахъ, да, да! Капланъ, капелланъ? Знаю, помню! Еще въ романахъ Радклифъ читалъ. Тамъ вѣдь у нихъ разные ордена, что ли?.. Бенедектинцы, кажется... Есть бенедектинцы-то?..

— Есть, дядюшка.

— Гм! Я такъ и думалъ. Ну, Илюша, что жъ дальше? Прекрасно, превосходно!

И, услышавъ то, донъ-Педро
Произнесъ со громкимъ смѣхомъ:
„Подарить ему барана;
„Онъ изрядно подшутилъ!..."

— Нашелъ время хохотать! Вотъ дуракъ-то! Самому, наконецъ, смѣшно стало! Барана! Стало быть, были же бараны; чего жъ онъ самъ-то не ѣлъ? Ну, Илюша, дальше! Прекрасно, превосходно! Необыкновенно колко!

— Да ужъ кончено, папочка!

— А! Кончено! Въ самомъ дѣлѣ, чего жъ больше оставалось и дѣлать — не правда ль, Сергѣй? Превосходно, Илюша! Чудо какъ хорошо! Поцѣлуй меня, голубчикъ! Ахъ ты, мой милый! Да кто именно его надоумилъ: ты, Саша?

— Нѣтъ, это Настенька. Намедни мы читали. Она прочла, да и говоритъ: «Какіе смѣшные стихи! Вотъ будетъ Илюша именинникъ: заставимъ его выучить да разсказать. То-то смѣху будетъ!»

— Такъ это Настенька? Ну, благодарю, благодарю, — пробормоталъ дядя, вдругъ весь покраснѣвъ, какъ ребенокъ. — Поцѣлуй меня еще разъ, Илюша! Поцѣлуй меня и ты, шалунья, — сказалъ онъ, обнимая Сашеньку и съ чувствомъ смотря ей въ глаза.

— Вотъ подожди, Сашурка, и ты будешь именинница, — прибавилъ онъ, какъ будто не зная, что и сказать больше отъ удовольствія.

Я обратился къ Настенькѣ и спросилъ ее: чьи стихи?

— Да, да, чьи стихи? — всполошился дядя. — Должно быть, умный поэтъ написалъ, — неправда ль, Ѳома?

— Гм!.. — промычалъ Ѳома подъ носъ.

Во все время чтенія стиховъ ѣдкая, насмѣшливая улыбка не покидала губъ его.

— Я, право, забыла, — отвѣчала Настенька, робко взглядывая на Ѳому Ѳомича.

— Это господинъ Кузьма Прутковъ написалъ, папочка, въ «Современникѣ» напечатано, — выскочила Сашенька.

— Кузьма Прутковъ! Не знаю, — проговорилъ дядя. — Вотъ Пушкина такъ знаю!.. Впрочемъ, видно, что поэтъ съ достоинствами—не правда ль, Сергѣй? И, сверхъ того, благороднѣйшихъ свойствъ человѣкъ — это ясно, какъ два пальца! Даже, можетъ быть, изъ офицеровъ... Хвалю! А превосходный журналъ «Современникъ»! Непремѣнно надо подписаться, коли все такіе поэты участву-

ютъ... Люблю поэтовъ! Славные ребята! Все въ стихахъ изображаютъ! Помнишь, Сергѣй, я видѣлъ у тебя, въ Петербургѣ, одного литератора. Еще какой-то у него носъ особенный... право!.. Что ты сказалъ, Ѳома?

Ѳома Ѳомичъ, котораго разбирало все болѣе и болѣе, громко захихикалъ.

— Нѣтъ, я такъ... ничего-съ... — проговорилъ онъ, какъ бы съ трудомъ удерживаясь отъ смѣха. — Продолжайте, Егоръ Ильичъ, продолжайте! Я послѣ мое слово скажу... Вотъ и Степанъ Алексѣичъ съ удовольствіемъ слушаетъ про знакомства ваши съ петербургскими литераторами...

Степанъ Алексѣевичъ, все время сидѣвшій поодаль, въ задумчивости, вдругъ поднялъ голову, покраснѣлъ и ожесточенно повернулся въ креслѣ.

— Ты, Ѳома, меня не задирай, а въ покоѣ оставь! — сказалъ онъ, гнѣвно смотря на Ѳому своими маленькими, налитыми кровью глазами. — Мнѣ что твоя литература? Дай только Богъ мнѣ здоровья, — пробормоталъ онъ себѣ подъ носъ: — а тамъ хоть бы всѣхъ... и съ сочинителями-то... вольтерьянцы, только и есть!

— Сочинители вольтерьянцы-съ? — проговорилъ Ежевикинъ, немедленно очутившись подлѣ господина Бахчеева. — Совершенную правду изволили изложить, Степанъ Алексѣичъ. Такъ и Валентинъ Игнатьичъ отзываться намедни изволили. Меня самого вольтерьянцемъ обозвали — ей Богу-съ! А вѣдь я, всѣмъ извѣстно, такъ еще мало написалъ-съ... то есть крынка молока у бабы скиснетъ, — все господинъ Вольтеръ виноватъ! Все у насъ такъ-съ.

— Ну, нѣтъ! — замѣтилъ дядя съ важно-

стью: — это вѣдь заблужденіе! Вольтеръ былъ только острый писатель; смѣялся надъ предубѣжденіями; а вольтерьянцемъ никогда не бывалъ! Это все про него враги распустили. За что жъ, въ самомъ дѣлѣ, все на него, бѣдняка? . .

Снова раздалось ядовитое хихиканье Ѳомы Ѳомича. Дядя съ безпокойствомъ посмотрѣлъ на него и примѣтно сконфузился.

— Нѣтъ, я, видишь, Ѳома, все про журналы,— проговорилъ онъ съ смущеніемъ, желая какъ-нибудь поправиться. — Ты, братъ, Ѳома, совершенно былъ правъ, когда, намедни, внушалъ, что надо подписываться. Я и самъ думаю, что надо! . . Гм... что жъ, въ самомъ дѣлѣ, просвѣщеніе распространяютъ! Не то, какой же будешь сынъ отечества, если ужъ на это не подписаться? Не правда ль, Сергѣй? Гм! . . Да! . . Вотъ хоть «Современникъ»... Но знаешь, Сережа, самыя сильныя науки, по-моему, въ томъ толстомъ журналѣ, какъ бишь его? Еще въ желтой оберткѣ . . .

— «Отечественныя Записки», папочка.

— Ну да, «Отечественныя Записки», и превосходное названіе, Сергѣй, — не правда ли? Такъ сказать, все отечество сидитъ да записываетъ . . . Благороднѣйшая цѣль! Преполезный журналъ! И какой толстый! Поди-ка, издай такой дилижансъ! А науки такія, что глаза изо лба чуть не выскочатъ . . . Намедни прихожу — лежитъ книга; взялъ, изъ любопытства, развернулъ, да три страницы разомъ и отмахалъ. Просто, братъ, ротъ разинулъ! И знаешь, обо всемъ толкованіе: что, напримѣръ, значитъ метла, лопата, чумичка, ухватъ? По-моему, метла такъ метла и есть; ухватъ такъ и есть ухватъ! Нѣтъ, братъ, подожди! Ухватъ-то

выходитъ, по-ученому, не ухватъ, а эмблема, или миѳологія, что ли, какая-то, ужъ не помню что, а только что-то такое вышло... Вотъ оно какъ! До всего дошли!

Не знаю, что именно приготовлялся сдѣлать Ѳома послѣ этой новой выходки дяди, но въ эту минуту появился Гаврила и, понуривъ голову, сталъ у порога.

Ѳома Ѳомичъ значительно взглянулъ на него.

— Готово, Гаврила? — спросилъ онъ слабымъ, но рѣшительнымъ голосомъ.

— Готово-съ, — грустно отвѣчалъ Гаврила и вздохнулъ.

— И узелокъ мой положилъ на телѣгу?

— Положилъ-съ.

— Ну, такъ и я готовъ! — сказалъ Ѳома и медленно приподнялся съ кресла. Дядя въ изумленіи смотрѣлъ на него. Генеральша вскочила съ мѣста и съ безпокойствомъ озиралась кругомъ.

— Позвольте мнѣ теперь, полковникъ, — съ достоинствомъ началъ Ѳома: — просить васъ оставить на время интересную тему о литературныхъ ухватахъ; вы можете продолжать ее безъ меня. Я же, *прощаясь съ вами навѣки*, хотѣлъ бы вамъ сказать нѣсколько послѣднихъ словъ...

Испугъ и изумленіе оковали всѣхъ слушателей.

— Ѳома! Ѳома! Да что это съ тобою? Куда ты собираешься? — вскричалъ, наконецъ, дядя.

— Я собираюсь покинуть вашъ домъ, полковникъ, — проговорилъ Ѳома самымъ спокойнымъ голосомъ. — Я рѣшился идти куда глаза глядятъ и потому нанялъ на свои деньги простую, мужичью телѣгу. На ней лежитъ теперь мой узелокъ; онъ не великъ: нѣсколько любимыхъ книгъ, двѣ пере-

мѣны бѣлья — и только! Я бѣденъ, Егоръ Ильичъ, но ни за что на свѣтѣ не возьму теперь вашего золота, отъ котораго я еще и вчера отказался!..

— Но, ради Бога, Ѳома? Что жъ это значитъ? — вскричалъ дядя, поблѣднѣвъ какъ платокъ.

Генеральша взвизгнула и, въ отчаяніи, смотрѣла на Ѳому Ѳомича, протянувъ къ нему руки. Дѣвица Перепелицына бросилась ее поддерживать. Приживалки окаменѣли на своихъ мѣстахъ. Господинъ Бахчеевъ тяжело поднялся со стула.

— Ну, началась исторія! — прошепталъ подлѣ меня Мизинчиковъ.

Въ эту минуту послышались отдаленные раскаты грома: начиналась гроза.

IV.

Изгнаніе.

— Вы, кажется, спрашиваете, полковникъ: «что это значитъ?» — торжественно проговорилъ Ѳома, какъ бы наслаждаясь всеобщимъ смущеніемъ. — Удивляюсь вопросу! Разъясните же мнѣ, съ своей стороны, какимъ образомъ *вы* въ состояніи смотрѣть теперь мнѣ прямо въ глаза? Разъясните мнѣ эту послѣднюю психологическую задачу изъ человѣческаго безстыдства, и тогда я уйду, по крайней мѣрѣ, обогащенный новымъ познаніемъ объ испорченности человѣческаго рода.

Но дядя не въ состояніи былъ отвѣчать: онъ смотрѣлъ на Ѳому испуганный и уничтоженный, раскрывъ ротъ, съ выкатившимися глазами.

— Господи! Какія страсти-съ! — простонала дѣвица Перепелицына.

— Понимаете ли, полковникъ, — продолжалъ Ѳома: — что вы должны отпустить меня теперь, просто и безъ разспросовъ? Въ вашемъ домѣ даже я, человѣкъ пожилой и мыслящій, начинаю уже серьезно опасаться за чистоту моей нравственности. Повѣрьте, что ни къ чему не поведутъ разспросы, кромѣ вашего же посрамленія.

— Ѳома! Ѳома! . . . — вскричалъ дядя, и холодный потъ показался на лбу его.

— И потому позвольте безъ объясненій сказать вамъ только нѣсколько прощальныхъ и напутственныхъ словъ, послѣднихъ словъ моихъ въ вашемъ, Егоръ Ильичъ, домѣ. Дѣло сдѣлано и его не воротишь! Я надѣюсь, что вы понимаете, про какое дѣло я говорю. Но умоляю васъ на колѣняхъ, если въ сердцѣ вашемъ осталась хоть искра нравственности, обуздайте стремленіе страстей своихъ! И если тлетворный ядъ еще не охватилъ всего зданія, то, по возможности, потушите пожаръ!

— Ѳома! Увѣряю тебя, что ты въ заблужденіи! — вскричалъ дядя, мало-по-малу приходя въ себя и съ ужасомъ предчувствуя развязку.

— Умѣрьте страсти, — продолжалъ Ѳома тѣмъ же торжественнымъ тономъ, какъ будто и не слыхавъ восклицаній дяди: — побѣждайте себя. «Если хочешь побѣдить весь міръ — побѣди себя!» Вотъ мое всегдашнее правило. Вы помѣщикъ; вы должны бы сіять какъ брилльянтъ въ своихъ помѣстьяхъ, и какой же гнусный примѣръ необузданности подаете вы здѣсь своимъ низшимъ! Я молился за васъ цѣлыя ночи и трепеталъ, стараясь отыскать ваше счастье. Я не нашелъ его, ибо счастье заключается въ добродѣтели . . .

— Но это невозможно же, Ѳома! — снова прервалъ его дядя: — ты не такъ понялъ и не то совсѣмъ говоришь . . .

— Итакъ, вспомните, что вы помѣщикъ, — продолжалъ Ѳома, опять не слыхавъ восклицанія дяди. — Не думайте, чтобъ отдыхъ и сладострастіе были предназначеніемъ помѣщичьяго званія.

Пагубная мысль! Не отдыхъ, а забота, и забота передъ Богомъ, царемъ и отечествомъ! Трудиться, трудиться обязанъ помѣщикъ, и трудиться, какъ послѣдній изъ крестьянъ его!

— Что жъ, я пахать за мужика, что ли, стану? — проворчалъ Бахчеевъ: — вѣдь и я помѣщикъ...

— Къ вамъ теперь обращаюсь, домашніе, — продолжалъ Ѳома, обращаясь къ Гаврилѣ и Ѳалалею, появившемуся у дверей; — любите господъ вашихъ и исполняйте волю ихъ подобострастно и съ кротостью. За это возлюбятъ васъ и господа ваши. А вы, полковникъ, будьте къ нимъ справедливы и сострадательны. Тотъ же человѣкъ — образъ Божій, такъ сказать, малолѣтній врученный вамъ, какъ дитя, царемъ и отечествомъ. Великъ долгъ, но велика и заслуга ваша!

— Ѳома Ѳомичъ! Голубчикъ! Что ты это задумалъ? — въ отчаяніи прокричала генеральша, готовая упасть въ обморокъ отъ ужаса.

— Ну, довольно, кажется? — заключилъ Ѳома, не обращая вниманія даже и на генеральшу. — Теперь о подробностяхъ; положимъ, онѣ мелки, но необходимы, Егоръ Ильичъ! Въ Харинской пустоши у васъ до сихъ поръ сѣно не скошено. Не опоздайте: скосите и скосите скорѣй. Таковъ совѣтъ мой...

— Но, Ѳома...

— Вы хотѣли — я знаю это, рубить зыряновскій участокъ лѣсу; не рубите — другой совѣтъ мой. Сохраните лѣса, ибо лѣса сохраняютъ влажность на поверхности земли... Жаль, что вы слишкомъ поздно посѣяли яровое: удивительно, какъ поздно сѣяли вы яровое!..

— Но, Ѳома . . .

— Но, однакожъ, довольно! Всего не передашь, да и не время! Я пришлю къ вамъ наставленіе письменное, въ особой тетрадкѣ. Ну, прощайте, прощайте всѣ. Богъ съ вами, и да благословитъ васъ Господь! Благословляю и тебя, дитя мое, — продолжалъ онъ, обращаясь къ Илюшѣ: — и да сохранитъ тебя Богъ отъ тлетворнаго яда будущихъ страстей твоихъ! Благословляю и тебя, Ѳалалей; забудь камаринскаго! . . И васъ, и всѣхъ . . . Помните Ѳому . . . Ну, пойдемъ, Гаврила! Посади меня, старичекъ.

И Ѳома направился къ дверямъ. Генеральша взвизгнула и бросилась за нимъ.

— Нѣтъ, Ѳома! Я не пущу тебя такъ!—вскричалъ дядя и, догнавъ его, схватилъ его за руку.

— Значитъ, вы хотите дѣйствовать насиліемъ? — надменно спросилъ Ѳома.

— Да, Ѳома . . . и насиліемъ! — отвѣчалъ дядя, дрожа отъ волненія. — Ты слишкомъ много сказалъ и долженъ разъяснить! Ты не такъ прочелъ мое письмо, Ѳома! . .

— Ваше письмо! — взвизгнулъ Ѳома, мгновенно воспламенясь, какъ будто именно ждалъ этой минуты для взрыва: — ваше письмо! Вотъ оно, ваше письмо! Вотъ оно! Я рву это письмо, я плюю на это письмо! Я топчу ногами своими ваше письмо и исполняю тѣмъ священнѣйшій долгъ человѣчества! Вотъ что я дѣлаю, если вы силой принуждаете меня къ объясненіямъ! Видите! Видите! Видите...

И клочки бумаги разлетѣлись по комнатѣ.

— Повторяю, Ѳома, ты не понялъ! — кричалъ дядя, блѣднѣя все болѣе и болѣе: — я предлагаю руку, Ѳома, я ищу своего счастья . . .

— Руку! Вы обольстили эту дѣвицу и надуваете меня, предлагая ей руку; ибо я видѣлъ васъ вчера съ ней, ночью, въ саду, подъ кустами!

Генеральша вскрикнула и въ изнеможеніи упала на кресло. Поднялась ужасная суматоха. Бѣдная Настенька сидѣла блѣдная, точно мертвая. Испуганная Сашенька, обхвативъ Илюшу, дрожала, какъ въ лихорадкѣ.

— Ѳома! — вскричалъ дядя въ изступленіи: — Если ты распространишь эту тайну, то ты сдѣлаешь самый подлѣйшій поступокъ въ мірѣ!

— Я распространю эту тайну, — визжалъ Ѳома: — и сдѣлаю наиблагороднѣйшій изъ поступковъ! Я на то посланъ самимъ Богомъ, чтобъ изобличить весь міръ въ его пакостяхъ! Я готовъ взобраться на мужичью соломенную крышу и кричать оттуда о вашемъ гнусномъ поступкѣ всѣмъ окрестнымъ помѣщикамъ и всѣмъ пріѣзжающимъ!.. Да, знайте всѣ, всѣ, что вчера, ночью, я засталъ его съ этой дѣвицей, имѣющей наиневиннѣйшій видъ, въ саду, подъ кустами!..

— Ахъ, какой срамъ-съ! — пропищала дѣвица Перепелицына.

— Ѳома! Не губи себя! — кричалъ дядя, сжимая кулаки и сверкая глазами.

— ... А онъ, — визжалъ Ѳома: — онъ, испугавшись, что я его увидѣлъ, осмѣлился завлекать меня лживымъ письмомъ, меня, честнаго и прямодушнаго, въ потворство своему преступленію — да, преступленію!.. ибо изъ наиневиннѣйшей доселѣ дѣвицы вы сдѣлали...

— Еще одно оскорбительное для нея слово и,— я убью тебя, Ѳома, клянусь тебѣ въ этомъ!..

— Я говорю это слово, ибо изъ наиневиннѣй-

шей доселѣ дѣвицы вы успѣли сдѣлать развратнѣйшую изъ дѣвицъ!

Едва только произнесъ Ѳома послѣднее слово, какъ дядя схватилъ его за плечи, повернулъ, какъ соломинку, и съ силою бросилъ его на стеклянную дверь, ведшую изъ кабинета во дворъ дома. Ударъ былъ такъ силенъ, что притворенныя двери растворились настежь, и Ѳома, слетѣвъ кубаремъ по семи каменнымъ ступенькамъ, растянулся на дворѣ. Разбитыя стекла съ дребезгомъ разлетѣлись по ступенямъ крыльца.

— Гаврила, подбери его!—вскричалъ дядя, блѣдный какъ мертвецъ:—посади на телѣгу, и чтобъ черезъ двѣ минуты духу его не было въ Степанчиковѣ!

Что бы ни замышлялъ Ѳома Ѳомичъ, но ужъ вѣрно не ожидалъ подобной развязки.

Не берусь описывать то, что было въ первыя минуты послѣ такого пассажа. Раздирающій душу вопль генеральши, покатившейся въ креслѣ; столбнякъ дѣвицы Перепелицыной передъ неожиданнымъ поступкомъ до сихъ поръ всегда покорнаго дяди; ахи и охи приживалокъ; испуганная до обморока Настенька, около которой увивался отецъ; обезумѣвшая отъ страха Сашенька; дядя, въ невыразимомъ волненіи шагавшій по комнатѣ и дожидавшійся, когда очнется мать; наконецъ, громкій плачъ Ѳалалея, оплакивавшаго господъ своихъ, — все это составляло картину неизобразимую. Прибавлю еще, что въ эту минуту разразилась сильная гроза; удары грома слышались чаще и чаще, и крупный дождь застучалъ въ окна.

— Вотъ-те и праздничекъ! — пробормоталъ господинъ Бахчеевъ, нагнувъ голову и растопыривъ руки.

— Дѣло худо! — шепнулъ я ему, тоже внѣ себя отъ волненія: — но, по крайней мѣрѣ, прогнали Ѳомича и ужъ не воротятъ.

— Маменька! Опомнились ли вы? Легче ли вамъ? Можете ли вы, наконецъ, меня выслушать? — спросилъ дядя, остановясь передъ кресломъ старухи.

Та подняла голову, сложила руки и съ умоляющимъ видомъ смотрѣла на сына, котораго еще никогда въ жизни не видала въ такомъ гнѣвѣ.

— Маменька! — продолжалъ онъ: — чаша переполнена, вы сами видѣли. Не такъ хотѣлъ я изложить это дѣло, но часъ пробилъ, и откладывать нечего! Вы слышали клевету, выслушайте же и оправданіе. Маменька, я люблю эту благороднѣйшую и возвышеннѣйшую дѣвицу, люблю давно и не разлюблю никогда. Она осчастливила дѣтей моихъ и будетъ для васъ самой почтительной дочерью, и потому теперь, при васъ, въ присутствіи родныхъ и друзей моихъ, я торжественно повергаю мою просьбу къ стопамъ ея и умоляю ее сдѣлать мнѣ безконечную честь, согласившись быть моею женою.

Настенька вздрогнула, потомъ вся вспыхнула и вскочила съ кресла. Генеральша нѣкоторое время смотрѣла на сына, какъ будто не понимая, что такое онъ ей говоритъ, и вдругъ съ пронзительнымъ воплемъ бросилась передъ нимъ на колѣни.

— Егорушка, голубчикъ ты мой, вороти Ѳому Ѳомича! — закричала она: — сейчасъ вороти! Не то я къ вечеру же помру безъ него!

Дядя остолбенѣлъ, видя старуху-мать, своевольную и капризную, передъ собой на колѣняхъ. Болѣзненное ощущеніе отразилось въ лицѣ его;

наконецъ, опомнившись, бросился онъ подымать ее и усаживать опять въ кресло.

— Вороти Ѳому Ѳомича, Егорушка! — продолжала вопить старуха: — вороти его, голубчикъ! Жить безъ него не могу!

— Маменька! — горестно вскричалъ дядя, — или вы ничего не слыхали изъ того, что я вамъ сейчасъ говорилъ? Я не могу воротить Ѳому — поймите это! Не могу и не въ правѣ послѣ его низкой и подлѣйшей клеветы на этого ангела чести и добродѣтели. Понимаете ли вы, маменька, что я обязанъ, что честь моя повелѣваетъ мнѣ теперь возстановить добродѣтель! Вы слышали: я ищу руки этой дѣвицы и умоляю васъ, чтобъ вы благословили союзъ нашъ.

Генеральша опять сорвалась съ своего мѣста и бросилась на колѣни передъ Настенькой.

— Матушка моя! Родная ты моя! — завизжала она: — не выходи за него замужъ! Не выходи за него, а упроси его, матушка, чтобъ воротилъ Ѳому Ѳомича! Голубушка ты моя, Настасья Евграфовна! Все тебѣ отдамъ, всѣмъ тебѣ пожертвую, коли за него не выйдешь. Я еще не все, старуха, прожила, у меня еще остались крохи послѣ моего покойничка. Все твое, матушка, всѣмъ тебя одарю, да и Егорушка тебя одаритъ, только не клади меня живую во гробъ, упроси Ѳому Ѳомича воротить!..

И долго бы еще выла и завиралась старуха, если бъ Перепелицына и всѣ приживалки съ визгами и стенаніями не бросились ее подымать, негодуя, что она на колѣняхъ передъ нанятой гувернанткой. Настенька едва устояла на мѣстѣ отъ испуга, а Перепелицына даже заплакала отъ злости.

— Смертью уморите вы маменьку-съ, — кричала она дядѣ: — смертью уморятъ-съ! А вамъ, Настасья Евграфовна, не слѣдовало бы ссорить маменьку-съ съ ихнимъ сыномъ-съ; это и Господь Богъ запрещаетъ-съ . . .

— Анна Ниловна, удержите языкъ! — вскричалъ дядя. — Я довольно терпѣлъ! . .

— Да и я довольно отъ васъ натерпѣлась. Что вы сиротствомъ моимъ меня попрекаете-съ? Долго ли обидѣть сироту? Я еще не ваша раба-съ! Я сама подполковничья дочь-съ! Ноги моей не будетъ-съ въ вашемъ домѣ, не будетъ-съ . . . сегодня же-съ! . .

Но дядя не слушалъ: онъ подошелъ къ Настенькѣ и съ благоговѣніемъ взялъ ее за руку.

— Настасья Евграфовна! Вы слышали мое предложеніе? — проговорилъ онъ, смотря на нее съ тоскою, почти съ отчаяніемъ.

— Нѣтъ, Егоръ Ильичъ, нѣтъ! Ужъ оставимъ лучше, — отвѣчала Настенька, въ свою очередь совершенно упавъ духомъ. — Это все пустое, — продолжала она, сжимая его руки и заливаясь слезами. — Это вы послѣ вчерашняго такъ . . . но не можетъ этого быть, вы сами видите. Мы ошиблись, Егоръ Ильичъ . . . А я о васъ всегда буду помнить, какъ о моемъ благодѣтелѣ и . . . и вѣчно, вѣчно, буду молиться за васъ! . .

Тутъ слезы прервали ея голосъ. Бѣдный дядя, очевидно, предчувствовалъ этотъ отвѣтъ; онъ даже и не думалъ возражать, настаивать . . . Онъ слушалъ, наклоняясь къ ней, все еще держа ее за руку, безмолвный и убитый. Слезы показались въ глазахъ его.

— Я еще вчера сказала вамъ, — продолжала

Настя, — что не могу быть вашею женою. Вы видите: меня не хотятъ у васъ... а я все это давно, ужъ заранѣе, предчувствовала; маменька ваша не дастъ намъ благословленія... *другіе* тоже. Вы сами хоть и не раскаетесь потомъ, потому что вы великодушнѣйшій человѣкъ, но все-таки будете несчастны изъ-за меня... съ вашимъ добрымъ характеромъ...

— Именно съ *добрымъ характеромъ-съ!* Именно *добренькіе-съ!* Такъ, Настенька, такъ! — поддакнулъ старикъ-отецъ, стоявшій по другую сторону кресла: — именно, вотъ это-то вотъ словечко и надо было упомянуть-съ.

— Я не хочу чрезъ себя раздоръ поселять въ вашемъ домѣ, — продолжала Настенька. — А обо мнѣ не безпокойтесь, Егоръ Ильичъ: меня никто не тронетъ, никто не обидитъ... я пойду къ папенькѣ... сегодня же... Лучше ужъ простимся, Егоръ Ильичъ...

И бѣдная Настенька опять залилась слезами.

— Настасья Евграфовна! Неужели это послѣднее ваше слово? — проговорилъ дядя, смотря на нее съ невыразимымъ отчаяніемъ. — Скажите одно только слово — и я жертвую вамъ всѣмъ!..

— Послѣднее, послѣднее, Егоръ Ильичъ-съ, — подхватилъ опять Ежевикинъ:—и она вамъ такъ хорошо это все объяснила, что я даже, признаться, и не ожидалъ-съ. Наидобрѣйшій вы человѣкъ, Егоръ Ильичъ, именно наидобрѣйшій-съ и чести намъ много изволили оказать-съ! Много чести, много чести-съ!.. А все-таки мы вамъ не пара, Егоръ Ильичъ. — Вамъ нужно такую невѣсту, Егоръ Ильичъ-съ, чтобы была и богатая, и знатная-съ, и раскрасавица-съ, и съ голосомъ тоже

была бы-съ, и чтобъ вся въ брильянтахъ, да въ страусовыхъ перьяхъ по комнатамъ вашимъ ходила-съ... Тогда и Ѳома Ѳомичъ, можетъ, уступочку сдѣлаютъ-съ... и благословятъ-съ! А Ѳому-то Ѳомича вы воротите-съ! Напрасно, напрасно изволили его такъ изобидѣть-съ! Онъ вѣдь изъ добродѣтели, отъ излишняго жару-съ такъ наговорилъ-съ... Сами будете потомъ говорить-съ, что изъ добродѣтели — увидите-съ! Наидостойнѣйшій человѣкъ-съ. А вотъ теперь перемокнетъ-съ. Ужъ лучше бы теперь воротить-съ... потому что вѣдь придется же воротить-съ...

— Вороти! Вороти его!—закричала генеральша:—онъ, голубчикъ мой, правду тебѣ говоритъ!..

— Да-съ, — продолжалъ Ежевикинъ: — вотъ и родительница ваша убиваться изволятъ — понапрасну-съ... Воротите-ка-съ! А мы ужъ съ Настей, тѣмъ временемъ, и въ походъ-съ...

— Подожди, Евграфъ Ларіонычъ! — вскричалъ дядя: — умоляю! Еще одно слово будетъ, Евграфъ, одно только слово...

Сказавъ это, онъ отошелъ, сѣлъ въ углу, въ кресло, склонилъ голову и закрылъ руками глаза, какъ будто что-то обдумывая.

Въ эту минуту страшный ударъ грома разразился чуть не надъ самымъ домомъ. Все зданіе потряслось. Генеральша закричала, Перепелицына тоже, приживалки крестились, оглупѣвъ отъ страха, а вмѣстѣ съ ними и господинъ Бахчеевъ.

— Батюшка, Илья пророкъ! — прошептали пять или шесть голосовъ, всѣ вмѣстѣ, разомъ.

Вслѣдъ за громомъ пролился такой страшный ливень, что, казалось, цѣлое озеро опрокинулось вдругъ надъ Степанчиковымъ.

— А Ѳома-то Ѳомичъ, что съ нимъ теперь въ полѣ-то будетъ-съ? — пропищала дѣвица Перепелицына.

— Егорушка, вороти его! — вскричала отчаяннымъ голосомъ генеральша и, какъ безумная, бросилась къ дверямъ. Ее удержали приживалки; онѣ окружили ее, утѣшали, хныкали, визжали. Содомъ былъ ужаснѣйшій!

— Въ одномъ сюртукѣ пошли-съ; хоть бы шинельку-то взяли съ собой-съ! — продолжала Перепелицына. — Зонтика тоже не взяли-съ. Убьетъ ихъ теперь молоньей-то-съ!..

— Непремѣнно убьетъ! — подхватилъ Бахчеевъ: — да еще и дождемъ потомъ смочитъ.

— Хоть бы вы молчали! — прошепталъ я ему.

— Да вѣдь онъ человѣкъ, али нѣтъ? — гнѣвно отвѣчалъ мнѣ Бахчеевъ. — Вѣдь не собака. Небось, самъ-то не выйдешь на улицу. Ну-тка, поди, покупайся, для плезиру.

Предчувствуя развязку и опасаясь за нее, я подошелъ къ дядѣ, который какъ будто оцѣпенѣлъ въ своемъ креслѣ.

— Дядюшка, — сказалъ я, наклоняясь къ его уху: — неужели вы согласитесь воротить Ѳому Ѳомича? Поймите, что это будетъ верхъ неприличія, по крайней мѣрѣ, покамѣстъ здѣсь Настасья Евграфовна.

— Другъ мой, — отвѣчалъ дядя, поднявъ голову и съ рѣшительнымъ видомъ смотря мнѣ въ глаза: — я судилъ себя въ эту минуту и теперь знаю, что долженъ дѣлать. Не безпокойся, обиды Настѣ не будетъ — я такъ устрою...

Онъ всталъ со стула и подошелъ къ матери.

— Маменька! — сказалъ онъ, — успокойтесь;

я ворочу Ѳому Ѳомича, я догоню его; онъ не могъ еще далеко отъѣхать. Но, клянусь, онъ воротится только на единственномъ условіи, здѣсь, публично, въ кругу всѣхъ свидѣтелей оскорбленія, онъ долженъ будетъ сознаться въ винѣ своей и торжественно просить прощенія у этой благороднѣйшей дѣвицы. Я достигну этого! Я его заставлю! Иначе онъ не перейдетъ черезъ порогъ этого дома! Клянусь вамъ тоже, маменька, торжественно: если онъ согласится на это самъ, добровольно, то я готовъ буду броситься къ ногамъ его и отдамъ ему все, все, что могу отдать, не обижая дѣтей моихъ! Самъ же я, съ сего же дня, отъ всего отстраняюсь. Закатилась звѣзда моего счастья! Я оставлю Степанчиково. Живите здѣсь всѣ покойно и счастливо. Я же ѣду въ полкъ — и въ буряхъ брани, на полѣ битвы, проведу отчаянную судьбу мою . . . Довольно! Ѣду!

Въ эту минуту отворилась дверь, и Гаврила, весь измокшій, весь въ грязи, до невозможности, предсталъ передъ смятенною публикой.

— Что съ тобой? Откуда? Гдѣ Ѳома? — вскричалъ дядя, бросаясь къ Гаврилѣ!

За нимъ бросились всѣ и съ жаднымъ любопытствомъ окружили старика, съ котораго грязная вода буквально стекала ручьями. Визги, ахи, крики сопровождали каждое слово Гаврилы.

— У березника оставилъ, версты полторы отсюдова, — началъ онъ плачевнымъ голосомъ. — Лошадь молоныи испужалась и въ канаву бросилась.

— Ну . . . — вскричалъ дядя.

— Телѣга перевалилась . . .

— Ну . . . а Ѳома?

— Въ канаву упали-съ.

— Да ну же, разсказывай, истязатель!

— Бокъ отшибли-съ и заплакали-съ. Я лошадь выпрягъ, да верхомъ и прибылъ сюда доложить-съ.

— А Ѳома-то тамъ остался?

— Всталъ и пошелъ себѣ дальше съ палочкой, — заключилъ Гаврила, потомъ вздохнулъ и понурилъ голову.

Слезы и рыданія дамскаго пола были неизобразимы.

— Полкана! — закричалъ дядя и бросился вонъ изъ комнаты. Полкана подали: дядя вскочилъ на него, неосѣдланнаго, и чрезъ минуту топотъ лошадиныхъ копытъ возвѣстилъ намъ о начавшейся погонѣ за Ѳомой Ѳомичемъ. Дядя ускакалъ даже безъ фуражки.

Дамы побросались къ окнамъ. Среди аховъ и стоновъ слышались и совѣты. Толковали о немедленной теплой ваннѣ, объ растираніи Ѳомы Ѳомича спиртомъ, о грудномъ чаѣ, о томъ, что Ѳома Ѳомичъ «крошечки хлѣбца-съ съ утра въ ротъ не брали-съ и что они теперь натощакъ-съ». Дѣвица Перепелицына нашла забытые имъ очки, въ футлярѣ, и находка произвела необыкновенный эффектъ; генеральша бросилась на нихъ съ воплями и слезами и, не выпуская ихъ изъ рукъ, снова припала къ окну смотрѣть на дорогу. Ожиданіе дошло, наконецъ, до самой послѣдней степени напряженія... Въ другомъ углу Сашенька утѣшала Настю; онѣ обнялись и плакали. Настенька держала за руку Илюшу и поминутно цѣловала его, прощаясь со своимъ ученикомъ. Илюша плакалъ навзрыдъ, еще самъ не зная чему. Ежевикинъ и Ми-

зинчиковъ толковали о чемъ-то въ сторонѣ. Мнѣ показалось, что Бахчеевъ, сморя на дѣвицъ, какъ будто тоже приготовлялся захныкать. Я подошелъ къ нему.

— Нѣтъ, батюшка, — сказалъ онъ мнѣ: — Ѳома-то Ѳомичъ, пожалуй бы и удалился отсюда, да время еще тому не пришло: золоторогихъ быковъ еще подъ экипажъ ему не достали! Не безпокойтесь, батюшка, хозяевъ изъ дому выживетъ и самъ останется!

Гроза прошла, и господинъ Бахчеевъ, видимо, измѣнилъ свои убѣжденія.

Вдругъ раздалось: «Везутъ! Везутъ!» и дамы съ визгомъ побросались къ дверямъ. Не прошло еще десяти минутъ послѣ отъѣзда дяди: казалось, невозможно бы такъ скоро привезти Ѳому Ѳомича; но загадка объяснилась потомъ очень просто: Ѳома Ѳомичъ, отпустивъ Гаврилу, дѣйствительно «пошелъ себѣ съ палочкой»; но, почувствовавъ себя въ совершенномъ уединеніи, среди бури, грома и ливня, препостыдно струсилъ, поворотилъ въ Степанчиково и побѣжалъ вслѣдъ за Гаврилой. Дядя захватилъ его уже на селѣ. Тотчасъ же остановили одну проѣзжавшую мимо телѣгу; сбѣжались мужики и посадили въ нее присмирѣвшаго Ѳому Ѳомича. Такъ и доставили его прямо въ отверстыя объятія генеральши, которая чуть не обезумѣла отъ ужаса, увидя въ какомъ онъ положеніи. Онъ былъ еще грязнѣе и мокрѣе Гаврилы. Суета поднялась ужаснѣйшая: хотѣли тотчасъ же тащить его наверхъ, чтобъ перемѣнить бѣлье; кричали о бузинѣ и о другихъ крѣпительныхъ средствахъ, метались во всѣ стороны безъ всякаго толка; говорили всѣ заразъ... Но Ѳома какъ будто не

замѣчалъ никого и ничего. Его ввели подъ руки. Добравшись до своего кресла, онъ тяжело опустился въ него и закрылъ глаза. Кто-то закричалъ, что онъ умираетъ: поднялся ужаснѣйшій вой; но болѣе всѣхъ ревѣлъ Ѳалалей, стараясь пробиться сквозь толпу барынь къ Ѳомѣ Ѳомичу, чтобъ немедленно поцѣловать у него ручку . . .

V.

Ѳома Ѳомичъ созидаетъ всеобщее счастье.

— Куда это меня привели? — проговорилъ, наконецъ, Ѳома голосомъ умирающаго за правду человѣка.

— Проклятая размазня! — прошепталъ подлѣ меня Мизинчиковъ, — точно не видитъ, куда его привели. Вотъ ломаться-то теперь будетъ!

— Ты у насъ, Ѳома, ты въ кругу своихъ! — вскричалъ дядя, — ободрись, успокойся! И, право, перемѣнилъ бы ты теперь костюмъ, Ѳома, а то заболѣешь . . . Да не хочешь ли подкрѣпиться — а? Такъ, этакъ . . . рюмочку маленькую чего-нибудь, чтобъ согрѣться . . .

— Малаги бы я выпилъ теперь, — простоналъ Ѳома, снова закрывая глаза.

— Малаги? Наврядъ ли у насъ есть! — сказалъ дядя, съ безпокойствомъ смотря на Прасковью Ильиничну.

— Какъ не быть! — подхватила Прасковья Ильинична:—цѣлыя четыре бутылки остались,—и тотчасъ же, гремя ключами, побѣжала за малагой, напутствуемая криками всѣхъ дамъ, облѣпившихъ

Ѳому, какъ мухи варенье. Зато господинъ Бахчеевъ былъ въ самой послѣдней степени негодованія.

— Малаги захотѣлъ! — проворчалъ онъ, чуть не вслухъ. — И вина-то такого спросилъ, что никто не пьетъ! Ну, кто теперь пьетъ малагу, кромѣ такого же, какъ онъ, подлеца? Тьфу, вы, проклятые! Ну, я-то чего тутъ стою? Чего я-то тутъ жду?

— Ѳома, — началъ дядя, сбиваясь на каждомъ словѣ, — вотъ теперь... когда ты отдохнулъ и опять вмѣстѣ съ нами... то есть, я хотѣлъ сказать, Ѳома, что понимаю, какъ давеча, обвинивъ, такъ сказать, невиннѣйшее созданіе...

— Гдѣ, гдѣ она, моя невинность? — подхватилъ Ѳома, каъ будто былъ въ жару и въ бреду: — гдѣ золотые дни мои? Гдѣ ты, мое золотое дѣтство, когда я, невинный и прекрасный, бѣгалъ по полямъ за весенней бабочкой? Гдѣ, гдѣ это время? Воротите мою невинность, воротите ее!..

И Ѳома, растопыривъ руки, обращался ко всѣмъ поочередно, какъ будто невинность его была у кого-нибудь изъ насъ въ карманѣ. Бахчеевъ готовъ былъ лопнуть отъ гнѣва.

— Экъ чего захотѣлъ! — проворчалъ онъ съ яростью. — Подайте ему его невиность! Цѣловаться, что ли, онъ съ ней хочетъ? Можетъ, и мальчишкой-то былъ ужъ такимъ же разбойникомъ, какъ и теперь! Присягну, что былъ.

— Ѳома!.. — началъ было опять дядя.

— Гдѣ, гдѣ они, тѣ дни, когда я еще вѣровалъ въ любовь и любилъ человѣка? — кричалъ Ѳома; — когда я обнимался съ человѣкомъ и плакалъ на груди его? А теперь — гдѣ я? Гдѣ я?

— Ты у насъ, Ѳома, успокойся! — крикнулъ дядя: — а я вотъ что хотѣлъ тебѣ сказать Ѳома...

— Хоть бы вы-то ужъ теперь помолчали-съ, — прошипѣла Перепелицына, злобно сверкнувъ своими змѣиными глазками.

— Гдѣ я? — продолжалъ Ѳома, — кто кругомъ меня? Это буйволы и быки, устремившіе на меня рога свои. Жизнь, что же ты такое? Живи, живи, будь обезчещенъ, опозоренъ, умаленъ, избитъ, и когда засыплютъ пескомъ твою могилу, тогда только опомнятся люди, и бѣдныя кости твои раздавятъ монументомъ!

— Батюшки, о монументахъ заговорилъ! — прошепталъ Ежевикинъ, сплеснувъ руками.

— О, не ставьте мнѣ монумента! — кричалъ Ѳома, — не ставьте мнѣ его! Не надо мнѣ монументовъ! Въ сердцахъ своихъ воздвигните мнѣ монументъ, а болѣе ничего не надо, не надо, не надо!

— Ѳома! — прервалъ дядя, — полно! Успокойся! Нечего говорить о монументахъ. Ты только выслушай... Видишь, Ѳома, я понимаю, что ты, можетъ быть, такъ сказать, горѣлъ благороднымъ огнемъ, упрекая меня давеча; но ты увлекся, Ѳома, за черту добродѣтели — увѣряю тебя, ты ошибся, Ѳома...

— Да перестанете ли вы-съ? — запищала опять Перепелицына, — убить, что ли, вы несчастнаго человѣка хотите-съ, потому что они въ вашихъ рукахъ-съ?..

Вслѣдъ за Перепелицыной встрепенулась и генеральша, а за ней и вся ея свита; всѣ замахали на дядю руками, чтобъ онъ остановился.

— Анна Ниловна, молчите вы сами, а я знаю,

что говорю! — съ твердостью отвѣчалъ дядя. — Это дѣло святое! Дѣло чести и справедливости. — Ѳома! Ты разсудителенъ, ты долженъ сей же часъ испросить прощеніе у благороднѣйшей дѣвицы, которую ты оскорбилъ.

— У какой дѣвицы? Какую дѣвицу я оскорбилъ? — проговорилъ Ѳома, въ недоумѣніи обводя всѣхъ глазами, какъ будто совершенно забывъ происшедшее и не понимая о чемъ идетъ дѣло.

— Да, Ѳома, и если ты теперь самъ, своей волей, благородно сознаешься въ винѣ своей, то, клянусь тебѣ, Ѳома, я паду къ ногамъ твоимъ, и тогда . . .

— Кого же это я оскорбилъ? — вопилъ Ѳома, — какую дѣвицу? Гдѣ она? Гдѣ эта дѣвица? Напомните мнѣ хоть что-нибудь объ этой дѣвицѣ! . .

Въ эту минуту Настенька, смущенная и испуганная, подошла къ Егору Ильичу и дернула его за рукавъ.

— Нѣтъ, Егоръ Ильичъ, оставьте его, не надо извиненій! Къ чему это все? — говорила она умоляющимъ голосомъ. — Бросьте это! . . .

— А! Теперь я припоминаю! — вскричалъ Ѳома. — Боже! Я припоминаю! О, помогите, помогите мнѣ припоминать! — просилъ онъ, повидимому, въ ужасномъ волненіи. — Скажите, правда ли, что меня изгнали отсюда, какъ шелудивѣйшую изъ собакъ? Правда ли, что молнія поразила меня? Правда ли, что меня вышвырнули отсюда съ крыльца? Правда ли? Правда ли это?

Плачъ и вопли дамскаго пола были краснорѣчивѣйшимъ отвѣтомъ Ѳомѣ Ѳомичу.

— Такъ, такъ, — твердилъ онъ, — я припоми-

наю... я припоминаю теперь, что послѣ молніи и паденія моего я бѣжалъ сюда, преслѣдуемый громомъ, чтобъ исполнить свой долгъ и исчезнуть навѣки! Приподымите меня! Какъ ни слабъ я теперь, но я долженъ исполнить свою обязанность.

Его тотчасъ приподняли съ кресла. Ѳома сталъ въ положеніе оратора и протянулъ свою руку.

— Полковникъ! — вскричалъ онъ, — теперь я очнулся совсѣмъ, громъ еще не убилъ во мнѣ умственныхъ способностей; осталась, правда, глухота въ правомъ ухѣ, происшедшая, можетъ быть, не столько отъ грома, сколько отъ паденія съ крыльца... Но что до этого! И какое кому дѣло до праваго уха Ѳомы!

Послѣднимъ словамъ своимъ Ѳома придалъ столько печальной ироніи и сопровождалъ ихъ такою жалобною улыбкою, что стоны тронутыхъ дамъ раздались снова. Всѣ онѣ съ укоромъ, а иныя съ яростью смотрѣли на дядю, уже начинавшаго понемногу уничтожаться передъ такимъ согласнымъ выраженіемъ всеобщаго мнѣнія. Мизинчиковъ плюнулъ и отошелъ къ окну. Бахчеевъ все сильнѣе и сильнѣе подталкивалъ меня локтемъ; онъ едва стоялъ на мѣстѣ.

— Теперь слушайте же мою исповѣдь! — возопилъ Ѳома, обводя всѣхъ гордымъ и рѣшительнымъ взглядомъ, — а вмѣстѣ съ тѣмъ и рѣшите судьбу несчастнаго Опискина. Егоръ Ильичъ! Давно уже я наблюдалъ за вами, наблюдалъ съ замираніемъ моего сердца и видѣлъ все, тогда какъ вы еще и не подозрѣвали, что я наблюдаю за вами. Полковникъ! Я, можетъ быть, ошибался; но я зналъ вашъ эгоизмъ, ваше неограниченное самолюбіе, ваше феноменальное сластолюбіе, и кто обвинитъ меня, что

я поневолѣ затрепеталъ о чести наиневиннѣйшихъ изъ особъ?

— Ѳома, Ѳома!.. ты, впрочемъ, не очень распространяйся, Ѳома! — вскричалъ дядя, съ безпокойствомъ смотря на страдальческое выраженіе въ лицѣ Настеньки.

— Не столько невинность и довѣрчивость этой особы, сколько ея неопытность смущала меня, — продолжалъ Ѳома, какъ будто и не слыхавъ предостереженія дяди. — Я видѣлъ, что нѣжное чувство расцвѣтаетъ въ ея сердцѣ, какъ вешняя роза, и невольно припоминалъ Петрарку, сказавшаго, что «невинность такъ часто бываетъ на волоскѣ отъ погибели». Я вздыхалъ, стоналъ и хотя за эту дѣвицу, чистую, какъ жемчужина, я готовъ былъ отдать всю кровь мою на поруки, но кто могъ мнѣ поручиться за васъ, Егоръ Ильичъ? Зная необузданное стремленіе страстей вашихъ; зная, что вы всѣмъ готовы пожертвовать для минутнаго ихъ удовлетворенія, я вдругъ погрузился въ бездну ужаса и опасеній насчетъ судьбы наиблагороднѣйшей изъ дѣвицъ...

— Ѳома! Неужели ты могъ это подумать? — вскричалъ дядя.

— Съ замираніемъ моего сердца я слѣдилъ за вами. Если хотите узнать о томъ, какъ я страдалъ, спросите у Шекспира: онъ разскажетъ вамъ въ своемъ «Гамлетѣ» о состояніи души моей. Я сдѣлался мнителенъ и ужасенъ. Въ безпокойствѣ моемъ, въ негодованіи моемъ, я видѣлъ все въ черномъ цвѣтѣ, и это былъ не тотъ «черный цвѣтъ», о которомъ поется въ извѣстномъ романсѣ, — будьте увѣрены! Оттого-то и видѣли вы мое тогдашнее желаніе удалить ее изъ этого дома: я хо-

тѣлъ спасти ее; оттого-то и видѣли вы меня во все послѣднее время раздражительнымъ и злобствующимъ на весь родъ человѣческій. О! кто примиритъ меня теперь съ человѣчествомъ? Чувствую, что я, можетъ быть, былъ взыскателенъ и несправедливъ къ гостямъ вашимъ, къ племяннику вашему, къ господину Бахчееву, требуя отъ него астрономіи; но кто обвинитъ меня за тогдашнее состояніе души моей? Ссылаясь опять на Шекспира, скажу, что будущность представлялась мнѣ, какъ мрачный омутъ невѣдомой глубины, на днѣ котораго лежалъ крокодилъ. Я чувствовалъ, что моя обязанность предупредить несчастье, что я поставленъ для этого, — и что же? Вы не поняли наиблагороднѣйшихъ побужденій души моей и платили мнѣ во все время злобой, неблагодарностью, насмѣшками, униженіями . . .

— Ѳома! Если такъ . . . конечно, я чувствую . .. — вскричалъ дядя въ чрезвычайномъ волненіи.

— Если вы, дѣйствительно, чувствуете, полковникъ, то благоволите дослушать, а не прерывать меня. Продолжаю: вся вина моя, слѣдственно, состояла въ томъ, что я слишкомъ убивался о судьбѣ и счастьѣ этого дитяти: ибо она еще дитя передъ вами. Высочайшая любовь къ человѣчеству сдѣлала меня въ это время какимъ-то бѣсомъ гнѣва и мнительности. Я готовъ былъ кидаться на людей и терзать ихъ. И знаете ли, Егоръ Ильичъ, что всѣ поступки ваши, какъ нарочно, поминутно подтверждали мою мнительность и удостовѣряли меня во всѣхъ подозрѣніяхъ моихъ? Знаете ли, что вчера, когда вы осыпали меня своимъ золотомъ, чтобъ удалить меня отъ себя, я подумалъ: «онъ уда-

ляетъ отъ себя, въ лицѣ моемъ, свою совѣсть, чтобъ удобнѣе совершить преступленіе» . . .

— Ѳома, Ѳома! Неужели ты это думалъ вчера? — съ ужасомъ вскричалъ дядя. — Господи Боже, а я-то ничего не подозрѣвалъ!

— Само небо внушало мнѣ эти подозрѣнія, — продолжалъ Ѳома. — И рѣшите сами, что могъ я подумать, когда слѣпой случай привелъ меня въ тотъ вечеръ къ роковой скамейкѣ въ саду, что почувствовалъ я въ эту минуту — о, Боже! — увидѣвъ, наконецъ, собственными своими глазами, что всѣ подозрѣнія мои оправдались вдругъ, самымъ блистательнымъ образомъ? Но мнѣ еще оставалась одна надежда, слабая, конечно, но все же надежда — и что же? Сегодня утромъ вы разрушаете ее сами въ прахъ и въ обломки! Вы присылаете мнѣ письмо ваше; вы выставляете намѣреніе жениться; умоляете не разглашать . . . «Но почему же», подумалъ я, «почему же онъ написалъ именно теперь, когда уже я засталъ его, а не прежде? Почему же прежде онъ не прибѣжалъ ко мнѣ, счастливый и прекрасный — ибо любовь украшаетъ лицо — почему не бросился онъ тогда въ мои объятія, не заплакалъ на груди моей слезами безпредѣльнаго счастья и не повѣдалъ мнѣ всего, всего?» Или я крокодилъ, который бы только сожралъ васъ, а не далъ бы вамъ полезнаго совѣта? Или я какой-нибудь отвратительный жукъ, который бы только укусилъ васъ, а не способствовалъ вашему счастью? «Другъ ли я его, или самое гнуснѣйшее изъ насѣкомыхъ?» — вотъ вопросъ, который я задалъ себѣ нынче утромъ! «Для чего, наконецъ», думалъ я, «для чего же выписалъ онъ изъ столицы своего племянника и сваталъ его къ этой дѣвицѣ, какъ не для

того, чтобъ обмануть насъ и *легкомысленнаго* племянника, а, между тѣмъ, втайнѣ продолжалъ преступнѣйшее изъ намѣреній? Нѣтъ, полковникъ, если кто утвердилъ во мнѣ мысль, что взаимная любовь ваша преступна, то это вы сами, и одни только вы! Мало того, вы преступникъ и передъ этой дѣвицей, ибо ее, чистую и благонравную, черезъ вашу неловкость и эгоистическую недовѣрчивость, вы подвергли клеветѣ и тяжкимъ подозрѣніямъ!

Дядя молчалъ, склонивъ голову: краснорѣчіе Ѳомы видимо одержало верхъ надъ всѣми его возраженіями, и онъ уже сознавалъ себя полнымъ преступникомъ. Генеральша и ея общество молча и съ благоговѣніемъ слушали Ѳому, а Перепелицына съ злобнымъ торжествомъ смотрѣла на бѣдную Настеньку.

— Пораженный, раздраженный, убитый, — продолжалъ Ѳома, — я заперся сегодня на ключъ и молился, да внушитъ мнѣ Богъ правыя мысли! Наконецъ, положилъ я: въ послѣдній разъ и публично испытать васъ. Я, можетъ быть, слишкомъ горячо принялся, можетъ быть, слишкомъ предался моему негодованію; но за благороднѣйшія побужденія мои вы вышвырнули меня изъ окошка! Падая изъ окошка, я думалъ про себя: «вотъ такъ-то всегда на свѣтѣ вознаграждается добродѣтель!» Тутъ я ударился оземь и затѣмъ едва помню, что дальше со мною случилось.

Визги и стоны прервали Ѳому Ѳомича на этомъ трагическомъ воспоминаніи. Генеральша бросилась было къ нему, съ бутылкой малаги въ рукахъ, которую она только что передъ этимъ вырвала изъ рукъ воротившейся Прасковьи Ильиничны, но Ѳома величественно отвелъ рукой и малагу, и генеральшу.

— Остановитесь! — вскричалъ онъ, — мнѣ надо кончить. Что случилось послѣ моего паденія — не знаю. Знаю только одно, что теперь, мокрый и готовый схватить лихорадку, я стою здѣсь, чтобъ составить ваше обоюдное счастье. Полковникъ! По многимъ признакамъ, которыхъ я не хочу теперь объяснять, я увѣрился, наконецъ, что любовь ваша была чиста и даже возвышенна, хотя, вмѣстѣ съ тѣмъ, и преступно недовѣрчива. Избитый, униженный, подозрѣваемый въ оскорбленіи дѣвицы, за честь которой я, какъ рыцарь среднихъ вѣковъ, готовъ былъ пролить до капли всю кровь мою, — я рѣшаюсь теперь показать вамъ, какъ мститъ за свои обиды Ѳома Опискинъ. Протяните мнѣ вашу руку, полковникъ!

— Съ удовольствіемъ, Ѳома, — вскричалъ дядя. — И такъ какъ ты вполнѣ объяснился теперь о чести благороднѣйшей особы, то . . . разумѣется . . . вотъ тебѣ рука моя, Ѳома, вмѣстѣ съ моимъ раскаяніемъ . . .

И дядя съ жаромъ подалъ руку, не подозрѣвая еще, что изъ этого выйдетъ.

— Дайте и вы мнѣ вашу руку, — продолжалъ Ѳома слабымъ голосомъ, раздвигая дамскую сбившуюся около него толпу и обращаясь къ Настенькѣ.

Настенька смутилась, смѣшалась и робко смотрѣла на Ѳому.

— Подойдите, подойдите, милое мое дитя! Это необходимо для вашего счастья, — ласково прибавилъ Ѳома, все еще продолжая держать руку дяди въ своихъ рукахъ.

— Что это онъ затѣваетъ? — проговорилъ Мизинчиковъ.

Настя, испуганная и дрожащая, медленно подошла къ Ѳомѣ и робко протянула ему свою ручку. Ѳома взялъ эту ручку и положилъ ее въ руку дяди.

— Соединяю и благословляю васъ, — произнесъ онъ самымъ торжественнымъ голосомъ, — и если благословеніе убитаго горемъ страдальца можетъ послужить вамъ въ пользу, то будьте счастливы. Вотъ, какъ мститъ Ѳома Опискинъ! Урра!

Всеобщее изумленіе было безпредѣльно. Развязка была такъ неожиданна, что на всѣхъ нашелъ какой-то столбнякъ. Генеральша, какъ была, такъ и осталась съ разинутымъ ртомъ и съ бутылкой малаги въ рукахъ. Перепелицына поблѣднѣла и затряслась отъ ярости. Приживалки всплеснули руками и окаменѣли на своихъ мѣстахъ. Дядя задрожалъ и хотѣлъ что-то проговорить, но не могъ. Настя поблѣднѣла, какъ мертвая, и робко проговорила, что «это нельзя» . . . — но уже было поздно. Бахчеевъ первый — надо отдать ему справедливость — подхватилъ ура Ѳомы Ѳомича, за нимъ я, за мною во весь свой звонкій голосокъ Сашенька, тутъ же бросившаяся обнимать отца; потомъ Илюша, потомъ Ежевикинъ; послѣ всѣхъ ужъ Мизинчиковъ.

— Ура! — крикнулъ другой разъ Ѳома, — урра! И на колѣни дѣти моего сердца, на колѣни передъ нѣжнѣйшею изъ матерей! Просите ея благословенія и, если надо, я самъ преклоню передъ нею колѣни, вмѣстѣ съ вами . . .

Дядя и Настя, еще не взглянувъ другъ на друга, испуганные и, кажется, не понимавшіе, что съ ними дѣлается, упали на колѣни передъ генеральшей; всѣ столпились около нихъ; но старуха стояла какъ

будто ошеломленная, совершенно не понимая, какъ ей поступить. Ѳома помогъ и этому обстоятельству: онъ самъ повергся передъ своей покровительницей. Это разомъ уничтожило всѣ ея недоумѣнія. Заливаясь слезами, она проговорила, наконецъ, что согласна. Дядя вскочилъ и стиснулъ Ѳому въ объятіяхъ.

— Ѳома, Ѳома!.. — проговорилъ онъ, но голосъ его осѣкся, и онъ не могъ продолжать.

— Шампанскаго! — заревѣлъ Степанъ Алексѣевичъ. — Урра!

— Нѣтъ-съ, не шампанскаго-съ, — подхватила Перепелицына, которая уже успѣла опомниться и сообразить всѣ обстоятельства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и послѣдствія; — а свѣчку Богу зажечь-съ, образу помолиться, да образомъ и благословить-съ, какъ всѣми набожными людьми исполняется-съ...

Тотчасъ всѣ бросились исполнять благоразумный совѣтъ; поднялась ужасная суетня. Надо было засвѣтить свѣчку. Степанъ Алексѣевичъ подставилъ стулъ и полѣзъ приставлять свѣчу къ образу, но тотчасъ же подломилъ стулъ и тяжело соскочилъ на полъ, удержавшись, впрочемъ, на ногахъ. Нисколько не разсердившись, онъ тутъ же съ почтеніемъ уступилъ мѣсто Перепелицыной. Тоненькая Перепелицына мигомъ обдѣлала дѣло: свѣча зажглась. Монашенка и приживалки начали креститься и класть земные поклоны. Сняли образъ Спасителя и поднесли генеральшѣ. Дядя и Настя снова встали на колѣни, и церемонія совершилась при набожныхъ наставленіяхъ Перепелицыной, поминутно приговаривавшей: «въ ножки-то поклонитесь, къ образу-то приложитесь, руку-то у мамаши поцѣлуйте-съ!» Послѣ жениха и невѣсты къ образу по-

челъ себя обязаннымъ приложиться и господинъ Бахчеевъ, при чемъ тоже поцѣловалъ у матушки-генеральши ручку. Онъ былъ въ восторгѣ неописанномъ.

— Урра! — закричалъ онъ снова. — Вотъ теперь такъ ужъ выпьемъ шампанскаго!

Впрочемъ, и всѣ были въ восторгѣ. Генеральша плакала, но теперь ужъ слезами радости: союзъ, блнгословленный Ѳомою, тотчасъ же сдѣлался въ глазахъ ея и приличнымъ, и священнымъ, — а, главное, она чувствовала, что Ѳома Ѳомичъ отличился и что теперь ужъ останется съ нею навѣки вѣковъ. Всѣ приживалки, по крайней мѣрѣ съ виду, раздѣляли всеобщій восторгъ. Дядя — то становился передъ матерью на колѣни и цѣловалъ ея руки, то бросался обнимать меня, Бахчеева, Мизинчикова и Ежевикина. Илюшу онъ чуть было не задушилъ въ своихъ объятіяхъ. Саша бросилась обнимать и цѣловать Настеньку. Прасковья Ильинична обливалась слезами. Господинъ Бахчеевъ, замѣтивъ это, подошелъ къ ней, — къ ручкѣ. Старикашка Ежевикинъ расчувствовался и плакалъ въ углу, обтирая глаза своимъ клѣтчатымъ, вчерашнимъ платкомъ. Въ другомъ углу хныкалъ Гаврила и съ благоговѣніемъ смотрѣлъ на Ѳому Ѳомича, а Ѳалалей рыдалъ во весь голосъ, подходилъ ко всѣмъ и тоже цѣловалъ у всѣхъ руки. Всѣ были подавлены чувствомъ. Никто еще не начиналъ говорить, никто не объяснялся; казалось, все уже было сказано; раздавались только радостныя восклицанія. Никто не понималъ еще, какъ это все вдругъ такъ скоро устроилось. Знали только одно, что все это сдѣлалъ Ѳома Ѳомичъ, и что это фактъ насущный и непреложный.

Но еще и пяти минутъ не прошло послѣ всеобщаго счастья, какъ вдругъ между нами явилась Татьяна Ивановна. Какимъ образомъ, какимъ чутьемъ могла она такъ скоро, сидя у себя наверху, узнать про любовь и про свадьбу? Она впорхнула съ сіяющимъ лицомъ, со слезами радости на глазахъ, въ обольстительно изящномъ туалетѣ (наверху она-таки успѣла переодѣться) и прямо, съ громкими криками, бросилась обнимать Настеньку.

— Настенька, Настенька! Ты любила его, а я и не знала, — вскричала она. — Боже! Они любили другъ друга, они страдали въ тишинѣ, втайнѣ! Ихъ преслѣдовали! Какой романъ! Настя, голубчикъ мой, скажи мнѣ всю правду: неужели ты въ самомъ дѣлѣ любишь этого безумца?

Вмѣсто отвѣта, Настя обняла ее и поцѣловала.

— Боже, какой очаровательный романъ! — и Татьяна Ивановна захлопала въ ладоши. — Слушай, Настя, слушай, ангелъ мой: всѣ эти мужчины, всѣ до единаго — неблагодарные изверги и не стоятъ нашей любви. Но, можетъ быть, онъ лучшій изъ нихъ. Подойди ко мнѣ, безумецъ! — вскричала она, обращаясь къ дядѣ и хватая его за руку, — неужели ты влюбленъ? Неужели ты способенъ любить? Смотри на меня: я хочу посмотрѣть тебѣ въ глаза; я хочу видѣть, лгутъ ли эти глаза, или нѣтъ? Нѣтъ, нѣтъ, они не лгутъ: въ нихъ сіяетъ любовь. О, какъ я счастлива! Настенька, другъ мой, послушай, ты небогата: я подарю тебѣ тридцать тысячъ. Возьми, ради Бога! Мнѣ не надо, не надо; мнѣ еще много останется. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! — закричала она и замахала руками, увидя, что Настя хочетъ отказываться. — Молчите и вы, Егоръ Ильичъ, это не ваше дѣло. Нѣтъ, На-

стя, я ужъ такъ положила — тебѣ подарить; я давно хотѣла тебѣ подарить, и только дожидалась первой любви твоей... Я буду смотрѣть на ваше счастье. Ты обидишь меня, если не возьмешь; я буду плакать, Настя... Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ!

Татьяна Ивановна была въ такомъ восторгѣ, что, въ эту минуту по крайней мѣрѣ, невозможно, даже жаль было ей возражать. На это и не рѣшились, а отложили до другого времени. Она бросилась цѣловать генеральшу, Перепелицыну — всѣхъ насъ. Бахчеевъ почтительнѣйшимъ образомъ протѣснился къ ней и попросилъ и у ней ручку.

— Матушка ты моя! Голубушка ты моя! Прости ты меня, дурака, за давешнее: не зналъ я твоего золотого сердечка!

— Безумецъ! Я давно тебя знаю, — съ восторженною игривостью пролепетала Татьяна Ивановна, ударила Степана Алексѣевича по носу перчаткой и порхнула отъ него, какъ зефиръ, задѣвъ его своимъ пышнымъ платьемъ. Толстякъ почтительно посторонился.

— Достойнѣйшая дѣвица! — проговорилъ онъ съ умиленіемъ. — А носъ-то нѣмцу вѣдь подклеили! — шепнулъ онъ мнѣ конфиденціально, радостно смотря мнѣ въ глаза.

— Какой носъ? Какому нѣмцу? — спросилъ я въ удивленіи.

— А вотъ, выписному-то, что ручку-то у своей нѣмки цѣлуетъ, а та слезы платкомъ вытираетъ. Евдокимъ у меня починилъ вчера еще; а давеча, какъ воротилась съ погони, я и послалъ верхового... Скоро привезутъ. Превосходная вещь!

— Ѳома! — вскричалъ дядя, въ изступленномъ

восторгѣ, — ты виновникъ нашего счастья! Чѣмъ могу я воздать тебѣ?

— Ничѣмъ, полковникъ, — отвѣчалъ Ѳома съ постной миной. — *Продолжайте не обращать на меня вниманія* и будьте счастливы безъ Ѳомы.

Онъ былъ, очевидно, пикированъ: среди всеобщихъ изліяній о немъ какъ будто и забыли.

— Это все отъ восторга, Ѳома! — вскричалъ дядя. — Я, братъ, ужъ и не помню, гдѣ и стою. Слушай, Ѳома: я обидѣлъ тебя. Всей жизни моей, всей крови моей не достанетъ, чтобъ удовлетворить твою обиду, и потому я молчу, даже не извиняюсь. Но если когда-нибудь тебѣ понадобится моя голова, моя жизнь, если надо будетъ броситься за тебя въ разверзтую бездну, то повелѣвай и увидишь . . . Я больше ничего не скажу, Ѳома.

И дядя махнулъ рукой, вполнѣ сознавая невозможность прибавить что-нибудь еще, что̀ бъ сильнѣе могло выразить его мысль. Онъ только глядѣлъ на Ѳому благодарными, полными слезъ глазами.

— Вотъ они какіе ангелы-съ! — пропищала, въ свою очередь, въ похвалу Ѳомѣ, дѣвица Перепелицына.

— Да, да! — подхватила Сашенька, — я и не знала, что вы такой хорошій человѣкъ, Ѳома Ѳомичъ, и была къ вамъ непочтительна. А вы простите меня, Ѳома Ѳомичъ, и ужъ будьте увѣрены, что я буду васъ всѣмъ сердцемъ любить. Если бъ вы знали, какъ я теперь васъ почитаю!

— Да, Ѳома! — подхватилъ Бахчеевъ, — прости ты и меня, дурака! Не зналъ я тебя, не зналъ! Ты, Ѳома Ѳомичъ, не только ученый, но и — просто герой! Весь домъ мой къ твоимъ услугамъ.

А лучше всего, пріѣзжай-ка, братъ, ко мнѣ послѣзавтра, да ужъ и съ матушкой-генеральшей, да ужъ и съ женихомъ и невѣстой, — да чего тутъ! Всѣмъ домомъ ко мнѣ! То есть, вотъ какъ пообѣдаемъ, — заранѣе не похвалюсь, а одно скажу: только птичьяго молока для васъ не достану! Великое слово даю!

Среди этихъ изліяній подошла къ Ѳомѣ Ѳомичу и Настенька и безъ дальнихъ словъ, крѣпко обняла его и поцѣловала.

— Ѳома Ѳомичъ! — сказала она, — вы нашъ благодѣтель, вы столько для насъ сдѣлали, что я и не знаю, чѣмъ вамъ заплатить за все это, а только знаю, что буду для васъ самой нѣжной, самой почтительной сестрой . . .

Она не могла договорить: слезы заглушили слова ея. Ѳома поцѣловалъ ее въ голову и прослезился.

— Дѣти мои, дѣти моего сердца! — сказалъ онъ. — Живите, цвѣтите и, въ минуты счастья, вспоминайте когда-нибудь про бѣднаго изгнанника! Про себя же скажу, что несчастье есть, можетъ быть, мать добродѣтели. Это сказалъ, кажется, Гоголь, писатель легкомысленный, но у котораго бываютъ иногда зернистыя мысли. Изгнаніе есть несчастье! Скитальцемъ пойду я теперь по землѣ съ моимъ посохомъ, и кто знаетъ? Можетъ быть, черезъ несчастья мои я стану еще добродѣтельнѣе! Эта мысль — единственное оставшееся мнѣ утѣшеніе!

— Но . . . куда же ты уйдешь, Ѳома? — въ испугѣ вскричалъ дядя. Всѣ вздрогнули и устремились къ Ѳомѣ.

— Но развѣ я могу оставаться въ вашемъ до-

мѣ послѣ давешняго вашего поступка, полковникъ? — спросилъ Ѳома съ необыкновеннымъ достоинствомъ.

Но ему не дали говорить: общіе крики заглушили слова его. Его усадили въ кресло, его упрашивали, его оплакивали и ужъ не знаю, что еще съ нимъ дѣлали. Конечно, и въ мысляхъ его не было выйти изъ «этого дома», такъ же, какъ и давеча не было, какъ не было и вчера, какъ не было и тогда, когда онъ копалъ въ огородѣ. Онъ зналъ, что теперь его набожно остановятъ, уцѣпятся за него, особенно когда онъ всѣхъ осчастливилъ, когда всѣ въ него снова увѣровали, когда всѣ готовы были носить его на рукахъ и почитать это за честь и за счастье. Но, вѣроятно, давешнее, малодушное его возвращеніе, когда онъ испугался грозы, нѣсколько щекотало его амбицію и подстрекало его еще какъ-нибудь погеройствовать; а главное — предстоялъ такой соблазнъ поломаться; можно было такъ хорошо поговорить, расписать, размазать, расхвалить самого себя, что не было никакой возможности противиться искушенію. Онъ и не противился; онъ вырвался отъ непускавшихъ его; онъ требовалъ своего посоха, молилъ, чтобы отдали ему его свободу, чтобъ отпустили его на всѣ четыре стороны; что онъ въ «этомъ домѣ» былъ обезчещенъ, избитъ, что онъ воротился для того, чтобъ составить всеобщее счастье; что можетъ ли онъ, наконецъ, оставаться въ «домѣ неблагодарности и ѣсть щи, хотя и сытныя, но приправленныя побоями?» Наконецъ, онъ пересталъ вырываться. Его снова усадили въ кресло; но краснорѣчіе его не прерывалось.

— Развѣ не обижали меня здѣсь? — кричалъ

онъ, — развѣ не дразнили меня языкомъ? Развѣ вы, вы сами, полковникъ, подобно невѣжественнымъ дѣтямъ мѣщанъ на городскихъ улицахъ, не показывали мнѣ ежечасно шиши и кукиши? Да, полковникъ! Я стою за это сравненіе потому, что если вы и не показывали мнѣ ихъ физически, то все равно, это были нравственные кукиши, въ иныхъ случаяхъ даже обиднѣе физическихъ. Я уже и не говорю о побояхъ . . .

— Ѳома, Ѳома! — вскричалъ дядя, — не убивай меня этимъ воспоминаніемъ. Я ужъ говорилъ тебѣ, что всей крови моей недостаточно, чтобъ омыть эту обиду. Будь же великодушенъ! Забудь, прости и останься созерцать наше счастье! Твои плоды, Ѳома . . .

— . . . Я хочу любить, любить человѣка, — кричалъ Ѳома, — а мнѣ не даютъ человѣка, запрещаютъ любить, отнимаютъ у меня человѣка! Дайте, дайте мнѣ человѣка, чтобъ я могъ любить его! Гдѣ этотъ человѣкъ? Куда спрятался этотъ человѣкъ? Какъ Діогенъ съ фонаремъ, ищу я его всю жизнь и не могу найти, и не могу никого любить, доколѣ не найду этого человѣка. Горе тому, кто сдѣлалъ меня человѣконенавистникомъ! Я кричу: дайте мнѣ человѣка, чтобъ я могъ любить его, а мнѣ суютъ Ѳалалея! Ѳалалея ли я полюблю? Захочу ли я полюбить Ѳалалея? Могу ли я, наконецъ, любить Ѳалалея, если бъ даже хотѣлъ? Нѣтъ; почему нѣтъ? Потому что онъ Ѳалалей. Почему я не люблю человѣчества? Потому что все, что ни есть на свѣтѣ — Ѳалалей, или похоже на Ѳалалея. Я не хочу Ѳалалея, я ненавижу Ѳалалея, я плюю на Ѳалалея, я раздавлю Ѳалалея, и, если бъ надо было выбирать, то я полюблю скорѣе Асмодея, чѣмъ Ѳа-

лалея! Поди, поди сюда, мой всегдашній истязатель, поди сюда! — закричалъ онъ, вдругъ обратившись къ Ѳалалею, самымъ невиннѣйшимъ образомъ выглядывавшему на цыпочкахъ изъ-за толпы, окружавшей Ѳому Ѳомича, — поди сюда! Я докажу вамъ, полковникъ, — закричалъ Ѳома, притягивая къ себѣ рукой Ѳалалея, обезпамятѣвшаго отъ страха, — я докажу вамъ справедливость словъ моихъ о всегдашнихъ насмѣшкахъ и кукишахъ! Скажи, Ѳалалей, и скажи правду; что видѣлъ ты во снѣ сегодняшнюю ночь? Вотъ, увидите, полковникъ, увидите ваши плоды! Ну, Ѳалалей, говори!

Бѣдный мальчикъ, дрожавшій отъ страха, обводилъ кругомъ отчаянный взглядъ, ища хоть въ комъ-нибудь своего спасенія; но всѣ только трепетали и съ ужасомъ ждали его отвѣта.

— Ну же, Ѳалалей, я жду!

Вмѣсто отвѣта Ѳалалей сморщилъ лицо растянулъ свой ротъ и заревѣлъ, какъ теленокъ.

— Полковникъ! Видите ли это упорство? Неужели оно натуральное? Въ послѣдній разъ обращаюсь къ тебѣ, Ѳалалей, скажи: какой сонъ ты видѣлъ сегодня?

— Про . . .

— Скажи, что меня видѣлъ, — подсказалъ Бахчеевъ.

— Про ваши добродѣтели-съ! — подсказалъ на другое ухо Ежевикинъ.

Ѳалалей только оглядывался.

— Про . . . про ваши доб . . . про бѣлаго быка! — промычалъ онъ, наконецъ, и залился горючими слезами.

Всѣ ахнули. Но Ѳома Ѳомичъ былъ въ припадкѣ необыкновеннаго великодушія.

— По крайней мѣрѣ, я вижу твою искренность, Ѳалалей, — сказалъ онъ, — искренность, которой не замѣчаю въ другихъ. Богъ съ тобою! Если ты нарочно дразнишь меня этимъ сномъ, по навѣту другихъ, то Богъ воздастъ и тебѣ, и другимъ. Если же нѣтъ, то уважаю твою искренность, ибо даже въ послѣднемъ изъ созданій, какъ ты, я привыкъ различать образъ и подобіе Божіе... Я прощаю тебя, Ѳалалей! Дѣти мои, обнимите меня, я остаюсь!..

«Остается!» вскричали всѣ съ восторгомъ.

— Остаюсь и прощаю. Полковникъ, наградите Ѳалалея сахаромъ: пусть не плачетъ онъ въ такой день всеобщаго счастья.

Разумѣется, такое великодушіе нашли изумительнымъ. *Такъ* заботиться, въ *такую* минуту и — о комъ же? О Ѳалалеѣ! Дядя бросился исполнять приказаніе о сахарѣ. Тотчасъ же — Богъ знаетъ откуда — въ рукахъ Прасковьи Ильиничны явилась серебряная сахарница. Дядя вынулъ было дрожавшею рукою два куска, потомъ три, потомъ уронилъ ихъ, наконецъ, видя, что ничего не въ состояніи сдѣлать отъ волненія.

— Э! — вскричалъ онъ, — ужъ для такого дня! Держи, Ѳалалей! — и высыпалъ ему за пазуху всю сахарницу.

— Это тебѣ за искренность, — прибавилъ онъ въ видѣ нравоученія.

— Господинъ Коровкинъ, — доложилъ вдругъ появившійся въ дверяхъ Видоплясовъ.

Произошла маленькая суета. Посѣщеніе Коровкина было, очевидно, некстати. Всѣ вопросительно посмотрѣли на дядю.

— Коровкинъ! — вскричалъ дядя въ нѣкоторомъ замѣшательствѣ. — Конечно, я радъ... —

прибавилъ онъ, робко взглядывая на Ѳому, — но, ужъ, право, не знаю, просить ли его теперь, — въ такую минуту. Какъ ты думаешь, Ѳома?

— Ничего, ничего! — благосклонно проговорилъ Ѳома, — пригласите и Коровкина; пусть и онъ участвуетъ во всеобщемъ счастьѣ.

Словомъ, Ѳома Ѳомичъ былъ въ ангельскомъ расположеніи духа.

— Почтительнѣйше осмѣлюсь доложить-съ, — замѣтилъ Видоплясовъ, — что Коровкинъ изволятъ находиться не въ своемъ видѣ-съ.

— Не въ своемъ видѣ? Какъ? Что ты врешь?— вскричалъ дядя.

— Точно такъ-съ: не въ трезвомъ состояніи души-съ . . .

Но прежде чѣмъ дядя успѣлъ раскрыть ротъ, покраснѣть, испугаться и сконфузиться до послѣдней степени, послѣдовало и разрѣшеніе загадки. Въ дверяхъ появился самъ Коровкинъ, отвелъ рукой Видоплясова и предсталъ предъ изумленною публикой. Это былъ невысокій, но плотный господинъ, лѣтъ сорока, съ темными волосами и съ просѣдью, выстриженный подъ гребенку, съ багровымъ, круглымъ лицомъ, съ маленькими, налитыми кровью глазами, въ высокомъ волосяномъ галстукѣ, застегнутомъ сзади пряжкой, во фракѣ, необыкновенно истасканномъ, въ пуху и въ сѣнѣ, и сильно лопнувшемъ подмышкой, въ pantalon impossible и при фуражкѣ, засаленной до невѣроятности, которую онъ держалъ на отлетѣ. Этотъ господинъ былъ совершенно пьянъ. Выйдя на середину комнаты, онъ остановился, покачиваясь и тюкая впередъ носомъ, въ пьяномъ раздумьѣ; потомъ медленно во весь ротъ улыбнулся.

— Извините, господа, — проговорилъ онъ, — я . . . того . . . (тутъ онъ щелкнулъ по воротнику) получилъ! — Генеральша немедленно приняла видъ оскорбленнаго достоинства. Ѳома, сидя въ креслѣ, иронически обмѣривалъ взглядомъ эксцентрическаго гостя. Бахчеевъ смотрѣлъ на него съ недоумѣніемъ, сквозь которое проглядывало, однако, нѣкоторое сочувствіе. Смущеніе же дяди было невѣроятное; онъ всею душею страдалъ за Коровкина.

— Коровкинъ! — началъ было онъ, — послушайте!

— Атанде-съ, — прервалъ Коровкинъ. — Рекомендуюсь: дитя природы . . . Но, что я вижу? Здѣсь дамы . . . А зачѣмъ же ты не сказалъ мнѣ, подлецъ, что у тебя здѣсь дамы? — прибавилъ онъ, съ плутовскою улыбкою смотря на дядю, — ничего! Не робѣй! . . Представимся и прекрасному полу . . . Прелестныя дамы! — началъ онъ, съ трудомъ ворочая языкъ и завязая на каждомъ словѣ; — вы видите несчастнаго, который . . . ну, да ужъ и такъ далѣе . . . Остальное не договаривается . . . Музыканты! Польку!

— А не хотите ли заснуть? — спросилъ Мизинчиковъ, спокойно подходя къ Коровкину.

— Заснуть! Да вы съ оскорбленіемъ говорите?

— Нисколько. Знаете, съ дороги полезно . . .

— Никогда! — съ негодованіемъ отвѣчалъ Коровкинъ. — Ты думаешь, я пьянъ? — нимало . . . А, впрочемъ, гдѣ у васъ спятъ?

— Пойдемте, я васъ сейчасъ проведу.

— Куда? Въ сарай? Нѣтъ, братъ, не надуешь! Я ужъ тамъ ночевалъ . . . А, впрочемъ, веди . . . Съ хорошимъ человѣкомъ отчего не пойти? . . Подушки не надо; военному человѣку не

надо подушки. А ты мнѣ, братъ, диванчикъ сочини... Да слушай, — прибавилъ онъ, останавливаясь, — ты, я вижу, малый теплый; сочини-ка ты мнѣ того... понимаешь? Ромео, такъ только, чтобъ муху задавить... единственно, чтобъ муху задавить, одну, то есть, рюмочку.

— Хорошо, хорошо! — отвѣчалъ Мизинчиковъ.

— Хорошо... Да ты постой, вѣдь надо жъ проститься. Adieu, mesdames и mesdemoiselles!.. Вы, такъ сказать, пронзили... Ну, да ужъ нечего! Послѣ объяснимся... а только разбудите меня, какъ начнется... или даже за пять минутъ до начала... а безъ меня не начинайте! Слышите? Не начинать!..

И веселый господинъ скрылся за Мизинчиковымъ.

Всѣ молчали. Недоумѣніе еще продолжалось. Наконецъ, Ѳома началъ понемногу, молча и неслышно, хихикать; смѣхъ его разростался все болѣе и болѣе въ хохотъ. Видя это, повеселѣла и генеральша, хотя все еще выраженіе оскорбленнаго достоинства сохранялось въ лицѣ ея. Невольный смѣхъ начиналъ подыматься со всѣхъ сторонъ. Дядя стоялъ, какъ ошеломленный, краснѣя до слезъ и нѣкоторое время не въ состояніи вымолвить слова.

— Господи Боже! — проговорилъ онъ, наконецъ, — кто жъ это зналъ? Но вѣдь... вѣдь это со всякимъ же можетъ случиться. Ѳома, увѣряю тебя, что это честнѣйшій, благороднѣйшій и даже чрезвычайно начитанный человѣкъ, Ѳома... вотъ ты увидишь!..

— Вижу-съ, вижу-съ, — отвѣчалъ Ѳома, зады-

хаясь отъ смѣха, — необыкновенно начитанный, именно начитанный!

— Про желѣзныя дороги какъ говоритъ-съ! — замѣтилъ вполголоса Ежевикинъ.

— Ѳома!.. — вскричалъ было дядя, но всеобщій хохотъ покрылъ слова его. Ѳома Ѳомичъ такъ и заливался. Видя это, разсмѣялся и дядя.

— Ну, да что тутъ! — сказалъ онъ съ увлеченіемъ. — Ты великодушенъ, Ѳома, у тебя великое сердце: ты составилъ мое счастье... ты же простишь и Коровкину.

Не смѣялась одна только Настенька. Полными любовью глазами смотрѣла она на жениха своего и какъ будто хотѣла вымолвить:

«Какой ты, однакожъ, прекрасный, какой добрый, какой благороднѣйшій человѣкъ, и какъ я люблю тебя!»

VI.

Заключеніе.

Торжество Ѳомы было полное и непоколебимое. Дѣйствительно, безъ него ничего бы не устроилось, и совершившійся фактъ подавлялъ всѣ сомнѣнія и возраженія. Благодарность осчастливленныхъ была безгранична. Дядя и Настенька такъ и замахали на меня руками, когда я попробовалъ было слегка намекнуть, какимъ процессомъ получилось согласіе Ѳомы на ихъ свадьбу. Сашенька кричала: «добрый, добрый Ѳома Ѳомичъ; я ему подушку гарусомъ вышью!» и даже пристыдила меня за мое жестокосердіе. Новообращенный Степанъ Алексѣичъ, кажется, задушилъ бы меня, если бъ мнѣ вздумалось сказать при немъ что-нибудь непочтительно про Ѳому Ѳомича. Онъ теперь ходилъ за Ѳомой какъ собачка, смотрѣлъ на него съ благоговѣніемъ и къ каждому слову его прибавлялъ: «благороднѣйшій ты человѣкъ, Ѳома! Ученый ты человѣкъ, Ѳома!» Что жъ касается Ежевикина, то онъ былъ въ самой послѣдней степени восторга. Старикашка давнымъ-давно видѣлъ, что Настенька вскружила голову Егору Ильичу, и съ тѣхъ поръ наяву и во снѣ только и грезилъ о томъ, какъ бы выдать за него свою дочку. Онъ тянулъ дѣло до по-

слѣдней возможности и отказался уже тогда, когда невозможно было не отказаться. Ѳома перестроилъ дѣло. Разумѣется, старикъ, несмотря на свой восторгъ, понималъ Ѳому Ѳомича насквозь; словомъ, было ясно, что Ѳома Ѳомичъ воцарился въ этомъ домѣ навѣки и что тиранству его теперь уже не будетъ конца. Извѣстно, что самые непріятнѣйшіе, самые капризнѣйшіе люди, хоть на время да укрощаются, когда удовлетворятъ ихъ желаніямъ. Ѳома Ѳомичъ, совершенно напротивъ, какъ-то еще больше глупѣлъ при удачахъ и задиралъ носъ все выше и выше. Передъ самымъ обѣдомъ, перемѣнивъ бѣлье и переодѣвшись, онъ усѣлся въ креслѣ, позвалъ дядю и, въ присутствіи всего семейства, сталъ читать ему новую проповѣдь.

— Полковникъ! — началъ онъ, — вы вступите въ законный бракъ. Понимаете ли вы ту обязанность . . .

И такъ далѣе, и такъ далѣе; представьте себѣ десять страницъ, формата «Journal des Débats», самой мелкой печати, наполненныхъ самымъ дикимъ вздоромъ, въ которомъ не было ровно ничего объ обязанностяхъ, а были только самыя безстыдныя похвалы уму, кротости, великодушію, мужеству и безкорыстью его самого, Ѳомы Ѳомича. Всѣ были голодны; всѣмъ хотѣлось обѣдать; но, несмотря на то, никто не смѣлъ противорѣчить и всѣ съ благоговѣніемъ дослушали всю дичь до конца; даже Бахчеевъ, при всемъ своемъ мучительномъ аппетитѣ, просидѣлъ, не шелохнувшись, въ самой полной почтительности. Удовлетворившись собственнымъ краснорѣчіемъ, Ѳома Ѳомичъ, наконецъ, развеселился и даже довольно сильно подпилъ за обѣдомъ, провозглашая самые необыкновенные тосты. Онъ

принялся острить и подшучивать, разумѣется, насчетъ молодыхъ. Всѣ хохотали и апплодировали. Но нѣкоторыя изъ шутокъ были до такой степени сальны и недвусмысленны, что даже Бахчеевъ сконфузился. Наконецъ, Настенька вскочила изъ-за стола и убѣжала. Это привело Ѳому Ѳомича въ неописанный восторгъ; но онъ тотчасъ же нашелся: въ краткихъ, но сильныхъ словахъ изобразилъ онъ достоинства Настеньки и провозгласилъ тостъ за здоровье отсутствующей. Дядя, за минуту сконфуженный и страдавшій, готовъ былъ теперь обнимать Ѳому Ѳомича. Вообще, женихъ и невѣста, какъ будто стыдились другъ друга и своего счастья, — и я замѣтилъ: съ самаго благословенія еще они не сказали межъ собой ни слова, даже какъ будто избѣгали глядѣть другъ на друга. Когда встали изъ-за стола, дядя вдругъ исчезъ неизвѣстно куда. Отыскивая его, я забрелъ на террасу. Тамъ, сидя въ креслѣ, за кофеемъ, ораторствовалъ Ѳома, сильно подкураженный. Около него были только Ежевикинъ, Бахчеевъ и Мизинчиковъ. Я остановился послушать.

— Почему, — кричалъ Ѳома, — почему я готовъ сейчасъ же идти на костеръ за мои убѣжденія? А почему изъ васъ никто не въ состояніи пойти на костеръ? Почему, почему?

— Да вѣдь это ужъ и лишнее будетъ, Ѳома Ѳомичъ, на костеръ-то-съ! — трунилъ Ежевикинъ.— Ну, что̀ толку? Во-первыхъ, и больно-съ, а во-вторыхъ, сожгутъ — что̀ останется?

— Что̀ останется? Благородный пепелъ останется. Но гдѣ тебѣ понять, гдѣ тебѣ оцѣнить меня! Для васъ не существуетъ великихъ людей, кромѣ какихъ-то тамъ Цезарей да Александровъ Ма-

кедонскихъ! А что сдѣлали твои Цезари? Кого осчастливили? Что сдѣлалъ твой хваленый Александръ Македонскій? Всю землю-то завоевалъ? Да ты дай мнѣ такую же фалангу, такъ и я завоюю, и ты завоюешь, и онъ завоюетъ... Зато онъ убилъ добродѣтельнаго Клита, а я не убилъ добродѣтельнаго Клита... Мальчишка! Прохвостъ! Розогъ бы дать ему, а не прославлять во всемірной исторіи... да ужъ вмѣстѣ и Цезарю!

— Цезаря-то хоть пощадите, Ѳома Ѳомичъ!

— Не пощажу дурака! — кричалъ Ѳома.

— И не щади! — съ жаромъ подхватилъ Степанъ Алексѣевичъ, тоже подпившій, — нечего ихъ щадить; всѣ они прыгуны, всѣ только бы на одной ножкѣ повертѣться! Колбасники! Вотъ одинъ, давеча, стипендію какую-то хотѣлъ учредить. А что такое стипендія? Чертъ ее и знаетъ, что она значитъ! Объ закладъ побьюсь, какая-нибудь новая пакость. А тотъ, другой, давеча-то, въ благородномъ обществѣ, вензеля пишетъ да рому проситъ! По-моему, отчего не выпить? Да ты пей, пей, да и перегородку сдѣлай, а потомъ, пожалуй, и опять пей... Нечего ихъ щадить! Всѣ мошенники! Одинъ только ты ученый, Ѳома!

Бахчеевъ, если отдавался кому, то отдавался весь, безусловно и безо всякой критики.

Я отыскалъ дядю въ саду, у пруда, въ самомъ уединенномъ мѣстѣ. Онъ былъ съ Настенькой. Увидя меня, Настенька стрѣльнула въ кусты, какъ будто виноватая. Дядя пошелъ ко мнѣ навстрѣчу съ сіяющимъ лицомъ; въ глазахъ его стояли слезы восторга. Онъ взялъ меня за обѣ руки и крѣпко сжалъ ихъ.

— Другъ мой! — сказалъ онъ, — я до сихъ

поръ какъ будто не вѣрю моему счастью . . . Настя тоже. Мы только дивимся и прославляемъ Всевышняго. Сейчасъ она плакала. Повѣришь ли, до сихъ поръ я какъ-то не опомнился, какъ-то растерялся весь: и вѣрю, и не вѣрю! И за что̀ это мнѣ? За что́? Что́ я сдѣлалъ? Чѣмъ я заслужилъ!

— Если кто заслужилъ, дядюшка, то это вы, — сказалъ я съ увлеченіемъ. — Я еще не видалъ такого честнаго, такого прекраснаго, такого добрѣйшаго человѣка, какъ вы . . .

— Нѣтъ, Сережа, нѣтъ, это слишкомъ, — отвѣчалъ онъ, какъ бы съ сожалѣніемъ. — То-то и худо, что мы добры (то есть я про себя одного говорю), когда намъ хорошо; а когда худо, такъ и не подступайте близко! Вотъ мы только сейчасъ толковали объ этомъ съ Настей. Сколько ни сіялъ передо мной Ѳома, а повѣришь ли? Я, можетъ быть, до самаго сегодня не совсѣмъ въ него вѣрилъ, хотя и самъ увѣрялъ тебя въ его совершенствѣ; даже вчера не увѣровалъ, когда онъ отказывался отъ такого подарка! Къ стыду моему говорю! Сердце трепещетъ послѣ давешняго воспоминанія! Но я не владѣлъ собой . . . Когда онъ сказалъ давеча про Настю, то меня какъ будто въ самое сердце что-то укусило. Я не понялъ и поступилъ, какъ тигръ . . .

— Что жъ, дядюшка: можетъ, это было даже естественно.

Дядя замахалъ руками.

— Нѣтъ, нѣтъ, братъ, и не говори! А простоза-просто, все это отъ испорченности моей природы, оттого, что я мрачный и сластолюбивый эгоистъ и безъ удержу отдаюсь страстямъ моимъ. Такъ и Ѳома говоритъ. (Что̀ было отвѣчать на это?) Не

знаешь ты, Сережа, — продолжалъ онъ съ глубокимъ чувствомъ, — сколько разъ я бывалъ раздражителенъ, безжалостенъ, несправедливъ, высокомѣренъ, да и не къ одному Ѳомѣ. Вотъ теперь это все вдругъ пришло на память, и мнѣ какъ-то стыдно, что я до сихъ поръ ничего еще не сдѣлалъ, чтобъ быть достойнымъ такого счастья. Настя тоже сейчасъ говорила, хотя, право, не знаю, какіе на ней-то грѣхи, потому что она ангелъ, а не человѣкъ! Она сказала мнѣ, что мы въ страшномъ долгу у Бога, что надо теперь стараться быть добрѣе, дѣлать все добрыя дѣла... И если бъ ты слышалъ, какъ она горячо, какъ прекрасно все это говорила! Боже мой, что за дѣвушка!

Онъ остановился въ волненіи. Черезъ минуту онъ продолжалъ:

— Мы положили, братъ, особенно лелѣять Ѳому, маменьку и Татьяну Ивановну. А Татьяна-то Ивановна! Какое благороднѣйшее существо! О, какъ я виноватъ передъ всѣми! Я и передъ тобой виноватъ... Но если кто осмѣлится теперь обидѣть Татьяну Ивановну, о! тогда... Ну, да ужъ нечего!.. Для Мизинчикова тоже надо что-нибудь сдѣлать.

— Да, дядюшка, я теперь перемѣнилъ мое мнѣніе о Татьянѣ Ивановнѣ. Ее нельзя не уважать и не сострадать ей.

— Именно, именно! — подхватилъ съ жаромъ дядя, — нельзя не уважать! Вѣдь вотъ, напримѣръ, Коровкинъ, вѣдь ты ужъ навѣрно смѣешься надъ нимъ, — прибавилъ онъ, съ робостью заглядывая мнѣ въ лицо, — и всѣ мы давеча смѣялись надъ нимъ. А вѣдь это, можетъ быть, непростительно... вѣдь это, можетъ быть, превосходнѣй-

шій, добрѣйшій человѣкъ, но судьба... испыталъ несчастья... Ты не вѣришь, а это, можетъ быть, истинно такъ.

— Нѣтъ, дядюшка; почему же не вѣрить?

И я съ жаромъ началъ говорить о томъ, что въ самомъ падшемъ созданіи могутъ еще сохраниться высочайшія человѣческія чувства; что неизслѣдима глубина души человѣческой; что нельзя презирать падшихъ! А, напротивъ, должно отыскивать и возстановлять; что невѣрна общепринятая мѣрка добра и нравственности, и проч., и проч., — словомъ, я воспламенился и разсказалъ даже о натуральной школѣ; въ заключеніе же прочелъ стихи:

„Когда изъ мрака заблужденья..."

Дядя пришелъ въ необыкновенный восторгъ.

— Другъ мой, другъ мой! — сказалъ онъ, растроганный, — ты совершенно понимаешь меня и еще лучше меня разсказалъ все, что я самъ хотѣлъ было выразить. Такъ, такъ! Господи! Почему это золъ человѣкъ? Почему я такъ часто бываю золъ, когда такъ хорошо, такъ прекрасно быть добрымъ? Вотъ и Настя то же самое сейчасъ говорила... Но, посмотри, однакожъ, какое здѣсь славное мѣсто, — прибавилъ онъ, оглядываясь вокругъ себя, — какая природа! Какая картина! Экое дерево! Посмотри: въ обхватъ человѣческій! Какой сокъ, какіе листья! Какое солнце! Какъ послѣ грозы-то все вокругъ повеселѣло, обмылось!.. Вѣдь подумаешь, что и деревья понимаютъ тоже что-нибудь про себя, чувствуютъ и наслаждаются жизнью... Неужели жъ нѣтъ — а? Какъ ты думаешь?

— Очень можетъ быть, дядюшка. По-своему, разумѣется.

— Ну да, разумѣется, по-своему... Дивный, дивный Творецъ!... А вѣдь ты долженъ хорошо помнить весь этотъ садъ, Сережа: какъ ты тутъ игралъ и бѣгалъ, когда былъ маленькій! Я вѣдь помню, когда ты былъ маленькій, — прибавилъ онъ, смотря на меня съ неизъяснимымъ выраженіемъ любви и счастья. — Тебѣ только къ пруду не позволяли ходить одному. А помнишь, одинъ разъ, вечеромъ, Катя-покойница подозвала тебя и стала тебя ласкать... Ты все бѣгалъ въ саду, передъ этимъ, и весь разрумянился; волоски у тебя такіе свѣтленькіе, въ кудряшкахъ... Она ими играла-играла, да и сказала: «это хорошо, что ты его, сиротку, къ намъ взялъ». Помнишь иль нѣтъ?

— Чуть-чуть, дядюшка.

— Тогда еще вечеръ былъ, и солнце на васъ обоихъ такъ свѣтило, а я сидѣлъ въ углу и трубку курилъ, да на васъ смотрѣлъ... Я, Сережа, каждый мѣсяцъ къ ней на могилу, въ городъ, ѣзжу, — прибавилъ онъ пониженнымъ голосомъ, въ которомъ слышались дрожаніе и подавляемыя слезы. — Я объ этомъ сейчасъ Настѣ говорилъ: она сказала, что мы оба вмѣстѣ будемъ къ ней ѣздить...

Дядя замолчалъ, стараясь подавить свое волненіе.

Въ эту минуту къ намъ подошелъ Видоплясовъ.

— Видоплясовъ! — вскричалъ дядя, встрепенувшись, — ты отъ Ѳомы Ѳомича?

— Нѣтъ-съ, я болѣе по своей надобности-съ.

— А, ну и славно! Вотъ и узнаемъ про Коров-

кина. А я, вѣдь, еще давеча хотѣлъ спросить... Я ему, Сережа, велѣлъ тамъ наблюдать, Коровкина-то. — Въ чемъ дѣло, Видоплясовъ?

— Осмѣлюсь доложить, — сказалъ Видоплясовъ, — что вчера вы изволили упоминать-съ насчетъ моей просьбы-съ, и обѣщать мнѣ ваше высокое заступленіе отъ ежедневныхъ обидъ-съ.

— Неужели ты опять про фамилію? — вскричалъ дядя въ испугѣ.

— Что жъ дѣлать-съ? Ежечасныя обиды-съ...

— Ахъ, Видоплясовъ, Видоплясовъ! Что мнѣ съ тобой дѣлать? — сказалъ съ сокрушеніемъ дядя. — Ну, какія тебѣ могутъ быть обиды? Вѣдь ты просто съ ума сойдешь, въ желтомъ домѣ жизнь кончишь!

— Кажется, я умомъ моимъ-съ... — началъ было Видоплясовъ.

— Ну то-то, то-то, — перебилъ дядя, — я, братецъ, это такъ говорю, не въ обиду тебѣ, а въ пользу. Ну какія тамъ у тебя обиды? Бьюсь объ закладъ, какая-нибудь дрянь?

— Проходу нѣтъ-съ.

— Отъ кого?

— Отъ всѣхъ-съ и преимущественно черезъ Матрену-съ. Черезъ нее я моею жизнью страдать пошелъ-съ. Извѣстно-съ, что всѣ отличительные люди-съ, кто сызмалѣтства еще меня видѣлъ, говорили, что я совсѣмъ на иностранца похожъ, преимущественно чертами лица-съ. Что же, сударь? Изъ-за этого мнѣ теперь и проходу нѣтъ-съ. Какъ только я мимо иду-съ, всѣ мнѣ слѣдомъ кричатъ всякія дурныя слова-съ; даже ребятишки маленькіе-съ, которыхъ надо прежде всего розгами высѣчь-съ, и тѣ кричатъ-съ... Вотъ и теперь, ко-

гда я сюда шелъ, кричали-съ... Мочи нѣтъ-съ. Защитите, сударь, вашимъ покровомъ-съ!

— Ахъ, Видоплясовъ!.. Ну да что жъ они такое кричатъ? Вѣрно глупость какую-нибудь, на которую не надо и вниманія обращать.

— Неприлично будетъ сказать-съ.

— Да что̀ именно?

— Омерзительно выговорить-съ.

— Да ужъ говори!

— Гришка-голанецъ, съѣлъ померанецъ-съ.

— Фу, какой человѣкъ! Я думалъ и Богъ знаетъ что̀! А ты плюнь, да мимо и пройди.

— Плевалъ-съ: еще больше кричатъ-съ.

— Да послушайте, дядюшка, — сказалъ я, — вѣдь онъ жалуется на то, что ему житья нѣтъ въ здѣшнемъ домѣ. Отправьте его хоть на время въ Москву, къ тому каллиграфу. Вѣдь онъ, вы говорили, у каллиграфа какого-то жилъ.

— Ну, братъ, тотъ тоже кончилъ трагически!

— А что̀?

— Они-съ, — отвѣчалъ Видоплясовъ, — имѣли несчастье присвоить себѣ чужую собственность-съ, за что̀, несмотря на весь ихъ талантъ, были посажены въ острогъ-съ, гдѣ безвозвратно погибли-съ.

— Хорошо, хорошо, Видоплясовъ: ты теперь успокойся, а я все это разберу и улажу, — сказалъ дядя, — обѣщаю тебѣ! Ну что̀ Коровкинъ? Спитъ?

— Никакъ нѣтъ-съ, они сейчасъ изволили отъѣхать-съ. Я съ тѣмъ и шелъ доложить-съ.

— Какъ отъѣхать? Что̀ ты? Да какъ же ты выпустилъ? — вскричалъ дядя.

— По добродушію сердца-съ; жалостно было смотрѣть-съ. Какъ проснулись и вспомнили весь

процессъ, такъ тотчасъ же ударили себя по головѣ и закричали благимъ матомъ-съ...

— Благимъ матомъ!..

— Почтительнѣе будетъ выразиться: многоразличные вопли испускали-съ. Кричали: какъ они представятся теперь прекрасному полу-съ? А потомъ прибавили: «я не достоинъ рода человѣческаго!» и все такъ жалостно говорили-съ, въ отборныхъ словахъ-съ.

— Деликатнѣйшій человѣкъ! Я говорилъ тебѣ, Сергѣй... Да какъ же ты, Видоплясовъ, пустилъ, когда именно тебѣ я велѣлъ стеречь? Ахъ, Боже мой, Боже мой!

— Болѣе черезъ сердечную жалость-съ. Просили не говорить-съ. Ихъ же извозчикъ лошадей выкормилъ и запрегъ-съ. А за врученную, три дня назадъ, сумму-съ велѣли почтительнѣйше благодарить-съ и сказать, что вышлютъ долгъ съ одною изъ первыхъ почтъ-съ.

— Какую это сумму, дядюшка?

— Они называли двадцать пять рублей серебромъ-съ, — сказалъ Видоплясовъ.

— Это я, братъ, ему тогда далъ взаймы, на станціи: у него не достало. Разумѣется, онъ вышлетъ съ первой же почтой... Ахъ, Боже мой, какъ мнѣ жаль! Не послать ли въ погоню, Сережа?

— Нѣтъ, дядюшка, лучше не посылайте.

— Я самъ то же думаю. Видишь, Сережа, я, конечно, не философъ, но я думаю, что во всякомъ человѣкѣ гораздо болѣе добра, чѣмъ снаружи кажется. Такъ и Коровкинъ: онъ не вынесъ стыда... Но пойдемъ, однакожъ, къ Ѳомѣ! Мы замѣшкались; можетъ оскорбиться неблагодарностью, не-

вниманіемъ... Идемъ же! Ахъ, Коровкинъ, Коровкинъ!

Романъ конченъ. Любовники соединились, и геній добра безусловно воцарился въ домѣ, въ лицѣ Ѳомы Ѳомича. Тутъ можно бы сдѣлать очень много приличныхъ объясненій; но, въ сущности, всѣ эти объясненія теперь совершенно лишнія. Таково, по крайней мѣрѣ, мое мнѣніе. Взамѣнъ всякихъ объясненій, скажу лишь нѣсколько словъ о дальнѣйшей судьбѣ всѣхъ героевъ моего разсказа: безъ этого, какъ извѣстно, не кончается ни одинъ романъ, и это даже предписано правилами.

Свадьба «осчастливленныхъ» произошла спустя шесть недѣль послѣ описанныхъ мною происшествій. Сдѣлали все тихо, семейно, безъ особенной пышности и безъ лишнихъ гостей. Я былъ шаферомъ Настеньки, Мизинчиковъ — со стороны дяди. Впрочемъ, были и гости. Но самымъ первымъ, самымъ главнымъ человѣкомъ былъ, разумѣется, Ѳома Ѳомичъ. За нимъ ухаживали; его носили на рукахъ. Но какъ-то случилось, что его одинъ разъ обнесли шампанскимъ. Немедленно произошла исторія, сопровождавшаяся упреками, воплями, криками. Ѳома убѣжалъ въ свою комнату, заперся на ключъ, кричалъ, что презираютъ его, что теперь ужъ «новые люди» вошли въ семейство и потому онъ ничто, не болѣе, какъ щепка, которую надо выбросить. Дядя былъ въ отчаяніи; Настенька плакала; съ генеральшей, по обыкновенію, сдѣлались судороги... Свадебный пиръ походилъ на похороны. И ровно семь лѣтъ такого сожительства съ благодѣтелемъ, Ѳомой Ѳомичемъ, до-

стались въ удѣлъ моему бѣдному дядѣ и бѣдненькой Настенькѣ. До самой смерти своей (Ѳома Ѳомичъ умеръ въ прошломъ году) онъ киснулъ, куксился, ломался, сердился, бранился: но благоговѣніе къ нему «осчастливленныхъ» не только не уменьшалось, но даже каждодневно возростало, пропорціонально его капризамъ. Егоръ Ильичъ и Настенька до того были счастливы другъ съ другомъ, что даже боялись за свое счастье, считали, что это ужъ слишкомъ послалъ имъ Господь; что не стоятъ они такой милости, и предполагали, что, можетъ быть, впослѣдствіи имъ назначено искупить свое счастье крестомъ и страданіями. Понятно, что Ѳома Ѳомичъ могъ дѣлать въ этомъ смиренномъ домѣ все, что ему вздумается. И чего-чего онъ не дѣлалъ въ эти семь лѣтъ! Даже нельзя себѣ представить, до какихъ необузданныхъ фантазій доходила иногда его пресыщенная, праздная душа въ изобрѣтеніи самыхъ утонченныхъ, нравственно-лукулловскихъ капризовъ. Три года спустя послѣ дядюшкиной свадьбы скончалась бабушка. Осиротѣвшій Ѳома былъ пораженъ отчаяніемъ. Даже и теперь въ домѣ дяди съ ужасомъ разсказываютъ о тогдашнемъ его положеніи. Когда засыпали могилу, онъ рвался въ нее и кричалъ, чтобъ и его вмѣстѣ засыпали. Цѣлый мѣсяцъ не давали ему ни ножей, ни вилокъ; а одинъ разъ силою, вчетверомъ, раскрыли ему ротъ и вынули оттуда булавку, которую онъ хотѣлъ проглотить. Кто-то изъ постороннихъ свидѣтелей борьбы замѣтилъ, что Ѳома Ѳомичъ тысячу разъ могъ проглотить эту булавку во время борьбы и, однакожъ, не проглотилъ. Но эту догадку выслушали всѣ съ рѣшительнымъ негодованіемъ и тутъ

же уличили догадчика въ жестокосердіи и неприличіи. Только одна Настенька хранила молчаніе и чуть-чуть улыбнулась, при чемъ дядя взглянулъ на нее съ нѣкоторымъ безпокойствомъ. Вообще нужно замѣтить, что Ѳома хоть и куражился, хоть и капризничалъ въ домѣ дяди попрежнему, но прежнихъ деспотическихъ и наглыхъ распеканцій, какія онъ позволялъ себѣ съ дядей, уже не было. Ѳома жаловался, плакалъ, укорялъ, попрекалъ, стыдилъ, но уже не бранился попрежнему, — не было такихъ сценъ, какъ «ваше превосходительство», и это, кажется, сдѣлала Настенька. Она почти непримѣтно заставила Ѳому кой-что уступить и кой въ чемъ покориться. Она не хотѣла видѣть униженія мужа и настояла на своемъ желаніи. Ѳома ясно видѣлъ, что она его почти понимаетъ. Я говорю *почти,* потому что Настенька тоже лелѣяла Ѳому и даже каждый разъ поддерживала мужа, когда онъ восторженно восхвалялъ своего мудреца. Она хотѣла заставить другихъ уважать все въ своемъ мужѣ, потому гласно оправдывала и его привязанность къ Ѳомѣ Ѳомичу. Но я увѣренъ, что золотое сердечко Настеньки забыло всѣ прежнія обиды: она все простила Ѳомѣ, когда онъ соединилъ ее съ дядей, и кромѣ того, кажется, серьезно всѣмъ сердцемъ вошла въ идею дяди, что со «страдальца» и прежняго шута нельзя много спрашивать, а что надо, напротивъ, уврачевать сердце его. Бѣдная Настенька сама была изъ *униженныхъ,* сама страдала и помнила это. Черезъ мѣсяцъ Ѳома утихъ, сдѣлался даже ласковъ и кротокъ, но зато — начались другіе, самые неожиданные припадки: онъ началъ впадать въ какой-то магнетическій сонъ, устрашавшій всѣхъ до послѣдней степени. Вдругъ,

напримѣръ, страдалецъ что-нибудь говоритъ, даже смѣется, и въ одно мгновеніе окаменѣетъ, и окаменѣетъ именно въ томъ самомъ положеніи, въ которомъ находился въ послѣднее мгновеніе передъ припадкомъ; если, напримѣръ, онъ смѣялся, то такъ и оставался съ улыбкою на устахъ; если же держалъ что-нибудь, хоть вилку, то вилка и останется въ поднятой рукѣ, на воздухѣ. Потомъ, разумѣется, рука опустится, но Ѳома Ѳомичъ уже ничего не чувствуетъ и не помнитъ, какъ она опустилась. Онъ сидитъ, смотритъ, даже моргаетъ глазами, но не говоритъ ничего, ничего не слышитъ и не понимаетъ. Такъ продолжалось иногда по цѣлому часу. Разумѣется, всѣ въ домѣ чуть не умираютъ отъ страха, сдерживаютъ дыханіе, ходятъ на цыпочкахъ, плачутъ. Наконецъ, Ѳома проснется, чувствуя страшное изнеможеніе, и увѣряетъ, что ровно ничего не слыхалъ и не видалъ во все это время. Нужно же, чтобъ до такой степени ломался, рисовался человѣкъ, выдерживалъ цѣлые часы добровольной муки — и единственно для того, чтобъ сказать потомъ: «смотрите на меня, я и чувствую-то краше, чѣмъ вы!» Наконецъ, Ѳома Ѳомичъ проклялъ дядю «за ежечасныя обиды и непочтительность» и переѣхалъ жить къ господину Бахчееву. Степанъ Алексѣевичъ, который послѣ дядиной свадьбы еще много разъ ссорился съ Ѳомой Ѳомичемъ, но всегда кончалъ тѣмъ, что самъ же просилъ у него прощенья, въ этотъ разъ принялся за дѣло съ необыкновеннымъ жаромъ: онъ встрѣтилъ Ѳому съ энтузіазмомъ, накормилъ на убой и тутъ же положилъ формально разссориться съ дядей и даже подать на него просьбу. У нихъ былъ гдѣ-то спорный клочекъ земли, о ко-

торомъ, впрочемъ, никогда и не спорили, потому что дядя вполнѣ уступалъ его, безъ всякихъ споровъ, Степану Алексѣевичу. Не говоря ни слова, господинъ Бахчеевъ велѣлъ заложить коляску, поскакалъ въ городъ, настрочилъ тамъ просьбу и подалъ, прося судъ присудить ему формальнымъ образомъ землю, съ вознагражденіями проторей и убытковъ, и такимъ образомъ казнить самоуправство и хищничество. Между тѣмъ, Ѳома, на другой же день, соскучившись у господина Бахчеева, простилъ дядю, пріѣхавшаго съ повинною, и отправился обратно въ Степанчиково. Гнѣвъ господина Бахчеева, возвратившагося изъ города и не заставшаго Ѳомы, былъ ужасенъ; но черезъ три дня онъ явился въ Степанчиково съ повинною, со слезами просилъ прощенья у дяди и уничтожилъ свою просьбу. Дядя въ тотъ же день помирилъ его съ Ѳомой Ѳомичемъ, и Степанъ Алексѣевичъ опять ходилъ за Ѳомой какъ собачка и попрежнему приговаривалъ къ каждому слову: «Умный ты человѣкъ, Ѳома! Ученый ты человѣкъ, Ѳома!»

Ѳома Ѳомичъ лежитъ теперь въ могилѣ, подлѣ генеральши; надъ нимъ стоитъ драгоцѣнный памятникъ изъ бѣлаго мрамора, весь испещренный плачевными цитатами и хвалебными надписями. Иногда Егоръ Ильичъ и Настенька благоговѣйно заходятъ, съ прогулки, въ церковную ограду поклониться Ѳомѣ. Они и теперь не могутъ говорить о немъ безъ особаго чувства, припоминаютъ каждое его слово, что онъ ѣлъ, что любилъ. Вещи его сберегаются, какъ драгоцѣнность. Почувствовавъ себя совершенно осиротѣвшими, дядя и Настя еще болѣе привязались другъ къ другу. Дѣтей имъ Богъ не далъ; они очень горюютъ объ этомъ, но роптать

не смѣютъ. Сашенька давно уже вышла замужъ за одного прекраснаго молодого человѣка. Илюша учится въ Москвѣ. Такимъ образомъ, дядя и Настя живутъ одни и не надышатся другъ на друга. Забота ихъ другъ о другѣ дошла до какой-то болѣзненности. Настя безпрерывно молится. Если кто изъ нихъ первый умретъ, то другой, я думаю, не проживетъ и недѣли. Но дай имъ Богъ долго жить! Принимаютъ они всѣхъ съ полнымъ радушіемъ и готовы раздѣлить со всякимъ несчастнымъ все, что у нихъ имѣется. Настенька любитъ читать житія святыхъ и съ сокрушеніемъ говоритъ, что обыкновенныхъ добрыхъ дѣлъ еще мало, а что надо бы раздать все нищимъ и быть счастливыми въ бѣдности. Если бъ не забота объ Илюшѣ и Сашенькѣ, дядя бы такъ и сдѣлалъ, потому что онъ во всемъ вполнѣ согласенъ съ женою. Съ ними живетъ Прасковья Ильинична и угождаетъ имъ во всемъ съ наслажденіемъ; она же ведетъ и хозяйство. Господинъ Бахчеевъ сдѣлалъ ей предложеніе еще вскорѣ послѣ дядюшкиной свадьбы, но она наотрѣзъ ему отказала. Заключили изъ этого, что она пойдетъ въ монастырь, но и этого не случилось. Въ натурѣ Прасковьи Ильиничны есть одно замѣчательное свойство: совершенно уничтожаться передъ тѣми, кого она полюбитъ, ежечасно исчезать передъ ними, смотрѣть имъ въ глаза, подчиняться всевозможнымъ ихъ капризамъ, ходить за ними и служить имъ. Теперь, по смерти генеральши, своей матери, она считаетъ своею обязанностью не разлучаться съ братомъ и угождать во всемъ Настенькѣ. Старикашка Ежевикинъ еще живъ, и въ послѣднее время все чаще и чаще сталъ посѣщать свою дочь. Вначалѣ онъ приводилъ дядю

въ отчаяніе тѣмъ, что почти совершенно отстранилъ себя и свою мелюзгу (такъ называлъ онъ дѣтей своихъ) отъ Степанчикова. Всѣ зазывы дяди не дѣйствовали на него: онъ былъ не столько гордъ, сколько щекотливъ и мнителенъ. Самолюбивая мнительность его доходила иногда до болѣзни. Мысль, что его, бѣдняка, будутъ принимать въ богатомъ домѣ изъ милости, сочтутъ назойливымъ и навязчивымъ, — убивала его; онъ даже отказывался иногда отъ Настенькиной помощи и принималъ только самое необходимое. Отъ дяди же онъ ничего рѣшительно не хотѣлъ принять. Настенька чрезвычайно ошиблась, говоря мнѣ тогда, въ саду, объ отцѣ, что онъ представляетъ изъ себя шута *для нея*. Правда, ему ужасно хотѣлось тогда выдать Настеньку замужъ; но корчилъ онъ изъ себя шута просто изъ внутренней потребности, чтобъ дать выходъ накопившейся злости. Потребность насмѣшки и *язычка* была у него въ крови. Онъ карикатурилъ, напримѣръ, изъ себя самаго подлаго, самаго низкопоклоннаго льстеца; но въ то же время ясно выказывалъ, что дѣлаетъ это только для виду; и чѣмъ унизительнѣе была его лесть, тѣмъ язвительнѣе и откровеннѣе проглядывала въ ней насмѣшка. Такая ужъ была его манера. Всѣхъ дѣтей его удалось размѣстить въ лучшихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ Москвѣ и Петербургѣ, и то только, когда Настенька ясно доказала ему, что все это сдѣлается на ея собственный счетъ, то есть въ счетъ ея собственныхъ тридцати тысячъ, подаренныхъ ей Татьяной Ивановной. Эти тридцать тысячъ, по правдѣ, никогда и не брали у Татьяны Ивановны; а ее, чтобъ она не горевала и не обижалась, умилостивили, обѣщая ей при пер-

выхъ неожиданныхъ семейныхъ нуждахъ обратиться къ ея помощи. Такъ и сдѣлали: для виду были произведены у ней, въ разное время, два довольно значительные займа. Но Татьяна Ивановна умерла, три года назадъ, и Настя все-таки получила свои тридцать тысячъ. Смерть бѣдной Татьяны Ивановны была скоропостижная. Все семейство собиралось на балъ къ одному изъ сосѣднихъ помѣщиковъ, и только что успѣла она нарядиться въ свое бальное платье, а на голову надѣть очаровательный вѣнокъ изъ бѣлыхъ розъ, какъ вдругъ почувствовала дурноту, сѣла въ кресло и умерла. Въ этомъ вѣнкѣ ее и похоронили. Настя была въ отчаяніи. Татьяну Ивановну лелѣяли въ домѣ и ходили за ней, какъ за ребенкомъ. Они удивила всѣхъ здравомысліемъ своего завѣщанія: кромѣ Настенькиныхъ тридцати тысячъ, все остальное, до трехсотъ тысячъ ассигнаціями, назначалось для воспитанія бѣдныхъ сиротокъ-дѣвочекъ и для награжденія ихъ деньгами, по выходѣ изъ учебныхъ заведеній. Въ годъ ея смерти вышла замужъ и дѣвица Перепелицына, которая, по смерти генеральши, осталась у дяди, въ надеждѣ подлизаться къ Татьянѣ Ивановнѣ. Между тѣмъ, овдовѣлъ чиновникъ-помѣщикъ, владѣтель Мишина, той самой маленькой деревушки, въ которой у насъ происходила сцена съ Обноскинымъ и его маменькой за Татьяну Ивановну. Чиновникъ этотъ былъ страшный сутяга и имѣлъ отъ первой жены шесть человѣкъ дѣтей. Подозрѣвая у Перепелицыной деньги, онъ началъ къ ней подсылать съ предложеніями, и та немедленно согласилась. Но Перепелицына была бѣдна, какъ курица: у ней всего-то было 300 рублей серебромъ, да и то подаренные ей На-

стенькой на свадьбу. Теперь мужъ и жена грызутся съ утра до вечера. Она теребитъ за волосы его дѣтей и отсчитываетъ имъ колотушки; ему же (по крайней мѣрѣ, такъ говорятъ) царапаетъ лицо и поминутно коритъ его подполковничьимъ своимъ происхожденіемъ. Мизинчиковъ тоже пристроился. Онъ благоразумно бросилъ всѣ свои надежды на Татьяну Ивановну и началъ понемногу учиться сельскому хозяйству. Дядя рекомендовалъ его одному богатому графу, помѣщику, у котораго было три тысячи душъ, въ восьмидесяти верстахъ отъ Степанчикова, и который изрѣдка наѣзжалъ въ свои помѣстья. Замѣтивъ въ Мизинчиковѣ способности и взявъ во вниманіе рекомендацію, графъ предложилъ ему мѣсто управляющаго въ своихъ помѣстьяхъ, прогнавъ своего прежняго управителя нѣмца, который, несмотря на прославленную нѣмецкую честность, обчищалъ своего графа, какъ липку. Чрезъ пять лѣтъ имѣнія узнать нельзя было: крестьяне разбогатѣли; завелись статьи по хозяйству, прежде невозможныя; доходы чуть ли не удвоились — словомъ, новый управитель отличился и прогремѣлъ на всю губернію хозяйственными своими способностями. Каково же было изумленіе и горе графа, когда Мизинчиковъ, ровно чрезъ пять лѣтъ, несмотря ни на какія просьбы, ни на какія надбавки, рѣшительно отказался отъ службы и вышелъ въ отставку! Графъ думалъ, что его сманили сосѣди-помѣщики, или даже въ другую губернію. И какъ же всѣ удивились, когда вдругъ, два мѣсяца по выходѣ въ отставку, у Ивана Ивановича Мизинчикова явилось превосходнѣйшее имѣніе, во сто душъ, ровно въ сорока верстахъ отъ графскаго, купленное имъ у какого-то промотав-

шагося гусара, прежняго его пріятеля! Эти сто душъ онъ тотчасъ же заложилъ, и черезъ годъ у него явилось еще шестьдесятъ душъ въ окрестностяхъ. Теперь онъ самъ помѣщикъ, и хозяйство у него безподобное. Всѣ дивятся: гдѣ онъ вдругъ досталъ денегъ? Другіе же только покачиваютъ головами. Но Иванъ Ивановичъ совершенно спокоенъ и чувствуетъ себя вполнѣ въ своемъ правѣ. Онъ выписалъ изъ Москвы свою сестру, ту самую, которая дала ему свои послѣдніе три цѣлковыхъ на сапоги, когда онъ отправлялся въ Степанчиково, премилую дѣвушку, уже не первой молодости, кроткую, любящую, образованную, но чрезвычайно запуганную. Она все время скиталась гдѣ-то въ Москвѣ, въ компаньонкахъ, у какой-то благодѣтельницы; теперь же благоговѣетъ передъ братомъ, хозяйничаетъ въ его домѣ, считаетъ его волю закономъ, а себя вполнѣ счастливою. Братецъ не балуетъ ея и держитъ нѣсколько въ черномъ тѣлѣ; но она этого не замѣчаетъ. Въ Степанчиковѣ ее ужасно какъ полюбили, и, говорятъ, господинъ Бахчеевъ къ ней неравнодушенъ. Онъ и сдѣлалъ бы предложеніе, да боится отказа. Впрочемъ, о господинѣ Бахчеевѣ мы надѣемся поговорить въ другой разъ, въ другомъ разсказѣ, подробнѣе.

Вотъ, кажется, и всѣ лица... Да! Забылъ: Гаврила очень постарѣлъ и совершенно разучился говорить по-французски. Изъ Ѳалалея вышелъ очень порядочный кучеръ, а бѣдный Видоплясовъ давнымъ-давно въ желтомъ домѣ и, кажется, тамъ и умеръ... На-дняхъ поѣду въ Степанчиково и непремѣнно справлюсь о немъ у дяди.

Скверный анекдотъ.

Разсказъ.

Скверный анекдотъ.

Этотъ скверный анекдотъ случился именно въ то самое время, когда началось съ такою неудержимою силою и съ такимъ трогательно-наивнымъ порывомъ возрожденіе нашего любезнаго отечества и стремленіе всѣхъ доблестныхъ сыновъ его къ новымъ судьбамъ и надеждамъ. Тогда, однажды зимой, въ ясный и морозный вечеръ, впрочемъ, часу уже въ двѣнадцатомъ, три чрезвычайно почтенные мужа сидѣли въ комфортной и даже роскошно убранной комнатѣ, въ одномъ прекрасномъ двухъэтажномъ домѣ на Петербургской Сторонѣ и занимались солиднымъ и превосходнымъ разговоромъ на весьма любопытную тему. Эти три мужа были всѣ трое въ генеральскихъ чинахъ. Сидѣли они вокругъ маленькаго столика, каждый въ прекрасномъ, мягкомъ креслѣ, и между разговоромъ тихо и комфортно потягивали шампанское. Бутылка стояла тутъ же на столикѣ въ серебряной вазѣ со льдомъ. Дѣло въ томъ, что хозяинъ, тайный совѣтникъ Степанъ Никифоровичъ Никифоровъ, старый холостякъ лѣтъ шестидесяти пяти, праздновалъ свое новоселье въ только что купленномъ домѣ, а кстати ужъ и день своего рожденія,

который тутъ же пришелся и котораго онъ никогда до сихъ поръ не праздновалъ. Впрочемъ, празднованіе было не Богъ знаетъ какое; какъ мы уже видѣли, было только двое гостей, оба прежніе сослуживца господина Никифорова и прежніе его подчиненные, а именно: дѣйствительный статскій совѣтникъ Семенъ Ивановичъ Шипуленко и другой, тоже дѣйствительный статскій совѣтникъ, Иванъ Ильичъ Пралинскій. Они пришли часовъ въ девять, кушать чай, потомъ принялись за вино и знали, что ровно въ половинѣ двѣнадцатаго имъ надо отправляться домой. Хозяинъ всю жизнь любилъ регулярность. Два слова о немъ. Началъ онъ свою карьеру мелкимъ необезпеченнымъ чиновникомъ, спокойно тянулъ канитель лѣтъ сорокъ пять сряду, очень хорошо зналъ, до чего дослужится, терпѣть не могъ хватать съ неба звѣзды, хотя имѣлъ ихъ уже двѣ, и особенно не любилъ высказывать по какому бы то ни было поводу свое собственное личное мнѣніе. Былъ онъ и честенъ, то есть ему не пришлось сдѣлать чего-нибудь особенно безчестнаго; былъ холостъ, потому что былъ эгоистъ; былъ очень не глупъ, но терпѣть не могъ выказывать свой умъ; особенно не любилъ неряшества и восторженности, считая ее неряшествомъ нравственнымъ, и подъ конецъ жизни совершенно погрузился въ какой-то сладкій, лѣнивый комфортъ и систематическое одиночество. Хотя самъ онъ и бывалъ иногда въ гостяхъ у людей получше, но еще смолоду терпѣть не могъ гостей у себя, а въ послѣднее время, если не раскладывалъ грандъ-пасьянсъ, довольствовался обществомъ своихъ столовыхъ часовъ и по цѣлымъ вечерамъ невозмутимо выслушивалъ, дремля въ креслахъ, ихъ тиканье

подъ стекляннымъ колпакомъ на каминѣ. Наружности былъ онъ чрезвычайно приличной и выбритой, казался моложе своихъ лѣтъ, хорошо сохранился, обѣщалъ прожить еще долго и держался самаго высокаго джентльменства. Мѣсто у него было довольно комфортное: онъ гдѣ-то засѣдалъ и что-то подписывалъ. Однимъ словомъ, его считали превосходнѣйшимъ человѣкомъ. Была у него одна только страсть, или лучше сказать, одно горячее желаніе: это — имѣть свой собственный домъ и именно домъ, выстроенный на барскую, а не на капитальную ногу. Желаніе его наконецъ осуществилось: онъ приглядѣлъ и купилъ домъ на Петербургской Сторонѣ, правда далеко, но домъ съ садомъ и при томъ домъ изящный. Новый хозяинъ разсуждалъ, что оно и лучше, если подальше: у себя принимать онъ не любилъ, а ѣздить къ кому-нибудь или въ должность — на то была у него прекрасная двухмѣстная карета шоколаднаго цвѣта, кучеръ Михей и двѣ маленькія, но крѣпкія и красивыя лошадки. Все это было благопріобрѣтенное сорокалѣтней, копотливой экономіей, такъ что сердце на все это радовалось. Вотъ почему, пріобрѣтя домъ и переѣхавъ въ него, Степанъ Никифоровичъ ощутилъ въ своемъ спокойномъ сердцѣ такое довольство, что пригласилъ даже гостей на свое рожденіе, которое прежде тщательно утаивалъ отъ самыхъ близкихъ знакомыхъ. На одного изъ приглашенныхъ онъ имѣлъ даже особые виды. Самъ онъ въ домѣ занялъ верхній этажъ, а въ нижній, точно такъ же выстроенный и расположенный, понадобилось жильца. Степанъ Никифоровичъ и расчитывалъ на Семена Ивановича Шипуленко, и въ этотъ вечеръ даже два раза сводилъ разговоръ

на эту тему. Но Семенъ Ивановичъ на этотъ счетъ отмалчивался. Это былъ человѣкъ тоже туго и долговременно пробивавшій себѣ дорогу, съ черными волосами и бакенбардами и съ оттѣнкомъ постояннаго разлитія желчи въ физіономіи. Былъ онъ женатъ, былъ угрюмый домосѣдъ, свой домъ держалъ въ страхѣ, служилъ съ самоувѣренностью, тоже прекрасно зналъ, до чего онъ дойдетъ, и еще лучше, до чего никогда не дойдетъ, сидѣлъ на хорошемъ мѣстѣ и сидѣлъ очень крѣпко. На начинавшіеся новые порядки онъ смотрѣлъ хоть и не безъ желчи, но особенно не тревожился: онъ былъ очень увѣренъ въ себѣ и не безъ насмѣшливой злобы выслушивалъ разглагольствованія Ивана Ильича Пралинскаго на новыя темы. Впрочемъ, всѣ они отчасти подвыпили, такъ что даже самъ Степанъ Никифоровичъ снизошелъ до господина Пралинскаго и вступилъ съ нимъ въ легкій споръ о новыхъ порядкахъ. Но нѣсколько словъ о его превосходительствѣ господинѣ Пралинскомъ, тѣмъ болѣе, что онъ-то и есть главный герой предстоящаго разсказа.

Дѣйствительный статскій совѣтникъ Иванъ Ильичъ Пралинскій всего только четыре мѣсяца какъ назывался вашимъ превосходительствомъ, однимъ словомъ, какъ генералъ молодой. Онъ и по лѣтамъ былъ еще молодъ, лѣтъ сорока-трехъ и никакъ не болѣе, на видъ же казался и любилъ казаться моложе. Это былъ мужчина красивый, высокаго роста, щеголялъ костюмомъ и изысканной солидностью въ костюмѣ, съ большимъ умѣньемъ носилъ значительный орденъ на шеѣ, умѣлъ еще съ дѣтства усвоить нѣсколько великосвѣтскихъ замашекъ и, будучи холостой, мечталъ о богатой и даже велико-

свѣтской невѣстѣ. Онъ о многомъ еще мечталъ, хотя былъ далеко не глупъ. Подчасъ онъ былъ большой говорунъ и даже любилъ принимать парламентскія позы. Происходилъ онъ изъ хорошаго дома, былъ генеральскій сынъ и бѣлоручка, въ нѣжномъ дѣтствѣ своемъ ходилъ въ бархатѣ и батистѣ, воспитывался въ аристократическомъ заведеніи и хотя вынесъ изъ него немного познаній, но на службѣ успѣлъ и дотянулъ до генеральства. Начальство считало его человѣкомъ способнымъ и даже возлагало на него надежды. Степанъ Никифоровичъ, подъ началомъ котораго онъ и началъ и продолжалъ свою службу почти до самаго генеральства, никогда не считалъ его за человѣка весьма дѣлового и надеждъ на него не возлагалъ никакихъ. Но ему нравилось, что онъ изъ хорошаго дома, имѣетъ состояніе, то есть большой капитальный домъ съ управителемъ, сродни не послѣднимъ людямъ и сверхъ того обладаетъ осанкой. Степанъ Никифоровичъ хулилъ его про себя за избытокъ воображенія и легкомысліе. Самъ Иванъ Ильичъ чувствовалъ иногда, что онъ слишкомъ самолюбивъ и даже щекотливъ. Странное дѣло: подчасъ на него находили припадки какой-то болѣзненной совѣстливости и даже легкаго въ чемъ-то раскаянія. Съ горечью и съ тайной занозой въ душѣ сознавался онъ иногда, что вовсе не такъ высоко летаетъ, какъ ему думается. Въ эти минуты онъ даже впадалъ въ какое-то уныніе, особенно когда разыгрывался его геморой, называлъ свою жизнь une existence manquée, переставалъ вѣрить, разумѣется про себя, даже въ свои парламентскія способности, называя себя парлеромъ, фразеромъ, и хотя все это, конечно, приносило ему много чести,

но отнюдь не мѣшало черезъ полчаса опять подымать свою голову и тѣмъ упорнѣе, тѣмъ заносчивѣе ободряться и увѣрять себя, что онъ еще успѣетъ проявиться и будетъ не только сановникомъ, но даже государственнымъ мужемъ, котораго долго будетъ помнить Россія. Даже мерещились ему подчасъ монументы. Изъ этого видно, что Иванъ Ильичъ хваталъ высоко, хотя и глубоко, даже съ нѣкоторымъ страхомъ, таилъ про себя свои неопредѣленныя мечты и надежды. Однимъ словомъ, человѣкъ онъ былъ добрый и даже поэтъ въ душѣ. Въ послѣдніе годы болѣзненныя минуты разочарованія стали было чаще посѣщать его. Онъ сдѣлался какъ-то особенно раздражителенъ, мнителенъ и всякое возраженіе готовъ былъ считать за обиду. Но обновляющаяся Россія подала ему вдругъ большія надежды. Генеральство ихъ довершило. Онъ воспрянулъ; онъ поднялъ голову. Онъ вдругъ началъ говорить краснорѣчиво и много, говорилъ на самыя новыя темы, которыя чрезвычайно быстро и неожиданно усвоилъ себѣ до ярости. Онъ искалъ случая говорить, ѣздилъ по городу и во многихъ мѣстахъ успѣлъ прослыть отчаяннымъ либераломъ, что очень ему льстило. Въ этотъ же вечеръ, выпивъ бокала четыре, онъ особенно разгулялся. Ему захотѣлось переубѣдить во всемъ Степана Никифоровича, котораго онъ передъ этимъ давно не видалъ и котораго до сихъ поръ всегда уважалъ и даже слушался. Онъ почему-то считалъ его ретроградомъ и напалъ на него съ необыкновеннымъ жаромъ. Степанъ Никифоровичъ почти не возражалъ, а только лукаво слушалъ, хоть тема интересовала его. Иванъ Ильичъ горячился и, въ жару воображаемаго спора, чаще чѣмъ бы слѣдо-

вало, пробовалъ изъ своего бокала. Тогда Степанъ Никифоровичъ бралъ бутылку и тотчасъ же добавлялъ его бокалъ, что, неизвѣстно почему, начало вдругъ обижать Ивана Ильича, тѣмъ болѣе, что Семенъ Ивановичъ Шипуленко, котораго онъ особенно презиралъ и сверхъ того даже боялся за цинизмъ и за злость его, тутъ сбоку прековарно молчалъ и, чаще чѣмъ бы слѣдовало, улыбался. «Они, кажется, принимаютъ меня за мальчишку», — мелькнуло въ головѣ Ивана Ильича.

— Нѣтъ-съ, пора, давно ужъ пора было, — продолжалъ онъ съ азартомъ. — Слишкомъ опоздали-съ, и на мой взглядъ гуманность первое дѣло, гуманность съ подчиненными, — памятуя, что и они человѣки. Гуманность все спасетъ и все вывезетъ . . .

— Хи-хи-хи-хи! — послышалось со стороны Семена Ивановича.

— Да что же, однакожъ, вы насъ такъ распекаете? — возразилъ, наконецъ, Степанъ Никифоровичъ, любезно улыбаясь. — Признаюсь, Иванъ Ильичъ, до сихъ поръ не могъ взять въ толкъ, что вы изволили объяснить. Вы выставляете гуманность. Это, значитъ, человколюбіе, что ли?

— Да, пожалуй, хоть и человѣколюбіе. Я . . .

— Позвольте-съ! Сколько могу судить, дѣло не въ одномъ этомъ. Человѣколюбіе всегда слѣдовало. Реформа же этимъ не ограничивается. Поднялись вопросы крестьянскіе, судебные, хозяйственные, откупные, нравственные и... и... и безъ конца ихъ, этихъ вопросовъ, и всѣ вмѣстѣ, все разомъ можетъ породить большія, такъ сказать, колебанія. Вотъ мы про что опасались, а не объ одной гуманности . . .

— Да-съ, дѣло поглубже-съ, — замѣтилъ Семенъ Ивановичъ.

— Очень понимаю-съ, и позвольте вамъ замѣтить, Семенъ Ивановичъ, что я отнюдь не соглашусь отстать отъ васъ въ глубинѣ пониманія вещей, — язвительно и черезчуръ рѣзко замѣтилъ Иванъ Ильичъ; — но, однакожъ, все-таки возьму на себя смѣлость замѣтить и вамъ, Степанъ Никифоровичъ, что вы тоже меня вовсе не поняли...

— Не понялъ.

— А между тѣмъ я именно держусь и вездѣ провожу идею, что гуманность, и именно гуманность съ подчиненными, отъ чиновника до писаря, отъ писаря до дворовaго слуги, отъ слуги до мужика, — гуманность, говорю я, можетъ послужить, такъ сказать, краеугольнымъ камнемъ предстоящихъ реформъ и вообще къ обновленію вещей. Почему? Потому. Возьмите силлогизмъ: я гуманенъ, слѣдовательно, меня любитъ. Меня любятъ, стало быть, чувствуютъ довѣренность. Чувствуютъ довѣренность, стало быть, вѣруютъ; вѣруютъ, стало быть, любятъ... то есть нѣтъ, я хочу сказать, если вѣруютъ, то будутъ вѣрить и въ реформу, поймутъ, такъ сказать, самую суть дѣла, такъ сказать, обнимутся нравственно и рѣшатъ все дѣло дружески, основательно. Чего вы смѣетесь, Семенъ Ивановичъ? Непонятно?

Степанъ Никифоровичъ молча поднялъ брови; онъ удивлялся.

— Мнѣ кажется, я немного лишнее выпилъ, — замѣтилъ ядовито Семенъ Ивановичъ: — а потому и тугъ на соображеніе. Нѣкоторое затменіе въ умѣ-съ.

Ивана Ильича передернуло.

— Не выдержимъ, — произнесъ вдругъ Степанъ Никифоровичъ, послѣ легкаго раздумья.

— То есть какъ это не выдержимъ? — спросилъ Иванъ Ильичъ, удивляясь внезапному и отрывочному замѣчанію Степана Никифоровича.

— Такъ, не выдержимъ. — Степанъ Никифоровичъ, очевидно, не хотѣлъ распространяться далѣе.

— Это вы ужъ не насчетъ ли новаго вина и новыхъ мѣховъ? — не безъ иронiи возразилъ Иванъ Ильичъ. — Ну, нѣтъ-съ; за себя-то ужъ я отвѣчаю.

Въ эту минуту часы пробили половину двѣнадцатаго.

— Сидятъ, сидятъ да и ѣдутъ, — сказалъ Семенъ Ивановичъ, приготовляясь встать съ мѣста. Но Иванъ Ильичъ предупредилъ его, тотчасъ всталъ изъ-за стола и взялъ съ камина свою соболью шапку. Онъ смотрѣлъ какъ обиженный.

— Такъ какъ же, Семенъ Ивановичъ, подумайте? — сказалъ Степанъ Никифоровичъ, провожая гостей.

— Насчетъ квартирки-то-съ? Подумаю, подумаю-съ.

— А что надумаете, такъ увѣдомьте поскорѣе.

— Все о дѣлахъ? — любезно замѣтилъ господинъ Пралинскiй съ нѣкоторымъ заискиваніемъ и поигрывая своей шапкой. Ему показалось, что его какъ будто забываютъ.

Степанъ Никифоровичъ поднялъ брови и молчалъ въ знакъ того, что не задерживаетъ гостей Семенъ Ивановичъ торопливо откланялся.

— А... ну... послѣ этого какъ хотите... коли не понимаете простой любезности, — рѣшилъ про себя господинъ Пралинскiй и какъ-то особенно

независимо протянулъ руку Степану Никифоровичу.

Въ передней Иванъ Ильичъ закутался въ свою легкую дорогую шубу, старался для чего-то не замѣчать истасканнаго енота Семена Ивановича, и оба стали сходить съ лѣстницы.

— Нашъ старикъ какъ будто обидѣлся, — сказалъ Иванъ Ильичъ молчавшему Семену Ивановичу.

— Нѣтъ, отчего же? — отвѣчалъ тотъ спокойно и холодно.

— Холопъ! — подумалъ про себя Иванъ Ильичъ.

Сошли на крыльцо. Семену Ивановичу подали его сани, съ сѣрымъ неказистымъ жеребчикомъ.

— Кой чертъ! Куда же Трифонъ дѣвалъ мою карету! — вскричалъ Иванъ Ильичъ, не видя своего экипажа.

Туда-сюда, — кареты не было. Человѣкъ Степана Никифоровича не имѣлъ объ ней понятія. Обратились къ Варламу, кучеру Семена Ивановича, и получили въ отвѣтъ, что все стоялъ тутъ, и карета тутъ же была, а теперь вотъ и нѣтъ.

— Скверный анекдотъ! — произнесъ господинъ Шипуленко: — хотите довезу?

— Подлецъ-народъ! — съ бѣшенствомъ закричалъ господинъ Пралинскій. — Просился у меня, каналья, на свадьбу, тутъ же на Петербургской, какая-то кума замужъ идетъ, чертъ ее дери. Я настрого запретилъ ему отлучаться. И вотъ бьюсь объ закладъ, что онъ туда уѣхалъ!

— Онъ дѣйствительно, — замѣтилъ Варламъ, — поѣхалъ туда-съ; да обѣщалъ въ одну минуту обернуться, къ самому-то есть времени быть.

— Ну такъ! Я какъ будто предчувствовалъ! Ужъ я жъ его!

— А вы лучше посѣките его хорошенько раза два въ части, вотъ онъ и будетъ исполнять приказанія, — сказалъ Семенъ Ивановичъ, уже закрываясь полостью.

— Пожалуйста не безпокойтесь, Семенъ Ивановичъ.

— Такъ не хотите, довезу.

— Счастливый путь, mercі.

Семенъ Ивановичъ уѣхалъ, а Иванъ Ильичъ пошелъ пѣшкомъ по деревяннымъ мосткамъ, чувствуя себя въ довольно сильномъ раздраженіи.

— Нѣтъ, ужъ я жъ тебя теперь, мошенникъ! Нарочно пѣшкомъ пойду, чтобъ ты чувствовалъ, чтобъ ты испугался! Воротится и узнаетъ, что баринъ пѣшкомъ пошелъ . . . мерзавецъ!

Иванъ Ильичъ никогда еще такъ не ругался, но ужъ очень онъ былъ разбѣшенъ, и вдобавокъ въ головѣ шумѣло. Онъ былъ человѣкъ непьющій, и потому какія-нибудь пять-шесть бокаловъ скоро подѣйствовали. Но ночь была восхитительная. Было морозно, но необыкновенно тихо и безвѣтренно. Небо было ясное, звѣздное. Полный мѣсяцъ обливалъ землю матовымъ серебрянымъ блескомъ. Было такъ хорошо, что Иванъ Ильичъ, пройдя шаговъ пятьдесятъ, почти забылъ о бѣдѣ своей. Ему становилось какъ-то особенно пріятно. Къ тому же люди подъ хмелькомъ быстро мѣняютъ впечатлѣнія. Ему даже начали нравиться невзрачные деревянные домики пустынной улицы.

— А вѣдь и славно, что я пѣшкомъ пошелъ, — думалъ онъ про себя: — и Трифону урокъ, да и мнѣ удовольствіе. Право, надо чаще ходить пѣшкомъ. Что жъ? На Большомъ проспектѣ я тот-

часъ найду извозчика. Славная ночь! Какіе тутъ все домишки. Должно быть, мелкота живетъ, чиновники... купцы, можетъ быть... этотъ Степанъ Никифоровичъ! И какіе всѣ они ретрограды, старые колпаки! Именно колпаки, c'est le mot. Впрочемъ, онъ умный человѣкъ; есть этотъ bon sens, трезвое, практическое пониманіе вещей. Но зато старики, старики! Нѣтъ этого... какъ бишь его! — Ну, да чего-то нѣтъ... Не выдержимъ! Что онъ этимъ хотѣлъ сказать? Даже задумался, когда говорилъ. Онъ, впрочемъ, меня совсѣмъ не понялъ. А и какъ бы не понять? Труднѣе не понять, чѣмъ понять. Главное то, что я убѣжденъ, душою убѣжденъ. Гуманность... человѣколюбіе. Возвратить человѣка самому себѣ... возродить его собственное достоинство и тогда... съ готовымъ матеріаломъ приступайте къ дѣлу. Кажется, ясно! Да-съ! Ужъ это позвольте, ваше превосходительство; возьмите силлогизмъ: мы встрѣчаемъ, напримѣръ, чиновника, чиновника бѣднаго, забитаго. Ну... кто ты? Отвѣтъ: чиновникъ. Хорошо, чиновникъ; далѣе: Какой ты чиновникъ? Отвѣтъ: такой-то, дескать, и такой-то чиновникъ.—Служишь? Служу! — Хочешь быть счастливъ? Хочу. — Что надобно для счастья? То-то и то-то. — Почему? Потому... И вотъ человѣкъ меня понимаетъ съ двухъ словъ, человѣкъ мой, человѣкъ уловленъ, такъ сказать, сѣтями, и я дѣлаю съ нимъ все, что хочу, то есть для его же блага. . Скверный человѣкъ этотъ Семенъ Иванычъ! И какая у него скверная рожа... Высѣки въ части, — это онъ нарочно сказалъ. — Нѣтъ, врешь, самъ сѣки, а я сѣчь не буду; я Трифона словомъ дойму, попрекомъ дойму, вотъ и будетъ чувствовать. Насчетъ розогъ, гм... вопросъ

нерѣшенный, гм ... А не заѣхать ли къ Эмерансъ? Фу ты, чертъ, проклятые мостки! — вскрикнулъ онъ, вдругъ оступившись. — И это столица! Просвѣщеніе! Можно ногу сломать. Гм ... Ненавижу я этого Семена Иваныча; препротивная рожа. Это онъ надо мной давеча хихикалъ, когда я сказалъ: обнимутся нравственно. Ну, и обнимутся, а тебѣ что за дѣло? Ужъ тебя-то не обниму; скорѣе мужика ... Мужикъ встрѣтится, и съ мужикомъ поговорю. Впрочемъ, я былъ пьянъ и, можетъ быть, не такъ выражался. Я и теперь, можетъ быть, не такъ выражаюсь ... Гм. Никогда не буду пить. Съ вечеру наболтаешь, а назавтра раскаиваешься. Что жъ, я вѣдь не шатаясь иду ... А, впрочемъ, всѣ они мошенники!

Такъ разсуждалъ Иванъ Ильичъ, отрывисто и безсвязно, продолжая шагать по тротуару. На него подѣйствовалъ свѣжій воздухъ и, такъ сказать, раскачалъ его. Минутъ черезъ пять онъ бы успокоился и захотѣлъ спать. Но вдругъ, почти въ двухъ шагахъ отъ Большого проспекта, ему послышалась музыка. Онъ оглядѣлся. На другой сторонѣ улицы, въ очень ветхомъ одноэтажномъ, но длинномъ деревянномъ домѣ задавался пиръ горой, гудѣли скрипки, скрипѣлъ контрабасъ и визгливо заливалась флейта на очень веселый кадрильный мотивъ. Подъ окнами стояла публика, больше женщины въ ватныхъ салопахъ и въ платкахъ на головѣ; онѣ напрягали всѣ усилія, чтобы разглядѣть что-нибудь сквозь щели ставней. Видно весело было. Гулъ отъ топота танцующихъ достигалъ другой стороны улицы. Иванъ Ильичъ невдалекѣ отъ себя замѣтилъ городового и подошелъ къ нему.

— Чей это, братецъ, домъ? — спросилъ онъ, немного распахивая свою дорогую шубу, ровно настолько, чтобы городовой могъ замѣтить значительный орденъ на шеѣ.

— Чиновника Пселдонимова, легистратора, — отвѣчалъ выпрямившись городовой, мигомъ успѣвшій разглядѣть отличіе.

— Пселдонимова? Ба! Пселдонимова!.. Что жъ онъ? Женится?

— Женится, ваше высокородіе, на титулярнаго совѣтника дочери. Млекопитаевъ, титулярный совѣтникъ... въ управѣ служилъ. Этотъ домъ за невѣстой ихней идетъ-съ.

— Такъ что теперь ужъ это Пселдонимова, а не Млекопитаева домъ?

— Пселдонимова, ваше высокородіе. Млекопитаева былъ, а теперь Пселдонимова.

— Гм. Я потому тебя, братецъ, спрашиваю, что я начальникъ его. Я генералъ надъ тѣмъ самымъ мѣстомъ, гдѣ Пселдонимовъ служитъ.

— Точно такъ, ваше превосходительство. Городовой вытянулся окончательно, а Иванъ Ильичъ какъ будто задумался. Онъ стоялъ и соображалъ....

Да, дѣйствительно, Пселдонимовъ былъ изъ его вѣдомства, изъ самой его канцеляріи; онъ припоминалъ это. Это былъ маленькій чиновникъ, рубляхъ на десяти въ мѣсяцъ жалованья. Такъ какъ господинъ Пралинскій принялъ свою канцелярію еще очень недавно, то могъ и не помнить слишкомъ подробно всѣхъ своихъ подчиненныхъ, но Пселдонимова онъ помнилъ, именно по случаю его фамиліи. Она бросилась ему въ глаза съ перваго разу, такъ что онъ тогда же полюбопытствовалъ

взглянуть на обладателя такой фамиліи повнимательнѣе. Онъ припомнилъ теперь еще очень молодого человѣка, съ длиннымъ горбатымъ носомъ, съ бѣлобрысыми и клочковатыми волосами, худосочнаго и худо-выкормленнаго, въ невозможномъ мундирѣ и въ невозможныхъ даже до неприличія невыразимыхъ. Онъ припомнилъ, какъ у него тогда же мелькнула мысль: не опредѣлить ли бѣдняку рублей десятокъ къ празднику для поправки? Но такъ какъ лицо этого бѣдняка было слишкомъ постное, а взглядъ крайне несимпатичный, даже возбуждающій отвращеніе, то добрая мысль сама собой какъ-то испарилась, такъ что Пселдонимовъ и остался безъ награды. Тѣмъ сильнѣе изумилъ его этотъ же самый Пселдонимовъ, не болѣе какъ недѣлю назадъ, своей просьбой жениться. Иванъ Ильичъ помнилъ, что ему какъ-то не было времени заняться этимъ дѣломъ подробнѣе, такъ что дѣло о свадьбѣ рѣшено было слегка, наскоро. Но все-таки онъ съ точностью припоминалъ, что за невѣстой своей Пселдонимовъ беретъ деревянный домъ и четыреста рублей чистыми деньгами: это обстоятельство тогда же его удивило; онъ помнилъ, что даже слегка сострилъ надъ столкновеніемъ фамилій Пселдонимова и Млекопитаевой. Онъ ясно припоминалъ все это.

Припоминалъ онъ, и все болѣе и болѣе раздумывался. Извѣстно, что цѣлыя разсужденія проходятъ иногда въ нашихъ головахъ мгновенно, въ видѣ какихъ-то ощущеній, безъ перевода на человѣческій языкъ, тѣмъ болѣе на литературный. Но мы постараемся перевесть всѣ эти ощущенія героя нашего и представить читателю хотя бы только сущность этихъ ощущеній, такъ сказать, то, что было

въ нихъ самое необходимое и правдоподобное. Потому что вѣдь многія изъ ощущеній нашихъ, въ переводѣ на обыкновенный языкъ, покажутся совершенно неправдоподобными. Вотъ почему они никогда и на свѣтъ не являются, а у всякаго есть. Разумѣется, ощущенія и мысли Ивана Ильича были немного безсвязны. Но вѣдь вы знаете причину.

— Что же, — мелькало въ его головѣ, — вотъ мы всѣ говоримъ, а коснется до дѣла, и только шишъ выходитъ. Вотъ примѣръ, хоть бы этотъ самый Пселдонимовъ: онъ пріѣхалъ давеча отъ вѣнца въ волненіи, въ надеждѣ, ожидая вкусить... Это одинъ изъ блаженнѣйшихъ дней его жизни... Теперь онъ возится съ гостями, задаетъ пиръ — скромный, бѣдный, но веселый, радостный, искренній... Что жъ, если бъ онъ узналъ, что въ эту самую минуту я, я, его начальникъ, его главный начальникъ, тутъ же стою у его дома и слушаю его музыку! А и въ самомъ дѣлѣ, что бы съ нимъ было? Нѣтъ, что бы съ нимъ было, если бъ я теперь же, вдругъ взялъ и вошелъ? Гм... разумѣется, сначала онъ испугался бы, онѣмѣлъ бы отъ замѣшательства. Я помѣшалъ бы ему, я разстроилъ бы, можетъ быть, все... Да, такъ и было бы, если бъ вошелъ всякій другой генералъ, но не я... Въ томъ-то и дѣло, что всякій, да только не я...

Да, Степанъ Никифоровичъ! Вотъ вы не понимали меня давеча, а вотъ вамъ и готовый примѣръ.

Да-съ. Мы всѣ кричимъ о гуманности, но героизма, подвига мы сдѣлать не въ состояніи.

Какого героизма? Такого. Разудите-ка: при теперешнихъ отношеніяхъ всѣхъ членовъ общества, мнѣ, мнѣ войти въ первомъ часу ночи на свадьбу своего подчиненнаго регистратора, на десяти руб-

ляхъ, да вѣдь это замѣшательство, это — коловращеніе идей, послѣдній день Помпеи, сумбуръ! Этого никто не пойметъ. Степанъ Никифоровичъ умретъ — не пойметъ. Вѣдь сказалъ же онъ: не выдержимъ. Да, но это вы, люди старые, люди паралича и косности, а я вы-дер-жу! Я обращу послѣдній день Помпеи въ сладчайшій день для моего подчиненнаго и поступокъ дикій — въ нормальный, патріархальный, высокій и нравственный. Какъ? Такъ. Извольте прислушать . . .

Ну . . . вотъ я, положимъ, вхожу: — они изумляются, прерываютъ танцы, смотрятъ дико, пятятся. Такъ-съ, но тутъ-то я и высказываюсь: я прямо иду къ испуганному Пселдонимову и съ самой ласковой улыбкой, такъ-таки въ самыхъ простыхъ словахъ говорю: «такъ и такъ, дескать, былъ у его превосходительства Степана Никифоровича. Полагаю, знаешь, здѣсь, по сосѣдству . . . » Ну, тутъ слегка, въ смѣшномъ этакъ видѣ, разсказываю приключеніе съ Трифономъ. Отъ Трифона перехожу къ тому, какъ пошелъ пѣшкомъ . . . «Ну — слышу музыку, любопытствую у городового и узнаю, братъ, что ты женишься. Дай, думаю, зайду къ подчиненному; посмотрю, какъ мои чиновники веселятся и . . . женятся. Вѣдь не прогонишь же ты меня, полагаю!» Прогонишь! Каково словечко для подчиненнаго. Какой ужъ тутъ чертъ прогонишь! Я думаю, онъ съ ума сойдетъ, со всѣхъ ногъ кинется меня въ кресло сажать, задрожитъ отъ восхищенья, не сообразится даже на первый разъ! . .

Ну, что можетъ быть проще, изящнѣе такого поступка! Зачѣмъ я вошелъ? Это другой вопросъ! Это уже, такъ сказать, нравственная сторона дѣла. Вотъ тутъ-то и сокъ!

Гм . . . Объ чемъ, бишь, я думалъ? Да!

Ну ужъ, конечно, они меня посадятъ съ самымъ важнымъ гостемъ, какой-нибудь тамъ титулярный али родственникъ, отставной штабсъ-капитанъ съ краснымъ носомъ . . . Славно этихъ оригиналовъ Гоголь описывалъ. Ну, знакомлюсь, разумѣется, съ молодой, хвалю ее, ободряю гостей. Прошу ихъ не стѣсняться, веселиться, продолжать танцы; острю, смѣюсь, однимъ словомъ — я любезенъ и милъ. Я всегда любезенъ и милъ, когда доволенъ собой . . . Гм . . . то-то и есть, что я все еще, кажется, немного того, то есть не пьянъ, а такъ . . .

. . . Разумѣется, я, какъ джентльменъ, на равной ногѣ и отнюдь не требую какихъ-нибудь особенныхъ знаковъ . . . Но нравственно, нравственно — дѣло другое: они поймутъ и оцѣнятъ . . . Мой поступокъ воскреситъ въ нихъ благородство . . . Ну, и сижу полчаса . . . Даже часъ. Уйду, разумѣется, передъ самымъ ужиномъ, а ужъ они-то захлопочутъ, напекутъ, нажарятъ, въ поясъ кланяться будутъ, но я только выпью бокалъ, поздравлю, а отъ ужина откажусь. Скажу: — дѣла. И ужъ только что я произнесу «дѣла», у всѣхъ тотчасъ же станутъ почтительно-строгія лица. Этимъ я деликатно напомню, что они и я — это разница-съ. Земля и небо. Я не то чтобы хотѣлъ этимъ внушать, но надо же . . . даже въ нравственномъ смыслѣ необходимо, что ужъ тамъ ни говори. Впрочемъ, я тотчасъ же улыбнусь, даже посмѣюсь, пожалуй, потомъ всѣ ободрятся . . . Пошучу еще разъ съ молодой; гм . . . даже вотъ что: намекну, что приду опять ровнешенько черезъ девять мѣсяцевъ, въ качествѣ кума, хе-хе! А она вѣрно родитъ къ тому времени. Вѣдь они плодятся, какъ кролики.

Ну и всѣ захохочутъ, молодая покраснѣетъ; съ чувствомъ поцѣлую ее въ лобъ, даже благословлю ее и... и назавтра, въ канцеляріи мой подвигъ уже извѣстенъ. Назавтра я опять строгъ, назавтра я опять взыскателенъ, даже неумолимъ, но всѣ они уже знаютъ, кто я такой. Душу мою знаютъ, суть мою знаютъ: «Онъ строгъ, какъ начальникъ, но какъ человѣкъ — онъ ангелъ!» И вотъ я побѣдилъ; я уловилъ какимъ-нибудь однимъ маленькимъ поступкомъ, котораго вамъ и въ голову не придетъ; они ужъ мои; я отецъ, они дѣти... Нутка, ваше превосходительство, Степанъ Никифоровичъ, поди-те-ка сдѣлайте этакъ...

... Да знаете ли вы, понимаете ли, что Пселдонимовъ будетъ дѣтямъ своимъ поминать, какъ самъ генералъ пировалъ и даже пилъ на его свадьбѣ! Да вѣдь эти будутъ своимъ дѣтямъ, а тѣ своимъ внукамъ разсказывать, какъ священнѣйшій анекдотъ, что сановникъ, государственный мужъ (а я всѣмъ этимъ къ тому времени буду) удостоилъ ихъ и т. д., и т. д. Да вѣдь я униженнаго нравственно подыму, я самому себѣ его возвращу... Вѣдь онъ десять рублей въ мѣсяцъ жалованья получаетъ!.. Да вѣдь повтори я это разъ пять, али десять, али что-нибудь въ этомъ же родѣ, такъ повсемѣстную популярность пріобрѣту... У всѣхъ въ сердцахъ буду напечатлѣнъ и вѣдь чертъ одинъ знаетъ, что изъ этого потомъ можетъ выйти, изъ популярности-то!..

Такъ или почти такъ разсуждалъ Иванъ Ильичъ — (господа, мало ли что человѣкъ говоритъ иногда про себя, да еще нѣсколько въ эксцентрическомъ состояніи). Всѣ эти разсужденія промелькнули въ его головѣ въ какія-нибудь полмину-

ты, и, конечно, онъ, можетъ, и ограничился бы этими мечтаньицами и, мысленно пристыдивъ Степана Никифоровича, преспокойно отправился бы домой и легъ спать. И славно бы сдѣлалъ! Но вся бѣда въ томъ, что минута была эксцентрическая.

Какъ нарочно, вдругъ въ это самое мгновеніе, въ настроенномъ воображеніи его нарисовались самодовольныя лица Степана Никифоровича и Семена Ивановича.

— Не выдержимъ! — повторялъ Степанъ Никифоровичъ, съ самой прескверной улыбкой.

— Хи-хи-хи! — вторилъ ему Семенъ Ивановичъ, съ самой скверной улыбкой.

— А вотъ и посмотримъ, какъ не выдержимъ! — рѣшительно сказалъ Иванъ Ильичъ, и даже жаръ бросился ему въ лицо. Онъ сошелъ съ мостковъ и твердыми шагами прямо направился черезъ улицу въ домъ своего подчиненнаго, регистратора Пселдонимова.

Звѣзда увлекала его. Онъ бодро вошелъ въ отпертую калитку и съ презрѣніемъ оттолкнулъ ногой маленькую лохматую и осипшую шавку, которая, болѣе для приличія, чѣмъ для дѣла, бросилась къ нему съ хриплымъ лаемъ подъ ноги. По деревянной настилкѣ онъ дошелъ до крылечка, будочкой выходившаго на дворъ, и по тремъ ветхимъ деревяннымъ ступенькамъ поднялся въ крошечныя сѣни. Тутъ хоть и горѣлъ гдѣ-то въ углу сальный огарокъ или что-то въ родѣ плошки, но это не помѣшало Ивану Ильичу, такъ какъ есть, въ калошахъ, попасть лѣвой ногой въ галантиръ, выставленный для остуженія. Иванъ Ильичъ нагнулся и, по-

смотрѣвъ съ любопытствомъ, увидѣлъ, что тутъ стоятъ еще два блюда съ какимъ-то заливнымъ, да еще двѣ формы, очевидно, съ бламанже. Раздавленный галантиръ его было сконфузилъ, и на одно самое маленькое мгновеніе у него промелькнула мысль: не улизнуть ли сейчасъ же? Но онъ почелъ это слишкомъ низкимъ. Разсудивъ, что никто не видалъ и на него ужъ никакъ не подумаютъ, онъ поскорѣе обтеръ калошу, чтобы скрыть всѣ слѣды, нащупалъ обитую войлокомъ дверь, растворилъ ее и очутился въ премаленькой передней. Одна половина ея была буквально завалена шинелями, бекешами, салопами, капорами, шарфами и калошами. Въ другой расположились музыканты: двѣ скрипки, флейта и контрабасъ, всего четыре человѣка, взятые, разумѣется, съ улицы. Они сидѣли за некрашеннымъ деревяннымъ столикомъ, при одной сальной свѣчкѣ, и во всю ивановскую допиливали послѣднюю фигуру кадрили. Изъ отпертой двери въ залу можно было разглядѣть танцующихъ, въ пыли, въ табакѣ и въ чаду. Было какъ-то бѣшено весело. Слышался хохотъ, крики и дамскіе визги. Кавалеры топали, какъ эскадронъ лошадей. Надъ всѣмъ содомомъ звучала команда распорядителя танцевъ, вѣроятно, чрезвычайно развязнаго и даже разстегнувшагося человѣка: «Кавалеры впередъ, шенъ де дамъ, балансе!» и проч., и проч. Иванъ Ильичъ въ нѣкоторомъ волненіи сбросилъ съ себя шубу и калоши и съ шапкой въ рукѣ вошелъ въ комнату. Впрочемъ, онъ ужъ и не разсуждалъ.

Въ первую минуту его никто не замѣтилъ: всѣ доплясывали кончавшійся танецъ. Иванъ Ильичъ стоялъ какъ оглушенный и ничего подробно не могъ

разглядѣть въ этой кашѣ. Мелькали дамскія платья, кавалеры съ папиросами въ зубахъ... Мелькнулъ свѣтло-голубой шарфъ какой-то дамы, задѣвшей его по носу. За ней въ бѣшеномъ восторгѣ промчался медицинскій студентъ съ разметанными вихремъ волосами и сильно толкнулъ его по дорогѣ. Мелькнулъ еще передъ нимъ, длинный какъ верста, офицеръ какой-то команды. Кто-то неестественно визгливымъ голосомъ прокричалъ, пролетая и притопывая вмѣстѣ съ другими: «Э-э-эхъ, Пселдонимушка!» Подъ ногами Ивана Ильича было что-то липкое: очевидно, полъ навощили воскомъ. Въ комнатѣ, впрочемъ, не очень малой, было человѣкъ до тридцати гостей.

Но черезъ минуту кадриль кончилась, и почти тотчасъ же произошло тоже самое, что представлялось Ивану Ильичу, когда онъ еще мечталъ на мосткахъ. По гостямъ и танцующимъ, еще не успѣвшимъ отдышаться и обтереть съ лица потъ, прошелъ какой-то гулъ, какой-то необыкновенный шепотъ. Всѣ глаза, всѣ лица начали быстро оборачиваться къ вошедшему гостю. Затѣмъ всѣ тотчасъ же стали понемногу отступать и пятиться. Незамѣчавшихъ дергали за платье и образумливали. Они оглядывались и тотчасъ же пятились вмѣстѣ съ прочими. Иванъ Ильичъ все еще стоялъ въ дверяхъ, не двигаясь ни шагу впередъ, а между нимъ и гостями все болѣе и болѣе очищалось открытое пространство, усѣянное на полу безчисленными конфетными бумажками, билетиками и окурками папиросъ. Вдругъ въ это пространство робко выступилъ молодой человѣкъ, въ вицмундирѣ, съ вихроватыми, бѣлокурыми волосами и съ горбатымъ носомъ. Онъ подвигался впередъ, согнувшись и

смотря на неожиданнаго гостя совершенно съ такимъ же точно видомъ, съ какимъ собака смотритъ на своего хозяина, зовущаго ее, чтобы дать ей пинка.

— Здравствуй, Пселдонимовъ, узнаешь?.. — сказалъ Иванъ Ильичъ, и въ то же мгновеніе почувствовалъ, что онъ это ужасно неловко сказалъ: онъ почувствовалъ тоже, что, можетъ быть, дѣлаетъ въ эту минуту страшнѣйшую глупость.

— В-в-ваше прево-сходительство!.. — пробормоталъ Пселдонимовъ.

— Ну, то-то. Я, братъ, къ тебѣ совершенно случайно зашелъ, какъ, вѣроятно, ты и самъ можешь это себѣ представить.

Но Пселдонимовъ, очевидно, ничего не могъ представить. Онъ стоялъ, выпучивъ глаза, въ ужасающемъ недоумѣніи.

— Вѣдь не прогонишь же ты меня, полагаю... Радъ не радъ, а гостя принимай!... — продолжалъ Иванъ Ильичъ, чувствуя, что конфузится до неприличной слабости, желаетъ улыбнуться, но уже не можетъ; что юмористическій разсказъ о Степанѣ Никифоровичѣ и Трифонѣ становился все болѣе и болѣе невозможнымъ. Но Пселдонимовъ, какъ нарочно, не выходилъ изъ столбняка и продолжалъ смотрѣть съ совершенно дурацкимъ видомъ. Ивана Ильича передернуло, онъ чувствовалъ, что еще одна такая минута и произойдетъ невѣроятный сумбуръ.

— Я ужъ не помѣшалъ ли чему... я иду! — едва выговорилъ онъ, и какая-то жилка затрепетала у праваго края его губъ...

Но Пселдонимовъ уже опомнился...

— Ваше превосходительство, помилуйте-съ...

Честь . . . — бормоталъ онъ, утороплепно кланяясь, — удостойте присѣсть-съ . . . — И еще болѣе очнувшись, онъ обѣими руками указывалъ ему на диванъ, отъ котораго для танцевъ отодвинули столъ . . .

Иванъ Ильичъ отдохнулъ душою и опустился на диванъ; тотчасъ же кто-то кинулся придвигать столъ. Онъ бѣгло осмотрѣлся и замѣтилъ, что онъ одинъ сидитъ, а всѣ другіе стоятъ, даже дамы. Признакъ дурной. Но напоминать и ободрять было еще не время. Гости все еще пятились, а передъ нимъ, скрючившись, стоялъ все еще одинъ только Пселдонимовъ, все еще ничего не понимающій и далеко не улыбающійся. Было скверно, короче: въ эту минуту нашъ герой вынесъ столько тоски, что, дѣйствительно, его гарунъ-аль-рашидское нашествіе, ради принципа, къ подчиненному могло бы почесться подвигомъ. Но вдругъ какая-то фигурка очутилась подлѣ Пселдонимова и начала кланяться. Къ невыразимому своему удовольствію и даже счастью, Иванъ Ильичъ тотчасъ же распозналъ столоначальника изъ своей канцеляріи, Акима Петровича Зубикова, съ которымъ онъ хоть, конечно, и не былъ знакомъ, но зналъ его за дѣльнаго и безсловеснаго чиновника. Онъ немедленно всталъ и протянулъ Акиму Петровичу руку, всю руку, а не два пальца. Тотъ принялъ ее обѣими ладонями въ глубочайшемъ почтеніи. Генералъ торжествовалъ; все было спасено.

И дѣйствительно, теперь уже Пселдонимовъ былъ, такъ сказать, не второе, а уже третье лицо. Съ разсказомъ можно было обратиться прямо къ столоначальнику, за нужду принявъ его за знакомаго и даже короткаго, а Пселдонимовъ тѣмъ вре-

менемъ могъ только молчать и трепетать отъ благоговѣнія. Слѣдственно приличія были соблюдены. А разсказъ былъ необходимъ; Иванъ Ильичъ это чувствовалъ; онъ видѣлъ, что всѣ гости ожидаютъ чего-то, что въ обѣихъ дверяхъ столпились даже всѣ домочадцы и чуть не влѣзаютъ другъ на друга, чтобъ его поглядѣть и послушать. Скверно было то, что столоначальникъ, по глупости своей, все еще не садился.

— Что же вы! — проговорилъ Иванъ Ильичъ, неловко указывая ему подлѣ себя на диванѣ.

— Помилуйте-съ... я и здѣсь-съ... — и Акимъ Петровичъ быстро сѣлъ на стулъ, подставленный ему почти на лету упорно оставшимся на ногахъ Пселдонимовымъ.

— Можете себѣ представить случай, — началъ Иванъ Ильичъ, обращаясь исключительно къ Акиму Петровичу нѣсколько дрожащимъ, но уже развязнымъ голосомъ. Онъ даже растягивалъ и раздѣлялъ слова, ударялъ на слоги, букву *а* сталъ выговаривать какъ-то на *э*, однимъ словомъ, самъ чувствовалъ и сознавалъ, что кривляется, но уже совладать съ собою не могъ: дѣйствовала какая-то внѣшняя сила. Онъ ужасно много и мучительно сознавалъ въ эту минуту.

— Можете себѣ представить, я только что отъ Степана Никифоровича Никифорова, слышали, можетъ быть, тайный совѣтникъ. Ну... въ этой комиссіи...

Акимъ Петровичъ почтительно нагнулся всѣмъ корпусомъ впередъ: «Дескать, какъ не слыхать-съ».

— Онъ теперь твой сосѣдъ, — продолжалъ Иванъ Ильичъ, на одинъ мигъ, для приличія и для непринужденности, обращаясь къ Пселдонимову, но

быстро отворотился, увидавъ тотчасъ же по глазамъ Пселдонимова, что тому это рѣшительно все равно.

— Старикъ, какъ вы знаете, бредилъ всю жизнь купить себѣ домъ... Ну и купилъ. И прехорошенькій домъ. Да... А тутъ и его рожденіе сегодня подошло, и вѣдь никогда прежде не праздновалъ, даже таилъ отъ насъ, отнѣкивался по скупости, хе-хе! А теперь такъ обрадовался новому дому, что пригласилъ меня и Семена Ивановича. Знаете: Шипуленко.

Акимъ Петровичъ опять нагнулся. Съ усердіемъ нагнулся! Иванъ Ильичъ нѣсколько утѣшился. А то ужъ ему приходило въ голову, что столоначальникъ, пожалуй, догадывается, что онъ, въ эту минуту, необходимая точка опоры для его превосходительства. Это было бы всего сквернѣе.

— Ну, посидѣли втроемъ, шампанскаго намъ поставилъ, поговорили о дѣлахъ... Ну, о томъ, о семъ... о во-про-сахъ... Даже пос-по-рили... Хе-хе!

Акимъ Петровичъ почтительно поднялъ брови.

— Только дѣло не въ томъ. Прощаюсь съ нимъ, наконецъ, старикъ аккуратный, ложится рано, знаете, къ старости. Выхожу... нѣтъ моего Трифона! Тревожусь, разспрашиваю: «Куда дѣвалъ Трифонъ карету?» Открывается, что онъ, понадѣясь, что я засижусь, отправился на свадьбу къ какой-то своей кумѣ, или къ сестрѣ... ужъ Богъ его знаетъ. Здѣсь же гдѣ-то на Петербургской. Да и карету ужъ кстати съ собою захватилъ. — Генералъ опять для приличія взглянулъ на Пселдонимова. Того немедленно скрючило, но вовсе не такъ,

какъ надобно было генералу. «Сочувствія, сердца нѣтъ», промелькнуло въ его головѣ.

— Скажите! — проговорилъ глубоко пораженный Акимъ Петровичъ. Маленькій гулъ удивленія прошелъ по всей толпѣ.

— Можете себѣ представить мое положеніе... (Иванъ Ильичъ взглянулъ на всѣхъ.) Нечего дѣлать, иду пѣшкомъ. Думаю, добреду до Большого проспекта, да и найду какого-нибудь Ваньку... хе-хе!

— Хи-хи-хи! — почтительно отозвался Акимъ Петровичъ. Опять гулъ, но уже на веселый ладъ прошелъ по толпѣ. Въ это время съ трескомъ лопнуло стекло на стѣнной лампѣ. Кто-то съ жаромъ бросился поправлять ее. Пселдонимовъ встрепенулся и строго посмотрѣлъ на лампу, но генералъ даже не обратилъ вниманія, и все успокоилось.

— Иду... а ночь такая прекрасная, тихая. Вдругъ слышу музыку, топотъ, танцуютъ. Любопытствую у городового: Пселдонимовъ женится. Да ты, братъ, на всю Петербургскую Сторону балы задаешь? Ха-ха, — вдругъ обратился онъ опять къ Пселдонимову.

— Хи-хи-хи! Да-съ... — отозвался Акимъ Петровичъ; гости опять пошевелились, но всего глупѣе было то, что Пселдонимовъ хоть и поклонился опять, но даже и теперь не улыбнулся, точно онъ былъ деревянный. «Да онъ дуракъ, что ли!» подумалъ Иванъ Ильичъ, «тутъ бы и улыбаться ослу, и все бы пошло какъ по маслу». Нетерпѣніе бушевало въ его сердцѣ. — Думаю, дай войду къ подчиненному. Вѣдь не прогонитъ же онъ меня... радъ не радъ, а принимай гостя. Ты, братъ, пожалуйста

извини. Если я чѣмъ помѣшалъ, я уйду . . . Я вѣдь только зашелъ посмотрѣть . . .

Но мало-по-малу уже начиналось всеобщее движеніе. Акимъ Петровичъ смотрѣлъ съ услащеннымъ видомъ: «Дескать, можете ли, ваше превосходительство, помѣшать?» Всѣ гости пошевелились и стали обнаруживать первые признаки развязности. Дамы почти всѣ уже сидѣли. Знакъ добрый и положительный. Посмѣлѣе изъ нихъ обмахивались платочками. Одна изъ нихъ, въ истертомъ бархатномъ платьѣ, что-то нарочно громко проговорила. Офицеръ, къ которому она обратилась, хотѣлъ было ей отвѣтить тоже погромче, но такъ какъ они были только двое изъ громкихъ, то спасовалъ. Мужчины, все болѣе канцеляристы и два-три студента, переглядывались, какъ бы подталкивая другъ друга развернуться, откашливались и тоже начали ступать по два шага въ разныя стороны. Впрочемъ, никто особенно не робѣлъ, а только всѣ были дики и почти всѣ про себя враждебно смотрѣли на персону, ввалившуюся къ нимъ, чтобъ нарушить ихъ веселье. Офицеръ, устыдясь своего малодушія, началъ понемногу приближаться къ столу.

— Да послушай, братъ, позволь спросить, какъ твое имя и отчество? — спросилъ Иванъ Ильичъ Пселдонимова.

— Порфирій Петровъ, ваше превосходительство, — отвѣчалъ тотъ выпуча глаза, точно на смотру.

— Познакомь же меня, Порфирій Петровичъ, съ твоей молодой женой . . . Поведи меня . . . я . . .

И онъ обнаружилъ было желаніе привстать. Но Пселдонимовъ кинулся со всѣхъ ногъ въ гостиную. Впрочемъ, молодая стояла тутъ же въ дверяхъ, но

только что услыхала, что о ней идетъ рѣчь, тотчасъ спряталась. Черезъ минуту Пселдонимовъ вывелъ ее за руку. Всѣ разступались, давая имъ ходъ. Иванъ Ильичъ торжественно привсталъ и обратился къ ней съ самой любезной улыбкой.

— Очень, очень радъ познакомиться, — произнесъ онъ съ самымъ великосвѣтскимъ полупоклономъ, — и тѣмъ болѣе въ такой день . . .

Онъ прековарно улыбнулся. Дамы пріятно заволновались.

— Шарме, — произнесла дама въ бархатномъ платьѣ, почти вслухъ.

Молодая стоила Пселдонимова. Это была худенькая дамочка, всего еще лѣтъ семнадцати, блѣдная, съ очень маленькимъ лицомъ и съ востренькимъ носикомъ. Маленькіе глазки ея, быстрые и бѣглые, вовсе не конфузились, напротивъ, смотрѣли пристально и даже съ оттѣнкомъ какой-то злости. Очевидно, Пселдонимовъ бралъ ее за красоту. Одѣта она была въ бѣлое кисейное платье на розовомъ чехлѣ. Шея у нея была худенькая, тѣло цыплячье, выставлялись кости. На привѣтъ генерала она ровно ничего не сумѣла сказать.

— Да она у тебя прехорошенькая, — продолжалъ онъ вполголоса, какъ будто обращаясь къ одному Пселдонимову, но нарочно такъ, чтобъ и молодая слышала. Но Пселдонимовъ ровно ничего и тутъ не отвѣтилъ, даже и не покачнулся на этотъ разъ. Ивану Ильичу показалось даже, что въ глазахъ его есть что-то холодное, затаенное, даже что-то себѣ на умѣ, особенное, злокачественное. И однакожъ, во что бы то ни стало надо было добиться чувствительности. Вѣдь для нея-то онъ и пришелъ.

— Однако, парочка! — подумалъ онъ. — Впрочемъ . . .

И онъ снова обратился къ молодой, помѣстившейся возлѣ него на диванѣ, но на два или на три вопроса свои получилъ опять только «да» и «нѣтъ», да и тѣхъ, правда, вполнѣ не получилъ.

«Хоть бы она поконфузилась, продолжалъ онъ про себя. Я бы тогда шутить началъ. А то вѣдь мое-то положеніе безвыходное». И Акимъ Петровичъ, какъ нарочно, тоже молчалъ, хоть и по глупости, но все же было неизвинительно. — Господа! Ужъ я не помѣшалъ ли вашимъ удовольствіямъ? — обратился было онъ ко всѣмъ вообще. Онъ чувствовалъ, что у него даже ладони потѣютъ.

— Нѣтъ-съ . . . Не безпокойтесь, ваше превосходительство, сейчасъ начнемъ, а теперь.... прохлаждаемся-съ, — отвѣчалъ офицеръ. Молодая съ удовольствіемъ на него поглядѣла: офицеръ былъ еще не старъ и носилъ мундиръ какой-то команды. Пселдонимовъ стоялъ тутъ же, подавшись впередъ, и, казалось, еще болѣе, чѣмъ прежде, выставлялъ свой горбатый носъ. Онъ слушалъ и смотрѣлъ какъ лакей, стоящій съ шубой въ рукахъ и ожидающій окончанія прощальнаго разговора своихъ господъ. Это сравненіе сдѣлалъ самъ Иванъ Ильичъ; онъ терялся, онъ чувствовалъ, что ему неловко, ужасно неловко, что почва ускользаетъ изъ-подъ его ногъ, что онъ куда-то зашелъ и не можетъ выйти, точно въ потемкахъ.

Вдругъ всѣ разступились, и появилась невысокая и плотная женщина, уже пожилая, одѣтая просто, хотя и принарядившаяся, въ большомъ платкѣ на плечахъ, зашпиленномъ у горла, и въ чепчикѣ, къ

которому она видимо не привыкла. Въ рукахъ ея былъ небольшой круглый подносъ, на которомъ стояла непочатая, но уже раскупоренная бутылка шампанскаго и два бокала, ни больше, ни меньше. Бутылка, очевидно, началась только для двухъ гостей.

Пожилая женщина приблизилась къ генералу:

— Ужъ не взыщите, ваше превосходительство, — сказала она, кланяясь, — а ужъ коль не погнушались нами, оказали честь къ сыночку на свадьбу пожаловать, такъ ужъ просимъ милости, поздравьте виномъ молодыхъ. Не погнушайтесь, окажите честь.

Иванъ Ильичъ схватился за нее какъ за спасеніе. Она была еще вовсе не старая жнщина, лѣтъ сорока пяти или шести — не больше. Но у ней было такое доброе, румяное, такое открытое, круглое русское лицо, она такъ добродушно улыбалась, такъ просто кланялась, что Иванъ Ильичъ почти утѣшился и началъ было надѣяться.

— Такъ вы-ы-ы ро-ди-тель-ница вашего сына? — сказалъ онъ, привставъ съ дивана.

— Родительница, ваше превосходительство, — промямлилъ Пселдонимовъ, вытягивая свою длинную шею и снова выставляя свой носъ.

— А! Очень радъ, о-чень радъ познакомиться.

— Такъ не побрезгайте, ваше превосходительство.

— Съ превеликимъ даже удовольствіемъ.

Подносъ поставили, вино налилъ подскочившій Пселдонимовъ. Иванъ Ильичъ, все еще стоя, взялъ бокалъ.

— Я особенно, особенно радъ этому случаю, что могу... — началъ онъ, — что могу... при

семъ засвидѣтельствовать... Однимъ словомъ, какъ начальникъ... желаю вамъ, сударыня (онъ обратился къ новобрачной), и тебѣ, мой другъ, Порфирій — желаю полнаго, благополучнаго и долгаго счастья.

И онъ даже съ чувствомъ выпилъ бокалъ, счетомъ седьмой въ этотъ вечеръ. Пселдонимовъ смотрѣлъ серьезно и даже угрюмо. Генералъ начиналъ мучительно его ненавидѣть.

Да и этотъ верзила (онъ взглянулъ на офицера) тутъ же торчитъ. Ну что бы ему прокричать: ура! И пошло бы, пошло бы...

— Да и вы, Акимъ Петровичъ, выпейте и поздравьте, — прибавила старуха, обращаясь къ столоначальнику. — Вы начальникъ, онъ вамъ подчиненный. Наблюдайте сыночка-то, какъ мать прошу. Да и впредь насъ не забывайте, голубчикъ нашъ, Акимъ Петровичъ, добрый вы человѣкъ.

— А вѣдь какія славныя эти русскія старухи!— подумалъ Иванъ Ильичъ. — Всѣхъ оживила. Я всегда любилъ народность...

Въ эту минуту къ столу поднесли еще подносъ. Несла дѣвка, въ шумящемъ, еще немытомъ ситцевомъ платьѣ и въ кринолинѣ. Она едва обхватывала подносъ руками, такъ онъ былъ великъ. На немъ стояло безчисленное множество тарелочекъ съ яблоками, съ конфетами, съ пастилой, съ мармеладомъ, съ грецкими орѣхами и проч., и проч. Подносъ стоялъ до сихъ поръ въ гостиной, для угощенія всѣхъ гостей, и преимущественно дамъ. Но теперь его перенесли къ одному генералу.

— Не побрезгайте, ваше превосходительство, нашимъ яствомъ. Чѣмъ богаты, тѣмъ и рады, — повторяла, кланяясь, старуха.

— Помилуйте... — сказалъ Иванъ Ильичъ и даже съ удовольствіемъ взялъ и раздавилъ между пальцами одинъ грецкій орѣхъ. Онъ ужъ рѣшился быть до конца популярнымъ.

Между тѣмъ молодая вдругъ захихикала.

— Что-съ? — спросилъ Иванъ Ильичъ съ улыбкой, обрадовавшись признакамъ жизни.

— Да вотъ-съ, Иванъ Кастенькинычъ смѣшитъ, — отвѣчала она, потупившись.

Генералъ дѣйствительно разсмотрѣлъ одного бѣлокураго юношу, очень недурного собой, спрятавшагося на стулѣ, съ другой стороны дивана и что-то нашептывавшаго m-me Пселдонимовой. Юноша привсталъ. Онъ, повидимому, былъ очень застѣнчивъ и очень молодъ.

— Я про «сонникъ» имъ говорилъ, ваше превосходительство, — пробормоталъ онъ, какъ будто извиняясь.

— Про какой же это сонникъ? — спросилъ Иванъ Ильичъ снисходительно.

— Новый сонникъ-съ есть-съ, литературный-съ. Я имъ говорилъ-съ, если господина Панаева во снѣ увидѣть-съ, то это значитъ кофеемъ манишку залить-съ.

«Экая невинность», подумалъ даже со злобой Иванъ Ильичъ. Молодой человѣкъ хоть и очень разрумянился, говоря это, но до невѣроятности былъ радъ, что разсказалъ про господина Панаева.

— Ну, да, да, я слышалъ... — отозвался его превосходительство.

— Нѣтъ, вотъ еще лучше есть, — проговорилъ другой голосъ подлѣ самого Ивана Ильича, — новый лексиконъ издается, такъ, говорятъ, господинъ

Краевскій будетъ писать статьи, Алфераки... и обличительная литература..

Проговорилъ это молодой человѣкъ, но уже не конфузливый, а довольно развязный. Онъ былъ въ перчаткахъ, бѣломъ жилетѣ и держалъ шляпу въ рукахъ. Онъ не танцовалъ, смотрѣлъ высокомѣрно, потому что былъ одинъ изъ сотрудниковъ сатирическаго журнала «Головешка», задавалъ тону и попалъ на свадьбу случайно, приглашенный какъ почтенный гость Пселдонимовымъ, съ которымъ былъ на *ты* и съ которымъ, еще прошлаго года, вмѣстѣ бѣдствовалъ у одной нѣмки «въ углахъ». Водку онъ однакожъ пилъ и уже неоднократно для этого отлучался въ одну укромную заднюю комнатку, куда всѣ знали дорогу. Генералу онъ ужасно не понравился.

— И это потому смѣшно-съ, — съ радостью перебилъ вдругъ бѣлокурый юноша, разсказавшій про манишку и на котораго сотрудникъ въ бѣломъ жилетѣ посмотрѣлъ за это съ ненавистью, — потому смѣшно, ваше превосходительство, что сочинителемъ полагается, будто бы господинъ Краевскій правописанія не знаетъ и думаетъ, что «обличительную литературу» надо писать *обличительная литература*...

Но бѣдный юноша едва докончилъ. Онъ по глазамъ увидалъ, что генералъ давно уже это знаетъ, потому что самъ генералъ тоже какъ будто сконфузился и очевидно оттого, что зналъ это. Молодому человѣку стало до невѣроятности совѣстно. Онъ успѣлъ куда-то поскорѣе стушеваться и потомъ все остальное время былъ очень грустенъ. Взамѣнъ того развязный сотрудникъ «Головешки» подошелъ еще ближе и, казалось, намѣ-

ревался гдѣ-нибудь поблизости сѣсть. Такая развязность показалась Ивану Ильичу нѣсколько щекотливой.

— Да! Скажи пожалуйста, Порфирій, — началъ онъ, чтобы что-нибудь говорить; — почему — я все тебя хотѣлъ спросить объ этомъ лично — почему тебя зовутъ Пселдонимовъ, а не Псевдонимовъ? Вѣдь ты, навѣрное, Псевдонимовъ?

— Не могу въ точности доложить, ваше превосходительство, — отвѣчалъ Пселдонимовъ.

— Это вѣрно еще его отцу-съ, при поступленіи на службу, въ бумагахъ перемѣшали-съ, такъ что онъ и остался теперь Пселдонимовъ, — отозвался Акимъ Петровичъ. — Это бываетъ-съ.

— Не-пре-мѣн-но-съ, — съ жаромъ подхватилъ генералъ:—не-пре-мѣн-но, потому, сами посудите: Псевдонимовъ, вѣдь это происходитъ отъ литературнаго слова псевдонимъ. Ну, а Пселдонимовъ ничего не означаетъ.

— По глупости-съ, — прибавилъ Акимъ Петровичъ.

— То есть собственно что по глупости?

— Русскій народъ-съ, по глупости, измѣняетъ иногда литеры-съ и выговариваетъ иногда по-своему-съ. Напримѣръ, говорятъ невалидъ, а надо бы сказать инвалидъ-съ.

— Ну, да... невалидъ, хе-хе-хе...

— Мумеръ тоже говорятъ, ваше превосходительство, — брякнулъ высокій офицеръ, у котораго давно уже зудѣло, чтобъ какъ-нибудь отличиться.

— То есть какъ это мумеръ?

— Мумеръ вмѣсто нумеръ, ваше превосходительство.

— Ахъ, да, мумеръ... вмѣсто нумеръ... Ну,

да, да . . . хе-хе-хе! . . — Иванъ Ильичъ принужденъ былъ похихикать и для офицера.

Офицеръ поправилъ галстукъ.

— А то вотъ еще говорятъ: нимо, — ввязался было сотрудникъ «Головешки». Но его превосходительство постарался этого ужъ не разслышать. Не для всѣхъ же было хихикать.

— *Нимо* вмѣсто *мимо,* — приставалъ «сотрудникъ», съ видимымъ раздраженіемъ.

Иванъ Ильичъ строго посмотрѣлъ на него.

— Ну, что присталъ? — шепнулъ Пселдонимовъ «сотруднику».

— Да что жъ это, я разговариваю. Нельзя что ль и говорить, — заспорилъ было тотъ шепотомъ, но однакожъ замолчалъ и съ тайною яростью вышелъ изъ комнаты.

Онъ прямо пробрался въ привлекательную заднюю комнатку, гдѣ для танцующихъ кавалеровъ, еще съ начала вечера, поставлена была на маленькомъ столикѣ, накрытомъ ярославскою скатертью, водка двухъ сортовъ, селедка, икра ломтиками и бутылка крѣпчайшаго хереса изъ національнаго погребка. Со злостью въ сердцѣ онъ налилъ было себѣ водки, какъ вдругъ вбѣжалъ медицинскій студентъ, съ растрепанными волосами, первый танцоръ и канканеръ на балѣ Пселдонимова. Онъ съ торопливою жадностью бросился къ графину.

— Сейчасъ начнутъ! — проговорилъ онъ наскоро, распоряжаясь. — Приходи смотрѣть: соло сдѣлаю вверхъ ногами, а послѣ ужина рискну *рыбку*. Это будетъ даже идти къ свадьбѣ-то. Такъ сказать, дружескій намекъ Пселдонимову . . . Славная эта Клеопатра Семеновна, съ ней все что угодно можно рискнуть.

— Это ретроградъ, — мрачно отвѣчалъ сотрудникъ, выпивая рюмку.

— Кто ретроградъ?

— Да вотъ, особа-то, передъ которой пастилу поставили. Ретроградъ! — я тебѣ говорю.

— Ну ужъ ты! — пробормоталъ студентъ и бросился вонъ изъ комнаты, услышавъ ритурнель кадрили.

Сотрудникъ, оставшись одинъ, налилъ еще себѣ для большаго куражу и независимости, выпилъ, закусилъ, и никогда еще дѣйствительный статскій совѣтникъ Иванъ Ильичъ не пріобрѣталъ себѣ болѣе яростнаго врага и болѣе неумолимаго мстителя, какъ пренебреженный имъ сотрудникъ «Головешки», особенно послѣ двухъ рюмокъ водки. Увы! Иванъ Ильичъ ничего не подозрѣвалъ въ этомъ родѣ. Не подозрѣвалъ онъ и еще одного капитальнѣйшаго обстоятельства, имѣвшаго вліяніе на всѣ дальнѣйшія взаимныя отношенія гостей къ его превосходительству. Дѣло въ томъ, что онъ хоть и далъ съ своей стороны приличное и даже подробное объясненіе своего присутствія на свадьбѣ у своего подчиненнаго, но это объясненіе въ сущности никого не удовлетворило и гости продолжали конфузиться. Но вдругъ все перемѣнилось какъ волшебствомъ, всѣ успокоились и готовы были веселиться, хохотать, визжать и плясать, точно такъ же, какъ если бы неожиданнаго гостя совсѣмъ не было въ комнатѣ. Причиной тому былъ неизвѣстно какимъ образомъ вдругъ разошедшійся слухъ, шепотъ, извѣстіе, что гость-то кажется того... подъ-шефе. И хоть дѣло носило съ перваго взгляда видъ ужаснѣйшей клеветы, но мало-по-малу стало какъ будто оправдываться, такъ

что вдругъ все стало ясно. Мало того, стало вдругъ необыкновенно свободно. И вотъ въ это-то самое мгновеніе и началась кадриль, послѣдняя передъ ужиномъ, на которую такъ торопился медицинскій студентъ.

И только что было Иванъ Ильичъ хотѣлъ снова обратиться къ новобрачной, пытаясь въ этотъ разъ донять ее какимъ-то каламбуромъ, какъ вдругъ къ ней подскочилъ высокій офицеръ и съ размаху сталъ на одно колѣно. Она тотчасъ же вскочила съ дивана и упорхнула съ нимъ, чтобъ стать въ ряды кадрили. Офицеръ даже не извинился, а она даже не взглянула уходя на генерала, даже какъ будто рада была, что избавилась.

— Впрочемъ, въ сущности она въ своемъ правѣ, — подумалъ Иванъ Ильичъ: — да и приличій они не знаютъ. Гм... ты бы, братъ Порфирій, не церемонился, — обратился онъ къ Пселдонимову. — Можетъ, у тебя тамъ есть что-нибудь... насчетъ распоряженій... или тамъ что-нибудь... пожалуйста не стѣсняйся. — Что онъ сторожитъ, что ли меня? — прибавилъ онъ про себя.

Ему становился невыносимъ Пселдонимовъ съ своей длинной шеей и глазами, пристально на него устремленными. Однимъ словомъ, все это было не то, совсѣмъ не то, но Иванъ Ильичъ далеко еще не хотѣлъ въ этомъ сознаться.

Кадриль началась.

— Прикажете, ваше превосходительство? — спросилъ Акимъ Петровичъ, почтительно держа въ рукахъ бутылку и готовясь налить въ бокалъ его превосходительства.

— Я... я, право, не знаю, если...

Но ужъ Акимъ Петровичъ съ благоговѣйно сіяющимъ лицомъ наливалъ шампанское. Наливъ бокалъ, онъ какъ будто украдкой, какъ будто воровскимъ образомъ, ежась и корчась, налилъ и себѣ, съ тою разницею, что себѣ на цѣлый палецъ не долилъ, что было какъ-то почтительнѣе. Онъ былъ какъ женщина въ родахъ, сидя подлѣ ближайшаго своего начальника. Объ чемъ, въ самомъ дѣлѣ, заговорить? А развлечь его превосходительство слѣдовало даже по обязанности, такъ какъ ужъ онъ имѣлъ честь составить ему компанію. Шампанское послужило выходомъ, да и его превосходительству даже пріятно было, что тотъ налилъ, — не для шампанскаго, потому что оно было теплое и гадость естественнѣйшая, а такъ, нравственно пріятно.

— Старику самому хочется выпить, — подумалъ Иванъ Ильичъ, — а безъ меня не смѣетъ. Не задерживать же. Да и смѣшно, если бутылка такъ простоитъ между нами.

Онъ прихлебнулъ, и все-таки оно показалось лучше, чѣмъ такъ-то сидѣть.

— Я вѣдь здѣсь, — началъ онъ съ разстановками и удареніями: — я вѣдь здѣсь, такъ сказать, случайно и, конечно, можетъ быть, иные найдутъ... что мнѣ... такъ сказать, не-при-лично быть на такомъ... собраніи...

Акимъ Петровичъ молчалъ и вслушивался съ робкимъ любопытствомъ.

— Но, я надѣюсь, вы поймете, зачѣмъ я здѣсь... Вѣдь не вино же въ самомъ дѣлѣ я пить пришелъ... Хе-хе!

Акимъ Петровичъ хотѣлъ-было похихикать вслѣдъ за его превосходительствомъ, но какъ-то

осѣкся и опять не отвѣтилъ ровно ничего утѣшительнаго.

— Я здѣсь . . . чтобы, такъ сказать, ободрить... показать, такъ сказать, нравственную, такъ сказать, цѣль, — продолжалъ Иванъ Ильичъ, досадуя на тупость Акима Петровича, но вдругъ и самъ замолчалъ. Онъ увидѣлъ, что бѣдный Акимъ Петровичъ даже глаза опустилъ, точно въ чемъ-то виноватый. Генералъ въ нѣкоторомъ замѣшательствѣ поспѣшилъ еще разъ отхлебнуть изъ бокала, а Акимъ Петровичъ, какъ будто все спасеніе его было въ этомъ, схватилъ бутылку и подлилъ снова.

— А немного жъ у тебя рессурсовъ, — подумалъ Иванъ Ильичъ, строго смотря на бѣднаго Акима Петровича. Тотъ же, предчувствуя на себѣ этотъ строгій генеральскій взглядъ, рѣшился ужъ молчать окончательно и глазъ не подымать. Такъ они просидѣли другъ передъ другомъ минуты двѣ, двѣ болѣзненныя минуты для Акима Петровича.

Два слова объ Акимѣ Петровичѣ. Это былъ человѣкъ смирный, какъ курица, самаго стараго закала, взлелѣянный на подобострастіи и между тѣмъ человѣкъ добрый и даже благородный. Онъ былъ изъ петербургскихъ русскихъ, то есть и отецъ и отецъ отца его родились, выросли и служили въ Петербургѣ, и ни разу не выѣзжали изъ Петербурга. Это совершенно особый типъ русскихъ людей. Объ Россіи они почти не имѣютъ ни малѣйшаго понятія, о чемъ вовсе и не тревожатся. Весь интересъ ихъ суженъ Петербургомъ, и, главное, мѣстомъ ихъ службы. Всѣ заботы ихъ сосредоточены около копеечнаго преферанса, лавочки и мѣсячнаго жалованія. Они не знаютъ ни одного русскаго обычая, ни одной русской пѣсни, кромѣ

«Лучинушки», да и то потому только, что ее играютъ шарманки. Впрочемъ, есть два существенные и незыблемые признака, по которымъ вы тотчасъ же отличите настоящаго русскаго отъ петербургскаго русскаго. Первый признакъ состоитъ въ томъ, что всѣ петербургскіе русскіе, всѣ безъ исключенія, никогда не говорятъ: «Петербургскія Вѣдомости», а всегда говорятъ: «Академическія Вѣдомости». Второй, одинаково существенный, признакъ состоитъ въ томъ, что петербургскій русскій никогда не употребляетъ слово: «завтракъ», а всегда говоритъ: «фрыштикъ», особенно напирая на звукъ *фры*. По этимъ двумъ кореннымъ и отличительнымъ признакамъ вы ихъ различите; однимъ словомъ, это типъ смиренный и окончательно выработавшійся въ послѣднія тридцать пять лѣтъ. Впрочемъ, Акимъ Петровичъ былъ вовсе не дуракъ. Спроси его генералъ объ чемъ-нибудь подходящемъ къ нему, онъ бы и отвѣтилъ и поддержалъ разговоръ, а то вѣдь неприлично подчиненному и отвѣчать-то на такіе вопросы, хотя Акимъ Петровичъ умиралъ отъ любопытства узнать что-нибудь подробнѣе о настоящихъ намѣреніяхъ его превосходительства . . .

А между тѣмъ Иванъ Ильичъ все болѣе и болѣе впадалъ въ раздумье и въ какое-то коловращеніе идей; въ разсѣянности онъ непримѣтно, но поминутно прихлебывалъ изъ бокала. Акимъ Петровичъ тотчасъ же и усерднѣйше ему подливалъ. Оба молчали. Иванъ Ильичъ началъ было смотрѣть на танцы, и вскорѣ они нѣсколько привлекли его вниманіе. Вдругъ одно обстоятельство даже удивило его...

Танцы дѣйствительно были веселы. Тутъ именно танцовалось въ простотѣ сердецъ, чтобъ весе-

литься и даже бѣситься. Изъ танцоровъ ловкихъ было очень немного; но неловкіе такъ сильно притопывали, что ихъ можно было принять и за ловкихъ. Отличался, во-первыхъ, офицеръ: онъ особенно любилъ фигуры, гдѣ оставался одинъ, въ родѣ соло. Тутъ онъ удивительно изгибался, а именно: весь прямой, какъ верста, онъ вдругъ склонялся набокъ, такъ что вотъ, думаешь, упадетъ; но съ слѣдующимъ шагомъ онъ вдругъ склонялся въ противоположную сторону, подъ тѣмъ же косымъ угломъ къ полу. Выраженіе лица онъ наблюдалъ серьезнѣйшее и танцовалъ въ полномъ убѣжденіи, что ему всѣ удивляются. Другой кавалеръ со второй фигуры заснулъ подлѣ своей дамы, нагрузившись предварительно еще до кадрили, такъ что дама его должна была танцовать одна. Молодой регистраторъ, отплясывавшій съ дамой въ голубомъ шарфѣ, во всѣхъ фигурахъ и во всѣхъ пяти кадриляхъ, которыя протанцованы были въ этотъ вечеръ, выкидывалъ все одну и ту же штуку: а именно, онъ нѣсколько отставалъ отъ своей дамы, подхватывалъ кончикъ ея шарфа, и на лету, при переходѣ визави, успѣвалъ влѣплять въ этотъ кончикъ десятка два поцѣлуевъ. Дама же, впереди его, плыла, какъ будто ничего не замѣчая. Медицинскій студентъ, дѣйствительно, сдѣлалъ соло верхъ ногами и произвелъ неистовый восторгъ, топотъ и взвизги удовольствія. Однимъ словомъ, непринужденность была чрезвычайная. Иванъ Ильичъ, на котораго и вино подѣйствовало, началъ было улыбаться, но мало-по-малу какое-то горькое сомнѣніе начало закрадываться въ его душу: конечно, онъ очень любилъ развязность и непринужденность; онъ желалъ, онъ даже душевно звалъ

ее, эту развязность, когда всѣ пятились, и вотъ теперь эта развязность уже стала выходить изъ границъ. Одна дама, напримѣръ, въ истертомъ синемъ бархатномъ платьѣ, перекупленномъ изъ четвертыхъ рукъ, въ шестой фигурѣ, зашпилила свое платье булавками, такъ что выходило какъ будто она въ панталонахъ. Это была та самая Клеопатра Семеновна, съ которой можно было все рискнуть, по выраженію ея кавалера, медицинскаго студента. Объ медицинскомъ студентѣ и говорить было нечего: просто Фокинъ. Какъ же это? То пятились, а то вдругъ такъ скоро эмансипировались! Кажись бы и ничего, но какъ-то страненъ былъ этотъ переходъ: онъ что-то предвѣщалъ. Точно совсѣмъ они и забыли, что есть на свѣтѣ Иванъ Ильичъ. Разумѣется, онъ хохоталъ первый и даже рискнулъ апплодировать. Акимъ Петровичъ почтительно хихикалъ ему въ унисонъ, хотя, впрочемъ, съ видимымъ удовольствіемъ, и не подозрѣвая, что его превосходительство начиналъ уже откармливать въ сердцѣ своемъ новаго червяка.

— Славно, молодой человѣкъ, танцуете, — принужденъ былъ Иванъ Ильичъ сказать студенту, проходившему мимо, только что кончилась кадриль.

Студентъ круто повернулся къ нему, скорчилъ какую-то гримасу и, приблизивъ свое лицо къ его превосходительству на близкое до неприличія разстояніе, во все горло прокричалъ пѣтухомъ. Это уже было слишкомъ. Иванъ Ильичъ всталъ изъ-за стола. Несмотря на то, послѣдовалъ залпъ неудержимаго хохоту, потому что крикъ пѣтуха былъ удивительно натуралъ, а вся гримаса совершенно неожиданна. Иванъ Ильичъ еще стоялъ въ недоумѣніи, какъ вдругъ явился самъ Пселдони-

мовъ и, кланяясь, сталъ просить къ ужину. Вслѣдъ за нимъ явилась и мать его.

— Батюшка, ваше превосходительство, — говорила она, кланяясь: — окажите честь, не погнушайтесь нашей бѣдностью...

— Я... я, право, не знаю... — началъ было Иванъ Ильичъ: — я вѣдь не для того... я... хотѣлъ было ужъ идти...

Дѣйствительно, онъ держалъ въ рукахъ шапку. Мало того: тутъ же въ это самое мгновеніе, онъ далъ себѣ честное слово непремѣнно, сейчасъ же, во что бы то ни стало уйти и ни за что не оставаться и... остался. Черезъ минуту онъ открылъ шествіе къ столу. Пселдонимовъ и мать его шли передъ нимъ и раздвигали ему дорогу. Посадили его на самое почетное мѣсто, и опять непочатая бутылка шампанскаго очутилась передъ его приборомъ. Стояла закуска: селедка и водка. Онъ протянулъ руку, самъ налилъ огромную рюмку водки и выпилъ. Онъ никогда прежде не пилъ водки. Онъ чувствовалъ, что какъ будто катится съ горы, летитъ, летитъ, летитъ, что надо бы удержаться, уцѣпиться за что-нибудь, но нѣтъ къ тому никакой возможности.

Дѣйствительно, положеніе его становилось все болѣе и болѣе эксцентричнымъ. Мало того: это была какая-то насмѣшка судьбы. Съ нимъ Богъ знаетъ что произошло въ какой-нибудь часъ. Когда онъ входилъ, онъ, такъ сказать, простиралъ объятія всему человѣчеству и всѣмъ своимъ подчиненнымъ; и вотъ, не прошло какого-нибудь часу, и онъ, всѣми болями своего сердца, слышалъ и зналъ, что онъ ненавидитъ Пселдонимова, проклинаетъ его, жену его и свадьбу его. Мало того: онъ

по лицу, по глазамъ однимъ видѣлъ, что и самъ Пселдонимовъ его ненавидитъ, что онъ смотритъ, чуть-чуть не говоря: «А чтобъ ты провалился, проклятый! Навязался на шею!..» Все это онъ уже давно прочелъ въ его взглядѣ.

Конечно, Иванъ Ильичъ, даже и теперь, садясь за столъ, далъ бы себѣ скорѣе руку отсѣчь, чѣмъ признался бы искренно, не только вслухъ, но даже себѣ самому, что все это, дѣйствительно, точно такъ было. Минута еще вполнѣ не пришла, а теперь еще было какое-то нравственное балансе. Но сердце, сердце . . . оно ныло! оно просилось на волю, на воздухъ, на отдыхъ. Вѣдь слишкомъ ужъ добрый человѣкъ былъ Иванъ Ильичъ.

Онъ вѣдь зналъ, очень хорошо зналъ, что еще давно бы надо было уйти, и не только уйти, но даже спасаться. Что все это вдругъ стало не тѣмъ, ну совершенно не такъ обернулось, какъ мечталось давеча на мосткахъ.

Я вѣдь зачѣмъ пришелъ? Я развѣ затѣмъ пришелъ, чтобъ здѣсь ѣсть и пить? — спрашивалъ онъ себя, закусывая селедкой. Онъ даже приходилъ въ отрицаніе. Въ душѣ его шевелилась мгновеніями иронія на собственный подвигъ. Онъ начиналъ даже самъ не понимать, зачѣмъ въ самомъ дѣлѣ онъ вошелъ?

Но какъ было уйти? Такъ уйти, не докончивъ, было невозможно. Что скажутъ? Скажутъ, что я по неприличнымъ мѣстамъ таскаюсь. Оно даже и въ самомъ дѣлѣ выйдетъ такъ, если не докончить. Что скажетъ, напримѣръ, завтра же (потому что вѣдь вездѣ разнесется) Степанъ Никифорычъ, Семенъ Иванычъ, въ канцеляріяхъ, у Шембелей, у Шубиныхъ? Нѣтъ, надо такъ уйти,

чтобъ они всѣ поняли, зачѣмъ я приходилъ, надо нравственную цѣль обнаружить... А между тѣмъ патетическій моментъ никакъ не давался. Они даже не уважаютъ меня, — продолжалъ онъ. Чему они смѣются? Они такъ развязны, какъ будто безчувственные... Да, я давно подозрѣвалъ все молодое поколѣніе въ безчувственности! Надо остаться, во что бы то ни стало!.. Теперь они танцовали, а вотъ за столомъ будутъ въ сборѣ... Заговорю о вопросахъ, о реформахъ, о величіи Россіи... я ихъ еще увлеку! Да! можетъ быть, еще совершенно ничего не потеряно... Можетъ быть, такъ и всегда бываетъ въ дѣйствительности. Съ чего бы только съ ними начать, чтобъ ихъ привлечь? Какой бы это такой пріемъ изобрѣсть? Теряюсь, просто теряюсь... И чего имъ надо, чего они требуютъ? Я вижу, они тамъ пересмѣиваются. Ужъ не надо мной ли, Господи Боже! Да чего мнѣ-то надо... я-то чего здѣсь, чего я-то не ухожу, чего добиваюсь?.. Онъ думалъ это, и какой-то стыдъ, какой-то глубокій, невыносимый стыдъ, все болѣе и болѣе надрывалъ его сердце.

— — —

Но все ужъ такъ и шло, одно къ другому.

Ровно двѣ минуты спустя, какъ онъ сѣлъ за столъ, одна страшная мысль овладѣла всѣмъ существомъ его. Онъ вдругъ почувствовалъ, что ужасно пьянъ, то есть не такъ какъ прежде, а пьянъ окончательно. Причиною тому была рюмка водки, выпитая вслѣдъ за шампанскимъ и оказавшая немедленно дѣйствіе. Онъ чувствовалъ, слышалъ всѣмъ существомъ своимъ, что слабѣетъ окончательно. Конечно, куражу прибавилось много, но сознаніе не оставляло его и кричало ему: «нехо-

рошо, очень нехорошо, и даже совсѣмъ неприлично!» Конечно, неустойчивыя пьяныя думы не могли остановиться на одной точкѣ: въ немъ вдругъ явились, даже осязательно для него же самого, какія-то двѣ стороны. Въ одной былъ куражъ, желаніе побѣды, ниспроверженіе препятствій и отчаянная увѣренность въ томъ, что онъ еще достигнетъ цѣли. Другая сторона давала себя знать мучительнымъ нытьемъ въ душѣ и какимъ-то засосомъ на сердцѣ. «Что скажутъ? Чѣмъ это кончится? Что завтра-то будетъ, завтра, завтра!...»

Прежде онъ какъ-то глухо предчувствовалъ, что между гостями у него уже есть враги. «Это оттого, что я вѣрно и давеча былъ пьянъ», — подумалъ онъ съ мучительнымъ сомнѣніемъ. Каковъ же былъ его ужасъ, когда онъ дѣйствительно, по несомнѣннѣйшимъ признакамъ, увѣрился теперь, что за столомъ, дѣйствительно, были враги его, и что въ этомъ уже нельзя сомнѣваться!

— И за что! За что! — думалъ онъ.

За этимъ столомъ помѣстились всѣ человѣкъ тридцать гостей, изъ которыхъ уже нѣкоторые были окончательно готовы. Другіе вели себя съ какою-то небрежною, злокачественною независимостью, кричали, говорили всѣ вслухъ, провозглашали преждевременно тосты, перестрѣливались съ дамами хлѣбными шариками. Одинъ, какая-то невзрачная личность въ засаленномъ сюртукѣ, упалъ со стула какъ только сѣлъ за столъ, и такъ и оставался до самаго окончанія ужина. Другой хотѣлъ непремѣнно взлѣзть на столъ и провозгласить тостъ, и только офицеръ, схвативъ его за фалды, умѣрилъ преждевременный восторгъ его. Ужинъ былъ совершенно разночинный, хотя и нанимался

для него поваръ, крѣпостной человѣкъ какого-то генерала; былъ галантиръ, былъ языкъ подъ картофелемъ, были котлетки съ зеленымъ горошкомъ, былъ, наконецъ, гусь, и подъ конецъ всего бламанже. Изъ винъ было: пиво, водка и хересъ. Бутылка шампанскаго стояла передъ однимъ генераломъ, что принудило его самого налить и Акиму Петровичу, который собственно своей иниціативой за ужиномъ уже не смѣлъ распорядиться. Для тостовъ же прочимъ гостямъ предназначалось горское или что попало. Самый столъ состоялъ изъ многихъ столовъ, составленныхъ вмѣстѣ, въ число которыхъ пошелъ даже ломберный. Накрытъ онъ былъ многими скатертями, въ числѣ которыхъ была одна ярославская цвѣтная. Гости сидѣли вперемежку съ дамами. Родительница Пселдонимова сидѣть за столомъ не захотѣла; она хлопотала и распоряжалась. Зато явилась одна злокачественная женская фигура, не показывавшаяся прежде; въ какомъ-то красноватомъ шелковомъ платьѣ, съ подвязанными зубами, и въ высочайшемъ чепчикѣ. Оказалось, что это была мать невѣсты, согласившаяся выйти, наконецъ, изъ задней комнаты къ ужину. До сихъ поръ она не выходила по причинѣ непримиримой своей вражды къ матери Пселдонимова; но объ этомъ упомянемъ послѣ. На генерала эта дама смотрѣла злобно, даже насмѣшливо, и, очевидно, не хотѣла быть ему представленной. Ивану Ильичу эта фигура показалась до крайности подозрительною. Но кромѣ нея и нѣкоторыя другія лица были подозрительны и вселяли невольное опасеніе и безпокойство. Казалось даже, что они въ какомъ-то заговорѣ между собою, и именно противъ Ивана Ильича. По

крайней мѣрѣ, ему самому такъ казалось, и въ продолженіе всего ужина онъ все болѣе и болѣе въ томъ убѣждался. А именно: злокачественъ былъ одинъ господинъ съ бородкой, какой-то вольный художникъ; онъ даже нѣсколько разъ посмотрѣлъ на Ивана Ильича и потомъ, повернувшись къ сосѣду, что-то ему нашептывалъ. Другой, изъ учащихся, былъ, правда, совершенно ужъ пьянъ, но все-таки по нѣкоторымъ признакамъ подозрителенъ. Худыя надежды подавалъ также и медицинскій студентъ. Даже самъ офицеръ былъ не совсѣмъ благонадеженъ. Но особенно и видимою ненавистью сіялъ сотрудникъ «Головешки»: онъ такъ развалился на стулѣ, онъ такъ гордо и заносчиво смотрѣлъ, такъ независимо фыркалъ! И хоть прочіе гости и не обращали никакого вниманія на сотрудника, написавшаго въ «Головешкѣ» только четыре стишка и сдѣлавшагося оттого либераломъ, даже видимо не любили его, но когда возлѣ Ивана Ильича упалъ вдругъ хлѣбный шарикъ, очевидно, назначавшійся въ его сторону, то онъ готовъ былъ дать голову на отсѣченіе, что виновникъ этого шарика былъ не кто другой, какъ сотрудникъ «Головешки».

Все это, конечно, дѣйствовало на него плачевнымъ образомъ.

Особенно непріятно было и еще одно наблюденіе: Иванъ Ильичъ совершенно убѣдился, что онъ начинаетъ какъ-то неясно и затруднительно выговаривать слова, что сказать хочется очень много, но языкъ не двигается. Потомъ, что вдругъ онъ какъ будто сталъ забываться и, главное, ни съ того ни съ сего вдругъ фыркнетъ и засмѣется, тогда какъ вовсе нечему было смѣяться. Это расположеніе скоро прошло послѣ стакана шампанскаго,

который Иванъ Ильичъ хоть и налилъ было себѣ, но не хотѣлъ пить и вдругъ выпилъ какъ-то совершенно нечаянно. Ему вдругъ послѣ этого стакана захотѣлось чуть не плакать. Онъ чувствовалъ, что впадаетъ въ самую эксцентрическую чувствительность; онъ снова начиналъ любить, любить всѣхъ, даже Пселдонимова, даже сотрудника «Головешки». Ему захотѣлось вдругъ обняться съ ними со всѣми, забыть все и помириться. Мало того: разсказать имъ все откровенно, все, все, то есть какой онъ добрый и славный человѣкъ, съ какими великолѣпными способностями. Какъ будетъ онъ полезенъ отечеству, какъ умѣетъ смѣшить дамскій полъ, и, главное, какой онъ прогрессистъ, какъ гуманно онъ готовъ снизойти до всѣхъ, до самыхъ низшихъ и, наконецъ, въ заключеніе, откровенно разсказать всѣ мотивы, побудившіе его, незваного, явиться къ Пселдонимову, выпить у него двѣ бутылки шампанскаго и осчастливить его своимъ присутствіемъ.

— Правда, святая правда прежде всего и откровенность! Я откровенностью ихъ дойму. Они мнѣ повѣрятъ, я вижу ясно; они даже смотрятъ враждебно, но когда я открою имъ все, я ихъ покорю неотразимо. Они наполнятъ рюмки и съ крикомъ выпьютъ за мое здоровье. Офицеръ, я увѣренъ въ этомъ, разобьетъ свою рюмку о шпору. Даже можно бы прокричать ура! Даже если бъ покачать вздумали по-гусарски, я бы и этому не противился, даже и весьма бы хорошо было. Новобрачную я поцѣлую въ лобъ; она миленькая. Акимъ Петровичъ тоже очень хорошій человѣкъ. Пселдонимовъ, конечно, впослѣдствіи исправится. Ему недостаетъ, такъ сказать, этого свѣтскаго лоску...

И хотя, конечно, нѣтъ этой сердечной деликатности у всего этого новаго поколѣнія, но... но я скажу имъ о современномъ назначеніи Россіи въ числѣ прочихъ европейскихъ державъ. Упомяну и о крестьянскомъ вопросѣ, да и... и всѣ они будутъ любить меня, я выйду со славою!..

Эти мечты, конечно, были очень пріятны, но непріятно было то, что среди всѣхъ этихъ розовыхъ надеждъ Иванъ Ильичъ вдругъ открылъ въ себѣ еще одну неожиданную способность, именно плеваться. По крайней мѣрѣ, слюна вдругъ начала выскакивать изъ его рта совершенно помимо его воли. Замѣтилъ онъ это на Акимѣ Петровичѣ, которому забрызгалъ щеку и который сидѣлъ, не смѣя сейчасъ же утереться изъ почтительности. Иванъ Ильичъ взялъ салфетку и вдругъ самъ утеръ его. Но это тотчасъ же показалось ему самому до того нелѣпымъ, до того внѣ всего здраваго, что онъ замолчалъ и началъ удивляться. Акимъ Петровичъ хоть и выпилъ, но все-таки сидѣлъ, какъ обваренный. Иванъ Ильичъ сообразилъ теперь, что онъ уже чуть не четверть часа говоритъ ему о какой-то самой интереснѣйшей темѣ, но что Акимъ Петровичъ, слушая его, не только какъ будто сконфузился, но даже чего-то боялся. Пселдонимовъ, сидѣвшій черезъ стулъ отъ него, тоже протягивалъ къ нему свою шею и, наклонивъ на бокъ голову, съ самымъ непріятнымъ видомъ прислушивался. Онъ, дѣйствительно, какъ будто сторожилъ его. Окинувъ глазами гостей, онъ увидалъ, что многіе смотрятъ прямо на него и хохочутъ. Но страннѣе всего было то, что при этомъ онъ вовсе не сконфузился, напротивъ того, онъ хлебнулъ еще разъ изъ бокала и вдругъ во всеуслышаніе началъ говорить.

— Я сказалъ уже, — началъ онъ какъ можно громче: — я сказалъ уже, господа, сейчасъ Акиму Петровичу, что Россія... да, именно Россія... однимъ словомъ, вы понимаете, что я хочу ска-ка-зать... Россія переживаетъ, по моему глубочайшему убѣжденію, гу-гуманность...

— Гу-гуманность! — раздалось въ другомъ концѣ стола.

— Гу-гу!

— Тю-тю!

Иванъ Ильичъ было остановился. Пселдонимовъ всталъ со стула и началъ разглядывать: кто крикнулъ? Акимъ Петровичъ украдкой покачалъ головою, какъ бы усовѣщевая гостей. Иванъ Ильичъ это очень хорошо замѣтилъ, но съ мученіемъ смолчалъ.

— Гуманность!—упорно продолжалъ онъ:—и давеча... и именно давеча я говорилъ Степану Ники-ки-форовичу... да... что... что обновленіе, такъ сказать, вещей...

— Ваше превосходительство! — громко раздалось на другомъ концѣ стола.

— Что прикажете? — отвѣчалъ прерванный Иванъ Ильичъ, стараясь разглядѣть, кто ему крикнулъ.

— Ровно ничего, ваше превосходительство, я увлекся, продолжайте! Про-дол-жайте! — послышался опять голосъ.

Ивана Ильича передернуло.

— Обновленіе, такъ сказать, этихъ самыхъ вещей.

— Ваше превосходительство! — крикнулъ опять голосъ.

— Что вамъ угодно?

— Здравствуйте!

На этотъ разъ Иванъ Ильичъ не выдержалъ. Онъ прервалъ рѣчь и оборотился къ нарушителю порядка и обидчику. Это былъ одинъ еще очень молодой учащійся, сильно наклюкавшійся и возбуждавшій огромныя подозрѣнія. Онъ уже давно оралъ и даже разбилъ стаканъ и двѣ тарелки, утверждая, что на свадьбѣ какъ будто бы такъ и слѣдуетъ. Въ ту минуту, когда Иванъ Ильичъ оборотился къ нему, офицеръ строго началъ распекать крикуна.

— Что ты, чего орешь? Вывести тебя, вотъ что!

— Не про васъ, ваше превосходительство, не про васъ! Продолжайте! — кричалъ развеселившійся школьникъ, развалясь на стулѣ: — продолжайте, я слушаю и очень, о-чень, о-чень вами доволенъ! Па-хвально, па-хвально!

— Пьяный мальчишка! — шепотомъ подсказалъ Пселдонимовъ.

— Вижу, что пьяный, но...

— Это я разсказалъ сейчасъ одинъ забавный анекдтотъ-съ, ваше превосходительство! — началъ офицеръ: — про одного поручика нашей команды, который точно такъ же разговаривалъ съ начальствомъ; такъ вотъ онъ теперь и подражаетъ ему. Къ каждому слову начальника онъ все говорилъ: па-хвально, па-хвально! Его еще десять лѣтъ назадъ за это со службы выключили.

— Ка-какой же это поручикъ?

— Нашей команды, ваше превосходительство! Сошелъ съ ума на похвальномъ. Сначала увѣщевали мѣрами кротости, потомъ подъ арестъ... Начальникъ родительскимъ образомъ усовѣщевалъ;

а тотъ ему: па-хвально, па-хвально! И странно: мужественный былъ офицеръ, девяти вершковъ росту. Хотѣли подъ судъ отдать, но замѣтили, что помѣшанный.

— Значитъ . . . школьникъ. За школьничество можно бы и не такъ строго. Я, съ своей стороны, готовъ простить . . .

— Медициной свидѣтельствовали, ваше превосходительство.

— Какъ! Ана-то-мировали?

— Помилуйте, да вѣдь онъ былъ совершенно живой-съ!

Громкій и почти всеобщій залпъ хохоту раздался между гостями, сначала было державшими себя чинно. Иванъ Ильичъ разсвирѣпѣлъ.

— Господа, господа! — закричалъ онъ, на первое время даже почти не заикаясь: — я очень хорошо въ состояніи различить, что живого не анатомируютъ. Я полагалъ, что онъ, въ помѣшательствѣ, былъ уже не живой . . . то есть умеръ . . . то есть я хочу сказать . . . что вы меня не любите . . . А между тѣмъ я люблю васъ всѣхъ . . . да, и люблю Пор . . . Порфирія . . . Я унижаю себя, что такъ говорю . . .

Въ эту минуту преогромная салива вылетѣла изъ устъ Ивана Ильича и брызнула на скатерть, на самое видное мѣсто. Пселдонимовъ бросился обтирать ее салфеткой. Это послѣднее несчастье окончательно подавило его.

— Господа, это ужъ слишкомъ! — прокричалъ онъ въ отчаяніи.

— Пьяный человѣкъ, ваше превосходительство, — снова было подсказалъ Пселдонимовъ.

— Порфирій! Я вижу, что вы . . . всѣ . . . да! Я

говорю, что я надѣюсь... да, я вызываю всѣхъ сказать: чѣмъ я унизилъ себя?

Иванъ Ильичъ чуть не плакалъ.

— Ваше превосходительство, помилуйте-съ!

— Порфирій, обращаюсь къ тебѣ... Скажи, если я пришелъ... да... да, на свадьбу, я имѣлъ цѣль. Я хотѣлъ нравственно поднять... я хотѣлъ, чтобъ чувствовали... Я обращаюсь ко всѣмъ: очень я униженъ въ вашихъ глазахъ или нѣтъ?

Гробовое молчаніе. Въ томъ-то и дѣло, что гробовое молчаніе, да еще на такой категорическій вопросъ. «Ну, что бы имъ, что бы имъ хоть въ эту минуту прокричать!» — мелькнуло въ головѣ его превосходительства. Но гости только переглядывались. Акимъ Петровичъ сидѣлъ ни живъ, ни мертвъ, а Пселдонимовъ, нѣмѣя отъ страха, повторялъ про себя ужасный вопросъ, который давно уже ему представлялся:

— А что-то мнѣ за все это завтра будетъ?

Вдругъ сотрудникъ «Головешки», уже сильно пьяный, сидѣвшій до сихъ поръ въ угрюмомъ молчаніи, обратился къ Ивану Ильичу и съ сверкающими глазами сталъ отвѣчать отъ лица всего общества:

— Да-съ! — закричалъ онъ громкимъ голосомъ: — да-съ, вы унизили себя, да-съ, вы ретроградъ... Рет-ро-градъ!

— Молодой человѣкъ, опомнитесь! Съ кѣмъ вы, такъ сказать, говорите! — яростно закричалъ Иванъ Ильичъ, снова вскочивъ съ своего мѣста.

— Съ вами, и во-вторыхъ, я не молодой человѣкъ... Вы пришли ломаться и искать популярности.

— Пселдонимовъ, что это! — вскричалъ Иванъ Ильичъ.

Но Пселдонимовъ вскочилъ въ такомъ ужасѣ, что остановился, какъ столбъ, и совершенно не зналъ, что предпринять. Гости тоже онѣмѣли на своихъ мѣстахъ. Художникъ и учащійся апплодировали, кричали браво, браво!

Сотрудникъ продолжалъ кричать съ неудержимою яростью:

— Да, вы пришли, чтобъ похвалиться гуманностью! Вы помѣшали всеобщему веселью. Вы пили шампанское и не сообразили, что оно слишкомъ дорого для чиновника съ десятью рублями въ мѣсяцъ жалованья, и я подозрѣваю, что вы одинъ изъ тѣхъ начальниковъ, которые лакомы до молоденькихъ женъ своихъ подчиненныхъ! Мало того, я увѣренъ, что вы поддерживаете откупа... Да, да, да!

— Пселдонимовъ, Пселдонимовъ! — кричалъ Иванъ Ильичъ, простирая къ нему руки. Онъ чувствовалъ, что каждое слово сотрудника было новымъ кинжаломъ для его сердца.

— Сейчасъ, ваше превосходительство, не извольте безпокоиться! — энергически вскрикнулъ Пселдонимовъ, подскочилъ къ сотруднику, схватилъ его за шиворотъ и вытащилъ вонъ изъ-за стола. Даже и нельзя было ожидать отъ тщедушнаго Пселдонимова такой физической силы. Но сотрудникъ былъ очень пьянъ, а Пселдонимовъ совершенно трезвъ. Затѣмъ онъ задалъ ему нѣсколько тумаковъ въ спину и вытолкалъ его въ двери.

— Всѣ вы подлецы! — кричалъ сотрудникъ: — я васъ всѣхъ завтра же въ «Головешкѣ» окарикатурю!..

Всѣ повскакали съ мѣстъ.

— Ваше превосходительство, ваше превосходительство! — кричали Пселдонимовъ, его мать и нѣкоторые изъ гостей, толпясь около генерала: — ваше превосходительство, успокойтесь!

— Нѣтъ, нѣтъ! — кричалъ генералъ: — я уничтоженъ... я пришелъ... я хотѣлъ, такъ сказать, крестить. И вотъ за все, за все!..

Онъ опустился на стулъ, какъ безъ памяти, положилъ обѣ руки на столъ и склонилъ на нихъ свою голову, прямо въ тарелку съ бламанже. Нечего и описывать всеобщій ужасъ. Черезъ минуту онъ всталъ, очевидно, желая уйти, покачнулся, запнулся за ножку стула, упалъ со всего размаха на полъ и захрапѣлъ...

Это бываетъ съ непьющими, когда они случайно напьются. До послѣдней черты, до послѣдняго мгновенія сохраняютъ они сознаніе и потомъ вдругъ падаютъ, какъ подкошенные. Иванъ Ильичъ лежалъ на полу, потерявъ всякое сознаніе. Пселдонимовъ схватилъ себя за волосы и замеръ въ этомъ положеніи. Гости стали поспѣшно расходиться, каждый по-своему толкуя о происшедшемъ. Было уже около трехъ часовъ утра.

Главное дѣло въ томъ, что обстоятельства Пселдонимова были гораздо хуже того, чѣмъ можно было ихъ представить, несмотря на всю непривлекательность и одной теперешней обстановки. И покамѣстъ Иванъ Ильичъ лежитъ на полу, а Пселдонимовъ стоитъ надъ нимъ, въ отчаяніи теребя свои волосы, прервемъ избранное нами теченіе разсказа и скажемъ нѣсколько пояснительныхъ словъ собственно о Порфиріи Петровичѣ Пселдонимовѣ.

Еще не далѣе, какъ за мѣсяцъ до своего брака, онъ погибалъ совершенно безвозвратно. Происходилъ онъ изъ губерніи, гдѣ отецъ его чѣмъ-то когда-то служилъ и гдѣ умеръ подъ судомъ. Когда, мѣсяцевъ пять до женитьбы, Пселдонимовъ, цѣлый уже годъ погибавшій въ Петербургѣ, получилъ свое десятирублевое мѣсто, онъ было воскресъ и тѣломъ и духомъ, но вскорѣ опять принизился обстоятельствами. На всемъ свѣтѣ Пселдонимовыхъ осталось только двое, онъ и мать его, бросившая губернію послѣ смерти мужа. Мать и сынъ погибали вдвоемъ на морозѣ и питались сомнительными матеріалами. Бывали дни, что Пселдонимовъ съ кружкой самъ ходилъ на Фонтанку за водой, чтобъ тамъ напиться. Получивъ мѣсто, онъ кое-какъ устроился вмѣстѣ съ матерью гдѣ-то въ углахъ. Она принялась стирать на людей бѣлье, а онъ мѣсяца четыре сколачивалъ экономію, чтобъ какъ-нибудь завести себѣ сапоги и шинелишку. И сколько бѣдствій онъ вынесъ въ своей канцеляріи: къ нему подходило начальство съ вопросомъ: давно ли онъ былъ въ банѣ? Про него ходила молва, что у него подъ воротникомъ вицмундира гнѣздами заводятся клопы. Но Пселдонимовъ былъ характера твердаго. Съ виду онъ былъ и смиренъ и тихъ; образованіе имѣлъ самое маленькое, разговору отъ него почти не было слышно никогда. Не знаю положительно: мыслилъ ли онъ, созидалъ ли планы и системы, мечталъ ли объ чемъ-нибудь? Но взамѣнъ того въ немъ вырабатывалась какая-то инстинктивная, кряжевая, безсознательная рѣшимость выбиться на дорогу изъ сквернаго положенія. Въ немъ было упорство муравьиное: у муравьевъ разорите гнѣздо, и они тотчасъ же вновь начнутъ созн-

дать его, разорите другой разъ и другой разъ начнутъ, и такъ далѣе безъ устали. Это было существо устроительное и домовитое. На лбу его было видно, что онъ добьется дороги, устроитъ гнѣздо и, можетъ быть, даже скопитъ и про запасъ. Одна только мать и любила его въ цѣломъ свѣтѣ и любила безъ памяти. Женщина она была твердая, неустанная, работящая, а вмѣстѣ съ тѣмъ и добрая. Такъ бы и жили они въ своихъ углахъ, можетъ быть, еще лѣтъ пять или шесть до перемѣны обстоятельствъ, если бъ не столкнулись они съ отставнымъ титулярнымъ совѣтникомъ Млекопитаевымъ, бывшимъ казначеемъ и служившимъ когда-то въ губерніи, въ послѣднее же время основавшимся и устроившимъ себя въ Петербургѣ съ своимъ семействомъ. Пселдонимова онъ зналъ и отцу его былъ чѣмъ-то когда-то обязанъ. Деньженки у него водились, конечно, небольшія, но онѣ были, сколько ихъ, дѣйствительно было, — про это никто не зналъ, ни жена его, ни старшая дочь, ни родственники. Было у него двѣ дочери, а такъ какъ онъ былъ страшный самодуръ, пьяница, домашній тиранъ и сверхъ того больной человѣкъ, то и вздумалось ему вдругъ выдать одну дочь за Пселдонимова: «я, дескать, знаю, отецъ его былъ хорошій человѣкъ, и сынъ будетъ хорошій человѣкъ». Млекопитаевъ что хотѣлъ, то и дѣлалъ: сказано, сдѣлано. Это былъ очень странный самодуръ. Большею частью онъ проводилъ время сидя на креслахъ, лишившись употребленія ногъ отъ какой-то болѣзни, что не мѣшало ему однакожъ пить водку. По цѣлымъ днямъ онъ пилъ и ругался. Человѣкъ онъ былъ злой; ему надобно было непремѣнно кого-нибудь и безпрерывно мучить. Для

этого онъ держалъ при себѣ нѣсколько дальнихъ родственниковъ: свою сестру, больную и сварливую, двухъ сестеръ жены своей, тоже злыхъ и многоязычныхъ; потомъ свою старую тетку, у которой по какому-то случаю было сломано одно ребро. Держалъ еще одну приживалку, обрусѣвшую нѣмку, за талантъ ея разсказывать ему сказки изъ «тысячи одной ночи». Все удовольствіе его состояло шпынять надъ всѣми этими несчастными нахлѣбницами, ругать ихъ поминутно на чемъ свѣтъ стоитъ, хотя тѣ, не исключая и жены его, родившейся съ зубною болью, не смѣли передъ нимъ пикнуть слова. Онъ ссорилъ ихъ между собою, изобрѣталъ и заводилъ между ними сплетни и раздоры и потомъ хохоталъ и радовался, видя какъ всѣ они чуть не дерутся между собою. Онъ очень обрадовался, когда старшая дочь его, бѣдствовавшая лѣтъ десять съ какимъ-то офицеромъ, своимъ мужемъ, и, наконецъ, овдовѣвшая, переселилась къ нему съ тремя маленькими больными дѣтьми. Дѣтей онъ ея терпѣть не могъ, но такъ какъ съ появленіемъ ихъ увеличился матеріалъ, надъ которымъ можно было производить ежедневные эксперименты, то старикъ былъ очень доволенъ. Вся эта куча злыхъ женщинъ и больныхъ дѣтей, вмѣстѣ съ ихъ мучителемъ, тѣснилась въ деревянномъ домѣ на Петербургской, не доѣдала, потому что старикъ былъ скупъ и деньги выдавалъ копейками, хотя и не жалѣлъ себѣ на водку; не досыпала, потому что старикъ страдалъ безсонницею и требовалъ развлеченій. Однимъ словомъ, все это бѣдствовало и проклинало судьбу свою. Въ это-то время Млекопитаевъ и наглядѣлъ Пселдонимова. Онъ былъ пораженъ его длиннымъ носомъ и сми-

реннымъ видомъ. Тщедушной и невзрачной младшей дочкѣ его минуло тогда семнадцать лѣтъ. Она хотя и ходила когда-то въ какую-то нѣмецкую шуле, но изъ нея почти ничего, кромѣ азовъ, не вынесла. Затѣмъ росла, золотушная и худосочная, подъ костылемъ безногаго и пьянаго родителя, въ содомѣ домашнихъ сплетенъ, шпіонствъ и наговоровъ. Подругъ у ней никогда не бывало, ума тоже. Замужъ ей давно уже хотѣлось. При людяхъ была она безсловесна, а дома, возлѣ маменьки и прижывалокъ, зла и сварлива какъ буравчикъ. Она особенно любила щипаться и раздавать колотушки дѣтямъ сестры своей, фискалить на нихъ за утащенный сахаръ и хлѣбъ, отчего между ней и старшей сестрой ея существовала безконечная и неутолимая ссора. Старикъ самъ предложилъ ее Пселдонимову. Какъ ни бѣдствовалъ тотъ, но однако попросилъ нѣсколько времени на размышленіе. Долго они вмѣстѣ съ матерью раздумывали. Но на невѣстино имя записали домъ, хоть и деревянный, хоть и одноэтажный и гаденькій, но все-таки что-нибудь стоившій. Сверхъ того, давали четыреста рублей, — когда-то ихъ самъ-то накопишь! «Я вѣдь къ чему беру въ домъ человѣка? — кричалъ пьяный самодуръ. Во-первыхъ, для того, что всѣ вы бабье, а мнѣ надоѣло одно бабье. Я хочу, чтобъ и Пселдонимовъ по моей дудкѣ плясалъ, потому я ему благодѣтель. Во-вторыхъ, потому беру, что вы всѣ того не хотите и злитесь. Ну такъ вотъ на зло вамъ и сдѣлаю. Что сказалъ, то и сдѣлаю! А ты, Порфирка, ее бей, когда женой тебѣ будетъ; въ ней семь бѣсовъ отъ рожденія сидитъ. Всѣхъ изгони и клюку наготовлю».

Пселдонимовъ молчалъ, но онъ уже рѣшился.

Ихъ съ матерью приняли въ домъ еще до свадьбы, обмыли, одѣли, обули, дали денегъ на свадьбу. Старикъ имъ покровительствовалъ, можетъ быть, именно потому, что все семейство на нихъ злобствовало. Старуха Пселдонимова ему даже понравилась, такъ что онъ удерживался и надъ ней не шпынялъ. Впрочемъ, самого Пселдонимова заставилъ еще за недѣлю до свадьбы проплясать передъ собой казачка. — «Ну, довольно, я хотѣлъ только видѣть, не забываешься ли ты передо мной», — сказалъ онъ по окончаніи танца. Денегъ онъ далъ на свадьбу въ обрѣзъ и созвалъ всѣхъ родственниковъ и знакомыхъ своихъ. Со стороны Пселдонимова былъ только сотрудникъ «Головешки» и Акимъ Петровичъ, почетный гость. Пселдонимовъ очень хорошо зналъ, что невѣста къ нему питаетъ отвращеніе и что ей очень бы хотѣлось за офицера, а не за него. Но онъ все переносилъ, ужъ такой у нихъ уговоръ былъ съ матерью. Весь свадебный день и весь вечеръ старикъ ругался скверными словами и пьянствовалъ. Вся семья по случаю свадьбы пріютилась въ заднихъ комнатахъ и стѣснилась тамъ до смрада. Переднія же комнаты предназначались для бала и ужина. Наконецъ, когда старикъ заснулъ, совершенно пьяный, часовъ въ одиннадцать вечера, мать невѣсты, особенно злившаяся въ этотъ день на мать Пселдонимова, рѣшилась перемѣнить гнѣвъ на милость и выйти къ балу и ужину. Появленіе Ивана Ильича все перевернуло. Млекопитаева сконфузилась, обидѣлась и начала ругаться, зачѣмъ ее не предувѣдомили, что звали самого генерала. Ее увѣряли, что онъ пришелъ самъ, незваный — она была такъ глупа, что не хотѣла вѣрить. Потребовалось шампанское. У ма-

тери Пселдонимова нашелся одинъ только цѣлковый, у самого Пселдонимова ни копейки. Надо было кланяться злой старухѣ Млекопитаевой, просить денегъ на одну бутылку, потомъ на другую. Ей представляли будущность служебныхъ отношеній, карьеру, усовѣщевали. Она дала, наконецъ, собственныя деньги, но заставила Пселдонимова выпить такую чашу желчи и поташу, что онъ, уже неоднократно вбѣгая въ комнатку, гдѣ приготовлено было брачное ложе, схватывалъ себя молча за волосы и бросался головой на постель, предназначенную для райскихъ наслажденій, весь дрожа отъ безсильной злости. Да! Иванъ Ильичъ не зналъ, чего стоили двѣ бутылки джаксона, выпитыя имъ въ этотъ вечеръ. Каковы же были ужасъ Пселдонимова, тоска и даже отчаяніе, когда дѣло съ Иваномъ Ильичемъ окончилось такимъ неожиданнымъ образомъ. Опять представлялись хлопоты и, можетъ быть, на цѣлую ночь, взвизги и слезы капризной новобрачной, укоры безтолковой невѣстиной родни. У него и безъ того уже голова болѣла, и безъ того уже чадъ и мракъ застилали ему глаза. А тутъ Ивану Ильичу потребовалась помощь, надо было искать въ три часа доктора или карету, чтобы свезти его домой и непремѣнно карету, потому что на ванькѣ въ такомъ видѣ и такую особу нельзя было отправить домой. А гдѣ взять денегъ, хотя бы для кареты? Млекопитаева, взбѣшенная тѣмъ, что генералъ не сказалъ съ ней двухъ словъ и даже не посмотрѣлъ на нее за ужиномъ, объявила, что у ней нѣтъ ни копейки. Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ не было ни копейки. Гдѣ взять? Что дѣлать? Да, было отчего теребить себѣ волосы.

Между тѣмъ Ивана Ильича покамѣстъ перенесли на маленькій кожаный диванъ, стоявшій тутъ же въ столовой. Покамѣстъ убирали со столовъ и разбирали ихъ, Пселдонимовъ бросался во всѣ углы занять денегъ, пробовалъ даже занять у прислуги, но ни у кого не оказалось. Онъ даже рискнулъ было побезпокоить Акима Петровича, оставшагося дольше другихъ. Но тотъ, хоть и добрый человѣкъ, услышавъ о деньгахъ, пришелъ въ такое недоумѣніе и въ такой даже испугъ, что наговорилъ самой неожиданной дряни:

— Въ другое время, я съ удовольствіемъ, — бормоталъ онъ, — а теперь... право меня извините...

И, взявъ шапку, поскорѣй бѣжалъ изъ дому. Одинъ только добросердечный юноша, разсказывавшій про сонникъ, еще пригодился на что-нибудь; да и то некстати. Онъ тоже оставался дольше всѣхъ, принимая сердечное участіе въ бѣдствіяхъ Пселдонимова. Наконецъ, Пселдонимовъ, мать его и юноша рѣшили на общемъ совѣтѣ не посылать за докторомъ, а лучше послать за каретой и свезти больного домой, а покамѣстъ, до кареты, испробовать надъ нимъ нѣкоторыя домашнія средства, какъ-то: смачивать виски и голову холодной водой, прикладывать къ темени льду и проч. За это ужъ взялась мать Пселдонимова. Юноша полетѣлъ отыскивать карету. Такъ какъ на Петербургской даже и ванекъ въ этотъ часъ уже не было, то онъ отправился къ извозчикамъ куда-то далеко на подворье, разбудилъ кучеровъ. Стали торговаться, говорили, что въ такой часъ за карету и пяти рублей взять мало. Согласились, однакожъ, на трехъ. Но когда, уже въ исходѣ четвертаго часа, юноша прибылъ въ

нанятой каретѣ къ Пселдонимовымъ, у нихъ уже давно перемѣнилось рѣшеніе. Оказалось, что Иванъ Ильичъ, который былъ все еще не въ памяти, до того разболѣлся, до того стоналъ и метался, что переносить его и везти въ такомъ состояніи домой стало совершенно невозможнымъ и даже рискованнымъ. «Еще что изъ этого выйдетъ?» говорилъ совершенно обезкураженный Пселдонимовъ. Что было дѣлать? Возникъ новый вопросъ: если ужъ оставить больного дома, то куда же перенести его и гдѣ положить? Во всемъ домѣ было только двѣ кровати: одна огромная, двуспальная, на которой спали старикъ Млекопитаевъ съ супругою, и другая новокупленная, подъ орѣхъ, тоже двуспальная и назначенная для новобрачныхъ. Всѣ прочіе обитатели, или, лучше сказать, обитательницы дома спали на полу, въ повалку, болѣе на перинахъ, отчасти уже попортившихся и продушенныхъ, то есть вовсе неприличныхъ, да и тѣхъ было ровно въ обрѣзъ; даже и того не было. Куда же положить больного? Перина-то бы еще, пожалуй, и нашлась, — можно было вытащить изъ-подъ кого-нибудь въ крайнемъ случаѣ, но гдѣ и на чемъ постлать. Оказалось, что постлать надо въ залѣ, такъ какъ комната эта была отдаленнѣйшею отъ нѣдръ семейства и имѣла свой особый выходъ. Но на чемъ постлать? Неужели на стульяхъ? Извѣстно, что на стульяхъ стелютъ только однимъ гимназистамъ, когда они приходятъ съ субботы на воскресенье домой, а для особы, какъ Иванъ Ильичъ, это было бы очень неуважительно. Что сказалъ бы онъ назавтра, увидя себя на стульяхъ? Пселдонимовъ и слышать не хотѣлъ объ этомъ. Оставалось одно: перенести его на брачное ложе. Это брачное ложе, какъ мы

уже сказали, было устроено въ маленькой комнаткѣ, тотчасъ же подлѣ столовой. На кровати былъ двуспальный, еще необновленный, новокупленный матрацъ, чистое бѣлье, четыре подушки въ розовомъ коленкорѣ, а сверху въ кисейныхъ чехлахъ, обшитыхъ рюшемъ. Одѣяло было атласное, розовое, выстеганное узорами. Изъ золотого кольца сверху опускались кисейныя занавѣски. Однимъ словомъ, все было какъ слѣдуетъ, и гости, почти всѣ перебывавшіе въ спальнѣ, похвалили убранство. Новобрачная, хоть и терпѣть не могла Пселдонимова, но въ продолженіе вечера нѣсколько разъ, и особенно украдкой, забѣгала сюда посмотрѣть. Каково же было ея негодованіе, ея злость, когда она узнала, что на ея брачное ложе хотятъ перенести больного, заболѣвшаго чѣмъ-то въ родѣ холерины! Маменька новобрачной вступилась было за нее, бранилась, обѣщалась завтра же пожаловаться мужу, но Пселдонимовъ показалъ себя и настоялъ: Ивана Ильича перенесли, а новобрачнымъ постлали въ залѣ на стульяхъ. Молодая хныкала, готова была щипаться, но ослушаться не посмѣла: у папаши былъ костыль, ей очень знакомый, и она знала, что папаша непремѣнно завтра потребуетъ кой въ чемъ подробнаго отчета. Въ утѣшеніе ея перенесли въ залу розовое одѣяло и подушки въ кисейныхъ чехлахъ. Въ эту минуту и прибылъ юноша съ каретой; узнавъ, что карета уже не нужна, онъ ужасно испугался. Приходилось платить ему самому, а у него и гривенника еще никогда не было. Пселдонимовъ объявилъ свое полное банкротство. Пробовали уговорить извозчика. Но онъ началъ шумѣть и даже стучать въ ставни. Чѣмъ это кончилось, подробно не знаю. Кажется, юноша отпра-

вился въ этой каретѣ плѣнникомъ на Пески, въ четвертую Рождественскую улицу, гдѣ онъ надѣялся разбудить одного студента, заночевавшаго у своихъ знакомыхъ, и попытаться: нѣтъ ли у него денегъ? Былъ уже пятый часъ утра, когда молодыхъ оставили и заперли въ залѣ. У постели страждущаго осталась на всю ночь мать Пселдонимова. Она пріютилась на полу, на коврикѣ, и накрылась шубенкой, но спать не могла, потому что принуждена была вставать поминутно: съ Иваномъ Ильичемъ сдѣлалось ужасное разстройство желудка. Пселдонимова, женщина мужественная и великодушная, раздѣла его сама, сняла съ него все платье, ухаживала за нимъ, какъ за роднымъ сыномъ, и всю ночь выносила черезъ коридоръ изъ спальни необходимую посуду и вносила ее опять. И однакожъ, несчастья этой ночи еще далеко не кончились.

Не прошло и десяти минутъ послѣ того, какъ молодыхъ заперли однихъ въ залѣ, какъ вдругъ послышался раздирающій крикъ, не отрадный крикъ, а самаго злокачественнаго свойства. Вслѣдъ за криками послышался шумъ, трескъ, какъ будто паденіе стульевъ, и вмигъ въ комнату, еще темную, неожиданно ворвалась цѣла толпа ахающихъ и испуганныхъ женщинъ во всевозможныхъ дезабилье. Эти женщины были: мать новобрачной, старшая сестра ея, бросившая на это время своихъ больныхъ дѣтей, три ея тетки, приплелась даже и та, у которой было сломанное ребро. Даже кухарка была тутъ же, даже приживалка-нѣмка, разсказывавшая сказки, изъ-подъ которой вытащили силой для новобрачныхъ ея собственную перину, лучшую въ домѣ и составлявшую все ея имѣніе, при-

плелась вмѣстѣ съ прочими. Всѣ эти почтенныя и прозорливыя женщины уже съ четверть часа какъ пробрались изъ кухни черезъ коридоръ на цыпочкахъ и подслушивали въ передней, пожираемыя самымъ необъяснимымъ любопытствомъ. Между тѣмъ, кто-то наскоро зажегъ свѣчку, и всѣмъ представилось неожиданное зрѣлище. Стулья, не выдержавшіе двойной тяжести и подпиравшіе широкую перину только съ краевъ, разъѣхались и перина провалилась между ними на полъ. Молодая хныкала отъ злости; въ этотъ разъ она была до сердца обижена. Нравственно убитый Пселдонимовъ стоялъ какъ преступникъ, уличенный въ злодѣйствѣ. Онъ даже и не пробовалъ оправдываться. Со всѣхъ сторонъ раздавались ахи и взвизги. На шумъ прибѣжала и мать Пселдонимова, но маменька новобрачной на этотъ разъ одержала полный верхъ. Она сначала осыпала Пселдонимова странными и по большей части несправедливыми упреками на тему: «какой ты, батюшка, мужъ послѣ этого? Куда ты, батюшка, годенъ, послѣ такого сраму?» и прочее и, наконецъ, взявъ дочку за руку, увела ее отъ мужа къ себѣ, взявъ лично на себя отвѣтственность назавтра передъ грознымъ отцомъ, потребующимъ отчета. За нею убрались и всѣ, ахая и покивая головами своими. Съ Пселдонимовымъ осталась только мать его и попробовала его утѣшить. Но онъ немедленно прогналъ ее отъ себя.

Ему было не до утѣшеній. Онъ добрался до дивана и сѣлъ въ угрюмѣйшемъ раздумьѣ, такъ какъ былъ босой и въ необходимѣйшемъ бѣльѣ. Мысли перекрещивались и путались въ его головѣ. Порой, какъ-то машинально, онъ оглядывалъ кругомъ эту комнату, гдѣ еще такъ недавно бѣсились танцую-

щіе и гдѣ еще ходилъ по воздуху папиросный дымъ. Окурки папиросъ и конфетныя бумажки все еще валялись на залитомъ и изгаженномъ полу. Развалина брачнаго ложа и опрокинутые стулья свидѣтельствовали о бренности самыхъ лучшихъ и вѣрнѣйшихъ земныхъ надеждъ и мечтаній. Такимъ образомъ онъ просидѣлъ почти часъ. Ему приходили въ голову все тяжелыя мысли, какъ, напримѣръ: что-то теперь ожидаетъ его на службѣ? Онъ мучительно сознавалъ, что надо перемѣнить мѣсто службы, во что бы то ни стало, а оставаться на прежнемъ невозможно, именно вслѣдствіе всего, что случилось въ сей вечеръ. Приходилъ ему въ голову и Млекопитаевъ, который, пожалуй, завтра же заставитъ его опять плясать казачка, чтобъ испытать его кротость. Сообразилъ онъ тоже, что Млекопитаевъ хоть и далъ пятьдесятъ рублей на свадебный день, которые ушли до копейки, но четыреста рублей приданыхъ не думалъ еще отдавать, даже и помину о томъ еще не было. Да и на самый домъ еще не было полной формальной записи. Задумывался онъ еще о женѣ своей, покинувшей его въ самую критическую минуту его жизни, о высокомъ офицерѣ, становившемся на одно колѣно передъ его женой. Онъ это уже успѣлъ замѣтить; думалъ онъ о семи бѣсахъ, сидѣвшихъ въ женѣ его, по собственному свидѣтельству ея родителя, и о клюкѣ, приготовленной для изгнанія ихъ... Конечно, онъ чувствовалъ себя въ силахъ многое перенести, но судьба подпускала, наконецъ, такіе сюрпризы, что можно было, наконецъ, и усомниться въ силахъ своихъ.

Такъ горевалъ Пселдонимовъ. Между тѣмъ, огарокъ погасалъ. Мерцающій свѣтъ его, падавшій

прямо на профиль Пселдонимова, отражалъ ее въ колоссальномъ видѣ на стѣнѣ, съ вытянутой шеей, съ горбатымъ носомъ и съ двумя вихрами волосъ, торчавшими на лбу и на затылкѣ. Наконецъ, когда уже повѣяло утренней свѣжестью, онъ всталъ, издрогшій и онѣмѣвшій душевно, добрался до перины, лежавшей между стульями, и не поправляя ничего, не потушивъ огарка, даже не подложивъ подъ голову подушки, всползъ на четверенькахъ на постель и заснулъ тѣмъ свинцовымъ, мертвеннымъ сномъ, какимъ, должно быть, спятъ приговоренные назавтра къ торговой казни.

Съ другой стороны, что могло сравниться съ той мучительной ночью, которую провелъ Иванъ Ильичъ Пралинскій на брачномъ ложѣ несчастнаго Пселдонимова! Нѣкоторое время головная боль, рвота и прочіе непріятнѣйшіе припадки не оставляли его ни на минуту. Это были адскія муки. Сознаніе, хотя и едва мелькавшее въ его головѣ, озаряло такія бездны ужаса, такія мрачныя и отвратительныя картины, что лучше, если бы онъ и не приходилъ въ сознаніе. Впрочемъ, все еще мѣшалось въ его головѣ. Онъ узнавалъ, напримѣръ, мать Пселдонимова, — слышалъ ея незлобивыя увѣщанія въ родѣ: «потерпи, мой голубчикъ, потерпи, батюшка, стерпится-слюбится», узнавалъ и не могъ, однако, дать себѣ никакого логическаго отчета въ ея присутствіи подлѣ себя. Отвратительныя привидѣнія представлялись ему: чаще всѣхъ представлялся ему Семенъ Иванычъ; но, вглядываясь пристальнѣе, онъ замѣчалъ, что это вовсе не Семенъ Иванычъ, а носъ Пселдонимова. Мелькали передъ нимъ и вольный художникъ, и офицеръ, и старуха

съ подвязанной щекой. Болѣе всего занимало его золотое кольцо, висѣвшее надъ его головою, въ которое продѣты были занавѣски. Онъ различалъ его ясно при свѣтѣ тусклаго огарка, освѣщавшаго комнату, и все добивался мысленно: къ чему служитъ это кольцо, зачѣмъ оно здѣсь, что означаетъ? Онъ нѣсколько разъ спрашивалъ объ этомъ старуху, но говорилъ очевидно не то, что хотѣлъ выговорить, да и та видимо его не понимала, какъ онъ ни добивался объяснить. Наконецъ, уже подъ утро, припадки прекратились, и онъ заснулъ, заснулъ крѣпко, безъ сновъ. Онъ проспалъ около часу и когда проснулся, то былъ уже почти въ полномъ сознаніи, чувствуя нестерпимую головную боль, а во рту, на языкѣ, обратившемся въ какой-то кусокъ сукна, сквернѣйшій вкусъ. Онъ привсталъ на кровати, оглядѣлся и задумался. Блѣдный свѣтъ начинавшагося дня, пробравшись сквозь щели ставней узкою полоскою, дрожалъ на стѣнѣ. Было около семи часовъ утра. Но когда Иванъ Ильичъ вдругъ сообразилъ и припомнилъ все, что съ нимъ случилось съ вечера; когда припомнилъ всѣ приключенія за ужиномъ, свой манкированный подвигъ, свою рѣчь за столомъ; когда представилось ему разомъ, съ ужасающей ясностью все, что можетъ теперь изъ этого выйти, все, что скажутъ теперь про него и подумаютъ; когда онъ оглядѣлся и увидалъ, наконецъ, до какого грустнаго и безобразнаго состоянія довелъ онъ мирное брачное ложе своего подчиненнаго, — о, тогда такой смертельный стыдъ, такія мученія сошли вдругъ въ его сердце, что онъ вскрикнулъ, закрылъ лицо руками и въ отчаяніи бросился на подушку. Черезъ минуту онъ вскочилъ съ постели, увидалъ тутъ же на

стулѣ свое платье, въ порядокѣ сложенное и уже вычищенное, схватилъ его и поскорѣе, торопясь, оглядываясь и чего-то ужасно боясь, началъ его напяливать. Тутъ же на другомъ стулѣ лежала и шуба его, и шапка, и желтыя перчатки въ шапкѣ. Онъ хотѣлъ было улизнуть тихонько. Но вдругъ отворилась дверь, и вошла старуха Пселдонимова, съ глинянымъ тазомъ и рукомойникомъ. На плечѣ ея висѣло полотенце. Она поставила рукомойникъ и безъ дальнихъ разговоровъ объявила, что умыться надобно непремѣнно.

— Какъ же, батюшка, умойся, нельзя же не умывшись-то . . .

И въ это мгновеніе Иванъ Ильичъ созналъ, что если есть на всемъ свѣтѣ хоть одно существо, которое онъ бы могъ теперь не стыдиться и не бояться, такъ это именно старуха. Онъ умылся. И долго потомъ въ тяжелыя минуты его жизни припоминалась ему, въ числѣ прочихъ угрызеній совѣсти, и вся обстановка этого пробужденія, и этотъ глиняный тазъ, съ фаянсовымъ рукомойникомъ, наполненнымъ холодной водой, въ которой еще плавали льдинки, и мыло, въ розовой бумажкѣ, овальной формы, съ какими-то вытравленными на немъ буквами, копеекъ въ пятнадцать цѣною, очевидно, купленное для новобрачныхъ, но которое пришлось почать Ивану Ильичу; и старуха съ камчатнымъ полотенцемъ на лѣвомъ плечѣ. Холодная вода освѣжила его, онъ утерся, и, не сказавъ ни слова, не поблагодаривъ даже свою сестру милосердія, схватилъ шапку, подхватилъ на плечи шубу, поданную ему Пселдонимовой, и черезъ коридоръ, черезъ кухню, въ которой уже мяукала кошка, и гдѣ кухарка, приподнявшись на своей подстилкѣ, съ жаднымъ

любопытствомъ посмотрѣла ему вслѣдъ, выбѣжалъ на дворъ, на улицу и бросился къ проѣзжавшему извозчику. Утро было морозное, мерзлый желтоватый туманъ застилалъ еще дома и всѣ предметы. Иванъ Ильичъ поднялъ воротникъ. Онъ думалъ, что на него всѣ смотрятъ, что его всѣ знаютъ, всѣ узнаютъ . . . ———

Восемь дней онъ не выходилъ изъ дому и не являлся въ должность. Онъ былъ боленъ, мучительно боленъ, но болѣе нравственно, чѣмъ физически. Въ эти восемь дней онъ выжилъ цѣлый адъ, и, должно быть, они зачлись ему на томъ свѣтѣ. Были минуты, когда онъ было думалъ постричься въ монахи. Право, были. Даже воображеніе его начинало особенно гулять въ этомъ случаѣ. Ему представлялось тихое, подземное пѣніе, отверзтый гробъ, житье въ уединенной кельѣ, лѣса и пещеры; но, очнувшись, онъ почти тотчасъ же сознавался, что все это ужаснѣйшій вздоръ и преувеличенія, и стыдился этого вздора. Потомъ начинались нравственные припадки, имѣвшіе въ виду его existence manquée. Потомъ стыдъ снова вспыхивалъ въ душѣ его, разомъ овладѣвалъ ею и все выжигалъ и растравливалъ. Онъ содрогался, представляя себѣ разныя картины. Что скажутъ о немъ, что подумаютъ, какъ онъ войдетъ въ канцелярію, какой шепотъ его будетъ преслѣдовать цѣлый годъ, десять лѣтъ, всю жизнь. Анекдотъ его пройдетъ потомство. Онъ впадалъ даже иногда въ такое малодушіе, что готовъ былъ сейчасъ же ѣхать къ Семену Ивановичу и просить у него прощенія и дружбы. Самъ себя онъ даже и не оправдывалъ, онъ порицалъ себя окончательно: онъ не находилъ себѣ оправданій и стыдился ихъ.

Думалъ онъ тоже подать немедленно въ отставку и такъ, просто, въ уединеніи посвятить себя счастью человѣчества. Во всякомъ случаѣ надо было непремѣнно перемѣнить всѣхъ знакомыхъ и даже такъ, чтобъ искоренить всякое о себѣ воспоминаніе. Потомъ ему приходили мысли, что и это вздоръ и что при усиленной строгости съ подчиненными все дѣло еще можно поправить. Тогда онъ начиналъ надѣяться и ободряться. Наконецъ, по прошествіи цѣлыхъ восьми дней сомнѣній и муки, онъ почувствовалъ, что не можетъ болѣе выносить неизвѣстности, и un beau matin рѣшился отправиться въ канцелярію.

Прежде, когда еще онъ сидѣлъ дома въ тоскѣ, онъ тысячу разъ представлялъ себѣ, какъ онъ войдетъ въ свою канцелярію. Съ ужасомъ убѣждался онъ, что непремѣнно услышитъ за собою двусмысленный шепотъ, увидитъ двусмысленныя лица, пожнетъ злокачественнѣйшія улыбки. Каково же было его изумленіе, когда на дѣлѣ ничего этого не случилось. Его встрѣтили почтительно; ему кланялись; всѣ были серьезны; всѣ были заняты. Радость наполнила его сердце, когда онъ пробрался къ себѣ въ кабинетъ.

Онъ тотчасъ же и пресерьезно занялся дѣломъ, выслушалъ нѣкоторые доклады и объясненія, положилъ рѣшенія. Онъ чувствовалъ, что никогда еще онъ не разсуждалъ и не рѣшалъ такъ умно, такъ дѣльно, какъ въ это утро. Онъ видѣлъ, что имъ довольны, что его почитаютъ, что относятся къ нему съ уваженіемъ. Самая щекотливая мнительность не могла бы ничего замѣтить. Дѣло шло великолѣпно.

Наконецъ, явился и Акимъ Петровичъ съ какп-

ми-то бумагами. При появленіи его что-то какъ будто кольнуло Ивана Ильича въ самое сердце, но только на одинъ мигъ. Онъ занялся съ Акимъ Петровичемъ, толковалъ важно, указывалъ ему какъ надо сдѣлать и разъяснялъ. Онъ замѣтилъ только, что онъ какъ будто избѣгаетъ слишкомъ долго глядѣть на Акима Петровича или, лучше сказать, что Акимъ Петровичъ боялся глядѣть на него. Но вотъ Акимъ Петровичъ кончилъ и сталъ собирать бумаги.

— А вотъ еще просьба есть, — началъ онъ какъ можно суше, — чиновника Пселдонимова о переводѣ его въ департаментъ... Его превосходительство Семенъ Ивановичъ Шипуленко обѣщали ему мѣсто. Проситъ вашего милостиваго содѣйствія, ваше превосходительство.

— А, такъ онъ переходитъ, — сказалъ Иванъ Ильичъ и почувствовалъ, что огромная тяжесть отошла отъ его сердца. Онъ взглянулъ на Акима Петровича, и въ это мгновеніе взгляды ихъ встрѣтились.

— Что жъ, я съ моей стороны... я употреблю, — отвѣчалъ Иванъ Ильичъ, — я готовъ.

Акимъ Петровичъ видимо хотѣлъ поскорѣй улизнуть. Но Иванъ Ильичъ вдругъ, въ порывѣ благородства, рѣшился высказаться окончательно. На него очевидно опять нашло вдохновеніе.

— Передайте ему, — началъ онъ, устремляя ясный и полный глубокаго значенія взглядъ на Акима Петровича, — передайте Пселдонимову, что я ему не желаю зла; да, не желаю!.. Что, напротивъ, я готовъ даже забыть все прошедшее, забыть все, все...

Но вдругъ Иванъ Ильичъ осѣкся, смотря въ из-

умленіи на странное поведеніе Акима Петровича, который изъ разсудительнаго человѣка, неизвѣстно почему, оказался вдругъ ужаснѣйшимъ дуракомъ. Вмѣсто того, чтобъ слушать и дослушать, онъ вдругъ покраснѣлъ до послѣдней глупости, началъ какъ-то утороплено и даже неприлично кланяться какими-то маленькими поклонами и вмѣстѣ съ тѣмъ пятиться къ дверямъ. Весь видъ его выражалъ желаніе провалиться сквозь землю или, лучше сказать, добраться поскорѣе до своего стола. Иванъ Ильичъ, оставшись одинъ, всталъ въ замѣшательствѣ со стула. Онъ смотрѣлъ въ зеркало и не замѣчалъ лица своего.

— Нѣтъ, строгость, одна строгость и строгость! — шепталъ онъ почти безсознательно про себя, и вдругъ яркая краска облила все его лицо. Ему стало вдругъ до того стыдно, до того тяжело, какъ не бывало въ самыя невыносимыя минуты его восьмидневной болѣзни. — «Не выдержалъ!» сказалъ онъ про себя и въ безсиліи опустился на стулъ.

Зимнія замѣтки о лѣтнихъ впечатлѣніяхъ.

Глава I.

Вмѣсто предисловія.

Вотъ уже сколько мѣсяцевъ толкуете вы мнѣ, друзья мои, чтобъ я описалъ вамъ поскорѣе мои заграничныя впечатлѣнія, не подозрѣвая, что вашей просьбой вы ставите меня просто втупикъ. Что̀ я вамъ напишу? Что̀ разскажу новаго, еще не извѣстнаго, не разсказаннаго? Кому изъ всѣхъ насъ русскихъ (т. е. читающихъ хоть журналы) Европа не извѣстна вдвое лучше, чѣмъ Россія? Вдвое я здѣсь поставилъ изъ учтивости, а навѣрное въ десять разъ. Къ тому же, кромѣ сихъ общихъ соображеній, вы спеціально знаете, что мнѣ-то особенно нечего разсказывать, а ужъ тѣмъ болѣе въ порядкѣ записывать, потому что я самъ ничего не видалъ въ порядкѣ, а если что̀ и видѣлъ, такъ не успѣлъ разглядѣть. Я былъ въ Берлинѣ, въ Дрезденѣ, въ Висбаденѣ, въ Баденъ-Баденѣ, въ Кельнѣ, въ Парижѣ, въ Лондонѣ, въ Люцернѣ, въ Женевѣ, въ Генуѣ, во Флоренціи, въ Миланѣ, въ Венеціи, въ Вѣнѣ, да еще въ иныхъ мѣстахъ по два раза, и все это, все это я объѣхалъ ровно въ два съ половиною мѣсяца! Да развѣ можно хоть что-нибудь порядочно разглядѣть, проѣхавъ столько дорогъ въ два съ половиною мѣсяца? Вы помните, маршрутъ мой я

составилъ себѣ заранѣе еще въ Петербургѣ. За границей я не былъ ни разу: рвался я туда чуть не съ моего перваго дѣтства, еще тогда, когда въ долгіе зимніе вечера, за неумѣніемъ грамотѣ, слушалъ, разиня ротъ и замирая отъ восторга и ужаса, какъ родители читали на сонъ грядущій романы Ратклифъ, отъ которыхъ я потомъ бредилъ во снѣ въ лихорадкѣ. Вырвался я, наконецъ, за границу сорока лѣтъ отроду, и, ужъ разумѣется, мнѣ хотѣлось не только какъ можно болѣе осмотрѣть, но даже все осмотрѣть, непремѣнно все, несмотря на срокъ. Къ тому же хладнокровно выбирать мѣста я былъ рѣшительно не въ состояніи. Господи, сколько я ожидалъ себѣ отъ этого путешествія! «Пусть не разгляжу ничего подробно, думалъ я, зато я все видѣлъ, вездѣ побывалъ; зато изъ всего видѣннаго составится что-нибудь цѣлое, какая-нибудь общая панорама. Вся «страна святыхъ чудесъ» представится мнѣ разомъ, съ птичьяго полета, какъ земля обѣтованная съ горы въ перспективѣ. Однимъ словомъ, получится какое-нибудь новое, чудное, сильное впечатлѣніе». Вѣдь я теперь, сидя дома, объ чемъ тоскую наиболѣе, вспоминая о моихъ лѣтнихъ странствіяхъ? Не о томъ, что я ничего не разглядѣлъ въ подробности, а о томъ, что вотъ почти вѣдь вездѣ побывалъ, а въ Римѣ, напримѣръ, такъ и не былъ. А въ Римѣ я бы, можетъ быть, пропустилъ папу . . . Однимъ словомъ, на меня напала какая-то неутолимая жажда новаго, перемѣны мѣстъ, общихъ, синтетическихъ, панорамныхъ, перспективныхъ впечатлѣній. Ну чего жъ послѣ такихъ признаній вы отъ меня ожидаете? Что я вамъ разскажу? Что изображу? Панорамы, перспективу? Что-нибудь съ птичьяго полета. Но, пожалуй, вы

же первые скажете мнѣ, что я высоко залетѣлъ. Кромѣ того я считаю себя человѣкомъ совѣстливымъ, и мнѣ вовсе не хотѣлось бы лгать, даже и въ качествѣ путешественника. А вѣдь если я вамъ начну изображать и описывать хотя бы только одну панораму, то вѣдь непремѣнно солгу и даже вовсе не потому, что я путешественникъ, а такъ, просто потому, что въ моихъ обстоятельствахъ невозможно не лгать. Разсудите сами: Берлинъ, напримѣръ, произвелъ на меня самое кислое впечатлѣніе, и пробылъ я въ немъ всего однѣ сутки. И я знаю теперь, что я виноватъ передъ Берлиномъ, что я не смѣю положительно утверждать, будто онъ производитъ кислое впечатлѣніе. Ужъ, по крайней мѣрѣ, хоть кисловатое, а не просто кислое. А отчего произошла пагубная ошибка моя? Рѣшительно оттого, что я, больной человѣкъ, страдающій печенью, двое сутокъ скакалъ по чугункѣ, сквозь дождь и туманъ до Берлина, и, пріѣхавъ въ него, не выспавшись, желтый, усталый, изломанный, вдругъ съ перваго взгляда замѣтилъ, что Берлинъ до невѣроятности похожъ на Петербургъ. Тѣ же кордонныя улицы, тѣ же запахи, тѣ же . . . (а, впрочемъ, не пересчитывать же всего того же!) Фу ты, Богъ мой, думалъ я про себя: стоило жъ себя двое сутокъ въ вагонѣ ломать, чтобъ увидать то же самое, отъ чего ускакалъ? Даже липы мнѣ не понравились, а вѣдь за сохраненіе ихъ берлинецъ пожертвуетъ всѣмъ изъ самаго дорогого, даже, можетъ быть, своей конституціей; а ужъ чего дороже берлинцу его конституціи? Къ тому же сами берлинцы, всѣ до единаго, смотрѣли такими нѣмцами, что я, не посягнувъ даже и на фрески Каульбаха (о, ужасъ!),

поскорѣе улизнулъ въ Дрезденъ, питая глубочайшее убѣжденіе въ душѣ, что къ нѣмцу надо особенно привыкать, и что съ непривычки его весьма трудно выносить въ большихъ массахъ. А въ Дрезденѣ я даже и передъ нѣмками провинился; мнѣ вдругъ вообразилось, только-что я вышелъ на улицу, что ничего нѣтъ противнѣе типа дрезденскихъ женщинъ и что самъ пѣвецъ любви, Всеволодъ Крестовскій, самый убѣжденный и самый развеселый изъ русскихъ поэтовъ, совершенно бы здѣсь потерялся и даже, можетъ быть, усомнился бы въ своемъ призваніи. Я, конечно, въ ту же минуту почувствовалъ, что говорю вздоръ и что усомниться въ своемъ призваніи онъ не могъ бы даже ни при какихъ обстоятельствахъ. Черезъ два часа мнѣ все объяснилось: воротясь въ свой номеръ въ гостиницѣ и высунувъ свой языкъ передъ зеркаломъ, я убѣдился, что мое сужденіе о дрезденскихъ дамахъ похоже на самую черную клевету. Языкъ мой былъ желтый, злокачественный... «И неужели, неужели человѣкъ, сей царь природы, до такой степени весь зависитъ отъ собственной своей печенки, подумалъ я, — что̀ за низость!» Съ этими утѣшительными мыслями я отправился въ Кельнъ. Признаюсь, я много ожидалъ отъ собора; я съ благоговѣніемъ чертилъ его еще въ юности, когда учился архитектурѣ. Въ обратный проѣздъ мой черезъ Кельнъ, то есть мѣсяцъ спустя, когда, возвращаясь изъ Парижа, я увидалъ соборъ во второй разъ, я было хотѣлъ «на колѣняхъ просить у него прощенія» за то, что не постигъ въ первый разъ его красоту, точь-въ-точь какъ Карамзинъ, съ такою же цѣлью становившійся на колѣни передъ рейнскимъ водопадомъ. Но тѣмъ не менѣе

въ этотъ первый разъ соборъ мнѣ вовсе не понравился, мнѣ показалось, что это только кружево, кружево и одно только кружево, галантерейная вещица въ родѣ прессъ-папье на письменный столъ, саженъ въ семьдесятъ высотою. «Величественнаго мало», рѣшилъ я, точно такъ, какъ въ старину наши дѣды рѣшили про Пушкина: «легко, дескать, слишкомъ сочиняетъ, мало высокаго». Я подозрѣваю, что на это первое рѣшеніе мое имѣли вліяніе два обстоятельства, и первое: одеколонъ. Жанъ-Марія-Фарина находится тутъ же подлѣ собора, и въ какомъ бы вы ни остановились отелѣ, въ какомъ бы вы ни были настроеніи духа, какъ бы вы ни прятались отъ враговъ своихъ и отъ Жанъ-Маріи-Фарины въ особенности, его кліенты васъ найдутъ непремѣнно и ужъ тутъ: «одеколонъ ou la vie», одно изъ двухъ, выбора не представляется. Не могу утверждать слишкомъ навѣрное, что такъ и кричатъ именно этими словами: «одеколонъ ou la vie!» но кто знаетъ — можетъ быть, и такъ. Помню, мнѣ тогда все что-то казалось и слышалось. Второе обстоятельство, разозлившее меня и сдѣлавшее несправедливымъ, былъ новый кельнскій мостъ. Мостъ, конечно, превосходный, и городъ справедливо гордится имъ, но мнѣ показалось, что ужъ слишкомъ гордится. Разумѣется, я тотчасъ же на это разсердился. При томъ же собирателю грошей при входѣ на чудесный мостъ вовсе не слѣдовало брать съ меня эту благоразумную пошлину съ такимъ видомъ, какъ будто онъ беретъ съ меня штрафъ за какую-то неизвѣстную мнѣ мою провинность. Я не знаю, но мнѣ показалось, что нѣмецъ куражится. «Вѣрно догадался, что я иностранецъ и именно русскій», подумалъ я. По крайней мѣрѣ, его

глаза чуть не проговорили: «Ты видишь нашъ мостъ, жалкій русскій, — ну такъ ты червь передъ нашимъ мостомъ и передъ всяки нѣмецки человѣкъ, потому что у тебя нѣтъ такого моста». Согласитесь сами, что это обидно. Нѣмецъ, конечно, этого вовсе не говорилъ, даже, можетъ, и на умѣ у него этого не было, но вѣдь это все равно: я такъ былъ увѣренъ тогда, что онъ именно это хочетъ сказать, что вскипѣлъ окончательно. «Чертъ возьми, думалъ я, мы тоже изобрѣли самоваръ . . . у насъ есть журналы . . . у насъ дѣлаютъ офицерскія вещи . . . у насъ . . .» Однимъ словомъ, я разсердился и, купивъ склянку одеколону (отъ которой ужъ никакъ не могъ отвертѣться), немедленно ускакалъ въ Парижъ, надѣясь, что французы будутъ гораздо милѣе и занимательнѣе. Теперь разсудите сами: преодолѣй себя, пробудь я въ Берлинѣ не день, а недѣлю, въ Дрезденѣ столько же, на Кельнъ положите хоть три дня, ну хоть два, и я навѣрно въ другой, въ третій разъ взглянулъ бы на тѣ же предметы другими глазами и составилъ бы объ нихъ болѣе приличное понятіе. Даже лучъ солнца, простой какой-нибудь лучъ солнца тутъ много значилъ: сіяй онъ надъ соборомъ, какъ и сіялъ онъ во второй мой пріѣздъ въ городъ Кельнъ, и зданіе навѣрное бы мнѣ показалось въ настоящемъ своемъ свѣтѣ, а не такъ, какъ въ то пасмурное и даже нѣсколько дождливое утро, которое способно было вызвать во мнѣ одну только вспышку уязвленнаго патріотизма. Хотя изъ этого, впрочемъ, вовсе не слѣдуетъ, что патріотизмъ рождается только при дурной погодѣ. Итакъ, вы видите, друзья мои: въ два съ половиною мѣсяца нельзя вѣрно всего разглядѣть, и я не могу доставить вамъ самыхъ точ-

ныхъ свѣдѣній. Я поневолѣ иногда долженъ говорить неправду, а потому . . .

Но тутъ вы меня останавливаете. Вы говорите, что на этотъ разъ вамъ и не надобно точныхъ свѣдѣній, что за нужду вы найдете ихъ въ гидѣ Рейхарда, а что, напротивъ, было бы вовсе недурно, если бъ и каждый путешественникъ гонялся не столько за абсолютной вѣрностью (которой достичь онъ почти всегда не въ силахъ), сколько за искренностью; не боялся бы иногда не скрыть иного личнаго своего впечатлѣнія или приключенія, хотя бы оно и не доставляло ему большой славы, и не справлялся бы съ извѣстными авторитетами, чтобъ провѣрять свои выгоды. Однимъ словомъ, что вамъ надобны только собственныя, но искреннія мои наблюденія.

А! восклицаю я, такъ вамъ надобно простой болтовни, легкихъ очерковъ, личныхъ впечатлѣній, схваченныхъ на лету. На это согласенъ и тотчасъ же справлюсь съ записной моей книжкой. И простодушнымъ быть постараюсь, насколько могу. Прошу только помнить, что, можетъ быть, очень многое, что̀ я вамъ напишу теперь, будетъ съ ошибками. Разумѣется, не все же съ ошибками. Невозможно вѣдь ошибиться, напримѣръ, въ такихъ фактахъ, что въ Парижѣ есть Нотръ-Дамъ и Бальмабиль. Особенно послѣдній фактъ до того засвидѣтельствованъ всѣми русскими, писавшими о Парижѣ, что въ немъ уже почти нельзя сомнѣваться. Въ этомъ-то, можетъ, и я не ошибусь, а, впрочемъ, въ строгомъ смыслѣ, и за это не ручаюсь. Вѣдь говорятъ же вотъ, что быть въ Римѣ и не видать собора Петра невозможно. Ну такъ посудите же: я былъ въ Лондонѣ, а вѣдь не видалъ же

Павла. Право не видалъ. Собора св. Павла не видалъ. Оно, конечно, между Петромъ и Павломъ есть разница, но все-таки какъ-то неприлично для путешественника. Вотъ вамъ и первое приключеніе мое, не доставлющее мнѣ большой славы (то есть я, пожалуй, и видѣлъ издали, саженъ за двѣсти, да торопился въ Пентонвиль, махнулъ рукой и проѣхалъ мимо). Но къ дѣлу, къ дѣлу! И знаете ли: вѣдь я не все только ѣздилъ и смотрѣлъ съ птичьяго полета (съ птичьяго полета не значитъ *свысока*. Это архитектурный терминъ, вы знаете). Я цѣлый мѣсяцъ безъ восьми дней, употребленныхъ въ Лондонѣ, въ Парижѣ прожилъ. Ну, вотъ я вамъ и напишу что-нибудь по поводу Парижа, потому что его все-таки лучше разглядѣлъ, чѣмъ соборъ св. Павла или дрезденскихъ дамъ. Ну, начинаю.

Глава II.

Въ вагонѣ.

«Разсудка французъ не имѣетъ да и имѣть его почелъ бы за величайшее для себя несчастье». Эту фразу написалъ еще въ прошломъ столѣтіи Фонъ-Визинъ и, Боже мой, какъ, должно быть, весело она у него написалась. Бьюсь объ закладъ, что у него щекотало отъ удовольствія на сердцѣ, когда онъ ее сочинялъ. И кто знаетъ, можетъ, и всѣ-то мы послѣ Фонъ-Визина, три-четыре поколѣнія сряду, читали ее не безъ нѣкотораго наслажденія. Всѣ подобныя, отдѣлывающія иностранцевъ фразы, даже если и теперь встрѣчаются, заключаютъ для насъ

русскихъ что-то неотразимо пріятное. Разумѣется, только въ глубокой тайнѣ, даже подчасъ отъ самихъ себя втайнѣ. Тутъ слышится какое-то мщеніе за что-то прошедшее и нехорошее. Пожалуй, это чувство и нехорошее, но я какъ-то убѣжденъ, что оно существуетъ чуть не въ каждомъ изъ насъ. Мы, разумѣется, бранимся, если насъ въ этомъ подозрѣваютъ, и при этомъ вовсе не притворяемся, а между тѣмъ, я думаю, самъ Бѣлинскій былъ въ этомъ смыслѣ тайный славянофилъ. Помню я тогда, лѣтъ пятнадцать назадъ, когда я зналъ Бѣлинскаго, помню, съ какимъ благоговѣніемъ, доходившимъ даже до странности, весь этотъ тогдашній кружокъ склонялся передъ Западомъ, то есть передъ Франціей преимущественно. Тогда въ модѣ была Франція, — это было въ сорокъ шестомъ году. И не то что, напримѣръ, обожались такія имена, какъ Жоржъ-Зандъ, Прудонъ и проч.; или уважались такіе, какъ Луи Бланъ, Ледрю-Ролленъ и т. д. Нѣтъ, а такъ просто, сморчки какіе-нибудь, самыя мизерныя фамильишки, которыя тотчасъ же и сбрендили, когда до нихъ дошло потомъ дѣло, и тѣ были на высокомъ счету. И отъ тѣхъ ожидалось что-то великое въ предстоящемъ служеніи человѣчеству. О нѣкоторыхъ изъ нихъ говорилось съ особеннымъ шепотомъ благоговѣнія... И что же? Въ жизнь мою я не встрѣчалъ болѣе страстно-русскаго человѣка, какимъ былъ Бѣлинскій, хотя до него только развѣ одинъ Чаадаевъ такъ смѣло, а подчасъ и слѣпо, какъ онъ, негодовалъ на многое наше родное и, повидимому, презиралъ все русское. Я по нѣкоторымъ даннымъ это все теперь соображаю и припоминаю. Такъ вотъ, кто знаетъ, можетъ быть, это словцо Фонъ-

Визина даже и Бѣлинскому подчасъ казалось не очень скандальнымъ. Бываютъ же минуты, когда даже самая благообразная и даже законная опека не очень-то нравится. О, ради Бога, не считайте, что любить родину значитъ ругать иностранцевъ и что я такъ именно думаю. Совсѣмъ я такъ не думаю и не намѣренъ думать, и даже напротивъ... Жаль только, что объясниться-то яснѣе мнѣ теперь некогда.

А кстати: ужъ не думаете ли вы, что я вмѣсто Парижа въ русскую литературу пустился? Критическую статью пишу? Нѣтъ, это я только такъ отъ нечего дѣлать.

По записной моей книжкѣ приходится, что я теперь сижу въ вагонѣ и приготовляюсь назавтра къ Эйдкунену, то есть къ первому заграничному впечатлѣнію, и у меня подчасъ даже сердце вздрагиваетъ. Какъ это вотъ я увижу, наконецъ, Европу, я, который безплодно мечталъ о ней почти сорокъ лѣтъ, я, который еще съ шестнадцати лѣтъ и пресерьезно, какъ Бѣлопяткинъ у Некрасова:

„Бѣжать хотѣлъ въ Швейцарію",

но не бѣжалъ, и вотъ теперь и я въѣзжаю, наконецъ, въ «страну святыхъ чудесъ», въ страну такихъ долгихъ томленій и ожиданій моихъ, такихъ упорныхъ моихъ вѣрованій. Господи, да какіе же мы русскіе? — мелькало у меня подчасъ въ головѣ въ эту минуту, все въ томъ же вагонѣ. Дѣйствительно ли мы русскіе въ самомъ-то дѣлѣ? Почему Европа имѣетъ на насъ, кто бы мы ни были, такое сильное, волшебное, призывное впечатлѣніе? То есть, я не про тѣхъ русскихъ теперь говорю, которые тамъ остались, ну вотъ про тѣхъ простыхъ

русскихъ, которымъ имя пятьдесятъ милліоновъ, которыхъ мы, сто тысячъ человѣкъ, до сихъ поръ пресерьезно за никого считаемъ и надъ которыми глубокіе сатирическіе журналы наши до сихъ поръ смѣются за то, что они бородъ не бреютъ. Нѣтъ, я про нашу привиллегированную и патентованную кучку теперь говорю. Вѣдь все, рѣшительно почти все, что̀ есть въ насъ развитія, науки, искусства, гражданственности, человѣчности, все, все вѣдь это оттуда, изъ той же страны святыхъ чудесъ! Вѣдь вся наша жизнь по европейскимъ складамъ еще съ самаго перваго дѣтства сложилась. Неужели же кто-нибудь изъ насъ могъ устоять противъ этого вліянія, призыва, давленія? Какъ еще не переродились мы окончательно въ европейцевъ? Что мы не переродились — съ этимъ, я думаю, всѣ согласятся, одни съ радостью, другіе, разумѣется, со злобою за то, что мы *не доросли* до перерожденія. Это ужъ другое дѣло. Я только про фактъ говорю, что мы не переродились даже при такихъ неотразимыхъ вліяніяхъ, и не могу понять этого факта. Вѣдь не няньки жъ и мамки наши уберегли насъ отъ перерожденія. Вѣдь грустно и смѣшно въ самомъ дѣлѣ подумать, что не было бъ Арины Родіоновны, няньки Пушкина, такъ, можетъ быть, и не было бъ у насъ Пушкина. Вѣдь это вздоръ! Неужели же не вздоръ? А что̀ если и въ самомъ дѣлѣ не вздоръ! Вотъ теперь много русскихъ дѣтей везутъ воспитываться во Францію; ну что̀, если туда увезли какого-нибудь другого Пушкина и тамъ у него не будетъ ни Арины Родіоновны, ни русской рѣчи съ колыбели. А ужъ Пушкинъ ли не русскій былъ человѣкъ! Онъ, баричъ, Пугачева угадалъ и въ пу-

гачевскую душу проникъ, да еще тогда, когда никто ни во что не проникалъ. Онъ, аристократъ, Бѣлкина въ своей душѣ заключалъ. Онъ художнической силой отъ своей среды отрѣшился и съ точки народнаго духа ее въ Онѣгинѣ великимъ судомъ судилъ. Вѣдь это пророкъ и провозвѣстникъ. Неужели жъ и въ самомъ дѣлѣ есть какое-то химическое соединеніе человѣческаго духа съ родной землей, что оторваться отъ нея ни за что нельзя и хоть и оторвешься, такъ все-таки назадъ воротишься. Вѣдь не съ неба же въ самомъ дѣлѣ свалилось къ намъ славянофильство и хоть оно и сформировалось впослѣдствіи въ московскую затѣю, но вѣдь основаніе этой затѣи пошире московской формулы и, можетъ быть, гораздо глубже залегаетъ въ иныхъ сердцахъ, чѣмъ оно кажется съ перваго взгляда. Да и у московскихъ-то, можетъ быть, пошире ихъ формулы залегаетъ. Ужъ какъ трудно съ перваго раза даже передъ самимъ собой ясно высказаться. Иная живучая, сильная мысль въ три поколѣнія не выяснится, такъ что финалъ выходитъ иногда совсѣмъ не похожъ на начало... И вотъ всѣ-то эти праздныя мысли поневолѣ осаждали меня передъ Европой въ вагонѣ, отчасти, впрочемъ, отъ скуки и отъ нечего дѣлать. Вѣдь надо же быть откровеннымъ! До сихъ поръ у насъ о такихъ предметахъ только тѣ, которымъ нечего дѣлать, задумываются. Ахъ, какъ скучно праздно въ вагонѣ сидѣть, ну вотъ точь-въ-точь такъ же, какъ скучно у насъ на Руси безъ своего дѣла жить. Хоть и везутъ тебя, хоть и заботятся о тебѣ, хоть подчасъ даже такъ убаюкиваютъ, что кажется бы и желать больше нечего, а все-таки тоска, тоска и именно потому, что самъ ничего не дѣлаешь, пото-

му что ужъ слишкомъ о тебѣ заботятся, а ты сиди да жди, когда еще довезутъ. Право, иной разъ такъ бы и выскочилъ изъ вагона, да сбоку подлѣ машины на своихъ ногахъ побѣжалъ. Пусть выйдетъ хуже, пусть съ непривычки устану, собьюсь, нужды нѣтъ! Зато самъ, своими ногами иду, зато себѣ дѣло нашелъ и самъ его дѣлаю, зато если случится, что столкнутся вагоны и полетятъ вверхъ ногами, такъ ужъ не буду сложа руки запертой сидѣть, своими боками за чужую вину отвѣчать . . .

Богъ знаетъ что иногда на бездѣльѣ вздумается!

А между тѣмъ ужъ смерклось. Въ вагонахъ стали зажигать огни. Напротивъ меня помѣщались мужъ и жена, уже пожилые, помѣщики, и, кажется, хорошіе люди. Они спѣшили на выставку въ Лондонъ и всего-то на нѣсколько дней, а дома оставили семейство. Справа подлѣ меня находился одинъ русскій, проживавшій сряду десять лѣтъ въ Лондонѣ по коммерческимъ дѣламъ въ конторѣ, только на двѣ недѣли пріѣзжавшій теперь по дѣламъ въ Петербургъ и, кажется, совершенно потерявшій понятіе о тоскѣ по родинѣ. Слѣва сидѣлъ чистый, кровный англичанинъ, рыжій, съ англійскимъ проборомъ на головѣ и усиленно серьезный. Онъ всю дорогу не сказалъ ни съ кѣмъ изъ насъ ни одного самаго маленькаго словечка ни на какомъ языкѣ, днемъ читалъ не отрываясь какую-то книжку, той мельчайшей англійской печати, которую только могутъ переносить англичане, да еще похваливать за удобство, и какъ только стало десять часовъ вечера, немедленно снялъ свои сапоги и надѣлъ туфли. Вѣроятно, это такъ заведено у него было всю жизнь, и мѣнять своихъ привычекъ онъ не хотѣлъ и въ вагонѣ. Скоро всѣ задремали;

свистъ и постукиванье машины нагоняли какую-то неотразимую дремоту. Я сидѣлъ, думалъ-думалъ и, ужъ не знаю какъ, додумался до того, что «разсудка французъ не имѣетъ», чѣмъ и началъ эту главу. А знаете ли, что меня что-то подмываетъ, покамѣстъ доберемся мы до Парижа, сообщить вамъ мои вагонныя размышленія, такъ, во имя гуманности: вѣдь было же мнѣ скучно въ вагонѣ, ну такъ пусть теперь будетъ скучно и вамъ. Впрочемъ, другихъ читателей надобно выгородить, а для этого включу-ка я всѣ эти размышленія нарочно въ особую главу и назову ее *лишней*. Вы-то надъ ней поскучайте, а другіе, какъ лишнюю, могутъ и выкинуть. Съ читателемъ нужно обращаться осторожно и совѣстливо, ну а съ друзьями можно и покороче. Итакъ:

Глава III

и совершенно лишняя.

Это, впрочемъ, были не размышленія, а такъ, какія-то созерцанія, произвольныя представленія, даже мечтанія «о томъ, о семъ, а больше ни о чемъ». Во-первыхъ, я заѣхалъ въ старину и раздумался прежде всего о человѣкѣ, сотворившемъ вышеприведенный афоризмъ о французскомъ разсудкѣ, такъ, ни съ того, ни съ сего раздумался, именно по поводу афоризма. Этотъ человѣкъ по своему времени былъ большой либералъ. Но хоть и таскалъ онъ всю жизнь на себѣ неизвѣстно зачѣмъ французскій кафтанъ, пудру и шпаженку сзади, для

означенія рыцарскаго своего происхожденія (котораго у насъ совсѣмъ не было) и для защиты личной чести въ передней у Потемкина, но только что высунулъ свой носъ за границу, какъ и пошелъ отмаливаться отъ Парижа всѣми библейскими текстами и рѣшилъ, что «разсудка французъ не имѣетъ», да еще и имѣть-то его почелъ бы за величайшее для себя несчастье. Кстати, ужъ не думаете ли вы, что я заговорилъ о шпаженкѣ и бархатномъ кафтанѣ въ укоръ Фонъ-Визину? Ничуть не бывало! Не зипунъ же было ему надѣвать на себя, да еще въ то время, когда и теперь иные господа, чтобы *быть русскими* и слиться съ народомъ, не надѣли-таки зипуна, изобрѣли себѣ балетный костюмъ, немного не тотъ самый, въ которомъ обыкновенно выходятъ на сцену въ русскихъ народныхъ операхъ Услады, влюбленные въ своихъ Людмилъ, носящихъ кокошники. Нѣтъ, ужъ, по крайней мѣрѣ, французскій кафтанъ былъ тогда народу понятнѣе: «барина, дескать, видно, не въ зипунѣ жъ ходить барину». Слышалъ я недавно, что какой-то современный помѣщикъ, чтобъ слиться съ народомъ, тоже сталъ носить *русскій костюмъ* и повадился было въ немъ на сходки ходить; такъ крестьяне какъ завидятъ его, такъ говорятъ промежъ себя: «Чего къ намъ этотъ ряженый таскается?» Да такъ вѣдь и не слился съ народомъ помѣщикъ-то.

— Нѣтъ, ужъ я, — сказалъ мнѣ другой господинъ, — нѣтъ, ужъ я ничего не уступлю. Нарочно буду бороду брить, а коли надо, такъ и во фракѣ ходить. Дѣло-то я буду дѣлать, а виду не покажу, что сходиться хочу. Буду хозяиномъ, буду скупымъ и расчетливымъ, даже прижималой или вымогалой буду, если понадобится. Больше уважать

будутъ. А вѣдь все главное въ томъ и состоитъ, чтобъ сначала настоящаго уваженія добиться.

— Фу ты чертъ! — подумалъ я, — точно на иноплеменниковъ какихъ собираются. Военный совѣтъ да и только.

— Да, — сказалъ мнѣ третій, впрочемъ премилѣйшій господинъ, — я вотъ куда-нибудь припишусь, а меня вдругъ на сходкѣ мірскимъ приговоромъ за что-нибудь высѣчь приговорятъ. Ну, что тогда будетъ?

— А хошь бы и такъ, — захотѣлось мнѣ вдругъ сказать, да и не сказалъ я, потому что струсилъ. — Что это, отчего это мы подчасъ до сихъ поръ трусимъ иныя наши мысли высказывать? — Хошь бы и такъ, — думалось мнѣ про себя, — хошь и высѣкли бы, что жъ? Такіе обороты дѣла называются у профессоровъ эстетики трагическимъ въ жизни и больше ничего. Неужели жъ изъ-за этого только особнякомъ отъ всѣхъ жить? Нѣтъ, ужъ коли всѣ, такъ ужъ совсѣмъ со всѣми, а особнякомъ, такъ ужъ и совсѣмъ особнякомъ. Въ другихъ мѣстахъ и не то выносили, да еще слабыя жены и дѣти.

— Да помилуйте, какія тутъ жены и дѣти! — закричалъ было мнѣ мой противникъ, — выдралъ бы міръ ни съ того, ни съ сего, за корову какую-нибудь, что въ огородъ чужой затесалась, а у васъ ужъ это и общее дѣло.

— Ну да, оно, конечно, смѣшно, да и дѣло-то само смѣшное, грязное такое, рукъ марать не хочется. Даже и говорить-то объ немъ неприлично. Провались они всѣ: пусть ихъ всѣхъ стегаютъ, вѣдь не меня же. А я вотъ съ своей стороны чѣмъ хотите готовъ отвѣчать за мірской приговоръ: ни

одной-таки розгочки не досталось бы моему милѣйшему спорщику, если бъ даже и возможно было съ нимъ распорядиться по мірскому приговору: «Съ него деньгами штрафъ возьмемъ, братцы, потому и дѣло это у него благородное. Не привыченъ. Вотъ у нашего брата такъ на то и сидѣнье, чтобъ его стегать», порѣшилъ бы міръ словами старосты въ одномъ изъ губернскихъ очерковъ Щедрина . . .

— Ретроградство! — закричалъ кто-нибудь, прочтя это. — За розги стоять! (Ей Богу кто-нибудь изъ этого выведетъ, что я за розги стою.)

— Да помилуйте, про что вы говорите, — скажетъ другой. — Вы про Парижъ хотѣли, да на розги съѣхали. Гдѣ же тутъ Парижъ?

— Да что же это, — прибавитъ третій, — обо всемъ этомъ вы сами пишете, что слышали недавно, а путешествовали лѣтомъ. Какъ же вы могли обо всемъ этомъ въ вагонѣ тогда еще думать?

— Вотъ это такъ дѣйствительно задача, — отвѣчаю я, — но, позвольте: вѣдь это зимнія воспоминанія о лѣтнихъ впечатлѣніяхъ. Такъ ужъ къ зимнимъ и примѣшалось зимнее. При томъ же, подъѣзжая къ Эйдкунену, я, помню, особенно раздумался про все наше отечественное, которое покидалъ для Европы, и помню, что иныя мечтанія мои были въ этомъ же духѣ. Я именно размышлялъ на тему о томъ: какимъ образомъ на насъ въ разное время отражалась Европа и постоянно ломилась къ намъ съ своей цивилизаціей въ гости и насколько мы цивилизовались и сколько именно насъ счетомъ до сихъ поръ отцивилизовалось? Теперь я самъ вижу, что все тутъ какъ бы лишнее. Да я жъ васъ и предувѣдомилъ, что вся глава лишняя. А, впрочемъ,

на чемъ я остановился? Да! на французскомъ кафтанѣ. Съ него и началось!

Ну такъ вотъ, одинъ изъ этихъ французскихъ кафтановъ и написалъ тогда «Бригадира». «Бригадиръ» былъ по-тогдашнему вещь удивительная и произвелъ чрезвычайный эффектъ. «Умри, Денисъ, лучше ничего не напишешь», говорилъ самъ Потемкинъ. Всѣ какъ бы спросонья зашевелились. Что жъ, неужели жъ и тогда, — продолжалъ я свои произвольныя созерцанія,—ужъ наскучило людямъ ничего не дѣлать и ходить на чужихъ помочахъ? Я не объ однѣхъ тогдашнихъ французскихъ помочахъ говорю, и хочу кстати прибавить, что мы чрезвычайно легковѣрная нація и что все это у насъ отъ нашего добродушія. Сидимъ мы, напримѣръ, всѣ безъ дѣла, и вдругъ намъ покажется, что кто-то что-то сказалъ, что-то сдѣлалъ, что у насъ собственнымъ духомъ запахло, что дѣло нашлось, вотъ мы такъ всѣ и накинемся и непремѣнно увѣрены, что сейчасъ начинается. Муха пролетитъ, а мы ужъ думаемъ, что самого слона провели. Неопытность юности, ну и голодуха къ тому же. Это у насъ чуть не раньше «Бригадира» еще началось, конечно, тогда еще въ микроскопическомъ размѣрѣ — и неизмѣнно до сихъ поръ продолжается: нашли дѣло и визжимъ отъ восторга. Увизжаться и прорваться отъ восторга — это у насъ самое первое дѣло; смотришь, года черезъ два и расходимся врозь, повѣсивъ носы. И вѣдь не устаемъ, хоть еще сто разъ начинай. Что же касается до другихъ помочей, то въ фонвизинское время въ массѣ-то почти вѣдь никто не сомнѣвался, что это были самыя святыя, самыя европейскія помочи и самая милая опека. Конечно, и теперь мало со-

мнѣвающихся. Вся наша крайне-прогрессивная партія до ярости стоитъ за чужія помочи. Но тогда, о, тогда было время такой вѣры во всякія помочи, что удивительно, какъ это мы горы тогда не сдвигали съ мѣста и какъ это всѣ эти наши алаунскія плоскія возвышенности, парголовскія вершины, валдайскія пики стоятъ еще на своихъ мѣстахъ. Правда, упоминалъ одинъ тогдашній поэтъ про одного героя, что:

Ляжетъ на горы, горы трещатъ

и что

Башни рукою за облакъ бросаетъ.

Но, кажется, это была только метафора. Кстати, господа: я вѣдь только объ одной литературѣ теперь говорю и именно объ изящной литературѣ. По ней я прослѣдить хочу постепенное и благотворное вліяніе Европы на наше отечество. То есть какія тогда (до «Бригадира» и въ его время) издавались и читались книжки, такъ это представить себѣ нельзя безъ нѣкотораго радостнаго высокомѣрія съ нашей стороны! Есть у насъ теперь одинъ замѣчательнѣйшій писатель, краса нашего времени, нѣкто Кузьма Прутковъ. Весь недостатокъ его состоитъ въ непостижимой скромности: до сихъ поръ не издалъ еще полнаго собранія своихъ сочиненій. Ну, такъ вотъ разъ напечаталъ онъ въ смѣси, въ «Современникѣ» очень давно уже «Записки моего дѣда». Вообразите, что могъ записать тогда этотъ дебелый, семидесятилѣтній, екатерининскій дѣдъ, видавшій виды, бывавшій на куртагахъ и подъ Очаковымъ, воротившись въ свою вотчину и принявшись за свои воспоминанія. То-то должно быть интересно было записать. Чего-чего

не перевидалъ человѣкъ! Ну, такъ вотъ у него все состоитъ изъ слѣдующихъ анекдотовъ:

„*Остроумный отвѣтъ кавалера де-Монбазона.* Нѣкогда одна молодая и весьма пригожая дѣвица кавалера де-Монбазона въ присутствіи короля хладнокровно спрашивала: „Государь мой, что къ чему привѣшено, собака къ хвосту или хвостъ къ собакѣ?“ На что сей кавалеръ, будучи въ отповѣдяхъ весьма искусенъ, нисколько не смятенымъ, но, напротивъ, постояннымъ голосомъ отвѣтствовалъ: „Никому, сударыня, собаку за хвостъ, какъ и за голову ваять невозбранно“. Сей отвѣтъ оному королю большое удовольствіе причинивши, и кавалеръ тотъ не безъ награды за него остался.

Вы думаете, что это надуванье, вздоръ, что никогда такого дѣда и на свѣтѣ не было. Но клянусь вамъ, что я самъ лично въ дѣтствѣ моемъ, когда мнѣ было десять лѣтъ отроду, читалъ одну книжку екатерининскаго времени, въ которой я прочелъ слѣдующій анекдотъ. Я тогда же его затвердилъ наизусть, — такъ онъ приманилъ меня — и съ тѣхъ поръ не забылъ:

„*Остроумный отвѣтъ кавалера де-Рогана.* Извѣстно, что у кавалера де-Рогана весьма дурно изо рту пахло. Однажды, присутствуя при пробужденіи принца де-Конде, сей послѣдній сказалъ ему: „Отстранитесь, кавалеръ де-Роганъ, ибо отъ васъ весьма дурно пахнетъ“. На что сей кавалеръ немедленно отвѣтствовалъ: „Это не отъ меня, всемилостивѣйшій принцъ, а отъ васъ, ибо вы только что встаете съ постели“.

То есть вообразите только себѣ этого помѣщика, стараго воина, пожалуй еще безъ руки, со старухой помѣщицей, съ сотней дворни, съ дѣтьми Митрофанушками, ходящаго по субботамъ въ баню и парящагося до самозабвенія; и вотъ онъ, въ очкахъ на носу, важно и восторженно читаетъ по складамъ подобные анекдоты, да еще принимаетъ все за самую настоящую суть, чуть-чуть не за обя-

занность по службѣ. И что за наивная тогдашняя вѣра въ дѣльность и необходимость подобныхъ европейскихъ извѣстій. «Извѣстно, дескать, что у кавалера де-Рогана весьма дурно изо рту пахло» . . . Кому извѣстно, зачѣмъ извѣстно, какимъ медвѣдямъ въ Тамбовской губерніи это извѣстно? Да кто еще и знать-то про это захочетъ? Но подобные вольнодумные вопросы дѣда не смущаютъ. Съ самой дѣтской вѣрой соображаетъ онъ, что сіе «собранье острыхъ словъ» при дворѣ извѣстно, и довольно съ него. Да, конечно, тогда намъ легко давалась Европа, физически, разумѣется. Нравственно-то, конечно, обходилось не безъ плетей. Напяливали шелковые чулки, парики, привѣшивали шпаженки — вотъ и европеецъ. И не только не мѣшало все это, но даже нравилось. На дѣлѣ же все оставалось попрежнему: такъ же отложивъ де-Рогана (о которомъ, впрочемъ, только всего и знали, что у него весьма дурно изо рту пахло) въ сторону и снявъ очки, расправлялись съ своей дворней, такъ же патріархально обходились съ семействомъ, такъ же драли на конюшнѣ мелкопомѣстнаго сосѣда, если сгрубитъ, такъ же подличали передъ высшимъ лицомъ. Даже мужику было понятнѣе: меньше его презирали, меньше его обычаемъ брезгали, больше знали о немъ, меньше чужими были ему, меньше нѣмцами. А что важничали передъ нимъ, такъ какъ же барину не поважничать, — на то баринъ. Хоть и до смерти засѣкали, а все-таки были народу какъ-то милѣе теперешнихъ потому что были больше свои. Однимъ словомъ, всѣ эти господа были народъ простой, кряжевой; до корней не доискивались, брали, драли, крали, спины гнули съ умиленіемъ, и мирно и жирно прожи-

вали свой вѣкъ «въ добросовѣстномъ, ребяческомъ развратѣ». Мнѣ даже сдается, что всѣ эти дѣды были вовсе не такъ и наивны, даже въ отношеніи де-Рогановъ и Монбазоновъ.

Даже, можетъ, и пребольшіе подчасъ были плуты и себѣ на умѣ въ отношеніи ко всѣмъ тогдашнимъ европейскимъ вліяніямъ сверху. Вся эта фантасмагорія, весь этотъ маскарадъ, всѣ эти французскіе кафтаны, манжеты, парики, шпаженки, всѣ эти дебелыя, неуклюжія ноги, влѣзавшія въ шелковые чулки; эти тогдашніе солдатики въ нѣмецкихъ парикахъ и штиблетахъ, все это, мнѣ кажется, были ужасныя плутни, подобострастно-лакейское надуваніе снизу, такъ что даже самъ народъ иной разъ это замѣчалъ и понималъ. Конечно, можно быть и подъячимъ, и плутомъ, и бригадиромъ и въ то же время пренаивно и трогательно быть увѣрену, что кавалеръ де-Роганъ и есть самый «субдительный суперфлю». Но вѣдь это ничему не мѣшало: Гвоздиловы гвоздили попрежнему, нашихъ де-Рогановъ нашъ Потемкинъ и всякій подобный ему чуть не сѣкли у себя на конюшнѣ, Монбазоны драли съ живого и съ мертваго, кулаками въ манжетахъ и ногами въ шелковыхъ чулкахъ давались подзатыльники и подспинники, а маркизы валялись на куртагахъ,

Отважно жертвуя затылкомъ.

Однимъ словомъ, вся эта заказная и приказанная Европа удивительно какъ удобно ужилась у насъ тогда, начиная съ Петербурга, — самаго фантастическаго города, съ самой фантастической исторіей изъ всѣхъ городовъ земного шара.

Ну, теперь ужъ не то, и Петербургъ взялъ свое. Теперь ужъ мы вполнѣ европейцы и доросли. Теперь ужъ самъ Гвоздиловъ снаровку держитъ, когда гвоздить приходится, приличіе наблюдаетъ, французскимъ буржуа дѣлается, а еще немного пройдетъ, и, какъ сѣверо-американецъ южныхъ штатовъ, текстами начнетъ защищать необходимость торговли неграми. Впрочемъ, защита текстами изъ американскихъ штатовъ сильно и въ Европу теперь переходитъ. Вотъ пріѣду туда — самъ своими глазами увижу, — думалъ я. Никогда изъ книгъ не научишься тому, что своими глазами увидишь. А кстати, по поводу Гвоздилова: почему именно не Софьѣ, представительницѣ благороднаго и гуманно-европейскаго развитія въ комедіи, вложилъ фонъ-Визинъ одну изъ замѣчательнѣйшихъ фразъ въ своемъ «Бригадирѣ», а дурѣ бригадиршѣ, которую ужъ онъ до того поддѣлывалъ дурой, да еще не простой, а ретроградной дурой, что всѣ нитки наружу вышли и всѣ глупости, которыя она говоритъ, точно не она говоритъ, а кто-то другой, спрятавшійся сзади? А когда надо было правду сказать, ее все-таки сказала не Софья, а бригадирша. Вѣдь онъ ее не только круглой дурой, даже и дурной женщиной сдѣлалъ; а все-таки какъ будто побоялся и даже художественно невозможнымъ почелъ, чтобъ такая фраза изъ устъ благовоспитанной по-оранжерейному Софьи выскочила, и почелъ какъ бы натуральнѣе, чтобъ ее изрекла простая, глупая баба. Вотъ это мѣсто, его стоитъ вспомнить. Это чрезвычайно любопытно и именно тѣмъ, что написано безо всякаго намѣренія и задняго слова, наивно и даже, можетъ быть, нечаянно. Бригадирша говоритъ Софьѣ:

...У насъ былъ нашего полку первой роты капитанъ по прозванію Гвоздиловъ; жена у него была такая изрядная — изрядная молодка. Такъ, бывало, онъ разсерчаетъ за что-нибудь, а больше хмельной, такъ вѣришь ли Богу, мать моя, что гвоздитъ ее, бывало, въ чемъ душа останется, а ни дай, ни вынеси за што. Ну, мы наша сторона дѣло, а ино наплачешься, на нее глядя.

Софья. Пожалуйте, сударыня, перестаньте разсказывать о томъ, что возмущаетъ человѣчество.

Бригадирша. Вотъ, матушка, ты *и слушать* объ этомъ не хочешь, каково жъ было *терпѣть* капитаншѣ?

Такимъ-то образомъ и сбрендила благовоспитанная Софья съ своей оранжерейной чувствительностью передъ простой бабой. Это удивительное репарти (сирѣчь отповѣдь) у фонъ-Визина, и нѣтъ ничего у него мѣтче, гуманнѣе и... нечаяннѣе. И сколько у насъ до сихъ поръ такихъ оранжерейныхъ прогрессистовъ изъ самыхъ передовыхъ нашихъ дѣятелей, которые чрезвычайно довольны своей оранжерейностью и ничего не требуютъ большаго. Но замѣчательнѣе всего, что Гвоздиловъ до сихъ поръ еще гвоздитъ свою капитаншу, и чуть ли еще не съ бо̀льшимъ комфортомъ чѣмъ прежде. Право такъ. Говорятъ, прежде это болѣе по душѣ, по сердцу дѣлалось! Кого люблю, того, дескать, и бью. Даже жены, говорятъ, безпокоились, если ихъ не били: не бьетъ, значитъ, не любитъ. Но это все первобытное, стихійное, родовое. Теперь ужъ и это подвеглось развитію. Теперь ужъ Гвоздиловъ гвоздитъ чуть не изъ принципа, да и то потому, что все еще дуракъ, то есть человѣкъ стараго времени, новыхъ порядковъ не знаетъ. По новымъ порядкамъ и безъ кулачной расправы можно еще лучше распорядиться. Я потому распространяюсь теперь о Гвоздиловѣ, что о

немъ до сихъ поръ у насъ пишутъ преглубокія и прегуманныя фразы. И столько пишутъ, что даже публикѣ надоѣли. Гвоздиловъ у насъ до того живучъ, несмотря на всѣ статьи, что чуть не безсмертенъ. Да-съ, онъ живъ и здоровъ, сытъ и пьянъ. Теперь онъ безъ руки и безъ ноги, и, какъ капитанъ Копейкинъ, «въ нѣкоторомъ смыслѣ кровь проливалъ». Жена его ужъ давно не «изрядная, изрядная молодка» какъ прежде была. Она постарѣла, лицо ея осунулось и поблѣднѣло, морщины и страданія избороздили его. Но когда ея мужъ и капитанъ лежалъ больной, безъ руки, она отъ постели его не отходила, безсонныя ночи надъ нимъ просиживала, утѣшала его, горючими слезами по немъ обливалась, своимъ милымъ, своимъ добрымъ молодцомъ, своимъ яснымъ соколомъ его называла, удалой солдатской головушкой величала. Пусть это возмущаетъ душу съ одной стороны, пусть, пусть! Но съ другой стороны: да здравствуетъ русская женщина, и нѣтъ ничего лучше ея безграничнo-прощающей любви на нашемъ русскомъ свѣтѣ. Вѣдь такъ, не правда ли? Тѣмъ болѣе, что и Гвоздиловъ-то теперь, въ трезвомъ видѣ, иногда и не бьетъ жену, то есть порѣже, приличіе наблюдаетъ, даже ласковое слово ей подчасъ скажетъ. Онъ вѣдь почувствовалъ въ старости, что безъ нея обойтись не можетъ; онъ разсчетливъ, онъ буржуа, а если бьетъ и теперь когда, такъ развѣ только подъ пьяную руку, да по старой привычкѣ, когда ужъ стоскуется. Ну, а вѣдь какъ хотите, это прогрессъ, все-таки утѣшеніе. Мы же такіе охотники до утѣшеній . . .

Да-съ, мы теперь совершенно утѣшились, сами

собою утѣшились. Пусть все вокругъ насъ и теперь еще не очень красиво; зато мы сами до того прекрасны, до того цивилизованы, до того европейцы, что даже народу стошнило на насъ глядя. Теперь ужъ народъ насъ совсѣмъ за иностранцевъ считаетъ, ни одного слова нашего, ни одной книги нашей, ни одной мысли нашей не понимаетъ, — а вѣдь это, какъ хотите, прогрессъ. Теперь ужъ мы до того глубоко презираемъ народъ и начала народныя, что даже относимся къ нему съ какою-то новою, небывалою брезгливостью, которой не было даже во времена нашихъ Монбазоновъ и де-Рогановъ, а вѣдь это, какъ хотите, прогрессъ. Зато какъ же мы теперь самоувѣренны въ своемъ цивилизаторскомъ призваніи, какъ свысока рѣшаемъ вопросы, да еще какіе вопросы-то: почвы нѣтъ, народа нѣтъ, національность — это только извѣстная система податей, душа — tabula rasa, вощичекъ, изъ котораго можно сейчасъ же вылѣпить настоящаго человѣка, общечеловѣка всемірнаго, гомункула — стоитъ только приложить плоды европейской цивилизаціи да прочесть двѣ-три книжки. Зато какъ мы спокойны, величаво-спокойны теперь, потому что ни въ чемъ не сомнѣваемся и все разрѣшили и подписали. Съ какимъ спокойнымъ самодовольствіемъ мы отхлестали, напримѣръ, Тургенева за то, что онъ осмѣлился не успокоиться съ нами и не удовлетвориться нашими величавыми личностями и отказался принять ихъ за свой идеалъ, а искалъ чего-то получше чѣмъ мы. Лучше чѣмъ мы, Господи помилуй! Да что же насъ краше и безошибочнѣе въ подсолнечной? Ну, и досталось же ему за Базарова, безпокойнаго и тоскующаго Базарова (признакъ великаго сердца),

несмотря на весь его нигилизмъ. Даже отхлестали мы его и за Кукшину, за эту прогрессивную вошь, которую вычесалъ Тургеневъ изъ русской дѣйствительности намъ на показъ, да еще прибавили — что онъ идетъ противъ эманципаціи женщины. А вѣдь это все прогрессъ, какъ хотите. Теперь мы съ такою капральскою самоувѣренностью, такими фельдфебелями цивилизаціи стоимъ надъ народомъ, что любо-дорого посмотрѣть: руки въ боки, взглядъ съ задоромъ, смотримъ фертомъ, — смотримъ да только поплевываемъ: «чему у тебя, сипа-мужикъ, намъ учиться, когда вся національность-то, вся народность-то въ сущности одно ретроградство, да раскладка податей и ничего больше!». Не спускать же предразсудкамъ, помилуйте! Ахъ, Боже мой, кстати теперь ... Господа, положимъ на минутку, что я ужъ кончилъ мое путешествіе и воротился въ Россію. Позвольте разсказать анекдотъ: Разъ, нынѣшней осенью, беру я одну газету изъ прогрессивнѣйшихъ. Смотрю: извѣстіе изъ Москвы. Рубрика: «Еще остатки варварства» (или что-то въ этомъ родѣ, только очень сильное. Жаль только, что теперь газеты передъ глазами нѣтъ). И вотъ разсказывается анекдотъ, какъ однажды, нынѣшней же осенью, въ Москвѣ, поутру, усмотрѣны были дрожки; на дрожкахъ сидѣла пьяная сваха, разодѣтая въ лентахъ, и пѣла пѣсню. Кучеръ тоже былъ въ какихъ-то бантахъ и тоже пьянъ, тоже мурлыкалъ какую-то пѣсню! Даже лошадь была въ бантахъ. Не знаю только, пьяна или нѣтъ? Вѣрно пьяна. Въ рукахъ у свахи былъ узелокъ, который она везла на показъ отъ нѣкоторыхъ новобрачныхъ, очевидно проведшихъ счастливую ночь. Въ узелкѣ, разумѣется, заклю-

чалась нѣкоторая легкая одежда, которую въ простонародьѣ обыкновенно на другой же день показываютъ родителямъ невѣсты. Народъ смѣялся, смотря на сваху: предметъ игривый. Газета съ негодованіемъ, съ форсомъ, поплевывая, передавала объ этомъ неслыханномъ варварствѣ, «даже до сихъ поръ сохранившемся, при всѣхъ успѣхахъ цивилизаціи!» Господа, признаюсь вамъ, я расхохотался ужасно. О, пожалуйста не думайте, что я защищаю первобытное канибальство, легкія одежды, покровы и проч. Это скверно, это нецѣломудренно, это дико, это по-славянски, знаю, согласенъ, хотя все это сдѣлалось, конечно, безъ худого намѣренія, а напротивъ, съ цѣлью торжества новобрачной, въ простотѣ души, отъ незнанія лучшаго, высшаго, европейскаго. Нѣтъ, я другому засмѣялся. А именно: вспомнились мнѣ вдругъ наши барыни и модные магазины наши. Конечно, цивилизованныя дамы уже не отсылаютъ теперь легкихъ покрововъ къ родителямъ, но когда, напримѣръ, придется заказывать модисткѣ платье, съ какимъ тактомъ, съ какимъ тонкимъ разсчетомъ и знаніемъ дѣла онѣ умѣютъ подложить вату въ извѣстныя мѣста своей очаровательной европейской одежды! Для чего вату? Разумѣется, для изящества, для эстетики, pour paraître . . . Мало того: ихъ дочери, эти невинныя, семнадцатилѣтнія созданія, едва покинувшія пансіонъ, и тѣ знаютъ про вату, все знаютъ; и къ чему служитъ вата, и гдѣ именно, въ какихъ частяхъ нужно употребить эту вату, и зачѣмъ, съ какой, то есть, именно цѣлью все это употребляется . . . Ну что жъ, подумалъ я со смѣхомъ, эти хлопоты, эти заботы, *сознательныя* заботы о ватныхъ пріумноженіяхъ, — что же чище,

нравственнѣе, цѣломудреннѣе, что ли, они несчастной легкой одежды, везомой съ простодушной увѣренностью къ родителямъ, съ увѣренностью, что такъ именно надобно, такъ именно нравственно! . .

Ради Бога, не думайте, друзья мои, что я теперь вдругъ хочу пуститься въ рацею о томъ, что цивилизація — не развитіе, а, напротивъ, въ послѣднее время въ Европѣ всегда стояла съ кнутомъ и тюрьмой надъ всякимъ развитіемъ. Не думайте, что я стану доказывать, что у насъ варварски смѣшиваютъ цивилизацію и законы нормальнаго, истиннаго развитія, доказывать, что цивилизація уже осуждена давно на самомъ Западѣ и что за нее стоитъ только тамъ одинъ собственникъ (хотя тамъ всѣ собственники или хотятъ быль собственниками), чтобъ спасти свои деньги. Не думайте, что я стану доказывать, что душа человѣческая не tabula rasa, не вощичекъ, изъ котораго можно слѣпить общечеловѣчка; что прежде всего нужна натура, потомъ наука, потомъ жизнь самостоятельная, почвенная, нестѣсненная и вѣра въ свои собственныя, національныя силы. Не думайте, что я скажу вамъ, будто не знаю, что наши прогрессисты (хотя и далеко не всѣ) вовсе не стоятъ за вату и такъ же точно клеймятъ ее, какъ и легкіе покровы. Нѣтъ, я только одно хочу теперь сказать: въ статьѣ вѣдь не спроста осуждали и проклинали покровы, не просто говорили, что это варварство, а очевидно изобличали простонародное, національное, стихійное варварство, въ противоположность европейской цивилизаціи нашего высшаго, благороднаго общества. Статья куражилась, статья какъ бы знать не хотѣла, что у самихъ обличителей-то, можетъ быть,

въ тысячу разъ гаже и хуже, что мы только промѣняли одни предразсудки и мерзости на другіе, еще бо̀льшіе предразсудки и мерзости. Статья какъ будто не замѣчала этихъ нашихъ-то собственныхъ-то предразсудковъ и мерзостей. Къ чему же, къ чему же такимъ фертомъ стоять надъ народомъ, руки въ боки да поплевывая... Вѣдь смѣшна, смѣшна уморительно эта вѣра въ непогрѣшимость и въ право такого обличенія. Вѣра это или просто куражъ надъ народомъ, или, наконецъ, неразсуждающее, рабское преклоненіе именно передъ европейскими формами цивилизаціи; такъ вѣдь это еще смѣшнѣе.

Да что! Вѣдь такихъ фактовъ тысяча каждодневно найдется. Простите за анекдотъ.

А, впрочемъ, что жъ я грѣшу! Вѣдь я грѣшу! Это оттого, что я слишкомъ скоро отъ дѣдовъ къ внукамъ перепрыгнулъ. Были и промежутки. Вспомните Чацкаго. Это и не наивно-плутоватый дѣдъ, это и не самодовольный потомокъ, фертомъ стоящій и все порѣшившій. Чацкій — это совершенно особый типъ нашей русской Европы, это типъ милый, восторженный, страдающій, взывающій и къ Россіи и къ почвѣ, а между тѣмъ все-таки уѣхавшій опять въ Европу, когда надо было сыскать.

Гдѣ оскорбленному есть чувству уголокъ...

однимъ словомъ, типъ совершенно безполезный теперь и бывшій ужасно полезнымъ когда-то. Это фразеръ, говорунъ, но сердечный фразеръ, и совѣстливо тоскующій о своей безполезности. Онъ теперь въ новомъ поколѣніи переродился, и мы вѣримъ въ юныя силы, мы вѣримъ, что онъ явится скоро опять, но уже не въ истерикѣ, какъ на балѣ

Фамусова, а побѣдителемъ, гордымъ, могучимъ, кроткимъ и любящимъ. Онъ сознаетъ кромѣ того къ тому времени, что уголокъ для оскорбленнаго чувства не въ Европѣ, а, можетъ быть, подъ носомъ, и найдетъ что дѣлать и станетъ дѣлать. И знаете ли что: я вотъ увѣренъ, что не все и теперь у насъ одни только фельдфебеля цивилизаціи и европейскіе самодуры; я увѣренъ, я стою за то, что юный человѣкъ уже народился... но объ этомъ послѣ. А мнѣ хочется сказать еще два слова о Чацкомъ. Не понимаю я только одного: вѣдь Чацкій былъ человѣкъ очень умный. Какъ это умный человѣкъ не нашелъ себѣ дѣла? Они всѣ вѣдь не нашли дѣла, не находили два-три поколѣнія сряду. Это фактъ противъ факта и говорить бы кажется нечего, но спросить изъ любопытства можно. Такъ вотъ не понимаю я, чтобъ умный человѣкъ, когда бы то ни было, при какихъ бы ни было обстоятельствахъ, не могъ найти себѣ дѣла. Этотъ пунктъ, говорятъ, спорный, но въ глубинѣ моего сердца я ему вовсе не вѣрю. На то и умъ, чтобъ достичь того, чего хочешь. Нельзя версты пройти, такъ пройди только сто шаговъ, все жъ лучше, все ближе къ цѣли, если къ цѣли идешь. И если хочешь непремѣнно однимъ шагомъ до цѣли дойти, такъ вѣдь это, по-моему, вовсе не умъ. Это даже называется бѣлоручничествомъ. Трудовъ мы не любимъ, по одному шагу шагать не привычны, а лучше прямо однимъ шагомъ перелетѣть до цѣли или попасть въ Регулы. Ну, вотъ это-то и есть бѣлоручничанье. Однакожъ Чацкій очень хорошо сдѣлалъ, что улизнулъ тогда за границу; помѣшкалъ бы маленько и отправился бы на востокъ, а не на западъ. Любятъ у насъ западъ, любятъ, и въ

крайнемъ случаѣ, какъ дойдетъ до точки, всѣ туда ѣдутъ. Ну, вотъ и я туда ѣду. «Mais moi c'est autre chose». Я видѣлъ ихъ тамъ всѣхъ, то есть очень многихъ, а всѣхъ и не пересчитаешь, и всѣ-то они, кажется, ищутъ уголка для оскорбленнаго чувства. По крайней мѣрѣ, чего-то ищутъ. Поколѣніе Чацкихъ обоего пола послѣ бала Фамусова, и вообще когда былъ конченъ балъ, размножилось тамъ, подобно песку морскому, и даже не однихъ Чацкихъ: вѣдь изъ Москвы туда они всѣ поѣхали. Сколько тамъ теперь Репетиловыхъ, сколько Скалозубовъ, уже выслужившихся и отправленныхъ къ водамъ за негодностью. Наталья Дмитріевна съ мужемъ тамъ непремѣнный членъ. Даже графиню Хлестову каждый годъ туда возятъ. Даже и Москва всѣмъ этимъ господамъ надоѣла. Одного Молчалина нѣтъ: онъ распорядился иначе и остался дома. Онъ посвятилъ себя отечеству, такъ сказать, родинѣ... Теперь до него и рукой не достанешь; Фамусова онъ и въ переднюю теперь къ себѣ не пуститъ: «деревенскіе, дескать, сосѣди: въ городѣ съ ними не кланяются». Онъ при дѣлахъ и нашелъ себѣ дѣло. Онъ въ Петербургѣ и... и успѣлъ. «Онъ знаетъ Русь, и Русь его знаетъ». Да, ужъ его-то крѣпко знаетъ и долго не забудетъ. Онъ даже и не молчитъ теперь, напротивъ, только онъ и говоритъ. Ему и книги въ руки... Но что объ немъ. Я заговорилъ объ нихъ обо всѣхъ, что ищутъ отраднаго уголка въ Европѣ, и, право, я думалъ, что имъ тамъ лучше. А между тѣмъ, на ихъ лицахъ такая тоска... Бѣдненькіе! И что за всегдашнее въ нихъ безпокойство, что за болѣзненная, тоскливая подвижность! Всѣ они ходятъ съ гидами и жадно бросаются въ каждомъ городѣ

смотрѣть рѣдкости, и, право, точно по обязанности, точно службу продолжаютъ отечественную: не пропустятъ ни одного дворца о трехъ окнахъ, если только онъ означенъ въ гидѣ, ни одного бургомистерскаго дома, чрезвычайно похожаго на самый обыкновенный московскій или петербургскій домъ; глазѣютъ на говядину Рубенса и вѣрятъ, что это три граціи, потому что такъ велѣно вѣрить по гиду; бросаются на Сикстинскую Мадонну и стоятъ передъ ней съ тупымъ ожиданіемъ: вотъ-вотъ случится что-то, кто-нибудь вылѣзетъ изъ-подъ пола и разсѣетъ ихъ безпредметную тоску и усталость. И отходятъ удивленные, что ничего не случилось. Это не самодовольное и совершенно машинальное любопытство англійскихъ туристовъ и туристокъ, смотрящихъ болѣе въ свой гидъ, чѣмъ на рѣдкости, ничего не ожидающихъ, ни новаго, ни удивительнаго и провѣряющихъ только: такъ ли въ гидѣ означено и сколько именно футовъ или фунтовъ въ предметѣ? Нѣтъ, наше любопытство какое-то дикое, нервное, крѣпко жаждущее, а про себя заранѣе убѣжденное, что ничего никогда не случится, разумѣется, до первой мухи: пролетѣла муха, — значитъ, опять сейчасъ начинается... Я вѣдь только про умныхъ людей теперь говорю. Про другихъ же заботиться нечего: ихъ всегда Богъ хранитъ. И не про тѣхъ тоже, которые окончательно тамъ поселились, забываютъ свой языкъ и начинаютъ слушать католическихъ патеровъ. Впрочемъ, про всю массу можно только вотъ что сказать: какъ только всѣ мы переваливаемъ за Эйдкуненъ, тотчасъ же становимся разительно похожи на тѣхъ маленькихъ несчастныхъ собачекъ, которыя бѣгаютъ, потерявши своего хозяина. Да вы что

думаете, что я съ насмѣшкой пишу, виню когонибудь, что вотъ де «въ настоящее время, когда и т. д., а вы за границей! Крестьянскій вопросъ идетъ, а вы за границей!» и т. д., и т. д. О, ничуть и нисколько. Да я-то кто такой, чтобъ винить? За что винить, кого винить? «И рады дѣлу, да дѣла нѣтъ, а что есть, такъ и безъ насъ дѣлается. Мѣста заняты, вакансія не предвидится. Охота совать свой носъ, гдѣ его не спрашиваютъ». Вотъ и отговорка и вся недолга. Отговорку-то мы наизусть знаемъ. Но что это? Куда я заѣхалъ? Гдѣ жъ это я успѣлъ перевидать за границею русскихъ? Вѣдь мы только къ Эйдкунену подъѣзжаемъ ... Аль ужъ проѣхали. И вправду, и Берлинъ, и Дрезденъ, и Кельнъ, все проѣхали. Я, правда, все еще въ вагонѣ, но ужъ передъ нами не Эйдкуненъ, а Аркелинъ, и мы въѣзжаемъ во Францію. Парижъ-то, Парижъ-то, вѣдь я о немъ хотѣлъ говорить да и забылъ! Ужъ очень про нашу русскую Европу раздумался; простительное дѣло, когда самъ въ европейскую Европу въ гости ѣдешь. А, впрочемъ, что жъ ужъ очень-то прощенія просить. Вѣдь моя глава лишняя.

Глава IV.

И не лишняя для путешественниковъ.

Окончательное рѣшеніе о томъ: дѣйствительно ли „разсудка французъ не имѣетъ“?

Но нѣтъ, однако, почему же разсудка французъ не имѣетъ, спрашивалъ я себя, разсматривая четырехъ новыхъ пассажировъ, французовъ, только

что вошедшихъ въ нашъ вагонъ. Это были первые французы, которыхъ я встрѣтилъ на ихъ родной почвѣ, если не считать таможенныхъ въ Аркелинѣ, откуда мы только что тронулись. Таможенные были чрезвычайно вѣжливы, свое дѣло сдѣлали скоро, и я вошелъ въ вагонъ, очень довольный первымъ шагомъ моимъ во Францію. До Аркелина, въ восьмимѣстномъ отдѣленіи нашемъ, насъ помѣщалось всего только двое, я и одинъ швейцарецъ, простой и скромный человѣкъ, среднихъ лѣтъ, чрезвычайно пріятный собесѣдникъ, съ которымъ мы часа два проболтали безъ умолку. Теперь же насъ было шестеро, и, къ удивленію моему, мой швейцарецъ, при новыхъ четырехъ спутникахъ нашихъ, вдругъ сдѣлался чрезвычайно несловоохотливъ. Я было отратился къ нему съ продолженіемъ прежняго разговора, но онъ видимо поспѣшилъ замять его, отвѣчалъ что-то уклончиво, сухо, чуть не съ досадой, отворотился къ окну и началъ разсматривать виды, а черезъ минуту вытащилъ свой нѣмецкій гидъ и совершенно углубился въ него. Я тотчасъ же его и оставилъ и молча занялся нашими новыми спутниками. Это былъ какой-то странный народъ. Ѣхали они налегкѣ и вовсе не походили на путешественниковъ. Ни узелка, ни даже платья, которое бы сколько-нибудь напоминало человѣка дорожнаго. Всѣ они были въ какихъ-то легонькихъ сюртучкахъ, страшно потертыхъ и изношенныхъ, немного лучше тѣхъ, какіе носятъ у насъ офицерскіе денщики или дворовые люди въ деревняхъ у средняго рода помѣщиковъ. Бѣлье было на всѣхъ грязное, галстуки очень яркихъ цвѣтовъ и тоже очень грязные; на одномъ изъ нихъ былъ намотанъ остатокъ шелковаго

платка изъ такихъ, которые вѣчно носятся и пропитываются цѣлымъ фунтомъ жира, послѣ пятнадцатилѣтняго соприкосновенія съ шеей носителя. У этого же носителя были еще какія-то запонки съ фальшивыми брилліантами въ орѣхъ величиною. Впрочемъ, держали они себя съ какимъ-то шикомъ, даже молодцовато. Всѣ четверо казались однихъ и тѣхъ же лѣтъ, тридцати пяти или около, и не будучи сходны лицомъ, были чрезвычайно похожи одинъ на другого. Лица ихъ были помятыя, съ казенными французскими бородками, тоже очень похожими одна на другую. Видно было, что это народъ, прошедшій сквозь разныя трубы и усвоившій себѣ навѣки хоть и кислое, но чрезвычайно дѣловое выраженіе лица. Показалось мнѣ тоже, что они были знакомы другъ съ другомъ, но не помню, сказали ль хоть одно слово между собою. На насъ, то есть на меня и швейцарца, они какъ-то видимо не хотѣли смотрѣть и, небрежно посвистывая, небрежно разсѣвшись на мѣстахъ, равнодушно, но упорно поглядывали въ окна вагона. Я закурилъ папиросу и отъ нечего дѣлать ихъ разглядывалъ. У меня, правда, мелькалъ вопросъ: что жъ это въ самомъ дѣлѣ за народъ? Работники не работники, буржуа не буржуа. Неужели жъ отставные военные, что-нибудь à la demi-solde или въ этомъ родѣ? Впрочемъ, я какъ-то не очень имъ заботился. Черезъ десять минутъ, только что мы подъѣхали къ слѣдующей станціи, они всѣ четверо одинъ за другимъ тотчасъ же выскочили изъ вагона, дверца захлопнулась, и мы полетѣли. На этой дорогѣ почти не ждутъ на станціяхъ: минуты двѣ, много три и уже летятъ далѣе. Везутъ прекрасно, то есть чрезвычайно быстро.

Только что мы остались одни, швейцарецъ мигомъ захлопнулъ свой гидъ, отложилъ его въ сторону и съ довольнымъ видомъ посмотрѣлъ на меня, съ видимымъ желаніемъ продолжать разговоръ.

— Эти господа недолго посидѣли, — началъ я, съ любопытствомъ смотря на него.

— Да вѣдь они только на одну станцію и садились.

— Вы ихъ знаете?

— Ихъ? .. Но вѣдь это полицейскіе ...

— Какъ? Какіе полицейскіе? — спросилъ я съ удивленіемъ.

— То-то ... я вѣдь тотчасъ же замѣтилъ давеча, что вы не догадываетесь.

— И ... неужель шпіоны? (я все еще не хотѣлъ вѣрить).

— Ну да; для насъ и садились.

— Вы навѣрно это знаете?

— О, это безъ сомнѣнія! Я ужъ нѣсколько разъ здѣсь проѣзжалъ. Насъ указали имъ еще въ таможнѣ, когда читали наши паспорты, сообщили имъ наши имена и проч. Ну, вотъ они и сѣли, чтобъ насъ проводить.

— Да зачѣмъ же, однакожъ, провожать, коль они насъ ужъ видѣли? Вѣдь вы говорите, имъ насъ еще на той станціи указали?

— Ну да, и сообщили имъ наши имена. Но этого мало. Теперь же они насъ изучили въ подробности: лицо, костюмъ, сакъ-вояжъ, однимъ словомъ, все, чѣмъ вы смотрите. Запонки ваши примѣтили. Вотъ вы сигарочницу вынимали, ну и сигарочницу замѣтили, знаете, всякія мелочи, особенности, то есть какъ можно больше особенностей. Вы въ Парижѣ могли потеряться, имя пе-

ремѣнить (то есть если вы подозрительный). Ну, такъ эти мелочи могутъ способствовать розыску. Все это съ той же станціи сейчасъ и телеграфируется въ Парижъ. Тамъ и сохраняется на всякій случай, гдѣ слѣдуетъ. Къ тому же содержатели отелей должны сообщать всѣ подробности объ иностранцахъ, тоже до мелочи.

— Но зачѣмъ же ихъ столько было, вѣдь ихъ было четверо, — продолжалъ я спрашивать, все еще немного озадаченный.

— О, ихъ здѣсь очень много. Вѣроятно, на этотъ разъ мало иностранцевъ, а если бъ больше было, они бы разбились по вагонамъ.

— Да помилуйте, они на насъ совсѣмъ и не смотрѣли. Они въ окошки смотрѣли.

— О, не безпокойтесь, все разсмотрѣли . . . Для насъ и садились.

Ну-ну, — подумалъ я, вотъ-те и «разсудка французъ не имѣетъ», и (признаюсь со стыдомъ) какъ-то недовѣрчиво покосился на швейцарца. «Да ужъ и ты, братъ, не того ли, а только такъ прикидываешься», — мелькнуло у меня въ головѣ, но только на мигъ, увѣряю васъ. Нелѣпо, но что жъ будешь дѣлать; невольно подумается . . .

Швейцарецъ не обманулъ меня. Въ отелѣ, въ которомъ я остановился, немедленно описали всѣ малѣйшія примѣты мои и сообщили ихъ куда слѣдуетъ. По точности и мелочности, съ которой разсматриваютъ васъ при описаніи примѣтъ, можно заключить, что и вся дальнѣйшая ваша жизнь въ отелѣ, такъ сказать, всѣ ваши шаги скрупулезно наблюдаются и сосчитываются. Впрочемъ, на первый разъ въ отелѣ меня лично не много безпокоили и описали меня втихомолку, кромѣ, разумѣется,

гѣхъ вопросовъ, какіе задаются вамъ по книгѣ и въ нее же вы вписываете показанія ваши: кто, какъ, откуда, съ какими помыслами? и проч. Но во второмъ отелѣ, въ которомъ я остановился, не найдя мѣста въ прежнемъ Hôtel Coquillière, послѣ восьмидневной моей отлучки въ Лондонъ, со мной обошлись гораздо откровеннѣе. Этотъ второй Hôtel des Empéreurs смотрѣлъ вообще какъ-то патріархальнѣе во всѣхъ отношеніяхъ. Хозяинъ и хозяйка дѣйствительно были очень хорошіе люди и чрезвычайно деликатны, уже пожилые супруги, необыкновенно внимательные къ своимъ постояльцамъ. Въ тотъ же день, какъ я у нихъ сталъ, хозяйка вечеромъ, поймавъ меня въ сѣняхъ, пригласила въ комнату, гдѣ была контора. Тутъ же находился и мужъ, но хозяйка, очевидно, заправляла всѣмъ по хозяйству.

— Извините, — начала она вѣжливо: — намъ надо ваши примѣты.

— Но вѣдь я сообщилъ... паспортъ мой у васъ.

— Такъ, но... votre ètat?

Это: votre ètat? — чрезвычайно сбивчивая вещь и нигдѣ мнѣ не нравилась. Ну что тутъ написать? Путешественникъ, — слишкомъ отвлеченно. Homme de lettres — никакого уваженія не будутъ имѣть.

— Напишемте лучше propriétaire, какъ вы думаете? — спросила меня хозяйка. — Это будетъ лучше всего.

— О, да, это будетъ лучше всего, — поддакнулъ супругъ.

Написали.

— Ну, теперь: причина вашего пріѣзда въ Парижъ?

— Какъ путешественникъ, проѣздомъ.

— Гм . . . да, pour voir Paris. Позвольте, мсье: вашъ ростъ?

— То есть какъ это ростъ?

— Какого вы именно росту?

— Вы видите, средняго.

— Это такъ, мсье . . . Но желалось бы знать подробнѣе . . . Я думаю, я думаю . . . — продолжала она въ нѣкоторомъ затрудненіи, совѣтуясь глазами съ мужемъ.

— Я думаю *столько-то,* — рѣшилъ мужъ, опредѣляя мой ростъ на глазомѣръ въ метрахъ.

— Да зачѣмъ вамъ это нужно? — спросилъ я.

— Охъ, это необ-хо-димо, — отвѣчала хозяйка, любезно протянувъ на словѣ необходимо и все-таки записывая въ книгу мой ростъ. — Теперь, мсье, ваши волосы? Блондинъ, гм . . . довольно свѣтлаго оттѣнка . . . прямые . . .

Она записала и волосы.

— Позвольте, мсье, — продолжала она, кладя перо, вставая со стула и подходя ко мнѣ съ самымъ любезнымъ видомъ: — вотъ сюда, два шага, къ окну. Надо разглядѣть цвѣтъ вашихъ глазъ. Гм . . . свѣтлые . . .

И она опять посовѣтовалась съ глазами съ мужемъ. Они видимо чрезвычайно любили другъ друга.

— Болѣе сѣраго оттѣнка, — замѣтилъ мужъ съ особенно дѣловымъ, даже озабоченнымъ видомъ. — Voilà, — мигнулъ онъ женѣ, указывая что-то надъ своею бровью, но я очень скоро понялъ, на что онъ указывалъ. У меня маленькій шрамъ на лбу, и ему хотѣлось, чтобы жена замѣтила и эту особую примѣту.

— Позвольте жъ теперь спросить, — сказалъ

я хозяйкѣ, когда кончился весь экзаменъ: — неужели съ васъ требуютъ такой отчетности?

— О, мсье, это необ-хо-димо! . .

— Мсье! — поддакнулъ мужъ съ какимъ-то особенно внушительнымъ видомъ.

— Но въ Hôtel Coquillière меня не спрашивали.

— Не можетъ быть, — живо подхватила хозяйка. — Они за это могли очень отвѣтить. Вѣроятно, они оглядѣли васъ молча, но только непремѣнно, непремѣнно оглядѣли. Мы же проще и откровеннѣе съ нашими постояльцами, мы живемъ съ ними какъ съ родными. Вы останетесь довольны нами. Вы увидите . . .

— О, мсье! . . — скрѣпилъ мужъ съ торжественностью, и даже умиленіе изобразилось на лицѣ его.

И это были пречестные, прелюбезные супруги, насколько, по крайней мѣрѣ, я ихъ узналъ потомъ. Но слово «необ-хо-димо» произносилось вовсе не въ какомъ-нибудь извинительномъ или уменьшительномъ тонѣ, а именно въ смыслѣ полнѣйшей необходимости и чуть ли не совпадающей съ собственными, личными ихъ убѣжденіями.

Итакъ, я въ Парижѣ.

Глава V.

Ваалъ.

Итакъ я въ Парижѣ . . . Но не думайте, однако, что я вамъ много разскажу собственно о городѣ Парижѣ. Я думаю, вы столько уже перечитали о

немъ по-русски, что, наконецъ, ужъ и надоѣло читать. Къ тому же вы сами въ немъ были и навѣрное все лучше меня замѣтили. Да и терпѣть я не могъ, за границей, осматривать по гиду, по закону, по обязанности путешественника, а потому и просмотрѣлъ въ иныхъ мѣстахъ такія вещи, что даже стыдно сказать. И въ Парижѣ просмотрѣлъ. Такъ и не скажу, что именно просмотрѣлъ, но зато вотъ что скажу: я сдѣлалъ опредѣленіе Парижу, прибавилъ къ нему эпитетъ и стою за этотъ эпитетъ. Именно — это самый нравственный и самый добродѣтельный городъ на всемъ земномъ шарѣ. Что за порядокъ! Какое благоразуміе, какія опредѣленныя и прочно установившіяся отношенія; какъ все обезпечено и разлиновано; какъ всѣ довольны и совершенно счастливы, и какъ всѣ, наконецъ, до того достарались, что и дѣйствительно увѣрили себя, что довольны и совершенно счастливы, и, и... остановились на этомъ. Далѣе и дороги нѣтъ. Вы не повѣрите тому, что остановились на этомъ; вы закричите, что я преувеличиваю, что это все желчная патріотическая клевета, что не могло же все это остановиться совсѣмъ въ самомъ дѣлѣ. Но, друзья мои: вѣдь предувѣдомилъ же я васъ еще въ первой главѣ этихъ замѣтокъ, что, можетъ быть, ужасно навру. Ну, и не мѣшайте мнѣ. Вы знаете тоже навѣрно, что если я и навру, то навру, будучи убѣжденъ, что не вру. А, по-моему, этого ужъ слишкомъ довольно. Ну, такъ и дайте мнѣ свободу.

Да, Парижъ удивительный городъ. И что за комфортъ, что за всевозможныя удобства для тѣхъ, которые имѣютъ право на удобства, и опять-таки, какой порядокъ, какое, такъ сказать, *затишье порядка*. Я все возвращаюсь къ порядку.

Право, еще немного и полутора-милліонный Парижъ обратится въ какой-нибудь окаменѣлый въ затишьѣ и порядкѣ профессорскій нѣмецкій городокъ, въ родѣ, напримѣръ, какого-нибудь Гейдельберга. Какъ-то тянетъ къ тому. И будто не можетъ быть Гейдельберга въ колоссальномъ размѣрѣ? И какая регламентація! Поймите меня: не столько внѣшняя регламентація, которая ничтожна (сравнительно, разумѣется), а колоссальная, внутренняя, духовная, изъ души происшедшая. Парижъ суживается, какъ-то охотно, съ любовью умаляется, съ умиленіемъ ежится. Куда въ этомъ отношеніи, напримѣръ, Лондонъ! Я былъ въ Лондонѣ всего восемь дней, и, по крайней мѣрѣ, наружно, — какими широкими картинами, какими яркими планами, своеобразными, нерегулированными подъ одну мѣрку планами оттушевался онъ въ моихъ воспоминаніяхъ. Все такъ громадно и рѣзко въ своей своеобразности. Даже обмануться можно этой своеобразностью. Каждая рѣзкость, каждое противорѣчіе уживаются рядомъ съ своимъ антитезомъ и упрямо идутъ рука объ руку, противорѣча другъ другу и, повидимому, никакъ не исключая другъ друга. Все это, кажется, упорно стоитъ за себя и живетъ по-своему и, повидимому, не мѣшаетъ другъ другу. А между тѣмъ и тутъ та же упорная, глухая и уже застарѣлая борьба, борьба на смерть всеобще-западнаго личнаго начала съ необходимостью хоть какъ-нибудь ужиться вмѣстѣ, хоть какъ-нибудь составить общину и устроиться въ одномъ муравейникѣ; хоть въ муравейникъ обратиться, да только устроиться, не поѣдая другъ друга — не то обращеніе въ антропофаги! Въ этомъ отношеніи, съ другой стороны, замѣчается то же, что и въ

Парижѣ: такое же отчаянное стремленіе съ отчаянія остановиться на statu quo, вырвать съ мясомъ изъ себя всѣ желанія и надежды, проклясть свое будущее, въ которое не хватаетъ вѣры, можетъ быть, у самихъ предводителей прогресса, и поклониться Ваалу. Пожалуйста, однакожъ, не увлекайтесь высокимъ слогомъ: все это замѣчается сознательно только въ душѣ передовыхъ сознающихъ, да безсознательно, инстинктивно въ жизненныхъ отправленіяхъ всей массы. Но буржуа, напримѣръ, въ Парижѣ сознательно почти очень доволенъ и увѣренъ, что все такъ и слѣдуетъ, и прибьетъ даже васъ, если вы усумнитесь въ томъ, что такъ и слѣдуетъ быть, прибьетъ, потому что до сихъ поръ все чего-то побаивается, несмотря на всю самоувѣренность. Въ Лондонѣ хоть и такъ же, но зато какія широкія, подавляющія картины! Даже наружно какая разница съ Парижемъ. Этотъ день и ночь суетящійся и необъятный, какъ море, городъ, визгъ и вой машинъ, эти чугунки, проложенныя поверхъ домовъ (а вскорѣ и подъ домами), эта смѣлость предпріимчивости, этотъ кажущійся безпорядокъ, который въ сущности есть буржуазный порядокъ въ высочайшей степени, эта отравленная Темза, этотъ воздухъ, пропитанный каменнымъ углемъ, эти великолѣпные скверы и парки, эти страшные углы города, какъ Вайтчапель, съ его полулолымъ, дикимъ и голоднымъ населеніемъ, Сити съ своими милліонами и всемірной торговлей, кристальный дворецъ, всемірная выставка... Да, выставка поразительна. Вы чувствуете страшную силу, которая соединила тутъ всѣхъ этихъ безчисленныхъ людей, пришедшихъ со всего міра въ едино стадо; вы сознаете исполинскую мысль; вы чув-

ствуете, что тутъ-то уже достигнуто, что тутъ побѣда, торжество. Вы даже какъ будто начинаете бояться чего-то. Какъ бы вы ни были независимы, но вамъ отчего-то становится страшно. Ужъ не это ли въ самомъ дѣлѣ достигнутый идеалъ? думаете вы; не конецъ ли тутъ? Не это ли ужъ и въ самомъ дѣлѣ «едино стадо». Не придется ли принять это и въ самомъ дѣлѣ за полную правду и занѣмѣть окончательно? Все это такъ торжественно, побѣдно и гордо, что вамъ начинаетъ духъ тѣснить. Вы смотрите на эти сотни тысячъ, на эти милліоны людей, покорно текущихъ сюда со всего земного шара — людей, пришедшихъ съ одною мыслью, тихо, упорно и молча толпящихся въ этомъ колоссальномъ дворцѣ, и вы чувствуете, что тутъ что-то окончательное совершилось, совершилось и закончилось. Это какая-то библейская картина, что-то о Вавилонѣ, какое-то пророчество изъ Апокалипсиса, воочію совершающееся. Вы чувствуете, что много надо вѣковѣчнаго духовнаго отпора и отрицанія, чтобъ не поддаться, не подчиниться впечатлѣнію, не поклониться факту и не обоготворить Ваала, то есть не принять существующаго за свой идеалъ...

Ну, это вздоръ, скажете вы, болѣзненный вздоръ, нервы, преувеличеніе. Не остановится на этомъ никто, и никто не приметъ этого за свой идеалъ. Къ тому же голодъ и рабство не свой братъ и лучше всего подскажутъ отрицаніе и зародятъ скептицизмъ. А сытые диллетанты, прогуливающіеся для своего удовольствія, конечно, могутъ создавать картины изъ Апокалипсиса и тѣшить свои нервы, преувеличивая и вымогая изъ всякаго явленія, для возбужденія себя, сильныя ощущенія...

— Такъ, — отвѣчаю я: — положимъ, что я былъ увлеченъ декораціей, это все такъ. Но если бъ вы видѣли, какъ гордъ тотъ могучій духъ, который создалъ эту колоссальную декорацію, и какъ гордо убѣжденъ этотъ духъ въ своей побѣдѣ и въ своемъ торжествѣ, то вы бы содрогнулись за его гордыню, упорство и слѣпоту, содрогнулись бы и за тѣхъ, надъ кѣмъ носится и царитъ этотъ гордый духъ. При такой колоссальности, при такой исполинской гордости владычествующаго духа, при такой торжественной оконченности созданій этого духа, замираетъ нерѣдко и голодная душа, смиряется, подчиняется, ищетъ спасенія въ джинѣ и въ развратѣ и начинаетъ вѣровать, что такъ всему тому и слѣдуетъ быть. Фактъ давитъ, масса деревенѣетъ и прихватываетъ китайщины, или если и рождается скептицизмъ, то мрачно и съ проклятіемъ ищетъ спасенія въ чемъ-нибудь въ родѣ мормоновщины. А въ Лондонѣ можно увидѣть массу въ такомъ размѣрѣ и при такой обстановкѣ, въ какой вы нигдѣ въ свѣтѣ ее наяву не увидите. Говорили мнѣ, напримѣръ, что ночью по субботамъ полмилліона работниковъ и работницъ, съ ихъ дѣтьми, разливаются какъ море по всему городу, наиболѣе группируясь въ иныхъ кварталахъ, и всю ночь до пяти часовъ празднуютъ шабашъ, то есть наѣдаются и напиваются какъ скоты, за всю недѣлю. Все это несетъ свои еженедѣльныя экономіи, все заработанное тяжкимъ трудомъ и проклятіемъ. Въ мясныхъ и съѣстныхъ лавкахъ толстѣйшими пучками горитъ газъ, ярко освѣщая улицы. Точно балъ устраивается для этихъ бѣлыхъ неграмъ. Народъ толпится въ отворенныхъ тавернахъ и въ улицахъ. Тутъ же ѣдятъ и пьютъ. Пивныя

лавки разубраны, какъ дворцы. Все пьяно, но безъ веселья, а мрачно, тяжело и все какъ-то странно молчаливо. Только иногда ругательства и кровавыя потасовки нарушаютъ эту подозрительную и грустно-дѣйствующую на васъ молчаливость. Все это поскорѣй торопится напиться до потери сознанія... Жены не отстаютъ отъ мужей и напиваются вмѣстѣ съ мужьями, дѣти бѣгаютъ и ползаютъ между ними. Въ такую ночь, во второмъ часу, я заблудился однажды и долго толкался по улицамъ среди неисчислимой толпы этого мрачнаго народа, разспрашивая почти знаками дорогу, потому что по-англійски я не знаю ни слова. Я добился дороги, но впечатлѣніе того, что я видѣлъ, мучило меня дня три послѣ этого. Народъ вездѣ народъ, но тутъ все было такъ колоссально, такъ ярко, что вы какъ бы ощущали то, что до сихъ поръ только воображали. Тутъ ужъ вы видите даже и не народъ, а потерю сознанія, систематическую, покорную, поощряемую. И вы чувствуете, глядя на всѣхъ этихъ паріевъ общества, что еще долго не сбудется для нихъ пророчество, что еще долго не дадутъ имъ пальмовыхъ вѣтвей и бѣлыхъ одеждъ, и что долго еще будутъ они взывать къ престолу Всевышняго: «доколѣ, Господи». И они сами знаютъ это и покамѣстъ отмщаютъ за себя обществу какими-то подземными мормонами, трясучками, странниками... Мы удивляемся глупости идти въ какіе-то трясучки и странники и не догадываемся, что тутъ — отдѣленіе отъ нашей общественной формулы, отдѣленіе упорное, безсознательное; инстинктивное отдѣленіе во что бы то ни стало для ради спасенія, отдѣленіе съ отвращеніемъ отъ насъ и ужасомъ. Эти милліоны людей, оставленные и

прогнанные съ пиру людского, толкаясь и давя другъ друга въ подземной тьмѣ, въ которую они брошены своими старшими братьями, ощупью стучатся хоть въ какія-нибудь ворота и ищутъ выхода, чтобъ не задохнуться въ темномъ подвалѣ. Тутъ послѣдняя, отчаянная попытка сбиться въ свою кучу, въ свою массу и отдѣлиться отъ всего, хотя бы даже отъ образа человѣческаго, только бы быть по-своему, только бы не быть вмѣстѣ съ нами . . .

Я видѣлъ въ Лондонѣ еще одну подобную же этой массу, которую тоже нигдѣ не увидите въ такомъ размѣрѣ, какъ въ Лондонѣ. Тоже декорація въ своемъ родѣ. Кто бывалъ въ Лондонѣ, тотъ навѣрно хоть разъ сходилъ ночью въ Гай-Маркетъ. Это кварталъ, въ которомъ по ночамъ, въ нѣкоторыхъ улицахъ, тысячами толпятся публичныя женщины. Улицы освѣщены пучками газа, о которыхъ у насъ не имѣютъ понятія. Великолѣпныя кофейни, разубранныя зеркалами и золотомъ, на каждомъ шагу. Тутъ и сборища, тутъ и пріюты. Даже жутко входить въ эту толпу. И такъ странно она составлена. Тутъ и старухи, тутъ и красавицы, передъ которыми останавливаешься въ изумленіи. Во всемъ мірѣ нѣтъ такого краснваго типа женщинъ, какъ англичанки. Все это съ трудомъ толпится въ улицахъ, тѣсно, густо. Толпа не умѣщается на тротуарахъ и заливаетъ всю улицу. Все это жаждетъ добычи и бросается съ безстыднымъ цинизмомъ на перваго встрѣчнаго. Тутъ и блестящія дорогія одежды и почти лохмотья, и рѣзкое различіе лѣтъ, все вмѣстѣ. Въ этой ужасной толпѣ толкается и пьяный бродяга, сюда же заходитъ и титулованный богачъ. Слышны ругатель-

ства, ссоры, зазыванье и тихій, призывный шепотъ еще робкой красавицы. И какая иногда красота! Лица точно изъ кипсековъ. Помню, разъ я зашелъ въ одно «Casino». Тамъ гремѣла музыка, шли танцы, толпилась бездна народу. Убранство было великолѣпное. Но мрачный характеръ не оставляетъ англичанъ и среди веселья: они и танцуютъ серьезно, даже угрюмо, чуть не выдѣлывая па и какъ будто по обязанности. Наверху, въ галлереѣ, я увидалъ одну дѣвушку и остановился просто изумленный: ничего подобнаго такой идеальной красотѣ я еще не встрѣчалъ никогда. Она сидѣла за столикомъ вмѣстѣ съ молодымъ человѣкомъ, кажется, богатымъ джентльменомъ и, по всему видно, непривычнымъ посѣтителемъ казино. Онъ, можетъ быть, отыскивалъ ее, наконецъ, они свидѣлись или условились видѣться здѣсь. Онъ мало говорилъ съ нею и все какъ-то отрывисто, какъ будто не о томъ, о чемъ они хотѣли бы говорить. Разговоръ часто прерывался долгимъ молчаніемъ. Она тоже была очень грустна. Черты лица ея были нѣжны, тонки, что-то затаенное и грустное было въ ея прекрасномъ и немного гордомъ взглядѣ, что-то мыслящее и тоскующее. Мнѣ кажется, у ней была чахотка. Она была, она не могла не быть выше всей этой толпы несчастныхъ женщинъ своимъ развитіемъ: иначе что же значитъ лицо человѣческое? А между тѣмъ она тутъ же пила джинъ, за который заплатилъ молодой человѣкъ. Наконецъ, онъ всталъ, пожалъ ей руку, и они разстались. Онъ ушелъ изъ казино, а она, съ румянцемъ, разгорѣвшимся отъ водки густыми пятнами на ея блѣдныхъ щекахъ, пошла и затерялась въ толпѣ промышляющихъ женщинъ. Въ Гай-Мар-

кетѣ я замѣтилъ матерей, которыя приводятъ на промыселъ своихъ малолѣтнихъ дочерей. Маленькія дѣвочки лѣтъ по двѣнадцати хватаютъ васъ за руку и просятъ, чтобы вы шли съ ними. Помню разъ, въ толпѣ народа, на улицѣ, я увидалъ одну дѣвочку, лѣтъ шести не болѣе, всю въ лохмотьяхъ, грязную, босую, испитую и избитую: просвѣчивавшее сквозь лохмотья тѣло ея было въ синякахъ. Она шла, какъ бы не помня себя, не торопясь никуда, Богъ знаетъ зачѣмъ шатаясь въ толпѣ; можетъ быть она была голодна. На нее никто не обращалъ вниманія. Но что болѣе всего меня поразило, — она шла съ видомъ такого горя, такого безвыходнаго отчаянія на лицѣ, что видѣть это маленькое созданіе, уже несущее на себѣ столько проклятія и отчаянія, было даже какъ-то неестественно и ужасно больно. Она все качала своей всклоченной головой изъ стороны въ сторону, точно разсуждая о чемъ-то, раздвигала врозь свои маленькія руки, жестикулируя ими, и потомъ вдругъ всплескивала ихъ вмѣстѣ и прижимала къ своей голенькой груди. Я воротился и далъ ей полшиллинга. Она взяла серебряную монетку, потомъ дико, съ боязливымъ изумленіемъ посмотрѣла мнѣ въ глаза и вдругъ бросилась бѣжать со всѣхъ ногъ назадъ, точно боясь, что я отниму у ней деньги. — Вообще предметы игривые . . .

И вотъ, разъ ночью, въ толпѣ этихъ потерянныхъ женщинъ и развратниковъ остановила меня женщина, торопливо пробиравшаяся сквозь толпу. Она была одѣта вся въ черномъ, въ шляпкѣ, почти закрывавшей ей лицо; я почти и не успѣлъ разглядѣть его; помню только пристальный ея взглядъ. Она сказала что-то, что я не могъ разобрать, ло-

манымъ французскимъ языкомъ, сунула мнѣ въ руку какую-то маленькую бумажку и быстро прошла далѣе. У освѣщеннаго окна кофейной я разсмотрѣлъ бумажку: это былъ маленькій квадратный лоскутокъ; на одной сторонѣ его было напечатано: «Crois-tu cela?» На другой сторонѣ, по-французски же: «Азъ есмь воскресеніе и животъ»... и т. д. нѣсколько извѣстныхъ строкъ. Согласитесь, что это тоже довольно оригинально. Мнѣ растолковали потомъ, что это католическая пропаганда, шныряющая всюду, упорная, неустанная. То раздаются эти бумажки на улицахъ, то книжки, состоящія изъ разныхъ отдѣльныхъ выдержекъ изъ Евангелія и Библіи. Раздаютъ ихъ даромъ, навязываютъ, суютъ въ руки. Пропагаторовъ бездна, и мужчинъ и женщинъ. Это пропаганда тонкая и разсчетливая. Католическій священникъ самъ выслѣдитъ и вотрется въ бѣдное семейство какого-нибудь работника. Найдетъ онъ, напримѣръ, больного, лежащаго въ отрепьѣ на сыромъ полу, окруженнаго одичавшими съ голоду и съ холоду дѣтьми, съ голодной, а зачастую и пьяной женой. Онъ всѣхъ накормитъ, одѣнетъ, обогрѣетъ, начнетъ лѣчить больного, покупаетъ лѣкарство, дѣлается другомъ дома и подъ конецъ обращаетъ всѣхъ въ католичество. Иногда, впрочемъ, уже послѣ излѣченія, его прогоняютъ съ ругательствами и побоями. Онъ не устаетъ и идетъ къ другимъ. Его оттуда выталкиваютъ; онъ все снесетъ, но ужъ кого-нибудь да уловитъ. Англиканскій же священникъ не пойдетъ къ бѣдному. Бѣдныхъ и въ церковь не пускаютъ, потому что нечѣмъ заплатить за мѣсто на скамьѣ. Браки между работниками и вообще между бѣдными почти зачастую незаконные, потому

что дорого стоитъ вѣнчаться. Кстати, многіе изъ этихъ мужей ужасно бьютъ своихъ женъ, уродуютъ ихъ на смерть и больше все кочергами, которыми разворачиваютъ въ каминѣ уголья. Это у нихъ какой-то уже опредѣленный къ битью инструментъ. По крайней мѣрѣ, въ газетахъ, при описаніи семейныхъ ссоръ, увѣчій и убійствъ, всегда упоминается кочерга. Дѣти у нихъ, чуть-чуть подросши, зачастую идутъ на улицу, сливаются съ толпой и подъ конецъ не возвращаются къ родителямъ. — Англиканскіе священники и епископы горды и богаты, живутъ въ богатыхъ приходахъ и жирѣютъ въ совершенномъ спокойствіи совѣсти. Они большіе педанты, очень образованы и сами важно и серьезно вѣрятъ въ свое тупо-нравственное достоинство, въ свое право читать спокойную и самоувѣренную мораль, жирѣть и жить тутъ для богатыхъ. Это религія богатыхъ и ужъ безъ маски. По крайней мѣрѣ — раціонально и безъ обмана. У этихъ убѣжденныхъ до отупѣнія профессоровъ религіи есть одна своего рода забава: это миссіонерство. Исходятъ всю землю, зайдутъ въ глубь Африки, чтобъ обратить одного дикаго, и забываютъ милліоны дикихъ въ Лондонѣ за то, что у тѣхъ нечѣмъ платить имъ. Но богатые англичане и вообще всѣ тамошніе золотые тельцы чрезвычайно религіозны, мрачно, угрюмо и своеобразно. Англійскіе поэты испоконъ вѣку любятъ воспѣвать красоту пасторскихъ жилищъ въ провинціи, осѣненныхъ столѣтними дубами и вязами, ихъ добродѣтельныхъ женъ и идеально прекрасныхъ, бѣлокурыхъ дочерей съ голубыми глазами.

Но когда проходитъ ночь и начинается день, тотъ же гордый, мрачный духъ снова царственно

проносится надъ исполинскимъ городомъ. Онъ не тревожится тѣмъ, что было ночью, не тревожится и тѣмъ, что видитъ кругомъ себя и днемъ. Ваалъ царитъ и даже не требуетъ покорности, потому что въ ней убѣжденъ. Вѣра его въ себя безгранична; онъ презрительно и спокойно, чтобъ только отвязаться, подаетъ организованную милостыню и затѣмъ поколебать его самоувѣренность невозможно. Ваалъ не прячетъ отъ себя, какъ дѣлаютъ, напримѣръ, въ Парижѣ, иныхъ дикихъ, подозрительныхъ и тревожныхъ явленій жизни. Бѣдность, страданіе, ропотъ и отупѣніе массы его не тревожатъ нисколько. Онъ презрительно позволяетъ всѣмъ этимъ подозрительнымъ и зловѣщимъ явленіямъ жить рядомъ съ его жизнью, подлѣ, наяву. Онъ не старается трусливо, какъ парижанинъ, усиленно разувѣрять себя, ободрять и доносить самому себѣ, что все спокойно и благополучно. Онъ не прячетъ, какъ въ Парижѣ, куда-то бѣдныхъ, чтобъ тѣ не тревожили и не пугали напрасно его сна. Парижанинъ, какъ птица страусъ, любитъ затыкать свою голову въ песокъ, чтобъ такъ ужъ и не видать настигающихъ его охотниковъ. Въ Парижѣ... Но однако, что жъ это я. Я опять не въ Парижѣ!.. Да когда жъ это, Господи, я пріучусь къ порядку...

Глава VI.

Опытъ о буржуа.

Отчего же здѣсь все это ежится, отчего все это хочетъ размѣняться на мелкую монету, стѣсниться, стушеваться; «нѣтъ меня, нѣтъ совсѣмъ на свѣтѣ;

я спрятался, проходите, пожалуйста, мимо и не замѣчайте меня, сдѣлайте видъ, какъ будто вы меня не видите, проходите, проходите!»

— Да о комъ вы говорите? Кто ежится?

— Да буржуа.

— Помилуйте, онъ король, онъ все, le tiers état c'est tout, а вы — ежится!

— Да-съ, а отчего онъ такъ спрятался подъ императора Наполеона? Отчего онъ забылъ высокій слогъ въ палатѣ депутатовъ, который онъ такъ любилъ прежде? Отчего онъ не хочетъ ничего вспомнить и руками машетъ, когда ему напомнятъ о чемъ-нибудь, что было въ старину? Отчего у него тотчасъ же, на умѣ и въ глазахъ и на языкѣ тревога, когда другіе чего-нибудь осмѣлятся пожелать въ его присутствіи? Отчего, когда онъ самъ сдуру разблажится и чего-нибудь вдругъ пожелаетъ, то тотчасъ же вздрогнетъ и начинаетъ открещиваться! «Господи! Да что это я, наконецъ!» и долго еще послѣ того совѣстливо старается загладить свое поведеніе стараніемъ и послушаніемъ? Отчего онъ смотритъ и чуть не говоритъ: «Вотъ поторгую сегодня маленько въ лавочкѣ, да Богъ дастъ завтра опять поторгую, можетъ, и послѣзавтра, если будетъ великая милость Господня... Ну, а тамъ, тамъ только бы вотъ поскорѣе накопить хоть крошечку, и — après moi le déluge». Отчего онъ куда-то прибралъ всѣхъ бѣдныхъ и увѣряетъ, что ихъ совсѣмъ нѣтъ? Отчего онъ довольствуется казенной литературой? Отчего ему ужасно хочется увѣрить себя, что его журналы неподкупны? Отчего онъ соглашается давать столько денегъ на шпіоновъ? Отчего онъ не смѣетъ пикнуть слова о мексиканской экспедиціи? Отчего въ театрѣ мужья

выставляются въ такомъ благороднѣйшемъ и денежномъ видѣ, а любовники все такіе оборванные, безъ мѣста и безъ протекціи, приказчики какіе-то или художники, дрянцо въ высочайшей степени? Отчего ему мерещится, что эпузы всѣ до единой вѣрны до послѣдней крайности, что фойе благоденствуетъ, pot-au-feu варится на добродѣтельномъ огнѣ, а головная прическа въ самомъ лучшемъ видѣ, въ какомъ только можно себѣ представить? Насчетъ прически ужъ это такъ непремѣнно рѣшено, такъ уже условлено, безо всякихъ разговоровъ, такъ само собою условилось, и хотя поминутно проѣзжаютъ по бульварамъ фіакры съ опущенными сторами, хотя вездѣ есть пріюты для всѣхъ интересныхъ надобностей, хотя туалеты эпузъ даже и весьма часто и дороже, чѣмъ можно бы было предположить, судя по карману супруга, но такъ рѣшено, такъ подписано и чего же вамъ болѣе? А почему такъ рѣшено и подписано? Какъ же-съ: если не такъ, такъ вѣдь, пожалуй, подумаютъ, что идеалъ не достигнутъ, что въ Парижѣ еще не совершенный рай земной, что можно, пожалуй, чего-нибудь еще пожелать, что, стало быть, буржуа и самъ не совершенно доволенъ тѣмъ порядкомъ, за который стоитъ и который всѣмъ навязываетъ; что въ обществѣ есть прорѣхи, которыя надо чинить. Вотъ почему буржуа и замазываетъ дырочки на сапогахъ чернилами, только бы, Боже-сохрани, чего не замѣтили! А эпузы кушаютъ конфетки, гантируются, такъ что русскія барыни въ отдаленномъ Петербургѣ имъ завидуютъ до истерики, показываютъ свои ножки и прегаціозно подымаютъ свои платья на бульварахъ. Чего же болѣе для совершеннаго счастья? Вотъ почему заглавія романовъ,

какъ, напримѣръ, «Жена, мужъ и любовникъ», уже невозможны при теперешнихъ обстоятельствахъ, потому что любовниковъ нѣтъ и не можетъ быть. И будь ихъ въ Парижѣ такъ же много, какъ песку морского (а ихъ тамъ, можетъ, и больше), все-таки ихъ тамъ нѣтъ и не можетъ быть, потому что такъ рѣшено и подписано, потому что все блеститъ добродѣтелями. Такъ надо, чтобъ все блестѣло добродѣтелями. Если посмотрѣть на большой дворъ въ Пале-Роялѣ вечеромъ, до одиннадцати часовъ ночи, то придется непремѣнно пролить слезу умиленія. Безчисленные мужья прогуливаются со своими безчисленными эпузами подъ руку, кругомъ рѣзвятся ихъ милыя и благонравныя дѣтки, фонтанчикъ шумитъ и однообразнымъ плескомъ струй напоминаетъ вамъ о чемъ-то покойномъ, тихомъ, всегдашнемъ, постоянномъ, гейдельбергскомъ. И вѣдь не одинъ фонтанчикъ въ Парижѣ шумитъ такимъ образомъ: фонтанчиковъ много, и вездѣ то же самое, такъ что сердце радуется.

Потребность добродѣтели въ Парижѣ неугасима. Теперь французъ серьезенъ, солиденъ и даже часто умиляется сердцемъ, такъ что я не понимаю, почему даже до сихъ поръ онъ такъ ужасно чего-то труситъ, труситъ, несмотря даже на всю gloire militaire, процвѣтающую во Франціи и за которую Jacques Bonhomme такъ дорого платитъ. Парижанинъ ужасно любитъ торговать, но, кажется, и торгуя и облупливая васъ, какъ липку, въ своемъ магазинѣ, онъ облупливаетъ не просто для барышей, какъ бывало прежде, а изъ добродѣтели, изъ какой-то священнѣйшей необходимости. Накопить фортуну и имѣть какъ можно больше вещей, это обратилось въ самый главный кодексъ нравственно-

сти, въ катехизисъ парижанина. Это и прежде было, но теперь, теперь это имѣетъ какой-то, такъ сказать, священнѣйшій видъ. Прежде хоть что-нибудь признавалось кромѣ денегъ, такъ что человѣкъ и безъ денегъ, но съ другими качествами, могъ расчитывать хоть на какое-нибудь уваженіе; ну, а теперь ни-ни. Теперь надо накопить денежки и завести какъ можно больше вещей, тогда и можно расчитывать хоть на какое-нибудь уваженіе. И не только на уваженіе другихъ, но даже на самоуваженіе нельзя иначе разсчитывать. Парижанинъ себя въ грошъ не ставитъ, если чувствуетъ, что у него карманы пусты, и это сознательно, совѣстливо, съ великимъ убѣжденіемъ. Вамъ позволяются удивительныя вещи, если у васъ только есть деньги. Бѣдный Сократъ есть только глупый и вредный фразеръ и уважается только развѣ на театрѣ, потому что буржуа все еще любитъ уважать добродѣтель на театрѣ. Странный человѣкъ этотъ буржуа: провозглашаетъ прямо, что деньги есть высочайшая добродѣтель и обязанность человѣческая, а между тѣмъ ужасно любитъ поиграть и въ высшее благородство. Всѣ французы имѣютъ удивительно благородный видъ. У самаго подлаго французика, который за четвертакъ продастъ вамъ родного отца, да еще самъ, безъ спросу, прибавитъ вамъ что-нибудь въ придачу, въ то же время, даже въ ту самую минуту, какъ онъ вамъ продаетъ своего отца, такая внушительная осанка, что на васъ даже нападаетъ недоумѣніе. Войдите въ магазинъ купить что-нибудь, и послѣдній приказчикъ раздавитъ, просто раздавитъ васъ своимъ неизъяснимымъ благородствомъ. Это тѣ самые приказчики, которые служатъ моделью самаго субдительнаго суперфлю

для нашего Михайловскаго театра. Вы подавлены, вы просто чувствуете себя въ чемъ-то виноватымъ передъ этимъ приказчикомъ. Вы пришли, напримѣръ, чтобъ издержать десять франковъ, а между тѣмъ васъ встрѣчаютъ какъ лорда Девоншира. Вамъ тотчасъ же дѣлается отчего-то ужасно совѣстно, вамъ хочется поскорѣй увѣрить, что вы вовсе не лордъ Девонширъ, и только такъ себѣ, скромный путешественникъ, а вошли, чтобъ купить только на десять франковъ. Но молодой человѣкъ самой счастливой наружности и съ неизъяснимѣйшимъ благородствомъ въ душѣ, при видѣ котораго вы готовы себя признать даже подлецомъ (потому что ужъ до такой степени онъ благороденъ!), начинаетъ вамъ развертывать товару на десятки тысячъ франковъ. Онъ въ одну минуту забросалъ для васъ весь прилавокъ, и, какъ подумаешь тутъ же, сколько ему, бѣдненькому, придется послѣ васъ опять завертывать, ему, Грандисону, Алкивіаду, Монморанси, да еще послѣ кого? Послѣ васъ, имѣвшаго дерзость съ вашей незавидной наружностью, съ вашими пороками и недостатками, съ вашими отвратительными десятью франками придти безпокоить такого маркиза, — какъ подумаешь все это, то поневолѣ мигомъ, тутъ же за прилавкомъ, начинаешь въ высочайшей степени презирать себя. Вы раскаиваетесь и проклинаете судьбу, зачѣмъ у васъ въ карманѣ теперь только сто франковъ; вы бросаете ихъ, прося взглядомъ прощенія. Но вамъ великодушно завертываютъ товаръ на ваши мизерные сто франковъ, прощаютъ вамъ всю тревогу, все безпокойство, которое вы произвели въ магазинѣ, и вы спѣшите какъ-нибудь поскорѣе стушеваться. Придя домой, вы ужасно удивляетесь, что хо-

тѣли истратить только десять франковъ, а истратили сто. Сколько разъ, проходя бульвары или Rue Vivienne, гдѣ столько громадныхъ магазиновъ съ галантерейностями, я мечталъ про себя: вотъ бы напустить сюда русскихъ барынь и . . . но о томъ, что слѣдуетъ дальше, лучше всего знаютъ прикащики и старосты въ орловскихъ, тамбовскихъ и разныхъ прочихъ губерніяхъ. Русскимъ вообще ужасно хочется показать въ магазинахъ, что у нихъ необъятно много денегъ. Зато находится же на свѣтѣ такое безстыдство, какъ, напримѣръ, въ англичанкахъ, которыя не только не смущаются, что какой-нибудь Адонисъ, Вильгельмъ Тель забросалъ для нихъ весь прилавокъ товарами и переворотилъ весь магазинъ, но даже начинаютъ, — о, ужасъ! — торговаться изъ-за какихъ-нибудь десяти франковъ. Но и Вильгельмъ Тель не промахъ: ужъ онъ отмститъ за себя, и за какую-нибудь шаль въ тысячу пятьсотъ франковъ слупитъ съ миледи двѣнадцать тысячъ, да еще такъ, что та остается совершенно довольна. Но несмотря на то буржуа до страсти любитъ неизъяснимое благородство. На театрѣ подавай ему непремѣнно безсребренниковъ. Гюставъ долженъ сіять только однимъ благородствомъ, и буржуа плачетъ отъ умиленія. Безъ неизъяснимаго благородства онъ и спать не можетъ спокойно. А что онъ взялъ двѣнадцать тысячъ вмѣсто тысячи пятисотъ франковъ, то это даже обязанность: онъ взялъ изъ добродѣтели. Воровать гадко, подло, — за это на галеры; буржуа многое готовъ простить, но не проститъ воровства, хотя бы вы или дѣти ваши умирали съ голоду. Но если вы украдете изъ добродѣтели, о, вамъ тогда совершенно все прощается. Вы, стало быть, хотите faire for-

тире и накопить много вещей, т. е. исполнить долгъ природы и человѣчества. Вотъ почему въ кодексѣ совершенно ясно обозначены пункты воровства изъ низкой цѣли, т. е. изъ-за какого-нибудь куска хлѣба, и воровство изъ высокой добродѣтели. Послѣднее въ высочайшей степени обезпечено, поощряется и необыкновенно прочно организовано.

Почему же, наконецъ, — опять-таки я все на прежнее, — почему же, наконецъ, буржуа до сихъ поръ какъ будто чего-то труситъ, какъ будто не въ своей тарелкѣ сидитъ? Чего ему безпокоиться? Парлеровъ, фразеровъ? Да вѣдь онъ ихъ однимъ толчкомъ ноги пошлетъ теперь къ черту. Доводовъ чистаго разума? Да вѣдь разумъ оказался несостоятельнымъ передъ дѣйствительностью, да сверхъ того сами-то разумные, сами-то ученые начинаютъ учить теперь, что нѣтъ доводовъ чистаго разума, что чистаго разума и не существуетъ на свѣтѣ, что отвлеченная логика неприложима къ человѣчеству, что есть разумъ Ивановъ, Петровъ, Гюставовъ, а чистаго разума совсѣмъ не бывало, что это только неосновательная выдумка восемнадцатаго столѣтія. Кого же бояться? Работниковъ? Да вѣдь работники тоже всѣ въ душѣ собственники: весь идеалъ ихъ въ томъ, чтобъ быть собственниками и накопить какъ можно больше вещей; такая ужъ натура. Натура даромъ не дается. Все это вѣками возращено и вѣками воспитано. Національность не легко передѣлывается, не легко отстать отъ вѣковыхъ привычекъ, вошедшихъ въ плоть и кровь. Земледѣльцевъ? Да вѣдь французскіе земледѣльцы архисобственники, самые тупые собственники, т. е. самый лучшій и самый полный идеалъ собственника, какой только можно себѣ

представить. Коммунистовъ? Соціалистовъ, наконецъ? Но вѣдь этотъ народъ сильно въ свое время профершпилился, и буржуа въ душѣ глубоко его презираетъ; презираетъ, а между тѣмъ все-таки боится. Да, вотъ этого-то народа онъ до сихъ поръ и боится. А чего бы, кажется, бояться? Вѣдь предрекъ же аббатъ Сійесъ въ своемъ знаменитомъ памфлетѣ, что буржуа — это *все*. «*Что такое tiers-état? Ничего. Чѣмъ должно оно быть? Всѣмъ*». Ну, такъ и случилось, какъ онъ сказалъ. Одни только эти слова и осуществились изъ всѣхъ словъ, сказанныхъ въ то время; они одни и остались. А буржуа все еще какъ-то не вѣритъ, несмотря на то, что все, что̀ было сказано послѣ словъ Сійеса, сбрендило и лопнуло, какъ мыльный пузырь. Въ самомъ дѣлѣ: провозгласили вскорѣ послѣ него: liberté, égalité, fraternité. Очень хорошо-съ. Что такое liberté? Свобода. Какая свобода? — Одинаковая свобода всѣмъ дѣлать все, что угодно, въ предѣлахъ закона. Когда можно дѣлать все, что угодно? Когда имѣешь милліонъ. Даетъ ли свобода каждому по милліону? Нѣтъ. Что такое человѣкъ безъ милліона? Человѣкъ безъ милліона есть не тотъ, который дѣлаетъ все, что угодно, а тотъ, съ которымъ дѣлаютъ все, что угодно. Что жъ изъ этого слѣдуетъ? А слѣдуетъ то, что кромѣ свободы есть еще равенство, и именно равенство передъ закономъ. Про это равенство передъ закономъ можно только одно сказать, что въ томъ видѣ, въ какомъ оно теперь прилагается, каждый французъ можетъ и долженъ принять его за личную для себя обиду. Что жъ остается изъ формулы? Братство. Ну, эта статья самая курьезная и, надо признаться, до сихъ поръ составляетъ главный камень преткно-

венія на Западѣ. Западный человѣкъ толкуетъ о братствѣ, какъ о великой движущей силѣ человѣчества, и не догадывается, что негдѣ взять братства, коли его нѣтъ въ дѣйствительности. Что дѣлать? Надо сдѣлать братство во что бы то ни стало. Но оказывается, что сдѣлать братство нельзя, потому что оно само дѣлается, дается, въ природѣ находится. А въ природѣ французской, да и вообще западной, его въ наличности не оказалось, а оказалось начало личное, начало особняка, усиленнаго самосохраненія, самопромышленія, самоопредѣленія въ своемъ собственномъ *Я,* сопоставленія этого *Я* всей природѣ и всѣмъ остальнымъ людямъ, какъ самоправнаго отдѣльнаго начала, совершенно равнаго и равноцѣннаго всему тому, что̀ есть кромѣ него. Ну, а изъ такого самосопоставленія не могло произойти братства. Почему? Потому что въ братствѣ, въ настоящемъ братствѣ, не отдѣльная личность, не *Я,* должна хлопотать о правѣ своей равноцѣнности и равновѣсности со всѣмъ *остальнымъ,* а все-то *остальное* должно бы было *само* придти къ этой требующей права личности, къ этому отдѣльному Я и само, безъ его просьбы должно бы было признать его равноцѣннымъ и равноправнымъ себѣ, т. е. всему остальному, что̀ есть на свѣтѣ. Мало того, сама-то эта бунтующая и требующая личность прежде всего должна бы была все свое *Я,* всего себя пожертвовать обществу и не только не требовать своего права, но, напротивъ, отдать его обществу безъ всякихъ условій. Но западная личность не привыкла къ такому ходу дѣла: онъ требуетъ съ бою, она требуетъ права, онъ хочетъ *дѣлиться* — ну и не выходитъ братства. Конечно, можно переродиться! Но перерожденіе это

совершается тысячелѣтіями, ибо подобныя идеи должны сначала въ кровь и плоть войти, чтобы стать дѣйствительностью. Что жъ, скажете вы мнѣ, надо быть безличностью, чтобъ быть счастливымъ? Развѣ въ безличности спасеніе? Напротивъ, напротивъ, говорю я, не только не надо быть безличностью, но именно надо стать личностью, даже гораздо въ высочайшей степени, чѣмъ та, которая теперь опредѣлилась на Западѣ. Поймите меня: самовольное, совершенно сознательное и никѣмъ не принужденное самопожертвованіе всего себя въ пользу всѣхъ есть, по-моему, признакъ высочайшаго развитія личности, высочайшаго ея могущества, высочайшаго самообладанія, высочайшей свободы собственной воли. Добровольно положить свой животъ за всѣхъ, пойти за всѣхъ на крестъ, на костеръ, можно только сдѣлать при самомъ сильномъ развитіи личности. Сильно развитая личность, вполнѣ увѣренная въ своемъ правѣ быть личностью, уже не имѣющая за себя никакого страха, ничего не можетъ и сдѣлать другого изъ своей личности, то есть никакого болѣе употребленія, какъ отдать ее всю всѣмъ, чтобъ и другіе всѣ были точно такими же самоправными и счастливыми личностями. Это законъ природы; къ этому тянетъ нормальнаго человѣка. Но тутъ есть одинъ волосокъ, одинъ самый тоненькій волосокъ, но который если попадется подъ машину, то все разомъ треснетъ и разрушится. Именно: бѣда имѣть при этомъ случаѣ хоть какой-нибудь самый малѣйшій расчетъ въ пользу собственной выгоды. Напримѣръ: я приношу и жертвую всего себя для всѣхъ; ну, вотъ и надобно, чтобъ я жертвовалъ себя совсѣмъ, окончательно безъ мысли о выгодѣ, отнюдь не ду-

мая, что вотъ я пожертвую обществу всего себя и за это само общество отдастъ мнѣ всего себя. Надо жертвовать именно такъ, чтобъ отдавать все и даже желать, чтобъ тебѣ ничего не было выдано за это обратно, чтобъ на тебя никто ни въ чемъ не зубыточился . Какъ же это сдѣлать? Вѣдь это все равно, что не вспомнить о бѣломъ медвѣдѣ. Попробуйте задать себѣ задачу: не вспоминать о бѣкомъ медвѣдѣ, и увидите, что онъ, проклятый, будетъ поминутно припоминаться. Какъ же сдѣлать? Сдѣлать никакъ нельзя, а надо, чтобъ оно *само собой сдѣлалось, чтобъ оно было въ натурѣ,* безсознательно въ природѣ всего племени заключалось, однимъ словомъ: чтобъ было братское, любящее начало — надо любить. Надо, чтобъ самого инстинктивно тянуло на братство, общину, на согласіе, и тянуло, несмотря на всѣ вѣковыя страданія націи, несмотря на варварскую губость и невѣжество, укоренившіяся въ націи, несмотря на вѣковое рабство, на нашествіе иноплеменниковъ, однимъ словомъ, чтобъ потребность братской общины была въ натурѣ человѣка, чтобъ онъ съ тѣмъ и родился, или усвоилъ себѣ такую привычку искони вѣковъ. Въ чемъ состояло бы это братство, если бъ переложить его на разумный, сознательный языкъ? Въ томъ, чтобъ каждая отдѣльная личность сама, безо всякаго принужденія, безо всякой выгоды для себя сказала бы обществу: «мы крѣпки только всѣ вмѣстѣ, возьмите же меня всего, если вамъ во мнѣ надобность, не думайте обо мнѣ, издавая свои законы, не заботьтесь нисколько, я всѣ свои права вамъ отдаю, и пожалуйста располагайте мною. Это высшее счастье мое — вамъ всѣмъ пожертвовать и чтобъ вамъ за это не было никакого ущерба. Уни-

чтожусь, сольюсь съ полнымъ безразличіемъ, только бы ваше-то братство процвѣтало и осталось» . . . А братство, напротивъ, должно сказать: «ты слишкомъ много даешь намъ. То, что ты даешь намъ, мы не въ правѣ не принять отъ тебя, ибо ты самъ говоришь, что въ этомъ все твое счастье; но что же дѣлать, когда у насъ безпрестанно болитъ сердце и за твое счастье. Возьми же все и отъ насъ. Мы всѣми силами будемъ стараться поминутно, чтобъ у тебя было какъ можно больше личной свободы, какъ можно больше самоправленія. Никакихъ враговъ, ни людей, ни природы теперь не бойся. Мы всѣ за тебя, мы всѣ гарантируемъ тебѣ безопасность, мы неусыпно о тебѣ стараемся, потому что мы братья, мы всѣ твои братья, а насъ много и мы сильны, будь же вполнѣ спокоенъ и бодръ, ничего не бойся и надѣйся на насъ».

Послѣ этого, разумѣется, ужъ нечего дѣлиться, тутъ ужъ все само собою раздѣлится. Любите другъ друга, и все сіе вамъ приложится.

Экая вѣдь въ самомъ дѣлѣ утопія, господа! Все основано на чувствѣ, на натурѣ, а не на разумѣ. Вѣдь это даже какъ будто униженіе для разума. Какъ вы думаете? Утопія это или нѣтъ?

Но опять-таки что же дѣлать соціалисту, если въ западномъ человѣкѣ нѣтъ братскаго начала, а, напротивъ, начало единичное, личное, безпрерывно обособляющееся, требующее съ мечомъ въ рукѣ своихъ правъ. Соціалистъ, видя, что нѣтъ братства, начинаетъ уговаривать на братство. За неимѣніемъ братства, онъ хочетъ сдѣлать, составить братство. Чтобъ сдѣлать рагу изъ зайца, надо прежде всего зайца. Но зайца не имѣется, то есть не имѣется натуры, способной къ братству, натуры,

вѣрующей въ братство, которую само собою тянетъ на братство! Въ отчаяніи соціалистъ начинаетъ дѣлать, опредѣлять будущее братство, расчитываетъ на вѣсъ и на мѣру, соблазняетъ выгодой, толкуетъ, учитъ, разсказываетъ, сколько кому отъ этого братства выгоды придется, кто сколько выиграетъ, чѣмъ каждая личность смотритъ, насколько тяготѣетъ, и опредѣляетъ заранѣе расчетъ благъ земныхъ: насколько кто ихъ заслужитъ и сколько каждый за нихъ долженъ добровольно внести въ ущербъ своей личности въ общину. А ужъ какое тутъ братство, когда заранѣе дѣлятся и опредѣляютъ, кто сколько заслужилъ и что каждому надо дѣлать? Впрочемъ, провозглашена была формула: «каждый для всѣхъ и всѣ для каждаго». Ужъ лучше этого, разумѣется, ничего нельзя было выдумать, тѣмъ болѣе, что вся формула цѣликомъ взята изъ одной всѣмъ извѣстной книжки. Но вотъ начали прикладывать эту формулу къ дѣлу, и черезъ шесть мѣсяцевъ братья потянули основателя братства Кабета къ суду. Фурьеристы, говорятъ, взяли свои послѣднія девятьсотъ тысячъ франковъ изъ своего капитала, а все еще пробуютъ, какъ бы устроить братство. Ничего не выходитъ. Конечно, есть великая приманка жить хоть не на братскомъ, а чисто на разумномъ основаніи, то есть хорошо, когда тебя всѣ гарантируютъ и требуютъ отъ тебя только работы и согласія. Но тутъ опять выходитъ загадка: кажется, ужъ совершенно гарантируютъ человѣка, обѣщаются кормить, поить его, работу ему доставить, и за это требуютъ съ него только самую капельку его личной свободы для общаго блага, самую, самую капельку. Нѣтъ, не хочетъ жить человѣкъ и на этихъ расчетахъ, ему и

капелька тяжела. Ему все кажется сдуру, что это острогъ и что самому по себѣ лучше, потому — полная воля. И вѣдь на волѣ бьютъ его, работы ему не даютъ, умираетъ онъ съ голоду и воли у него нѣтъ никакой, такъ нѣтъ же, все-таки кажется чудаку, что своя воля лучше. Разумѣется, соціалисту приходится плюнуть и сказать ему, что онъ дуракъ, не доросъ, не созрѣлъ и не понимаетъ своей собственной выгоды; что муравей какой-нибудь безсловесный, ничтожный муравей его умнѣе, потому что въ муравейникѣ все такъ хорошо, все такъ разлиновано, всѣ сыты, счастливы, каждый знаетъ свое дѣло, однимъ словомъ: далеко еще человѣку до муравейника!

Другими словами: хоть и возможенъ соціализмъ, да только гдѣ-нибудь не во Франціи.

И вотъ въ самомъ послѣднемъ отчаяніи соціалистъ провозглашаетъ, наконецъ: liberté, égalité, fraternité *ou la mort*. Ну, ужъ тутъ нечего говорить, и буржуа окончательно торжествуетъ.

А если буржуа торжествуетъ, такъ, стало быть, и сбылась формула Сійеса, буквально и въ послѣдней точности. Итакъ, буржуа все, отчего жъ онъ конфузится, отчего ежится, чего боится? Всѣ сбрендили, всѣ передъ нимъ оказались несостоятельными. Прежде, при Луи-Филиппѣ, напримѣръ, буржуа вовсе не такъ конфузился и боялся, а вѣдь онъ и тогда царилъ. Да, онъ тогда еще боролся, предчувствовалъ, что ему есть враги и послѣдній разъ раздѣлался съ ними на іюньскихъ баррикадахъ ружьемъ и штыкомъ. Но бой кончился, и вдругъ буржуа увидалъ, что онъ одинъ на землѣ, что лучше его и нѣтъ ничего, что онъ идеалъ, и что ему осталось теперь не то, чтобъ какъ прежде увѣ-

рять весь свѣтъ, что онъ идеалъ, а просто спокойно и величаво позировать всему свѣту въ видѣ послѣдней красоты и всевозможныхъ совершенствъ человѣческихъ. Положеніе, какъ хотите, конфузное. Выручилъ Наполеонъ III. Онъ какъ съ неба имъ упалъ, какъ единственный выходъ изъ затрудненія, какъ единственная тогдашняя возможность. Съ тѣхъ самыхъ поръ буржуа благоденствуетъ, за благоденствіе свое платитъ ужасно и всего боится, именно потому, что всего достигъ. Когда всего достигнешь, тяжело становится *все* потерять. Изъ этого прямо выходитъ, друзья мои, что кто наиболѣе всего боится, значитъ, тотъ наиболѣе благоденствуетъ. Не смѣйтесь, пожалуйста. Вѣдь что же такое теперь буржуа?

Глава VII.

Продолженіе предыдущаго.

И почему *между буржуа столько лакеевъ*, да еще при такой благородной наружности? Пожалуйста, не обвиняйте меня, не кричите, что я преувеличиваю, клевещу, что во мнѣ говоритъ ненависть. Къ чему? Къ кому? Зачѣмъ ненависть? Просто много лакеевъ, и это такъ. Лакейство въѣдается въ натуру буржуа все болѣе и болѣе, и все болѣе и болѣе считается добродѣтелью. Такъ и должно быть при теперешнемъ порядкѣ вещей. Естественное слѣдствіе. А главное, главное—натура помогаетъ. Я ужъ не говорю, напримѣръ, что въ буржуа много прирожденнаго шпіонства. Мое мнѣніе именно въ томъ состоитъ, что необычайное развитіе шпіон-

ства во Франціи, и не простого, а мастерского шпіонства, шпіонства по призванію, дошедшаго до искусства, имѣющаго свои научные пріемы, происходитъ у нихъ отъ врожденнаго лакейства. Какой идеально благородный Гюставъ, если только онъ не имѣетъ еще вещей, не представитъ сейчасъ же за десять тысячъ франковъ письма своей возлюбленной и не выдастъ свою любовницу ея мужу? Можетъ, я и преувеличиваю это, но, можетъ быть, я говорю, основываясь на какихъ-нибудь фактахъ. Французъ любитъ ужасно забѣгать впередъ какъ-нибудь на глаза къ власти и слакейничать передъ ней что-нибудь даже совершенно безкорыстно, даже и не ожидая сейчашней награды, въ долгъ, на книжку. Вспомните всѣхъ этихъ искателей мѣстъ, напримѣръ, при частой перемѣнѣ правительствъ, бывшихъ во Франціи. Вспомните, какія штучки и колѣнца они выдѣлывали и въ чемъ сами признавались. Вспомните одинъ изъ ямбовъ Барбіе по этому поводу. Взялъ я разъ въ кафе одну газету отъ 3-го іюля. Смотрю: письма изъ Виши. Въ Виши гостилъ тогда императоръ, ну и дворъ, разумѣется, были кавалькады, гулянья. Корреспондентъ все это описываетъ. Онъ начинаетъ:

«У насъ много превосходныхъ наѣздниковъ. Разумѣется, вы тотчасъ же угадали самаго блестящаго изъ всѣхъ. Его величество прогуливается каждый день въ сопровожденіи своей свиты» и т. д.

Оно понятно, пусть увлекается блестящими качествами своего императора. Можно благоговѣть передъ его умомъ, расчетливостью, совершенствами и т. д. Такому увлекающемуся господину и нельзя сказать въ глаза, что онъ притворяется. «Мое убѣжденіе — и кончено», отвѣтитъ онъ вамъ, ни

дать ни взять, какъ отвѣтятъ вамъ нѣкоторые изъ нашихъ современныхъ журналистовъ. Понимаете: онъ гарантированъ; ему есть что вамъ отвѣчать, чтобы зажать вамъ ротъ. Свобода совѣсти и убѣжденій есть первая и главная свобода въ мірѣ. Но тутъ, въ этомъ случаѣ, что̀ можетъ онъ вамъ отвѣтить? Тутъ вѣдь ужъ онъ не смотритъ на законы дѣйствительности, попираетъ всякое правдоподобіе и дѣлаетъ это намѣренно. А для чего бы, кажется, это дѣлать намѣренно? Вѣдь ему никто не повѣритъ. Самъ наѣздникъ, навѣрно, этого не прочтетъ, а если и прочтетъ, то неужели французикъ, писавшій «correspondance», газета, ее помѣстившая у себя, и редакція газеты, неужели всѣ они до того глупы, чтобъ не разобрать, что владыкѣ вовсе не нужна слава перваго наѣздника во Франціи, что онъ подъ старость вовсе и не расчитываетъ на эту славу и, конечно, не повѣритъ, если его будутъ увѣрять, что онъ самый ловкій наѣздникъ изъ всей Франціи: говорятъ, онъ человѣкъ чрезвычайно умный. Нѣтъ-съ, тутъ другой расчетъ: пусть неправдоподобно, смѣшно, пусть самъ владыка посмотритъ на это съ отвращеніемъ и презрительнымъ смѣхомъ, пусть, пусть, но зато увидитъ слѣпую покорность, увидитъ безграничное пàдамъ до ногъ, рабское, глупое, неправдоподобное, но зато *пáдамъ до ногъ,* а это главное. Теперь разсудите: если бъ это было не въ духѣ націи, если бъ такая пошлая лесть не считалась совершенно возможной, обыкновенной, совершенно въ порядкѣ вещей, и даже приличной — возможно ли было бы помѣстить въ парижской газетѣ такую корреспонденцію? Гдѣ вы встрѣтите въ печати подобную лесть, кромѣ Франціи? Я именно потому и говорю о духѣ на-

ціи, что не одна газета такъ толкуетъ, а почти всѣ такія же въ такомъ же точно родѣ, кромѣ двухъ-трехъ не совсѣмъ зависимыхъ.

Сидѣлъ я разъ за однимъ табльд'отомъ, — это ужъ было не во Франціи, а въ Италіи, но за табльд'отомъ было много французовъ. Толковали о Гарибальди. Тогда вездѣ толковали о Гарибальди. Это было недѣли за двѣ до Аспромонте. Разумѣется, говорили загадочно: иные молчали и не хотѣли совсѣмъ высказываться; другіе качали головами. Общій смыслъ разговора былъ тотъ, что Гарибальди затѣялъ дѣло рискованное, даже неблагоразумное; но, конечно, высказывали это мнѣніе съ недоговорками, потому что Гарибальди — человѣкъ до того всѣмъ не въ уровень, что у него, пожалуй, и выйдетъ благоразумно даже и то, что по обыкновеннымъ соображеніямъ выходитъ слишкомъ рискованнымъ. Мало-по-малу перешли собственно къ личности Гарибальди. Стали перечислять его качества, — приговоръ былъ довольно благопріятный для итальянскаго героя.

— Нѣтъ, я одному только въ немъ удивляюсь, — громко проговорилъ одинъ французъ, пріятной и внушительной наружности, лѣтъ тридцати и съ отпечаткомъ въ лицѣ того необыкновеннаго благородства, которое до нахальства бросается вамъ въ глаза во всѣхъ французахъ. — Одно только обстоятельство меня въ немъ наиболѣе удивляетъ!

Разумѣется, всѣ съ любопытствомъ обратились къ оратору.

Новое качество, открытое въ Гарибальди, долженствовало быть для всѣхъ интереснымъ.

— Въ 60-мъ году, нѣкоторое время, въ Неаполѣ, онъ пользовался неограниченною и самою без-

контрольною властью. Въ рукахъ у него была сумма въ двадцать милліоновъ казенныхъ денегъ! Въ этой суммѣ онъ никому не давалъ отчета! Онъ могъ взять и утаить сколько угодно изъ этой суммы, и никто бы съ него не спросилъ! Онъ не утаилъ ничего и сдалъ правительству все счетомъ до послѣдняго су. Это почти невѣроятно!

Даже глаза его разгорѣлись, когда онъ говорилъ о двадцати милліонахъ франковъ.

Про Гарибальди, конечно, можно разсказывать все, что̀ угодно. Но сопоставить имя Гарибальди съ хапурками изъ казеннаго мѣшка, это, разумѣется, могъ сдѣлать только одинъ французъ.

И какъ наивно, какъ чистосердечно онъ это проговорилъ. За чистосердечіе, разумѣется, все прощается, даже утраченная способность пониманья и чутья настоящей чести; но заглянувъ въ лицо, такъ и заигравшее при воспоминаніи о двадцати милліонахъ, я совершенно нечаянно подумалъ:

— А что, братъ, если бъ ты вмѣсто Гарибальди находился тогда при казенномъ мѣстѣ!

Вы скажете мнѣ, что это опять неправда, что все это только частные случаи, что и у насъ точно такъ же происходитъ и что не могъ же я ручаться за всѣхъ французовъ. Конечно, такъ, я и не говорю про всѣхъ. Вездѣ есть непзъяснимое благородство, а у насъ, можетъ быть, даже и гораздо хуже бывало. Но въ добродѣтель-то, въ добродѣтель-то зачѣмъ возводить? Знаете что̀? Можно быть даже и подлецомъ, да чутья о чести не потерять; а тутъ вѣдь очень много честныхъ людей, но за то чутье чести совершенно потеряли и потому подличаютъ, не вѣдая, что творятъ изъ добродѣтели. Первое, разумѣется, порочнѣе, но послѣднее,

какъ хотите, презрительнѣе. Такой катехизисъ о добродѣтеляхъ составляетъ худой симптомъ въ жизни націи. Ну, а насчетъ частныхъ случаевъ я не хочу съ вами спорить. Даже вся нація-то состоитъ вѣдь изъ однихъ только частныхъ случаевъ, не правда ли?

Даже я вотъ что думаю: я, можетъ быть, ошибся и въ томъ, что буржуа ежится, что онъ все еще чего-то боится. Ежится-то онъ, дѣйствительно, ежится, и побаивается, но если подвести итогъ, то буржуа совершенно благоденствуетъ. Хоть онъ и самъ обманываетъ себя, хоть и докладываетъ себѣ поминутно, что все обстоитъ благополучно, но однакоже это нисколько не мѣшаетъ наружной его самоувѣренности. Мало того: даже и внутри онъ ужасно самоувѣренъ, когда разыграется. Какъ все это въ немъ уживается вмѣстѣ, — дѣйствительно задача, но это такъ. Вообще буржуа очень не глупъ, но у него умъ какой-то коротенькій, какъ будто отрывками. У него ужасно много запасено готовыхъ понятій, точно дровъ на зиму, и онъ серьезно намѣревается прожить съ ними хоть тысячу лѣтъ. Впрочемъ, что же тысячу лѣтъ; про тысячу лѣтъ буржуа заговариваетъ рѣдко, только развѣ когда впадаетъ въ краснорѣчіе. «Après moi le déluge» гораздо употребительнѣе и чаще прилагается къ дѣлу. И какое ко всему равнодушіе, какіе мимолетные, пустые интересы. Мнѣ случалось въ Парижѣ бывать въ обществѣ, въ домѣ, гдѣ въ мое время перебывало множество людей. Точно всѣ они какъ будто боятся и заговорить о чемъ-нибудь необыденномъ, о чемъ-нибудь не такъ мелочномъ, о какихъ-нибудь всеобщихъ интересахъ, ну, тамъ, о какихъ бы то ни было общественныхъ интересахъ.

Тутъ не могъ, мнѣ кажется, быть страхъ шпіоновъ, тутъ просто всѣ разучились о чемъ-нибудь мыслить и говорить посерьезнѣе. Впрочемъ, встрѣчались тутъ люди, которые ужасно интересовались, какое впечатлѣніе на меня произвелъ Парижъ, насколько я благоговѣю, насколько я удивленъ, раздавленъ, уничтоженъ. Французъ до сихъ поръ думаетъ, что онъ способенъ нравственно давить и уничтожить. Это тоже довольно забавный признакъ. Особенно я помню одного премилаго, прелюбезнаго, предобрѣйшаго старичка, котораго я искренно полюбилъ. Онъ такъ и заглядывалъ мнѣ въ глаза, выспрашивая мое мнѣніе о Парижѣ, и ужасно огорчался, когда я не изъявлялъ особеннаго восторга. Даже страданіе изображалось на добромъ лицѣ его, — буквально страданіе, я не преувеличиваю. О, милый m-r Le M—re! Француза, то есть парижанина (потому что вѣдь въ сущности всѣ французы парижане) никогда не разувѣришь въ томъ, что онъ не первый человѣкъ на всемъ земномъ шарѣ. Впрочемъ, о всемъ земномъ шарѣ, кромѣ Парижа, онъ весьма мало знаетъ. Да и знать-то очень не хочетъ. Это ужъ національное свойство и даже самое характеристичное. Но самое характеристичное свойство француза — это краснорѣчіе. Любовь къ краснорѣчію въ немъ неугасима и съ годами разгорается все больше и больше. Мнѣ бы ужасно хотѣлось узнать, когда именно началась во Франціи эта любовь къ краснорѣчію. Разумѣется, главное началось съ Людовика XIV. Замѣчательно, что во Франціи все началось съ Людовика XIV, право, такъ. Но всего замѣчательнѣе, что и во всей Европѣ все началось съ Людовика XIV. И чѣмъ взялъ этотъ король, — понять не могу! Вѣдь не особенно же

онъ выше всѣхъ прежнихъ другихъ королей. Развѣ тѣмъ, что первый сказалъ l'état—c'est moi. Это ужасно понравилось, это всю Европу тогда облетѣло. Я думаю, однимъ этимъ-то словцомъ онъ и прославился. Даже у насъ оно удивительно скоро стало извѣстно. Національнѣйшій государь былъ этотъ Людовикъ XIV, вполнѣ во французскомъ духѣ, такъ что я даже и не понимаю, какъ это во Франціи могли случиться всѣ эти маленькія шалости... ну вотъ въ концѣ прошлаго столѣтія. Пошалили и воротились къ прежнему духу; на то идетъ; но краснорѣчіе, краснорѣчіе, о — это камень преткновенія для парижанина. Онъ все готовъ забыть изъ прежняго, все, все, готовъ вести самые благоразумные разговоры и быть самымъ послушнымъ и прилежнымъ мальчикомъ, но краснорѣчіе, одного только краснорѣчія онъ до сихъ поръ никакъ не можетъ забыть. Онъ тоскуетъ и вздыхаетъ по краснорѣчію; припоминаетъ Тьера, Гизо, Одилона Барро. То-то краснорѣчія-то было тогда, говоритъ онъ иногда про себя и начинаетъ задумываться. Наполеонъ III это понялъ, тотчасъ же порѣшилъ, что Jacques Bonhomme не долженъ задумываться, и мало-по-малу завелъ краснорѣчіе. Для сей цѣли въ законодательномъ корпусѣ содержится шесть либеральныхъ депутатовъ, шесть постоянныхъ, неизмѣнныхъ, настоящихъ либеральныхъ депутатовъ, то есть такихъ, что, можетъ быть, ихъ и не подкупишь, если начать подкупать, и однакожъ ихъ все-таки только шесть, — шесть было, шесть есть и шесть только и останется. Больше не прибудетъ, будте покойны, да и не убудетъ тоже. И это прехитрая штука, на первый взглядъ. Дѣло-то однакожъ гораздо проще въ дѣйствитель-

ности, и обходится при помощи suffrage universel. Разумѣется, чтобъ они очень-то не заговаривались, приняты всѣ надлежащія мѣры. Но поболтать позволяется. Ежегодно въ нужное время обсуждаются важнѣйшіе государственные вопросы, и парижанинъ сладко волнуется. Онъ знаетъ, что будетъ краснорѣчіе и радъ. Разумѣется, онъ очень хорошо знаетъ, что будетъ только одно краснорѣчіе и больше ничего, что будутъ слова, слова и слова и что изъ словъ этихъ рѣшительно ничего не выйдетъ. Но онъ этимъ очень, очень доволенъ. И самъ, первый, находитъ все это чрезвычайно благоразумнымъ. Рѣчи нѣкоторыхъ изъ этихъ шести представителей пользуются особенною популярностью. И представитель всегда готовъ говорить рѣчи для увеселенія публики. Странное дѣло: вѣдь и самъ онъ совершенно увѣренъ, что изъ рѣчей его ничего не выйдетъ, что все это только одна шутка, шутка и больше ничего, невинная игра, маскарадъ, а между тѣмъ говоритъ, нѣсколько лѣтъ сряду говоритъ, и прекрасно говоритъ, даже съ большимъ удовольствіемъ. И у всѣхъ членовъ, которые слушаютъ его, даже слюнки текутъ отъ удовольствія. «Хорошо говоритъ человѣкъ!» — и у президента, и у всей Франціи слюнки текутъ. Но вотъ представитель кончилъ, а затѣмъ встаетъ и гувернеръ сихъ милыхъ и благонравныхъ дѣтей. Онъ торжественно объявляетъ, что сочиненіе на заданную тему: «Восходъ солнца» было отлично развито и обработано почетнымъ представителемъ. Мы удивлялись таланту почтеннаго оратора, говоритъ онъ, его мыслямъ и благонравному поведенію, выраженному въ этихъ мысляхъ, мы наслаждались всѣ, всѣ... Но, хотя почтенный членъ и вполнѣ заслужилъ въ на-

граду книжку съ надписью: «за благонравіе и успѣхи въ наукахъ», несмотря на то, господа, рѣчь почтеннаго представителя по нѣкоторымъ высшимъ соображеніямъ никуда не годится. Надѣюсь, господа, что вы совершенно со мною согласны. — Тутъ онъ обращается ко всѣмъ представителямъ, и взглядъ его начинаетъ сверкать строгостью. Представители, у которыхъ текли слюнки, немедленно съ неистовымъ восторгомъ рукоплещутъ гувернеру, а между тѣмъ, тутъ же благодарятъ и трогательно жмутъ руки и либеральному представителю за доставленное удовольствіе, просятъ доставить имъ это либеральное удовольствіе съ позволенія гувернера и къ слѣдующему разу. Гувернеръ благосклонно позволяетъ; сочинитель описанія на «Восходъ солнца» удаляется гордый своимъ успѣхомъ; представители удаляются, облизываясь, въ нѣдра своихъ семействъ и вечеромъ отъ радости гуляютъ подъ ручку съ эпузами въ Пале-Роялѣ, прислушиваясь къ плеску струй благодѣтельныхъ фонтанчиковъ, а гувернеръ, отрапортовавъ кому слѣдуетъ обо всемъ, объявляетъ всей Франціи, что все обстоитъ благополучно.

Иногда, впрочемъ, когда начинаются дѣла поважнѣе, заводятъ и игру поважнѣе. Въ одно изъ собраній приводятъ самого принца Наполеона. Принцъ Наполеонъ вдругъ начинаетъ дѣлать оппозицію, къ совершенному испугу всѣхъ этихъ учащихся юношей. Въ классѣ торжественная тишина. Принцъ Наполеонъ либеральничаетъ, принцъ не согласенъ съ правительствомъ, по его мнѣнію надо то-то и то-то. Принцъ осуждаетъ правительство, однимъ словомъ, говорится то самое, что (предполагается) могли бы высказать эти же самыя милыя дѣти, если бъ гувернеръ на минуточку вышелъ изъ

класса. Разумѣется, и тутъ въ мѣру; да и предположеніе нелѣпое, потому что всѣ эти милыя дѣти до того мило воспитаны, что даже и не пошевелятся, если бъ гувернеръ даже на цѣлую недѣлю отъ нихъ отлучился. И вотъ, когда принцъ Наполеонъ кончаетъ, встаетъ гувернеръ и торжественно объявляетъ, что сочиненіе на заданную тему: «Восходъ солнца» было отлично развито и обработано почтеннымъ ораторомъ. Мы удивлялись таланту, краснорѣчивымъ мыслямъ и благонравію всемилостивѣйшаго принца... Мы готовы выдать книжку за прилежаніе и успѣхи въ наукахъ, но... и т. д., то есть все, что̀ было сказано прежде; разумѣется, весь классъ апплодируетъ съ восторгомъ, доходящимъ до неистовства, принца уводятъ домой, благонравные ученики расходятся изъ класса, какъ настоящія благонравныя паиньки, а вечеромъ гуляютъ съ эпузами въ Палѣ-Роялѣ, прислушиваясь къ плеску струй благодѣтельныхъ фонтанчиковъ и т. д., и т. д., и т. д., однимъ словомъ, порядокъ заведенъ удивительный.

Однажды мы заблудились въ la salle des pas perdus, и вмѣсто отдѣленія, гдѣ судятся уголовные процессы, попали въ отдѣленіе гражданскихъ процессовъ. Курчавый адвокатъ въ мантіи и въ шапкѣ говорилъ рѣчь и сыпалъ перлами краснорѣчія. Президентъ, судьи, адвокаты, слушатели плавали въ восторгѣ. Была благоговѣйная тишина: мы вошли на цыпочкахъ. Дѣло шло объ одномъ наслѣдствѣ; въ дѣло замѣшаны были отцы-пустынники. Отцы-пустынники поминутно замѣшиваются теперь въ процессы, преимущественно по наслѣдствамъ. Самыя скандальныя, самыя гадкія происшествія выводятся наружу; но публика молчитъ и

очень мало скандализируется, потому что отцы-пустынники имѣютъ теперь значительную власть, а буржуа чрезвычайно благонравенъ. Отцы все болѣе и болѣе останавливаются на томъ мнѣніи, что капитальчикъ лучше всего, всѣхъ этихъ мечтаній и прочаго, и что какъ поприкопишь деньженокъ, такъ и силу можно имѣть, а то что̀ краснорѣчіе-то! Краснорѣчіемъ однимъ теперь не возьмешь. Но они въ послѣднемъ случаѣ, на мой взглядъ, немного ошибаются. Конечно, капитальчикъ всеблагое дѣло, но и краснорѣчіемъ много можно сдѣлать съ французомъ. Эпузы по преимуществу поддаются отцамъ-пустынникамъ, даже теперь гораздо болѣе, чѣмъ замѣчалось прежде. Есть надежда, что и буржуа на это поворотитъ. Въ процессѣ изъяснялось, какъ пустынники долголѣтнимъ, хитрымъ, даже ученымъ (у нихъ есть для этого наука) тяготѣньемъ отяготѣли надъ душой одной прекрасной и весьма денежной дамы, какъ они соблазнили ее идти жить къ себѣ въ монастырь, какъ тамъ пугали ее до болѣзни, до истерики разными страхами и все съ расчетомъ, съ ученою постепенностью. Какъ, наконецъ, довели ее до болѣзни, до идіотства, представили ей, наконецъ, что видѣться съ родственниками великій грѣхъ передъ Господомъ Богомъ и мало-по-малу удалили совершенно родственниковъ. «Даже ея племянница, эта дѣвственная, младенческая душа, пятнадцатилѣтній ангелъ чистоты и невинности, даже и она не смѣла войти въ келью своей обожаемой тетки, которая ее любила болѣе всего на свѣтѣ и которая уже не могла, вслѣдствіе коварныхъ ухищреній, обнять ее и облобызать ея front virginal, гдѣ возсѣдалъ бѣлый ангелъ невинности»... Однимъ словомъ, все въ

этомъ родѣ; было удивительно хорошо. Говорившій адвокатъ самъ видимо таялъ отъ радости, что онъ умѣетъ такъ хорошо говорить, таялъ президентъ, таяла публика. Отцы-пустынники проиграли сраженіе единственно вслѣдствіе краснорѣчія. Они, конечно, не унываютъ. Проиграли одно, выиграютъ пятнадцать.

— Кто адвокатъ? — спросилъ я одного молодого студента, бывшаго въ числѣ благоговѣйныхъ слушателей. Студентовъ тутъ было множество и все такіе благонравные. Онъ посмотрѣлъ на меня съ изумленіемъ.

— Jules Favre! — отвѣтилъ онъ, наконецъ, съ такимъ презрительнымъ сожалѣніемъ, что я, конечно, сконфузился. Такимъ-то образомъ я имѣлъ случай познакомиться съ цвѣтами французскаго краснорѣчія, такъ сказать, въ самомъ главномъ его источникѣ.

Но источниковъ этихъ бездна. Буржуа проѣденъ до конца ногтей краснорѣчіемъ. Однажды мы вошли въ Пантеонъ поглядѣть на великихъ людей. Время было не урочное и съ насъ спросили два франка. Затѣмъ дряхлый и почтенный инвалидъ взялъ ключи и повелъ насъ въ церковные склепы. Дорогой онъ говорилъ все еще какъ человѣкъ, немного только шамкалъ, за недостаткомъ зубовъ. Но сойдя въ склепы, немедленно запѣлъ, только что подвелъ насъ къ первой гробницѣ.

— Ci-gît Voltaire, — Вольтеръ, сей великій геній прекрасной Франціи. Онъ искоренялъ предразсудки, уничтожалъ невѣжество, боролся съ ангеломъ тьмы и держалъ свѣтильникъ просвѣщенія. Въ своихъ трагедіяхъ онъ достигнулъ великаго, хотя Франція уже имѣла Корнеля.

Онъ говорилъ, очевидно, по-заученному. Кто-нибудь когда-нибудь написалъ ему на бумажкѣ рацею, и онъ ее вытвердилъ на всю жизнь: даже удовольствіе засіяло на его старомъ добродушномъ лицѣ, когда онъ началъ передъ нами выкладывать свой высокій слогъ.

— Ci-gît Jean Jacques Rousseau, — продолжалъ онъ, подходя къ другой гробницѣ, — Jean Jacques, l'homme de la nature et de la vérité!

Мнѣ стало вдругъ смѣшно. Высокимъ слогомъ все можно опошлить. Да и видно было, что бѣдный старикъ, говоря объ nature и vérité, рѣшительно не понималъ, о чемъ идетъ рѣчь.

— Странно! — сказалъ я ему. — Изъ этихъ двухъ великихъ людей одинъ всю жизнь называлъ другого лгуномъ и дурнымъ человѣкомъ, а другой называлъ перваго просто дуракомъ. И вотъ они сошлись здѣсь почти рядомъ.

— Мсье, мсье! — замѣтилъ было инвалидъ, желая что-то возразить, но однакожъ не возразилъ и поскорѣе повелъ насъ еще къ гробницѣ.

— Ci-gît Lannes, маршалъ Ланнъ, — запѣлъ онъ еще разъ: — одинъ изъ величайшихъ героевъ, которыми обладала Франція, столь обильно надѣленная героями. Это былъ не только великій маршалъ, искуснѣйшій предводитель войскъ, исключая великаго императора, но онъ пользовался еще высшимъ благополучіемъ. Онъ былъ другомъ...

— Ну да, это былъ другъ Наполеона, — сказалъ я, желая сократить рѣчь.

— Мсье! Позвольте говорить мнѣ, — прервалъ инвалидъ какъ будто нѣсколько обиженнымъ голосомъ.

— Говорите, говорите, я слушаю.

— Но онъ пользовался еще высшимъ благополучіемъ. Онъ былъ другомъ великаго императора. Никто другой изъ всѣхъ его маршаловъ не имѣлъ счастья сдѣлаться другомъ великаго человѣка. Одинъ маршалъ Ланнъ удостоился сей великой чести. Когда онъ умиралъ на полѣ сраженія за свое отечество . . .

— Ну да, ему оторвало ядромъ обѣ ноги.

— Мсье, мсье! Позвольте же мнѣ самому говорить, — вскричалъ инвалидъ, почти жалобнымъ голосомъ. — Вы, можетъ быть, и знаете это все . . . Но позвольте и мнѣ разсказать!

Чудаку ужасно хотѣлось самому разсказать, хотя бы мы все это и прежде знали.

— Когда онъ умиралъ, — подхватилъ онъ снова: — на полѣ сраженія за свое отечество, тогда императоръ, пораженный въ самое сердце и оплакивая великую потерю . . .

— Пришелъ къ нему проститься, — дернуло меня прервать его снова, и я тотчасъ почувствовалъ, что я дурно сдѣлалъ; мнѣ даже сдѣлалось стыдно.

— Мсье, мсье! — сказалъ старикъ, съ жалобнымъ укоромъ смотря мнѣ въ глаза и качая сѣдой головой: — мсье! Я знаю, я увѣренъ, что вы все это знаете, можетъ быть, лучше меня. Но вѣдь вы сами взяли меня вамъ показывать: позвольте жъ мнѣ говорить самому. Теперь ужъ немного осталось . . .

— Тогда императоръ, пораженный въ самое сердце и оплакивая (увы! безполезно) великую потерю, которую понесли онъ, армія и вся Франція, приблизился къ его смертной постели и послѣднимъ прощаніемъ своимъ смягчилъ жестокія страданія

умершаго почти на глазахъ его полководца. — C'est fini, monsieur, — прибавилъ онъ, съ упрекомъ посмотрѣвъ на меня, и пошелъ далѣе.

— А вотъ здѣсь тоже гробница: ну это... quelques sénateurs, — прибавилъ онъ равнодушно и небрежно кивнувъ головою еще на нѣсколько гробницъ, стоявшихъ неподалеку. Все его краснорѣчіе истратилось на Вольтера, Жанъ-Жака и маршала Ланна. Это уже былъ непосредственный, такъ сказать, народный примѣръ любви къ краснорѣчію. Неужели жъ всѣ эти рѣчи ораторовъ національнаго собранія, конвента и клубовъ, въ которыхъ народъ принималъ почти непосредственное участіе и на которыхъ онъ перевоспитался, оставили въ немъ только одинъ слѣдъ — любовь къ краснорѣчію для краснорѣчія?

Глава VIII.

Брибри и мабишь.

А что жъ эпузы? Эпузы благоденствуютъ, уже сказано. Кстати: почему, спросите вы, пишу я эпузы вмѣсто жены? Высокій слогъ, господа, вотъ почему. Буржуа если заговоритъ высокимъ слогомъ, говоритъ всегда: mon épouse. И хоть въ другихъ слояхъ общества и говорятъ просто, какъ и вездѣ, ma femme — моя жена, но ужъ лучше послѣдовать національному духу большинства и высокаго изложенія. Оно характернѣе. Къ тому же есть и другія наименованія. Когда буржуа расчувствуется или захочетъ обмануть жену, онъ всегда называетъ ее: ma biche. И обратно, любящая жена, въ припадкѣ

граціозной игривости, называетъ своего милаго буржуа: bribri, чѣмъ буржуа съ своей стороны очень доволенъ. Брибри и мабишь постоянно процвѣтаютъ, а теперь болѣе чѣмъ когда-нибудь. Кромѣ того, что такъ ужъ условлено (и почти безъ всякаго разговору), что мабишь и брибри должны въ наше хлопотливое время служить моделью добродѣтели, согласія и райскаго состоянія общества въ упрекъ гнуснымъ бреднямъ нелѣпыхъ бродягъ-коммунистовъ, кромѣ того, брибри съ каждымъ годомъ становится все сговорчивѣе и сговорчивѣе въ супружескомъ отношеніи. Онъ понимаетъ, что какъ ни говори, какъ ни устраивай, а мабишь нельзя удержать, что парижанка создана для любовника, что мужу почти невозможно обойтись безъ прически, онъ и умолчитъ, разумѣется, покамѣстъ у него еще мало прикоплено денегъ и не заведено еще много вещей. Когда же то и другое выполнится, брибри становится вообще требовательнѣе, потому что начинаетъ ужасно уважать себя. Ну, тутъ уже и на Гюстава онъ начинаетъ смотрѣть иначе, особенно если тотъ вдобавокъ и оборванецъ и не имѣетъ много вещей. Вообще парижанинъ, чуть-чуть съ деньженками, желая жениться и выбираетъ невѣсту съ деньженками. Мало того: предварительно сосчитываются, и если окажется, что франки и вещи съ той и другой стороны одинаковы, то и совокупляются. Это и вездѣ такъ происходитъ, но тутъ ужъ въ особенный обычай вошелъ законъ равенства кармановъ. Если, напримѣръ, у невѣсты хоть копейкой больше денегъ, то ее ужъ и не отдаютъ такому искателю, у котораго меньше, а ищутъ брибри получше. Кромѣ того, браки по любви становятся все болѣе и болѣе невозможными

и считаются почти неприличными. Благоразумный этотъ обычай непремѣннаго равенства кармановъ и бракосочетанія капиталовъ нарушается весьма рѣдко, и, я думаю, гораздо рѣже, чѣмъ вездѣ въ другомъ мѣстѣ. Обладаніе женинными денежками буржуа очень хорошо устроилъ въ свою пользу. Вотъ почему онъ и готовъ во многихъ случаяхъ смотрѣть сквозь пальцы на похожденія своей мабишь и не замѣчать иныхъ досадныхъ вещей, потому что тогда, то есть при размолвкѣ, можетъ непріятно подняться вопросъ о приданомъ. Къ тому же, если мабишь и защеголяетъ иногда не по состоянію, то брибри, хоть и все замѣтившій, про себя примиряется; меньше съ него спроситъ жена на наряды. Мабишь тогда гораздо сговорчивѣе. Наконецъ, такъ какъ бракъ большею частью есть бракосочетаніе капиталовъ и о взаимной склонности заботятся очень немного, то и брибри не прочь заглянуть куда-нибудь отъ своей мабишь на сторону. А потому всего лучше не мѣшать другъ другу. Да и согласія въ домѣ больше и милый лепетъ милыхъ именъ: брибри и мабишь, раздается между супругами всего чаще и чаще. А, наконецъ, если все сказать, такъ вѣдь брибри и на этотъ случай удивительно хорошо успѣлъ себя обезпечить. Полицейскій коммисаръ во всякую минуту къ его услугамъ. Ужъ такъ по законамъ, которые устроилъ онъ себѣ самъ. Въ крайнемъ случаѣ, заставъ любовниковъ en flangrant délit, онъ вѣдь убить ихъ можетъ обоихъ и за это ничѣмъ не отвѣчаетъ. Мабишь это знаетъ и сама это похваливаетъ. Долгой опекой довели до того мабишь, что она и не ропщетъ, и не мечтаетъ, какъ въ иныхъ варварскихъ и смѣшныхъ земляхъ, учиться, напримѣръ,

въ университетахъ и засѣдать въ клубахъ и депутатахъ. Она лучше хочетъ оставаться въ теперешнемъ воздушномъ и, такъ сказать, канареечномъ состояніи. Ее рядятъ, ее гантируютъ, ее возятъ на гулянья, она танцуетъ, она кушаетъ конфетки, наружно принимаютъ ее какъ царицу, и мужчина передъ ней наружно во прахѣ. Эта форма отношеній удивительно удачно и прилично выработана. однимъ словомъ, рыцарскія отношенія соблюдены, и чего же болѣе? Вѣдь Гюстава у ней не отымутъ. Какихъ-нибудь тамъ добродѣтельныхъ, высокихъ цѣлей въ жизни и т. д., и т. д. ей тоже не надо: она въ сущности такая же капиталистка и копеечница, какъ и супругъ. Когда проходятъ канареечные годы, то есть дойдетъ до того, что ужъ никакимъ образомъ нельзя болѣе себя обманывать и считать канарейкой; когда возможность новаго Гюстава становится уже рѣшительною нелѣпостью, даже при самомъ пылкомъ и самолюбивомъ воображеніи, тогда мабишь вдругъ, быстро и скверно перерождается. Куда дѣвается кокетство, наряды, игривость. Она дѣлается большею частью такой злой, такой хозяйкой. Ходитъ по церквамъ, копитъ съ мужемъ деньги, и какой-то цинизмъ проглянетъ вдругъ со всѣхъ сторонъ: являются вдругъ какая-то усталость, досада, грубые инстинкты, безцѣльность существованія, циническій разговоръ. Даже неряхами какими-то становятся иныя изъ нихъ. Разумѣется, не все такъ, разумѣется, бываютъ и другія болѣе свѣтлыя явленія, разумѣется, и вездѣ есть такія же соціальныя отношенія, но . . . тутъ все это болѣе на своей почвѣ, оригинальнѣе, самобытнѣе, полнѣе, тутъ все это національнѣе. Тутъ родникъ и зародышъ той буржуазной обще-

ственной формы, которая царитъ теперь по всему свѣту въ видѣ вѣчнаго подражанія великой націи.

Да, наружно мабишь—царица. Трудно и вообразить, какая утонченная вѣжливость, какое навязчивое вниманіе окружаетъ ее всюду въ обществѣ и на улицѣ. Субдительность удивительная, доходитъ подчасъ до такой маниловщины, что иная честная душа и не стерпѣла бы. Явная плутня поддѣлки оскорбила бы ее до глубины сердца. Но мабишь сама большая плутовка и... ей только того и надобно... Свое-то она всегда возьметъ и всегда предпочтетъ сплутовать, чѣмъ идти честно напрямикъ: и вѣрнѣе, по ея мнѣнію, да и игры больше. А вѣдь игра, интрига — въ этомъ все для мабиши; въ этомъ самое главное дѣло. Зато какъ онѣ одѣваются, какъ ходятъ по улицѣ. Бабишь манерна, выломана, вся неестественна, но это-то и плѣняетъ, особенно блазированныхъ и отчасти развращенныхъ людей, потерявшихъ вкусъ къ свѣжей, непосредственной красотѣ. Мабишь развита весьма плохо; умишки и сердчишки у нихъ птичьи, но зато она граціозна, зато она обладаетъ безчисленными секретами такихъ штучекъ и вывертовъ, что вы покоряетесь и идете за нею, какъ за пикантной новинкой. Она даже рѣдко и хороша собой. Что-то даже злое въ лицѣ. Но это ничего; это лицо подвижно, игриво и обладаетъ тайною поддѣлки подъ чувство, подъ натуру въ высочайшей степени. Вамъ, можетъ быть, и нравится-то въ ней не то именно, что она этой поддѣлкой достигаетъ натуры, но самый этотъ процессъ достиженія поддѣлкой васъ очаровываетъ, искусство очаровываетъ. Для парижанина большею частью все равно, что настоящая любовь, что хорошая поддѣлка подъ лю-

бовь. Даже поддѣлка, можетъ быть, больше нравится. Какой-то восточный взглядъ на женщину проявляется в Парижѣ все болѣе и болѣе. Камелія все болѣе и болѣе въ модѣ. «Возьми деньги, да обмани хорошенько, то есть поддѣлай любовь»,— вотъ чего требуютъ отъ камеліи. Почти не болѣе требуютъ и отъ эпузы, по крайней мѣрѣ, довольны и этимъ, а потому Гюставъ молча и снисходительно позволяется. Къ тому же буржуа знаетъ, что мабишь къ старости войдетъ вся въ его интересы и будетъ усерднѣйшая ему помощница копить деньги. Даже и въ молодости помогаетъ чрезвычайно. Она иногда ведетъ всю торговлю, заманиваетъ покупателей, однимъ словомъ, правая рука, старшій приказчикъ. Какъ не простить тутъ какого-нибудь Гюстава. На улицѣ женщина неприкосновенна. Никто не оскорбитъ ее, всѣ передъ ней разступаются, не такъ какъ у насъ, гдѣ женщина мало-мальски нестарая двухъ шаговъ пройти не можетъ по улицѣ безъ того, чтобъ какая-нибудь воинственная или потаскливая физіономія не заглянула ей подъ шляпку и не предложила позвакомиться.

Впрочемъ, несмотря на возможность Гюстава, обыденная, обрядная форма отношеній между брибри и мабишью довольно мила и даже часто наивна. Вообще, заграничные люди — это мнѣ въ глаза бросилось, — почти всѣ несравненно наивнѣе русскихъ. Трудно объяснить это подробнѣе: нужно самому замѣтить. Le Russe est sceptique et moqueur, говорятъ про насъ французы, и это такъ. Мы больше циники, меньше дорожимъ своимъ, даже не любимъ свое, по крайней мѣрѣ, не уважаемъ его въ высшей степени, не понимая въ чемъ дѣло; лѣземъ въ европейскіе, общечеловѣческіе интересы,

не принадлежа ни къ какой націи, а потому естественно относимся ко всему холоднѣе, какъ бы по обязанности и во всякомъ случаѣ отвлеченнѣе. Впрочемъ, и я отвлекся отъ предмета. Брибри подчасъ чрезвычайно наивенъ. Гуляя, напримѣръ, вокругъ фонтанчиковъ, онъ пустится объяснять своей мабишь, отчего бьютъ фонтаны кверху; объясняетъ ей законы природы, національно гордится передъ ней красотою Булонскаго лѣса, иллюминаціей, игрою версальскихъ les grandes eaux, успѣхами императора Наполеона и gloire militaire, наслаждается ея любопытствомъ и удовольствіемъ и много доволенъ этимъ. Самая плутоватая мабишь тоже довольно нѣжно относится къ супругу, то есть не то что поддѣлкой какой-нибудь, а безкорыстно нѣжно, несмотря даже на прическу супруга. Разумѣется, я не претендую, какъ Лесажевъ бѣсъ, снимать крыши съ домовъ. Я разсказываю только, что мнѣ въ глаза бросилось, что мнѣ показалось. «Mon mari n'a pas encore vu la mer», говоритъ вамъ иная мабишь, и голосъ ея изображаетъ искреннее, наивное соболѣзнованіе. Это означаетъ, что мужъ еще не ѣздилъ куда-нибудь въ Брестъ или въ Булонь посмотрѣть на море. Нужно знать, что у буржуа есть нѣкоторыя пренаивныя и пресерьезныя потребности, почти обратившіяся въ общую буржуазную привычку. Буржуа, напримѣръ, кромѣ потребности накопить и потребности краснорѣчія, имѣетъ еще двѣ потребности, двѣ законнѣйшія потребности, освященныя всеобщей привычкой и къ которымъ онъ относится чрезвычайно серьезно, чуть не патетически. Первая потребность это — voir la mer, видѣть море. Парижанинъ проживаетъ и торгуетъ иногда въ Парижѣ всю жизнь и не

видитъ моря. Для чего ему видѣть море? Онъ и самъ не знаетъ, но онъ желаетъ усиленно, чувствительно, откладываетъ поѣздку съ году на годъ, потому что обыкновенно задерживаютъ дѣла, тоскуетъ, и жена искренно раздѣляетъ тоску его. Вообще, тутъ даже много чувствительнаго, и я уважаю это. Наконецъ, ему удается улучить время и средства; онъ собирается и на нѣсколько дней ѣдетъ «видѣть море». Возвратясь, онъ разсказываетъ напыщенно и съ восторгомъ о своихъ впечатлѣніяхъ женѣ, роднѣ, пріятелямъ и сладко вспоминаетъ всю жизнь о томъ, что онъ видѣлъ море. Другая законная и не менѣе сильная потребность буржуа, и особенно парижскаго буржуа, это — se rouler dans l'herbe. Дѣло въ томъ, что парижанинъ, выѣхавъ за городъ, чрезвычайно любитъ и даже за долгъ почитаетъ поваляться въ травѣ, исполняетъ это даже съ достоинствомъ, чувствуя, что соединяется при этомъ avec la nature, и особенно любитъ, если на него кто-нибудь въ это время смотритъ. Вообще, парижанинъ за городомъ считаетъ немедленною своею обязанностью стать тотчасъ же развязнѣе, игривѣе, даже молодцоватѣе, однимъ словомъ, смотрѣть болѣе естественнымъ, болѣе близкимъ къ nature человѣкомъ. L'homme de la nature et de la vérité! Ужъ не съ Жанъ-Жака ли и проявилось въ буржуа это усиленое почтеніе къ la nature? Впрочемъ, обѣ эти потребности: voir la mer и se rouler dans l'herbe, — парижанинъ позволяетъ себѣ большею частью только тогда, когда уже накопитъ себѣ состояніе, однимъ словомъ, когда самъ начинаетъ уважать себя, гордиться собою и смотрѣть на себя, какъ на человѣка. Se rouler dans l'herbe бываетъ даже вдвое,

вдесятеро слаще, когда происходитъ на собственной, купленной на трудовыя деньги землѣ. Вообще буржуа, удаляясь отъ дѣлъ, любитъ купить гдѣнибудь землю, завести свой домъ, садъ, свой заборъ, своихъ куръ, свою корову. И будь все это даже въ самомъ микроскопическомъ размѣрѣ, все равно — буржуа въ самомъ дѣтскомъ, въ самомъ трогательномъ восторгѣ: «mon arbre, mon mur», твердитъ онъ себѣ и всѣмъ, кого зазоветъ къ себѣ, поминутно и затѣмъ не перестаетъ уже повторять себѣ это всю свою жизнь. Вотъ тутъ и слаще всего se rouler dans l'herbe. Чтобъ исполнить эту обязанность, онъ заводитъ себѣ непремѣнно лужокъ передъ домомъ. Кто-то разсказывалъ, что у одного буржуа никакъ не выростала трава на мѣстѣ, опредѣленномъ для лужайки. Онъ ростилъ, поливалъ, накладывалъ срѣзанный въ другомъ мѣстѣ газонъ, — ничего на пескѣ не выходило и не принималось. Такое ужъ мѣсто случилось передъ домомъ. Тогда онъ будто бы купилъ себѣ дѣланный газонъ; нарочно ѣздилъ за этимъ въ Парижъ, заказалъ себѣ тамъ кружокъ травки величиною въ сажень въ діаметрѣ и разстилалъ этотъ коверчикъ съ длинной травой каждые послѣобѣда, чтобъ хоть обмануть себя да утолить свою законную потребность и поваляться въ травѣ. Отъ буржуа въ первыя минуты упоенія своей благопріобрѣтенной собственностью, пожалуй, это и станется, такъ что нравственно тутъ ничего нѣтъ невѣроятнаго.

Но два слова и о Гюставѣ. Гюставъ, конечно, то же самое, что и буржуа, то есть приказчикъ, купецъ, чиновникъ, homme de lettres, офицеръ. Гюставъ — это не женатый, но тотъ же самый брибри. Но не въ томъ дѣло, а въ томъ, во что

рядится и драпируется теперь Гюставъ, чѣмъ онъ теперь смотритъ, какія на немъ теперь перья. Идеалъ Гюстава измѣняется сообразно эпохамъ и всегда отражается на театрѣ въ томъ видѣ, въ которомъ носится въ обществѣ. Буржуа особенно любитъ водевиль, но еще болѣе любитъ мелодраму. Скромный и веселый водевиль, — единственное произведеніе искусства, которое почти не пересадимо ни на какую другую почву, а можетъ жить только въ мѣстѣ своего зарожденія, въ Парижѣ, — водевиль, хоть и прельщаетъ буржуа, но не удовлетворяетъ его вполнѣ. Буржуа все-таки считаетъ его за пустяки. Ему надо высокаго, надо неизъяснимаго благородства, надо чувствительности, а мелодрама все это въ себѣ заключаетъ. Безъ мелодрамы парижанинъ прожить не можетъ. Мелодрама не умретъ, покамѣстъ живъ буржуа. Любопытно, что даже самый водевиль теперь перерождается. Онъ хоть и все еще веселъ и уморительно смѣшонъ попрежнему, но теперь уже сильно начинаетъ примѣшиваться къ нему другой элементъ — нравоученіе. Буржуа чрезвычайно любитъ и считаетъ теперь священнѣйшимъ и необходимѣйшимъ дѣломъ читать при всякомъ удобномъ случаѣ себѣ и своей мабишь наставленія. Къ тому же буржуа теперь властвуетъ неограниченно; онъ сила, а сочинителишки водевилей и мелодрамъ всегда лакеи и всегда льстятъ силѣ. Вотъ почему буржуа теперь торжествуетъ, даже выставленный въ смѣшномъ видѣ, и подъ конецъ ему всегда докладываютъ, что все обстоитъ благополучно. Надо думать, что подобные доклады серьезно успокаиваютъ буржуа. У всякаго малодушнаго человѣка, не совсѣмъ увѣреннаго въ

успѣхѣ своего дѣла, является мучительная потребность разувѣрять себя, ободрять себя, успокоивать. Онъ даже начинаетъ вѣрить въ благопріятныя примѣты. Такъ точно и тутъ. Въ мелодрамѣ же предлагаются высокія черты и высокіе уроки. Тутъ ужъ не юморъ; тутъ уже патетическое торжество всего того, что такъ любитъ брибри и что ему нравится. Нравится ему болѣе всего политическое спокойствіе и право копить себѣ деньги съ цѣлью устроить поспокойнѣе нѣдра. Въ этомъ характерѣ пишутся теперь и мелодрамы. Въ этомъ же характерѣ является теперь и Гюставъ. По Гюставу всегда можно провѣрить все то, что въ данную минуту брибри считаетъ идеаломъ неизъяснимаго благородства. Прежде, давно уже, Гюставъ являлся какимъ-то поэтомъ, художникомъ, непризнаннымъ геніемъ, загнаннымъ, замученнымъ гоненіями и несправедливостями. Онъ боролся похвально, и кончалось всегда такъ, что виконтесса, втайнѣ по немъ страдающая, но къ которой онъ презрительно равнодушенъ, соединяла его съ своей воспитанницей Сесиль, не имѣвшей ни копейки, но у которой вдругъ оказывались безчисленныя деньги. Гюставъ обыкновенно бунтовался и отказывался отъ денегъ. Но вотъ на выставкѣ произведеніе его увѣнчалось успѣхомъ. Въ квартиру его тотчасъ же врываются три смѣшные милорда и предлагаютъ ему по сто тысячъ франковъ за будущую картину. Гюставъ презрительно смѣется надъ ними и въ горькомъ отчаяніи объявляетъ, что всѣ люди подлецы, недостойные его кисти, что онъ не понесетъ искусства, святаго искусства, на профанацію пигмеямъ, до сихъ поръ не замѣтившимъ какъ

онъ великъ. Но врывается виконтесса и объявляетъ, что Сесиль умираетъ отъ любви къ нему и что поэтому слѣдуетъ писать картины. Тутъ-то Гюставъ догадывается, что виконтесса, прежній врагъ его, черезъ которую ни одно изъ произведеній его до сихъ поръ не попадало на выставку, втайнѣ его любитъ; что она мстила ему изъ ревности. Разумѣется, Гюставъ немедленно беретъ отъ трехъ милордовъ деньги, обругавъ ихъ въ другой разъ, чѣмъ они остаются очень довольны, потомъ бѣжитъ къ Сесиль, соглашается взять ея милліонъ, прощаетъ виконтессу, которая уѣзжаетъ въ свое помѣстье, и, совокупившись законнымъ бракомъ, начинаетъ заводить дѣтей, фланелевую фуфайку, bonnet de coton и прогуливаться съ мабишью по вечерамъ возлѣ благодѣтельныхъ фонтанчиковъ, которые тихимъ плескомъ своихъ струй, разумѣется, напоминаютъ ему о постоянствѣ, прочности и тишинѣ его земного счастья.

Иногда случается, что Гюставъ не приказчикъ, а какой-нибудь загнанный, забитый сирота, но въ душѣ полный самаго неизъяснимаго благородства. Вдругъ оказывается, что онъ вовсе не сирота, а законный сынъ Ротшильда. Получаются милліоны. Но Гюставъ гордо и презрительно отвергаетъ милліоны. Зачѣмъ? Ужъ такъ нужно для краснорѣчія. Но вотъ врывается мадамъ Бопре, банкирша, влюбленная въ него и у мужа которой онъ находится въ услуженіи. Она объявляетъ, что Сесиль сейчасъ умретъ отъ любви къ нему и чтобъ онъ шелъ ее спасать. Гюставъ догадывается, что мадамъ Бопре въ него влюблена, подбираетъ милліоны и, обругавъ всѣхъ самыми скверными словами за то, что во всемъ родѣ человѣче-

скомъ нѣтъ такого же незъяснимаго благородства, какъ въ немъ, идетъ къ Сесиль и совокупляется съ нею. Банкирша ѣдетъ въ свое помѣстье, Бопре торжествуетъ, ибо жена, бывшая на краю гибели, все еще остается чистою и непорочною, а Гюставъ заводитъ дѣтей и по вечерамъ ходитъ гулять около благодѣтельныхъ фонтанчиковъ, которые плесками струй напоминаютъ ему и т. д., и т. д.

Теперь неизъяснимое благородство чаще всего изображается или въ военномъ офицерѣ, или въ военномъ инженерѣ, или что-нибудь въ этомъ родѣ, только чаще всего въ военномъ и непремѣнно съ ленточкой Почетнаго легіона, «купленной своею кровью». Кстати, эта ленточка ужасна. Носитель до того ею чванится, что съ нимъ нельзя почти встрѣтиться, нельзя съ нимъ ни ѣхать въ вагонѣ, ни сидѣть въ театрѣ, ни встрѣчаться въ ресторанѣ. Онъ только что не плюетъ на васъ, онъ куражится надъ вами безстыдно, онъ пыхтитъ, задыхается отъ куражу, такъ что васъ, наконецъ, начинаетъ тошнить, у васъ разливается желчь, и вы принуждены посылать за докторомъ. Но французы это очень любятъ. Замѣчательно еще, что въ театрѣ слишкомъ особенное вниманіе обращается теперь и на мосье Бопре, по крайней мѣрѣ, болѣе гораздо, чѣмъ прежде. Бопре, разумѣется, накопилъ много денегъ и завелъ очень много вещей. Онъ прямъ, простъ, немного смѣшенъ своими буржуазными привычками и тѣмъ, что онъ мужъ; но онъ добръ, честенъ, великодушенъ и неизъяснимо благороденъ въ томъ актѣ, въ которомъ онъ долженъ страдать отъ подозрѣнія, что мабишь ему не вѣрна. Но все-таки онъ великодушно рѣшается простить ее. Оказы-

вается, разумѣется, что она чиста, какъ голубь, что она только пошалила, увлеклась Гюставомъ, и что брибри, раздавливающій ее своимъ великодушіемъ, ей дороже всего. Сесиль, разумѣется, попрежнему безъ гроша, но только въ первомъ актѣ; впослѣдствіи же у ней оказывается милліонъ. Гюставъ гордъ и презрительно благороденъ, какъ и всегда, только куражу больше, потому что военная косточка. У него всего дороже на свѣтѣ его крестъ, купленный кровью, и «l'épée de mon père». Объ этой шпагѣ своего отца онъ говоритъ поминутно, некстати, всюду; вы даже не понимаете въ чемъ дѣло; онъ ругается, плюется, но всѣ ему кланяются, а зрители плачутъ и апплодируютъ (плачутъ, буквально). Разумѣется, у него ни гроша, это sine qua non. Мадамъ Бопре, разумѣется, влюблена въ него, Сесиль тоже, но онъ не подозрѣваетъ любви Сесили. Сесиль кряхтитъ отъ любви въ продолженіе пяти актовъ. Идетъ, наконецъ, снѣгъ или что-нибудь въ этомъ родѣ. Сесиль хочетъ броситься въ окно. Но подъ окошкомъ раздаются два выстрѣла, всѣ сбѣгаются: Гюставъ, блѣдный, съ подвязанной рукой, медленно входитъ на сцену. Ленточка, купленная кровью, сверкаетъ на его сюртукѣ. Клеветникъ и обольститель Сесили наказанъ. Гюставъ забываетъ, наконецъ, что Сесиль его любитъ и что все это штуки мадамъ Бопре. Но мадамъ Бопре блѣдная, испуганная, и Гюставъ догадывается, что она его любитъ. Но раздается опять выстрѣлъ. Это Бопре, убивающій себя въ отчаяніи. Мадамъ Бопре вскрикиваетъ, бросается къ дверямъ, но является самъ Бопре и несетъ убитую лисицу, или что-нибудь въ этомъ родѣ. Урокъ данъ; мабишь его ни-

когда не забудетъ. Она льнетъ къ брибри, который все прощаетъ. Но вдругъ является у Сесиль милліонъ, и Гюставъ опять бунтуется. Онъ не хочетъ жениться. Гюставъ ломается, Гюставъ ругается скверными словами. Надо непремѣнно, чтобъ Гюставъ ругался скверными словами и плевалъ на милліонъ, иначе буржуа не проститъ ему; неизъяснимаго благородства мало, пожалуйста, не думайте, чтобъ буржуа противорѣчилъ себѣ. Не безпокойтесь: милліонъ не минуетъ счастливую чету, онъ неизбѣженъ и подъ конецъ всегда является въ видѣ награды за добродѣтель. Буржуа себѣ не измѣнитъ. Гюставъ беретъ подъ конецъ милліонъ, Сесиль, и затѣмъ начинаются неизбѣжные фонтанчики, котоновые колпаки, плескъ струй и проч., и проч. Такимъ образомъ, и чувствительности выходитъ много, и неизъяснимаго благородства съ три короба, и Бопре, торжествующій и раздавившій всѣхъ своими семейными добродѣтелями, и, главное, главное милліонъ, въ видѣ фатума, въ видѣ закона природы, которому вся честь, слава и поклоненіе, и т. д., и т. д. Брибри и мабишь выходятъ изъ театра совершенно довольные, успокоенные и утѣшенные. Гюставъ ихъ сопровождаетъ и, подсаживая чужую мабишь въ фіакръ, потихоньку цѣлуетъ у нея ручку . . . Все идетъ какъ слѣдуетъ.

PG
3325
A1
1911
t.4

Dostoevskiĭ, Fedor Mikhaĭlovich
Polnoe sobranie sochinenii

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY